

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

**ПСИХОЛОГИЯ
и
ПСИХОТЕХНИКА**

научно-практический журнал

*www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com*

*AURORA Group s.r.o.
nota bene*

Выходные данные

Номер подписан в печать: 03-04-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Спиррова Эльвира Маратовна - доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук, Главный научный сотрудник, руководитель сектора истории антропологических учений, руководитель Научно-образовательного центра, 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, 12, с.1, оф. 322, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2454-0722

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 03-04-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Spirova El'vira Maratovna - doktor filosofskikh nauk, Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe uchrezhdenie nauki Institut filosofii Rossiiskoi akademii nauk, Glavnyi nauchnyi sotrudnik, rukovoditel' sektora istorii antropologicheskikh uchenii, rukovoditel' Nauchno-obrazovatel'nogo tsentra, 109240, Rossiya, g. Moskva, ul. Goncharnaya, 12, s.1, of. 322, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2454-0722

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Харитонов Александр Николаевич — кандидат психологических наук, доцент, президент Русского психоаналитического общества.
119002, Россия, Москва, ул. Арбат, 25-2.

Богоявленская Диана Борисовна — доктор психологических наук, профессор, почётный работник Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, зав. лабораторией Психологического института Российской академии образования. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 9, строение 4.

Леонтьев Дмитрий Алексеевич — доктор психологических наук, профессор, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, строение 9.

Розенова Марина Ивановна — доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры Научных основ экстремальной психологии Факультета "Экстремальная психология" Московского государственного психолого-педагогического университета (МГППУ)

Россохин Андрей Владимирович — доктор психологических наук, старший научный сотрудник факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, строение 9.

Белинская Елена Павловна - доктор психологических наук, профессор, кафедра социальной психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова .

Пазухина Светлана Вячеславовна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого", 300026, г. Тула, проспект Ленина, 125pazuhina@mail.ru

Борзова Татьяна Владимировна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тихookeанский государственный университет», профессор кафедры психологии. 680000, Россия, Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68, borzova_tatiana@mail.ru

Куликов Леонид Васильевич - доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии. Санкт-Петербургский госуниверситет, 3. 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова 6, СПбГУ факультет психологии leon-piter@mail.ru

Шаповалов Владимир Иванович — доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, доцент профессор кафедры экономики и управления Сочинского государственного университета, первый проректор Института непрерывного профессионального образования.

Алексашкина Людмила Николаевна — доктор педагогических наук ведущий научный сотрудник Центра социально-гуманитарных дисциплин Института стратегии развития образования Российской академии образования.

Поляков Виктор Павлович – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психолого-педагогического и учебно-методического обеспечения развития информатизации образования Центра информатизации образования Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Институт управления

образованием Российской академии образования», 105062, г. Москва, ул. Макаренко, д. 5/16, стр. 1Б, polvikpal@mail.ru

Гогиберидзе Георгий Меджидович — доктор педагогических наук, профессор профессор кафедры социологии и политологии Московского городского педагогического университета.

Аринушкина Анна Александровна — доктор педагогических наук, ФГБНУ ИУО РАО. Центр информатизации образования федерального государственного бюджетного научного учреждения «Институт управления образованием Российской академии образования», главный научный сотрудник, 105062, г. Москва, ул. Макаренко, д. 5/16, anna.arin@mail.ru

Дорофеев Андрей Викторович — доктор педагогических наук, кандидат физико-математических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы", кафедра педагогики и психологии профессионального образования, 450000, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, За

Филатов Олег Константинович — доктор педагогических наук, профессор.

Гельман Виктор Яковлевич — доктор технических наук, профессор, профессор кафедры медицинской информатики и физики ФГБОУ ВО «Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И.Мечникова», 191015, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Кирочная, д.41, gelm@sg2104.spb.edu

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. 111395, Россия, Москва, ул. Юности, 5/1.

Берд Роберт (Bird Robert) — доктор философии, профессор Чикагского университета (США). 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Института философии Российской академии наук. 119991, Россия, Москва, ул. Гончарная, 10

Луков Валерий Андреевич — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра теории и истории культуры Института фундаментальных и прикладных исследований, профессор Московского гуманитарного университета. 111395, Россия, Москва, ул. Юности, 5/1.

Намли Елена (Namlı Elena) — доктор этики, профессор Упсальского университета (Швеция). Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный сотрудник Института философии Российской академии наук, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество». 119991, Россия, Москва, ул. Гончарная, 10.

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук,

главный редактор журналов «Философская мысль», "Психология и психотехника". 119991, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, 10.

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Шестопал Елена Борисовна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической социологии и психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии педагогического образования

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Артемьева Ольга Аркадьевна - доктор психологических наук, ФГБОУ ВО "Иркутский государственный университет", профессор, руководитель лаборатории методологии и истории психологии, 664025, Россия, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, каб. 205, oaartemeva@yandex.ru

Баксанский Олег Евгеньевич - доктор философских наук, Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН, вns, профессор, 107014, Россия, г. Москва, ул. 2 Сокольническая, 1, кв. 28, obucks@mail.ru

Галяшина Елена Игоревна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Директор Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9, каб. 721, eigaljashina@msal.ru

Енгалычев Вали Фатехович - доктор психологических наук, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Руководитель Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики , 248002, Россия, Калужский область, г. Калуга, ул. Лесная, 59, valiyen@gmail.com

Каширский Дмитрий Валерьевич - доктор психологических наук, ФГБОУ ВО "Российский государственный социальный университет", профессор факультета психологии, 129226, Россия, г. г Москва, ул. В. Пика, 4, оф. стр. 1, psymath@mail.ru

Краснянская Татьяна Максимовна - доктор психологических наук, АНО ВО "Московский гуманитарный университет", профессор кафедры общей, социальной психологии и истории психологии, 107207, Россия, столичный, г. Москва, ул. Уральская, д.6, к.5, кв. 34, ktm8@yandex.ru

Леньков Сергей Леонидович - доктор психологических наук, ФГБУ "Российская академия

образования", главный аналитик , 170008, Россия, Тверская область, г. Тверь, ул. Слизкова, 27, кв. кв. 77, new_psy@mail.ru

Неволина Виктория Васильевна - доктор педагогических наук, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный медицинский университет", Профессор, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный университет", Профессор, 460040, Россия, г. Оренбург, Мира, 8А, кв. 10, nevolina-v@yandex.ru

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Ростовцева Марина Викторовна - доктор философских наук, ФГАОУ ВО "Сибирский федеральный университет", заведующая кафедрой, 660062, Россия, г. Красноярск, ул. Вильского, 18а, marin-0880@mail.ru

Рубцова Надежда Евгеньевна - доктор психологических наук, АНО ВО "Российский новый университет", профессор кафедры общей психологии и психологии труда, 170008, Россия, Тверская область, г. Тверь, ул. Слизкова, дом 27, корпус 1, кв. кв. 77, hope432810@yandex.ru

Толстолукский Владимир Юрьевич – доктор медицинских наук, профессор, Нижний Новгород, ННГУ, юридический факультет, кафедра уголовного права и процесса, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, tolvlad@yandex.ru

Шевелёва Светлана Анатольевна - доктор медицинских наук, заведующий лабораторией, ФГБУН «ФИЦ питания и биотехнологии», 109240, Россия, Москва, Устьинский проезд, 2/14 Sheveleva@ion.ru

Council of editors

Kharitonov Alexander Nikolaevich — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, President of the Russian Psychoanalytic Society. Arbat str., 25-2, Moscow, 119002, Russia.

Bogoyavlenskaya Diana Borisovna — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honorary Worker of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Head. laboratory of the Psychological Institute of the Russian Academy of Education. 125009, Russia, Moscow, Mokhovaya str., 9, building 4.

Leontiev Dmitry Alekseevich — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya str., building 9, Moscow, 125009, Russia.

Rozenova Marina Ivanovna — Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology of the Faculty of Extreme Psychology of the Moscow State Psychological and Pedagogical University (MGPPU)

Rossokhin Andrey Vladimirovich — Doctor of Psychological Sciences, Senior Researcher at the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya str., building 9, Moscow, 125009, Russia.

Belinskaya Elena Pavlovna - Doctor of Psychological Sciences, Professor, Department of Social Psychology, Lomonosov Moscow State University.

Svetlana V. Pazukhina – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tolstoy Tula State Pedagogical University", 300026, Tula, Lenin Avenue, 125pazuhina@mail.ru

Borzova Tatiana Vladimirovna – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Pacific State University", Professor of the Department of Psychology. 680000, Russia, Khabarovsk, Karl Marx str., 68, borzova_tatiana@mail.ru

Leonid V. Kulikov - Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of Social Psychology. St. Petersburg State University, 3. 199034, St. Petersburg, nab. Makarova 6, St. Petersburg State University Faculty of Psychology leon-piter@mail.ru

Shapovalov Vladimir Ivanovich — Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Economics and Management of Sochi State University, First Vice-Rector of the Institute of Continuing Professional Education.

Aleksashkina Lyudmila Nikolaevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Leading researcher at the Center for Social and Humanitarian Disciplines of the Institute of Educational Development Strategy of the Russian Academy of Education.

Polyakov Viktor Pavlovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Chief researcher of the Laboratory of Psychological, Pedagogical and Educational methodological support for the development of Informatization of Education of the Center for Informatization of Education of the Federal State Budgetary Scientific Institution "Institute of Education Management of the Russian Academy of Education", 105062, Moscow, Makarenko str., 5/16, p. 1B, polvikpal@mail.ru

Gogiberidze Georgy Medzhidovich — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor Professor of the Department of Sociology and Political Science of the Moscow City Pedagogical University.

Arinushkina Anna Aleksandrovna — Doctor of Pedagogical Sciences, FGBNU IUO RAO. Center for Informatization of Education of the Federal State Budgetary Scientific Institution "Institute of Education Management of the Russian Academy of Education", Chief Researcher, 5/16 Makarenko str., Moscow, 105062, anna.arin@mail.ru

Doroфеев Andrey Viktorovich — Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla", Department of Pedagogy and Psychology of Vocational Education, 450000, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Oktyabrskaya revolutsii str., 3a

Filatov Oleg Konstantinovich — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor.

Gelman Viktor Yakovlevich — Doctor of Technical Sciences, Professor, Professor of the Department of Medical Informatics and Physics of the I.I.Mechnikov Northwestern State Medical University, 41 Kirochnaya str., Saint Petersburg, 191015, Russia, gelm@sg2104.spb.edu

Ilyinsky Igor Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Rector of the Moscow University for the Humanities. 5/1 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.

Bird Robert — PhD, Professor at the University of Chicago (USA). 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Lector Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 10 Goncharnaya str., Moscow, 119991, Russia

Valery A. Lukov — Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Director of the Center for Theory and History of Culture of the Institute of Fundamental and Applied Research, Professor of the Moscow Humanitarian University. 5/1 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.

Namli Elena — Doctor of Ethics, Professor at Uppsala University (Sweden). Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Employee of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, chief editor of the journal "Personality. Culture. Society". 10 Goncharnaya str., Moscow, 119991, Russia.

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Department of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journals "Philosophical Thought", "Psychology and Psychotechnics". 10 Goncharnaya str., Moscow, 119991, Russia.

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstatt (Germany). VdRSSD e.V. –

Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Elena Borisovna Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Political Sociology and Psychology of Lomonosov Moscow State University. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Berezantsev Andrey Yuryevich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Artemyeva Olga Arkadyevna - Doctor of Psychological Sciences, Irkutsk State University, Professor, Head of the Laboratory of Methodology and History of Psychology, 664025, Russia, Irkutsk, Chkalova str., 2, room 205, oaartemeva@yandex.ru

Baksansky Oleg Evgenievich - Doctor of Philosophy, Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences, VNS, Professor, 107014, Russia, Moscow, 2 Sokolnicheskaya str., 1, sq. 28, obucks@mail.ru

Elena Igorevna Galyashina - Doctor of Law, O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Director of the Center for Legal Expertise in Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism, 9 Sadovaya-Kudriskaya Str., office 721, Moscow, 123995, Russia, eigaljashina@msal.ru

Engalychev Vali Fatekhovich - Doctor of Psychological Sciences, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Head of the Research Center for Forensic Examination and Criminalistics, 59 Lesnaya str., Kaluga, 248002, Kaluga Region, Russia, valiyen@gmail.com

Kashirsky Dmitry Valeryevich - Doctor of Psychological Sciences, Russian State Social University, Professor of the Faculty of Psychology, 129226, Russia, Moscow, V. Pika str., 4, of. p. 1, psymath@mail.ru

Krasnianskaya Tatiana Maksimovna - Doctor of Psychological Sciences, ANO VO "Moscow Humanitarian University", Professor of the Department of General, Social Psychology and History of Psychology, 107207, Russia, Stolichny, Moscow, Uralskaya str., 6, room 5, sq. 34, ktm8@yandex.ru

Sergey Leonidovich Lenkov - Doctor of Psychological Sciences, FSBI "Russian Academy of Education", Chief Analyst, 170008, Russia, Tver region, Tver, Sklizkova str., 27, sq. sq. 77, new_psy@mail.ru

Nevolina Victoria Vasilyevna - Doctor of Pedagogical Sciences, Orenburg State Medical University, Professor, Orenburg State University, Professor, 460040, Russia, Orenburg, Mira, 8A, sq. 10, nevolina-v@yandex.ru

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 liniya, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Rostovtseva Marina Viktorovna - Doctor of Philosophy, Siberian Federal University, Head of the Department, 18a Vilskogo str., Krasnoyarsk, 660062, Russia, marin-0880@mail.ru

Rubtsova Nadezhda Evgenievna - Doctor of Psychological Sciences, ANO VO "Russian New University", Professor of the Department of General Psychology and Labor Psychology, 170008, Russia, Tver region, Tver, ul. Sklizkova, house 27, building 1, sq. sq. 77, hope432810@yandex.ru

Tolstolutsky Vladimir Yuryevich – Doctor of Medical Sciences, Professor, Nizhny Novgorod, UNN, Faculty of Law, Department of Criminal Law and Procedure, 603950, Nizhny Novgorod, Gagarin Ave., 23, tolvlad@yandex.ru

Sheveleva Svetlana Anatolyevna - Doctor of Medical Sciences, Head of the laboratory, FGBUN "FITZ nutrition and Biotechnology", 109240, Russia, Moscow, Ustinsky passage, 2/14 Sheveleva@ion.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из докторских диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

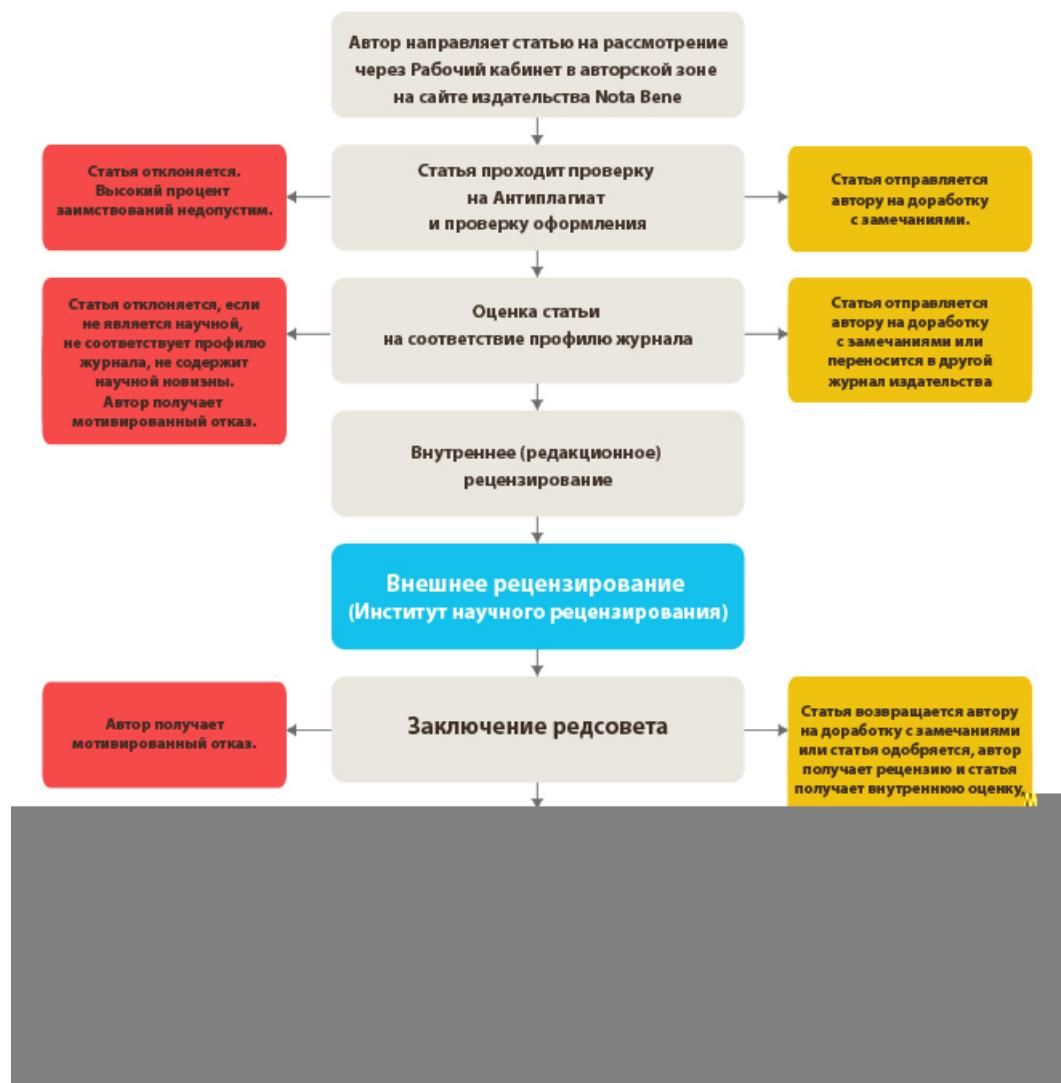
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Боровиков А.В. Копинг-поведение и депрессия у пациентов с аффективными расстройствами: систематический обзор литературы	1
Васильева Г.Н. Тренинг как технология коррекции эмоциональных и когнитивных нарушений у ВИЧ-инфицированных пациентов. Оценка эффективности	47
Павлова К.Н. Реализация модели формирования позитивной гражданской идентичности и традиционных ценностей студентов	70
Комиссарова О.А., Милованова О.А. Особенности переживания тревожности и одиночества как предикторы употребления ПАВ у подростков (на материале анкетирования зависимых 12-18 лет)	85
Камалова О.М. Влияние условий труда на формирование мотивационно-смысовых и ценностных отношений личности в профессиональной деятельности	97
Суркова К.Л., Зверева Н.В. Развитие высших психических функций у детей, рожденных с помощью интрацитоплазматической инъекции сперматозоида, по сравнению с экстракорпоральным оплодотворением	115
Головинов Е.И., Гостев А.А. Эмоционально-чувственное восприятие как основа формирования вторичного образа	132
Печерский Ю.И. Профессиональное мировоззрение курсантов образовательных организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации: концепция, сущность и структура	146
Шумейко Е., Родионова Е.А. Адаптация русскоязычной версии опросника «The Recovery Experience Questionnaire» С. Зоннентаг	160
Алимова А.О., Главатских М.М., Шиловская Н.В., Цверков С.П., Земляков И.Ю., Благоразумова М.Г. Психофизиологические корреляты стресс-реакции в процессе нейрофеноменологического интервью подростков с хроническими заболеваниями	172
Ганиева А.М. Различия в степени выраженности дивергентного мышления и культурной конгруэнтности в разных стадиях подросткового возраста	186
Золотарев К.И., Боревич Е.В., Никитина Т.А., Янчус В.Э. Исследование влияния элементов графического интерфейса на считывание зрительной информации	199
Англоязычные метаданные	215

Contents

Borovikov A.V. Coping behavior and depression of patients with affective disorders: a systematic review of the literature	1
Vasileva G.N. Training as a technology for correcting emotional and cognitive impairments of HIV-infected patients. Evaluation of effectiveness	47
Pavlova K.N. Implementation of the model of positive civic identity and traditional values of students	70
Komissarova O.A., Milovanova O.A. Features of anxiety and loneliness as predictors of narcotics use by adolescents (based on a survey of addicts aged 12-18)	85
Kamalova O.M. The impact of working conditions on the formation of motivational, meaningful, and value relations of an individual in professional activity	97
Surkova K.L., Zvereva N.V. The development of higher mental functions of children born with intracytoplasmic sperm injection, compared with in vitro fertilization	115
Golovinov E.I., Gostev A.A. Emotional and sensory perception as the basis for the formation of a secondary image	132
Pecherskiy Y.I. Professional worldview of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: concept, essence and structure	146
Shumeiko E., Rodionova E.A. Adaptation of the Russian-language version of the questionnaire "The Recovery Experience Questionnaire" by S. Sonnentag	160
Alimova A.O., Glavatskikh M.M., Shilovskaya N.V., Tsverkov S.P., Zemlyakov I.Y., Blagorazumova M.G. Psychophysiological correlates of the stress reaction in the process of neurophenomenological interviewing of adolescents with chronic illnesses.	172
Ganieva A.M. Differences in divergent thinking and cultural congruence depending on the stage of adolescence	186
Zolotarev K.I., Borevich E.V., Nikitina T.A., Yanchus V.E. Investigation of the influence of graphical interface elements on the reading of visual information	199
Metadata in english	215

Психология и Психотехника

Правильная ссылка на статью:

Боровиков А.В. Копинг-поведение и депрессия у пациентов с аффективными расстройствами: систематический обзор литературы // Психология и Психотехника. 2025. № 1. С.1-46. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.1.73074 EDN: ZMKYVQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73074

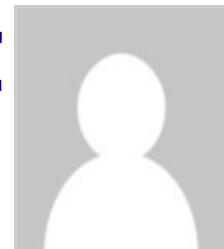
Копинг-поведение и депрессия у пациентов с аффективными расстройствами: систематический обзор литературы

Боровиков Андрей Владиславович

независимый исследователь, студент, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, 6

✉ alohaman1999@gmail.com

[Статья из рубрики "В ПОТОКЕ КНИГ"](#)

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.1.73074

EDN:

ZMKYVQ

Дата направления статьи в редакцию:

14-01-2025

Дата публикации:

21-01-2025

Аннотация: Человек ежедневно сталкивается с различными психосоциальными стрессорами, которые являются важными факторами развития и поддержания депрессии. Однако у большинства людей, подверженных влиянию стресса, депрессия не развивается, что частично обусловлено действием адаптационных механизмов. В частности, к этим механизмам относится копинг-поведение. С момента последнего обзора, затрагивающего проблему копинга и депрессии у пациентов с аффективными расстройствами, прошло почти 20 лет, и за этот период было проведено множество исследований в области копинга и депрессии. В связи с этим возникает необходимость в обновлении и систематизации научных данных для более глубокого понимания особенностей депрессивного состояния у пациентов с аффективными расстройствами.

Цель исследования — выявить и обобщить существующие научные данные об особенностях копинг-поведения у пациентов с депрессией в рамках аффективных расстройств. Для достижения поставленной цели был проведен систематический обзор литературы. В обзоре использовались две поисковые стратегии: систематический электронный поиск в базах данных (PubMed, Google Scholar и eLibrary.Ru) и ручной поиск статей. Обнаружено 42 статьи: 27 публикаций с кросс-секционным дизайном и 15 работ с лонгитюдным дизайном. Выявлено, что симптомы депрессии негативно связаны с проблемно-ориентированным совладанием и эмоционально-ориентированным копингом, направленным на вовлечение в ситуацию стресса. Избегающий копинг прямо связан с симптомами депрессии и предсказывает ее развитие. Выявлено лишь одно исследование, где копинг рассматривался как фактор риска развития депрессии у здоровых людей. Результаты двух исследований показали, что копинг опосредует взаимосвязь между жестоким обращением в детстве и депрессией. Выявлено, что профиль совладания у пациентов с аффективными расстройствами имеет отличия от профиля здоровых людей: преобладание избегающих стратегий совладания и низкая выраженность проблемно-ориентированного копинга. Обнаружен дефицит исследований, сравнивающих различные клинические группы по репертуару совладания. Помимо этого, рассмотрена гендерная специфика совладания и взаимосвязь копинга с возрастными характеристиками. Отмечено, что исследователи используют разные методики оценки копинга, что затрудняет анализ, обобщение и сравнение данных. Также не выявлено исследований, посвященных изучению взаимодействия копинг-стратегий и личностных особенностей.

Ключевые слова:

аффективные расстройства, расстройства настроения, депрессия, симптомы депрессии, депрессивные симптомы, депрессивное расстройство, униполярная депрессия, копинг, копинг-стратегии, копинг-поведение

Введение

Современный человек ежедневно сталкивается с различными психосоциальными стрессорами, которые, как известно, являются важными этиопатогенетическими факторами в развитии депрессий. Ряд исследований свидетельствует о том, что различные типы стрессоров — критические жизненные события, повседневные сложности и хронический стресс — являются предикторами развития депрессивного состояния [37, 39, 40] и связаны с клиническими характеристиками депрессии [30, 31, 52]. Однако у большинства людей, подверженных влиянию стресса, психические расстройства, включая депрессию, не развиваются. Предполагается, что этому способствуют адаптационные механизмы, обеспечивающие процесс приспособления к изменяющимся условиям существования на биологическом, психологическом и социальном уровнях. В частности, к этим механизмам относится копинг-поведение (совладание) как способ регуляции адаптационных ресурсов, а также их организации в структуре адаптационного ответа [7].

Существует множество определений копинга, что обусловлено разнообразием подходов и направлений в его исследовании. Например, копинг — это использование когнитивных и поведенческих стратегий для управления требованиями ситуации, которые оцениваются как обременительные или превышающие возможности человека. Копинг

направлен на снижение негативных эмоций и конфликтов, вызванных стрессом [\[70\]](#).

Копинг-поведение представляет собой широкое понятие, поэтому существует множество классификаций, описывающих различные виды и способы совладания со стрессом [\[28\]](#). Наиболее известную классификацию предложили R. Lazarus и S. Folkman. Авторы выделили два основных вида: 1) проблемно-ориентированное совладание, направленное на решение проблемы, вызывающей дистресс (например, составление плана действий); 2) эмоционально-ориентированное совладание, сосредоточенное на управлении эмоциями (например, самоконтроль и избегание) [\[43\]](#). Другой способ классификации основан на разделении копинга по принципу «вовлеченность — отстраненность» (англ. «engagement — disengagement»). Вовлеченность подразумевает активную борьбу со стрессом или эмоциями, связанными с дистрессом. Этот вид копинга включает в себя совладание, ориентированное на решение проблем, а также формы преодоления, направленные на управление эмоциями (например, принятие и когнитивное реструктурирование). Отстранённость (или избегающий копинг) предполагает избегание угрозы или связанных с ней эмоций и включает в себя такие копинги, как отрицание, избегание и принятие желаемого за действительное. Избегающий копинг, как правило, малоэффективен для снижения стресса в долгосрочной перспективе, так как не устраниет саму угрозу и её последствия [\[13\]](#).

Совладание со стрессом может оказывать влияние на здоровье, а также на развитие психических расстройств, включая депрессию [\[1, 14\]](#). Люди, страдающие депрессией, часто недооценивают контролируемость стрессоров и проявляют более пассивное поведение. Депрессию также можно рассматривать как специфическую модель совладания со стрессом [\[1\]](#).

Последний обзор, посвящённый копингу и депрессии у пациентов с аффективными расстройствами, был проведён в 2005 году. M. Christensen и L. Kessing включили в свою работу 11 кросс-секционных и 17 лонгитюдных исследований. Авторы обнаружили, что только в четырех работах результаты указывают на роль эмоционально-ориентированного совладания и/или избегающего копинга в риске развития аффективных расстройств. Большинство исследований, включённых в обзор, указывают, что эмоционально-ориентированные и избегающие стратегии совладания связаны с выраженной депрессии и рецидивами депрессивных эпизодов. Кроме того, M. Christensen и L. Kessing отмечают, что проблемно-ориентированные стратегии, по-видимому, ассоциируются с позитивным исходом. Однако результаты лонгитюдных исследований, включенных в обзор, не предоставляют последовательных доказательств, подтверждающих этот вывод [\[17\]](#).

С момента последнего обзора, затрагивавшего проблему копинга и депрессии у пациентов с аффективными расстройствами, прошло почти 20 лет, и за этот период было проведено множество новых исследований. В связи с этим возникает необходимость в обновлении и систематизации научных данных для более глубокого понимания особенностей депрессивного состояния у пациентов с аффективными расстройствами. Цель исследования — выявить и обобщить существующие научные данные об особенностях копинг-поведения у пациентов с депрессией в рамках аффективных расстройств.

Основные задачи исследования:

1. Определить характер взаимосвязей между симптомами депрессии и видами/способами

совладания.

2. Определить, какие виды и способы копинга предсказывают развитие депрессии в рамках аффективных расстройств.

3. Определить особенности репертуара совладающего поведения у пациентов с депрессией по сравнению с психически здоровыми лицами и пациентами с другими психическими расстройствами.

Материалы и методы исследования

Критерии отбора

Настоящий обзор проводился на основе критериев PRISMA по написанию систематических обзоров и метаанализов [46]. Для достижения цели исследования применялся структурированный подход, включающий пять компонентов. Для обозначения этих компонентов используется акроним «PICOS»: популяция пациентов или рассматриваемые заболевания (P – Population), вмешательства или воздействия (I – Intervention), группа сравнения (C – comparator group), результат или конечная точка (O – outcome) и дизайн исследования (S – study design). Для настоящего обзора были выбраны следующие критерии:

P: Депрессия у пациентов с аффективными расстройствами (униполярные и биполярные депрессии). Кроме того, исключались работы, сосредоточенные исключительно на подростках или пожилых пациентах. Также исключались исследования, в которых депрессия изучалась в контексте хронических соматических заболеваний.

I: Исследование должно включать подробное описание диагностических процедур и методов исследования.

C: Здоровые и пациенты с психическими расстройствами.

O: Количественные и качественные характеристики копинг-поведения.

S: Описательные, обсервационные и интервенционные дизайны исследований. Исключались индивидуализированные дизайны (клинический случай и серия клинических случаев). Методы: количественные, качественные и смешанные.

В качестве дополнительных критериев включения выступали язык публикации (русский или английский) и тип публикации (полнотекстовые и доступные в открытом доступе).

Стратегии поиска и выбора исследований

Во-первых, используя конкретные ключевые слова, был проведен систематический электронный поиск в трех базах данных: PubMed, eLibrary.Ru и Google Scholar.

Описание стратегии поиска в электронной базе PubMed. Основные критерии поиска: полный текст бесплатно. Дополнительные критерии: статьи на английском; люди; возраст «19 лет и старше». Использовался конструктор расширенного поиска «Title/Abstract» с терминами из двух категорий: 1) нозология: depression, depressive symptoms, depressive disorder, major depression, affective disorders, bipolar disorder, bipolar affective disorder; 2) копинг-поведение: coping. Для сужения выдаваемых результатов использовались следующие термины: cancer, AIDS, HIV, transplant, transplantation, coronary, cardiac, hypertension, heart, postpartum, pregnancy, hemodialysis, diabetes, arthritis, migraines, insomnia, chronic pain, asthma, children, elders, elderly, older adults, teenagers,

adolescents.

Описание стратегии поиска в электронной базе Google Scholar. Использовался расширенный поиск: термины встречаются в заголовке статьи. Термины из двух категорий: 1) нозология: depressive disorder, major depression, affective disorders, bipolar disorder, bipolar affective disorder; 2) копинг-поведение: coping. Исключенные слова: cancer, AIDS, HIV, transplant, transplantation, coronary, cardiac, hypertension, heart, postpartum, pregnancy, hemodialysis, diabetes, arthritis, migraines, insomnia, chronic pain, asthma, children, elders, elderly, older, adolescents.

Описание стратегии поиска в электронной базе eLibrary.Ru. Поиск осуществлялся по названиям публикаций, аннотациям и ключевым словам. Типы публикаций, включенные в поиск: статьи в журналах, материалы конференций, диссертации. Параметры поиска: искать в публикациях с полным текстом на eLibrary.Ru; искать в публикациях, доступных пользователю. Использовались комбинации английских слов: 1) нозология: depressive disorder, major depression, affective disorders, bipolar disorder, bipolar affective disorder; 2) копинг-поведение: coping. Кроме того, использовались комбинации русских слов: 1) нозология: депрессивное расстройство, большое депрессивное расстройство, аффективные расстройства, биполярное расстройство, биполярное аффективное расстройство; 2) копинг-поведение: копинг, совладание, совладающее поведение.

Во-вторых, использовалась стратегия ручного поиска работ.

Статьи, опубликованные с 1980 по ноябрь 2024 год, были отобраны.

Кодирование результатов

Поскольку исследователи использовали различные способы оценки копинга (см. результаты — Методы психологической диагностики копинга), было проведено их перекодирование в следующие виды копинга: проблемно-ориентированный копинг, эмоционально-ориентированный копинг, направленный на отстранение от ситуации стресса (ЭОКО), и эмоционально-ориентированный копинг, направленный на вовлечение в ситуацию стресса (ЭОКВ).

Разделение эмоционально-ориентированного копинга на два вида — ЭОКО и ЭОКВ — объясняется тем, что одни стратегии эмоционально-ориентированного копинга связаны с вовлечением в ситуацию стресса, а другие направлены на избегание стресса. Проблемно-ориентированный копинг не был разделён, поскольку он рассматривается как форма вовлечения в ситуацию стресса.

В перекодировке результатов участвовал один исследователь.

Результаты

Этапы отбора публикаций:

Этап идентификации публикаций из баз данных и с помощью стратегии ручного поиска. Всего было выявлено 2129 публикаций: eLibrary.Ru ($n = 89$), Google Scholar ($n = 319$), PubMed ($n = 1660$), ручной поиск ($n = 61$). После устранения дубликатов ($n = 1751$): eLibrary.Ru ($n = 69$), Google Scholar ($n = 265$), PubMed ($n = 1356$), ручной поиск ($n = 61$).

Этап скрининга публикаций. Публикации, прошедшие скрининг по названию и аннотации: eLibrary.Ru ($n = 6$), Google Scholar ($n = 40$), PubMed ($n = 18$), ручной поиск ($n = 61$). Объединение данных и повторное устранение дубликатов: всего было выявлено 125 публикаций, после исключения дубликатов — 112.

Этап отбора публикаций. В ходе анализа были исключены публикации по следующим причинам: несоответствие исследуемой популяции ($n = 42$), текст недоступен ($n = 23$), клинический случай ($n = 1$), описываемые результаты не относятся к копингу ($n = 4$).

После применения критериев отбора, 42 работы были включены в обзор. Из них 27 исследований имели кросс-секционный дизайн (см. Таблицу 1), а 15 — лонгитюдный дизайн (см. Таблицу 2). В 8 исследованиях изучалась одна и та же популяция [10, 20, 21, 32, 34, 41, 64, 71].

Наибольшее количество работ представлено авторами из США [10, 20, 21, 32, 34, 41, 64, 67, 71]. Четыре исследования из России [2, 3, 5, 6], по три работы — из Нидерландов [11, 54, 57], Канады [47, 51, 63], Японии [58, 69, 72] и Турции [25, 29, 73]. По два исследования из Индии [16, 23], Польши [55, 56], Республики Кореи [53, 62] и Австралии [26, 27]. По одной публикации из Венгрии [65], Бельгии [48], Италии [22], Сингапура [33], Чехии и Словакии [36], Швейцарии [59], Украины [49], Румынии [19], одна работа выполнена международным коллективом [24].

Основные социально-демографические и клинические характеристики популяции.

В анализируемых исследованиях принимало участие 6816 респондентов с депрессией в рамках аффективных расстройств. В расчет включены пациенты, которые завершили исследование. Одно исследование было исключено из расчета, поскольку не были представлены данные о количестве респондентов с аффективными расстройствами [63].

Средний возраст респондентов составил 42 года. Четырнадцать исследований не были включены в расчет среднего возраста. В 7 исследованиях не описаны возрастные характеристики или возраст представлен в виде диапазона для исследуемой популяции [3, 5, 6, 16, 41, 49, 63]. В 5 исследованиях возрастные характеристики были рассчитаны для начальной популяции, часть из которой не завершила исследование [20, 21, 32, 34, 64]. В одном исследовании возраст рассчитан для контрольной и клинической группы [26], а в другом исследовании рассматривались различные возрастные группы [53].

Большинство респондентов были женского пола — 62%, соответственно 38% — мужского пола. При расчете не учитывались исследования, где гендерное распределение было представлено для начальной группы [20, 21, 32, 34, 64], или не описано соотношение мужчин и женщин [5, 57, 63], или расчет был произведен для общей выборки [26]. Распределение по клиническим группам: униполярные депрессии — 93%, биполярные расстройства — 6%, другие аффективные расстройства — 1%.

Методы психологической диагностики копинга

Во всех исследованиях использовались количественные методы оценки копинга. Наиболее частыми способами оценки были следующие методики: в 9 исследованиях использовался опросник «COPE» [19, 24, 25, 29, 47, 55, 56, 67, 73], в 6 работах применялся «The Health and Daily Living Form» [10, 20, 21, 41, 64, 71], в 6 исследованиях использовались различные варианты и модификации опросника копинг-стратегий R. Lazarus и S. Folkman [5, 6, 47, 48, 53, 65], в 5 работах использовалась краткая версия

опросника COPE [16, 23, 26, 27, 33], в 4 исследованиях — «The Coping Inventory of Stressful Situations» [51, 58, 62, 69], в 3 работах использовался опросник Механизмы копинг-поведения Э. Хайма [2, 3, 49], в 3 публикациях «Utrecht Coping List» [11, 54, 57]. В 2 исследованиях использовались «Cognitive Emotion Regulation Questionnaire» и «Responses to Positive Affect questionnaire» в качестве оценки когнитивного стиля копинга [26, 27]. В одном исследовании использовался опросник «Ruminative Responses Scale» для оценки дезадаптивного копинга [67]. В остальных исследованиях использовались методы оценки копинга, применявшиеся только в одних работах.

Кросс-секционные исследования

Результаты кросс-секционных исследований представлены в таблице 1.

Таблица 1. Результаты кросс-секционных исследований (N = 27)

Авторы, год публикации, страна	Выборка	Доля женщин	Средний возраст или возрастной диапазон	Методы оценки копинга и депрессии	Результаты
Billings A., Moos R., 1984 (США) [10]	Униполярная депрессия (n = 424)	45%.	40,7	HDLF, RDC	Решение проблем эмоциональная регуляция негативно связана с депрессией, эмоциональная разрядка прямо связана. Женщин чаще использует поиск социальной поддержки эмоциональную разрядку. У мужчин обнаружена прямая связь между поиском социальной поддержки и депрессией. Женщин обнаружена обратная связь между депрессией и эмоциональной регуляцией. Возраст отрицательно связан с эмоциональной разрядкой.
Исаева Е., Зуйкова Н., 2002 (Россия) [5]	Аффективные расстройства (n = 35), контрольная группа (n = 36)	-	От 19 до 50	МКБ-10, ВОКС	Пациенты реже используют планирование решения проблем, чаще прибегают

					конфронтации, дистанцированию избеганию.
McWilliams L. и др., 2003 (Канада) [51]	БДР (n = 298)	63,42%	42,52	DSM-4, CISS, BDI	Эмоционально-ориентированный копинг прямо связа с депрессией Проблемно-ориентированный копинг, избегание поиск социально поддержки отрицательно связаны депрессией.
Thompson R. J. и др., 2010 (США) [67]	БДР (n = 39), контрольная группа (n = 41)	100%	27,2	COPE, RRS, EAC, BDI-2, SCID-I	Депрессия негативно связана фактором «решени проблем» (активны копинг планирование) и фактором «когнитивная реструктуризация» (позитивная переоценка и рост эмоциональная обработка). Депрессия прям связана руминациями. Пациенты чащ используют руминации и реж применяют решени проблем когнитивную реструктуризацию.
Pu S. и др., 2012 (Япония) [58]	БДР (n = 26), контрольная группа (n = 30)	57,60%	47,9	DSM-4-TR, MINI, BDI, CISS, HAMD	Пациенты чащ используют эмоционально-ориентированный копинг и реж проблемно-ориентированный избегающий вид копинга. Эмоционально-ориентированный копинг

					положительно связан депрессией.
Fletcher K. и др., 2013 (Австралия) [26]	Рекуррентное БДР (n = 96), БР (n = 193)	-	-	MINI, ISS, BCOPE, RPA, RSQ, CERQ	Пациенты униполярной депрессией реже чем пациенты биполярным расстройством, используют когнитивные стратегии, направленные на эмоции, руминации, направленные на себя. Также они менее склонны прибегать к принятию риска.
Orzechowska A. и др., 2013 (Польша) [55]	БДР (n = 80): депрессивный эпизод (n = 27) и рекуррентное депрессивное расстройство (n = 53). Контрольная группа (n = 30).	60%	49,7	МКБ-10, CIDI, HAMD, COPE	Пациенты с БД чаще используют отрицание, поведенческое отстранение. Они реже используют активный копинг, планирование, поиск инструментальной социальной поддержки, подавление конкурирующей активности, позитивную переоценку и юмор. Симптомы депрессии прямо связаны с поведенческой отстраненностью, обратно с юмором. Женщины чаще, чем мужчины, сосредотачивались на эмоциях, искали эмоциональную поддержку, обращались к религии.

Антохин Е. Ю., 2013 (Россия) [2]	Аффективные расстройства (n=34)	50%	45,2	МКБ-10, SCL-90-R, МКП	Симптомы депрессии прямо связаны относительно адаптивными стратегиями эмоциональной поведенческой сферах.
Manceaux P., Zdanowicz N., 2016 (Бельгия) [48]	БДР (n = 498)	62,24%	48	BDI, ВОКС	Депрессия прям связана с бегством избеганием обратно планированием позитивной переоценкой.
Engel-Yeger B. и др., 2016 (международный коллектив) [24]	БДР (n = 157), БР 1 и БР 2 (n = 110)	68,80%	-	DSM-4-TR, MINI, COPE	Отсутствие различий между группами по репертуару копинга
Gül A. и др., 2017 (Турция) [29]	БДР (n = 100) с детским опытом травматических переживаний	50%	31	SCID-I, BDI, COPE	Мужчины чаще, чем женщины, используют проблемно- ориентированный копинг избегающий вид копинга. Сред эмпирических стратегий мужчин чаще использую юмор. Тяжесть депрессии определяет выраженность эмпирических стратегий только мужчин.
Holubova M. и др., 2017 (Чехия и Словакия) [36]	Аффективные расстройства (n = 81): депрессивный эпизод (n = 42), рекуррентное депрессивное расстройство (n = 36),	77%	-	МКБ-10, SVF-78, CGI	Объективная субъективная тяжелость депрессии прямо связаны фактором «негативный копинг» стратегией «ходьбы», обратно — фактором

	дистимия (n=3)				«позитивный копинг» стратегией «ситуативный контроль». Субъективная оценка связана избеганием, персеверациями самообвинением. Субъективная оценка обратно связана с реактивным контролем, позитивной самоинструкцией, отвлечением, отрицанием вины недооценкой. Стратегия «недооценка» прям связана с возрастом испытуемых.
Антохин Е. Ю. и др., 2017 (Россия) [3]	Дистимия (n = 69), контрольная группа (n - не описано)	92,20%	От 26 до 54	МКБ-10, SCL-90-R, МКП	Пациенты реж прибегают адаптивным и чаще к неадаптивным копингам поведенческой сфере. Реж используют адаптивные и чаще относительно адаптивные копинг в когнитивно сфере. Достоверно реже использую адаптивные копинг в эмоционально сфере и чаще прибегают неадаптивным копингам.
Tsujimoto E. и др., 2018 (Япония) [69]	БДР (n = 96), контрольная группа (n = 58)	49%	41	MINI, BDI, HAMD, CISS	Пациенты депрессией реж используют проблемно-ориентированный

					<u>чаще эмоционально ориентированный виды совладания.</u>
Лысенко А. В., 2018 (Россия) [6]	Рекуррентная депрессия (n = 32), контрольная группа (n = 35)	28,1%	От 26 до 49	ВОКС	Пациенты реж используют конfrontацию принятие ответственности. Чаще прибегают поиску социальную поддержки стратегии «бегство избегание».
N. Maruta, V. Fedchenko, 2019 (Украина) [49]	Рекуррентное депрессивное расстройство (n = 44), контрольная группа (n = 35)	79,55%	-	МКБ-10, HAMD, CGI, МКП	Пациенты чащ используют растерянность, пассивную кооперацию, отступление неадаптивный копинг.
Oh M. и др., 2019 (Республика Корея) [53]	Униполлярная депрессия (n = 191)	67,50%	От 19 до 81	DSM-4-TR, MINI, HAMD, ВОКС	Группа молоды людей (20-34 года реже используе планомерное решение проблем чем группа старшег возраста (50-6 года).
Choudhury S. и др., 2020 (Индия) [16]	БДР (n = 37), контрольная группа (n = 40)	100%	От 20 до 65	DSM-4-TR, HAMD, GHQ, BCSOPRE	Пациенты чащ используют эмоциональную поддержку, религиозный копинг самообвинение, саморазрушение, поведенческое отстранение, отрицание эмоциональную разрядку. Меньш используют активный копинг планирование, поиск инструментальной поддержки, принятие, положительную переоценку и юмор

					Пациенты с тяжелыми симптомами депрессии меньше используют активный копинг, чем пациенты с умеренными симптомами.
De Berardis D. и др., 2020 (Италия) [22]	БДР (n = 94)	53%	25	DSM-5, BRCOPPE, HAMD	Отрицательная связь между симптомами депрессии и позитивным религиозным копингом.
Suh H. и др., 2020 (Республика Корея) [62]	Унипольярная депрессия (n = 100): 63 БДР, 7 дистимия, 30 неуточненные депрессии; БР (n = 135)	53,00%	33	DSM-4-TR, CISS, BDI	<p>Пациенты с БР депрессии реже используют проблемно-ориентированный избегающий вид копинга и чаще используют эмоционально-ориентированное совладание, чем пациенты с БР без депрессии.</p> <p>Пациенты с унипольярной депрессией меньше используют избегающий проблемно-ориентированный виды копинга, чем пациенты с БР.</p> <p>Депрессия отрицательно связана с проблемно-ориентированным копингом и прямо эмоционально-ориентированным совладанием в группах БР и БДР.</p> <p>Избегание негативно связано с депрессией только в группе БР. Н</p>

					выявлено корреляций между возрастом и копинг стратегиями.
Crasovan I., Crasovan D., 2021 (Румыния) [19]	БДР (n = 103), контрольная группа (n = 770)	59,20%	51,1	DSM-4, ZS, BDI, COPE	Пациенты чаще используют сосредоточение на эмоциях эмоциональную разрядку, религиозный копинг поведенческую отстранённость, употребление психоактивных веществ и принятие Женщины, страдающие депрессией, чаще чем мужчины используют фокусирование на эмоциях, религиозное совладание, поведенческую отстранённость эмоциональную поддержку. Мужчины чаще используют копин «употребление психоактивных веществ».
Duggar P. и др., 2021 (Индия) [23]	Депрессивное БР (n = 100), контрольная группа (n = 50)	50%	36	DSM-5, HAMD, COPE	Пациенты реже используют активный копинг позитивную переоценку, юмор планирование. Он чаще использует отрицание принятие. Не гендерных различий.
Ho C. и др., 2022 (Сингапур) [33]	БДР (n = 70), контрольная группа (n=70)	77%	28,3	DSM-5, HAMD, COPE	Пациенты реже используют проблемно-ориентированный

					эмоционально-ориентированный виды копинга. Чаще прибегают дисфункциональном виде копинга. Депрессия негативно связана эмоционально-ориентированным проблемно-ориентированным видами копинга прямо связана дисфункциональным и дезадаптивными видами совладания.
Orzechowska A. и др., 2022 (Польша) [56]	Униполярная депрессия (n = 118): депрессивный эпизод (n = 33) и рекуррентная депрессия (n = 85); тревожные расстройства (n = 31): фобические тревожные расстройства и другие тревожные расстройства; контрольная группа (n = 41)	63,50%	47,82	МКБ-10, COPE, HAMD	<p>Пациенты депрессией реже чем здоровые используют активный копинг планирование, поиск инструментальной социальной поддержки, поиск эмоциональной социальной поддержки, подавление конкурирующих видов деятельности и позитивную переоценку. И чаще прибегают отрицанию, поведенческому отстранению ментальному отстранению.</p> <p>Пациенты депрессией меньше используют поиск инструментальной социальной поддержки и поиск эмоциональной социальной поддержки, че</p>

					пациенты тревожными расстройствами. Пациенты с первым эпизодом депрессии чаще использовали юмор, чем пациенты с рекуррентной депрессией. Поведенческая отстраненность прямо связана симптомами депрессии.
Su Y. и др., 2022 (Канада) [63]	25113 респондентов	-	-	CEVQ, PCS2012, CIDI	Позитивные стратегии копинга негативно связаны с депрессией. Они опосредуют взаимосвязь между жестоким обращением и детством и депрессивным расстройством.
Erden S. и др., 2023 (Турция) [25]	БДР (n = 30), контрольная группа (n = 38)	70%	31	DSM-5, HAMD, COPE	Пациенты реже используют активный копинг для планирования. Пациенты чаще прибегают к поведенческой отстраненности.
Yesiloglu C. и др., 2023 (Турция) [73]	БДР (n = 73), контрольная группа (n = 65)	61.6%	39,85	DSM-5, COPE, BDI	Пациенты чаще, чем здоровые, используют дисфункциональный копинг и реже проблемно-ориентированное совладание. Депрессия прямая связана с дисфункциональным копингом негативно эмоционально-ориентированным проблемно-

					ориентированным видами совладания Пациенты суициальной попыткой чаще используют дисфункциональный копинг, что пациенты боятся попытки суицида.
--	--	--	--	--	--

Сокращения: БДР – большое депрессивное расстройство; БР – биполярное расстройство; БР 1 – биполярное расстройство 1-го типа; БР 2 – биполярное расстройство 2-го типа; МКБ-10 – международная классификация болезней 10-го пересмотра; DSM-4-TR – Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам 4-го издания (пересмотренное); МКП – механизмы копинг-поведения Э. Хайма; DSM-4 – Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам 4-го издания; DSM-5 – Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам 5-го издания; RDC – Research Diagnostic Criteria; ВОКС – варианты опросника копинг стратегии R. Lazarus; BDI – Beck Depression Inventory; BDI-2 – Beck Depression Inventory-II; CEVQ – Childhood Experiences of Violence Questionnaire; PCS2012 – оценка позитивного копинга; CIDI – The World Health Organization version of Composite International Diagnostic Interview; CISS – Coping Inventory of Stressful Situations; CGI – Clinical Global Impression; COPE – COPE questionnaire; BCOPE – сокращенная версия COPE; HAMD – Hamilton Rating Scale for Depression; HDLF – Health and Daily Living Form; ZS – Zung Scale; RRS – Ruminative Responses Scale; EAC – Emotional Approach Coping Scales; SCID-I – Structured Clinical Interview for DSM-IV-TR Axis I disorders; BRCOPE – сокращенная версия RCOPE; GHQ – General Health Questionnaire; MINI – Mini-International Neuropsychiatric Interview; ISS – Internal State Scale; RPA – Responses to Positive Affect questionnaire; RSQ – Response Styles Questionnaire; CERQ – Cognitive Emotion Regulation Questionnaire; SCL-90-R – Symptom Check List-90-Revised; SVF-78 – Stress Coping Style Questionnaire.

Во-первых, кросс-секционные исследования показали взаимосвязи между выраженностью симптомов депрессии и различными копингами. Во-вторых, исследования демонстрируют, что пациенты с аффективными расстройствами отличаются от здоровых людей по репертуару копинг-поведения. В-третьих, в ряде исследований были выявлены различия между клиническими группами. В-четвертых, в одном исследовании были получены результаты, свидетельствующие о том, что копинг опосредует связь между жестоким обращением в детстве и депрессивным расстройством.

Лонгитюдные исследования

Результаты лонгитюдных исследований представлены в таблице 2.

Таблица 2. Результаты лонгитюдных исследований

Авторы, год публикации, страна	Выборка	Доля женщин	Средний возраст или возрастной диапазон	Методы оценки копинг и депрессии	Результаты	Период наблюдения
Иванова С. В. (2015)	Университетская	66,5%	от 10 лет	RDC	Более 10 лет	10 лет

Moos R., 1988 (США) [41]	униполярная депрессия (n = 395): ремиссия (n = 138), частичная ремиссия (n = 124), без ремиссии (n = 133)	50,50%	от 10 лет	RDC, DSSI, HDLF	Более поздняя ремиссия связана с избеганием. Прямая связь между избеганием и выраженнойостью текущих симптомов депрессии.	11
Swindle R. и др., 1989 (США) [64]	Униполярная депрессия (n = 352)	-	-	HDLF, RDC	Решение проблем связано с уменьшением депрессии. Эмоциональная разрядка связана с усилением депрессии.	41
Cronkite R. и др., 1998 (США) [20]	Униполярная депрессия (n = 313): ремиссия (n = 76), частичная ремиссия (n = 146), отсутствие ремиссии (N = 91); контрольная группа (n = 284)	-	-	RDC, DSSI, HDLF	Пациенты без ремиссии чаще использовали избегание в течение 10 лет в сравнении с другими группами. Высокий уровень избегания связан с более высокими шансами на частичную ремиссию или на отсутствие ремиссии. По сравнению с контрольной группой и пациентами ремиссией, пациенты с частичной ремиссией и пациенты без ремиссии больше использовали избегание. Здоровые меньше используют избегание, чем пациенты с депрессией.	10

Oldehinkel A. и др., 2000 (Нидерланды) [54]	Депрессивный эпизод (n = 86)	69%	36.6 (11,5)	SCI, PSE-9-R, UCL	Копинг, снижающий напряжение, способствует более быстрому наступлению ремиссии.	3,!
Holahan C. и др., 2003 (США) [34]	Униполярная депрессия (n = 313)	-	-	RDC, HDLF, DTC, DP	Употребление алкоголя для борьбы со стрессом усиливает связь между депрессивными симптомами и алкогольным поведением. У людей, которые изначально были более склонны к употреблению алкоголя для снятия стресса, наблюдалась более тесная связь между депрессивными симптомами и употреблением алкоголя, а также проблемами с алкоголем.	10
Yamada K. и др., 2003 (Япония) [72]	Униполярная депрессия (n = 105): БДР (n = 85), неуточненные депрессии (n = 7), БДР с сопутствующим психическим расстройством (n = 13)	58%	44	PISA, HRSD, DSM-3-R, COALA, GAS	На исходном этапе копинги не связаны с тяжестью депрессии. Пациенты с хорошим исходом через 6 месяцев значительно чаще используют руминации, в то время как пациенты с плохим исходом значительно чаще прибегали к опасным действиям. Нет	6 !

						различий между клиническими группами по репертуару копинга. Мужчины чаще используют опасную активность, чем женщины. Копинг не связан с возрастом.	
Szadoczky E. и др., 2004 (Венгрия) [65]	БДР (n = 117)	75%	44	DSM-4, HRSD, ZS, ВОКС	Нет разницы между группами с ремиссией и без ремиссии, что касается эмоционально-ориентированного и проблемно-ориентированного видов совладания. Копинг не предсказывает исход.	21	
Ormel J. и др., 2004 (Нидерланды) [57]	4796 респондентов (БДР, n = 409)	-	От 18 до 64	CIDI, DSM-3-R, UCL	Высокая выраженность депрессивного стиля преодоления трудностей присутствовала более чем за 1 год до начала БДР и усилилась во время БДР. Уровень депрессивного совладания вернулся к доболезненному после ремиссии БДР.	41	
Bockting C. и др., 2006 (Нидерланды) [11]	Униполярная депрессия (n = 172)	73%	45	DSM-4, SCID, HRSD, SCL-90, UCL	Избегающий копинг является фактором риска рецидива.	21	
Harris A. и	Униполярная	-	-	HDLF,	Физические	10	

др., 2006 (США) [32]	депрессия (n = 313)			RDC, EC	упражнения (как копинг) на исходном уровне связаны с меньшим количеством симптомов депрессии. Физическая активность нейтрализует влияние заболеваний и негативных жизненных событий на депрессию, но не предсказывает последующую депрессию.	
Cronkite R. и др., 2013 (США) [21]	Униполярная депрессия (n = 248)	-	-	DSM-4, RDC, HDLF, PHQ-9	Участники, которые сообщили о более частом использовании избегающего совладания в начале исследования, с большей вероятностью страдали от депрессии средней или высокой степени тяжести.	23
Fletcher K. и др., 2014 (Австралия) [27]	БР (n = 151): БР 1 (n = 69), БР 2 (n = 82).	62,90%	42,5	MINI, ISS, BCOPE, RPA, RSQ, CERQ.	Прямая связь симптомов депрессии с принятием риска, руминациями, самообвинением у пациентов с БР 1 и БР 2. Для БР 1 выявлена прямая связь с отрицанием или обвинением, подавлением эмоций,	6

					отрицательная связь с положительной переоценкой. Только низкий уровень стратегии «поиск социальной поддержки» связан с повышенной вероятностью депрессивного эпизода при последующем наблюдении у пациентов с БР 1. Руминации, связанные с негативным настроением, и самообвинение предсказывали последующую депрессию у пациентов с БР 2.
Rodgers S. и др., 2017 (Швейцария) [59]	БДР (n = 210 человек)	65,70%	50,1	DIGS, GAF, SRPRSQ	Низкие показатели эмоционально-ориентированного копинга и низкие баллы по стратегии «поиск неформальной поддержки» являются прогностическими факторами отсутствия депрессии.
Woodhead E. и др., 2022 (США) [71]	Униполярная депрессия (n = 248)	69%	34,89	RDC, HDLF	В группах с тяжёлой умеренной депрессией наблюдались более слабые модели преодоления трудностей, чем в

					группе с лёгкой депрессией на протяжении 23 лет. Нет различий между группами с выраженной и умеренной степенью депрессии, что касается копинга. Женщины используют более адаптивный паттерн совладания, чем мужчины. Возраст не влияет на копинг.	
Li M. и др., 2024 (Канада) [47]	902 респондента (БДР, n = 226)	68%	47	CIDI, CTQ, CSI, BOKC, COPE	Негативное совладание опосредует взаимосвязь между жестоким обращением в детстве и риском развития депрессии. Возраст не связан с копингом.	11

Авторы, год публикации, страна	Выборка	Доля женщин	Средний возраст или возрастной диапазон	Методы оценки копинг и депрессии	Результаты	Печатная
Krantz S., Moos R., 1988 (США) [41]	Униполярная депрессия (n = 395): ремиссия (n = 138), частичная ремиссия (n = 124), без ремиссии (n = 133)	56,50%	от 18 лет	RDC, DSSI, HDLF	Более поздняя ремиссия связана с избеганием. Прямая связь между избеганием и выраженностю текущих симптомов депрессии.	11
Swindle R. и др., 1989 (США) [64]	Униполярная депрессия (n = 352)	-	-	HDLF, RDC	Решение проблем связано с уменьшением депрессии. Эмоциональная	41

					разрядка связана с усилением депрессии.	
Cronkite R. и др., 1998 (США) [20]	Униполярная депрессия (n = 313): ремиссия (n = 76), частичная ремиссия (n = 146), отсутствие ремиссии (N = 91); контрольная группа (n = 284)	-	-	RDC, DSSI, HDLF	Пациенты без ремиссии чаще использовали избегание в течение 10 лет в сравнении с другими группами. Высокий уровень избегания связан с более высокими шансами на частичную ремиссию или на отсутствие ремиссии. По сравнению с контрольной группой и пациентами с ремиссией, пациенты с частичной ремиссией и пациенты без ремиссии больше использовали избегание. Здоровые меньше используют избегание, чем пациенты с депрессией.	10
Oldehinkel A. и др., 2000 (Нидерланды) [54]	Депрессивный эпизод (n = 86)	69%	36.6 (11,5)	SCI, PSE-9-R, UCL	Копинг, снижающий напряжение, способствует более быстрому наступлению ремиссии.	3,1
Holahan C. и др., 2003 (США) [34]	Униполярная депрессия (n = 313)	-	-	RDC, HDLF, DTC, DP	Употребление алкоголя для борьбы со стрессом усиливает связь между депрессивными	10

					симптомами и алкогольным поведением. У людей, которые изначально были более склонны к употреблению алкоголя для снятия стресса, наблюдалась более тесная связь между депрессивными симптомами и употреблением алкоголя, а также проблемами с алкоголем.	
Yamada K. и др., 2003 (Япония) [72]	Унипольярная депрессия (n = 105): БДР (n = 85), неуточненные депрессии (n = 7), БДР с сопутствующим психическим расстройством (n = 13)	58%	44	PISA, HRSD, DSM-3-R, COALA, GAS	На исходном этапе копинги не связаны с тяжестью депрессии. Пациенты с хорошим исходом через 6 месяцев значительно чаще используют руминации, в то время как пациенты с плохим исходом значительно чаще прибегали к опасным действиям. Нет различий между клиническими группами по репертуару копинга. Мужчины чаще используют опасную активность, чем женщины. Копинг не связан с возрастом.	61
Szadoczky E. и др., 2004	БДР (n = 117)	75%	44	DSM-4, HRSD, ZS,	Нет разницы между группами с	21

(Венгрия) [65]				ВОКС	ремиссией и без ремиссии, что касается эмоционально-ориентированного и проблемно-ориентированного видов совладания. Копинг не предсказывает исход.	
Ormel J. и др., 2004 (Нидерланды) [57]	4796 респондентов (БДР, n = 409)	-	От 18 до 64	CIDI, DSM-3-R, UCL	Высокая выраженность депрессивного стиля преодоления трудностей присутствовала более чем за 1 год до начала БДР и усилилась во время БДР. Уровень депрессивного совладания вернулся к доболезненному после ремиссии БДР.	4 i
Bockting C. и др., 2006 (Нидерланды) [11]	Униполярная депрессия (n = 172)	73%	45	DSM-4, SCID, HRSD, SCL-90, UCL	Избегающий копинг является фактором риска рецидива.	2 i
Harris A. и др., 2006 (США) [32]	Униполярная депрессия (n = 313)	-	-	HDLF, RDC, PA, EC	Физические упражнения (как копинг) на исходном уровне связаны с меньшим количеством симптомов депрессии. Физическая активность нейтрализует влияние заболеваний и негативных	10

					жизненных событий на депрессию, но не предсказывает последующую депрессию.	
Cronkite R. и др., 2013 (США) [21]	Униполярная депрессия (n = 248)	-	-	DSM-4, RDC, HDLF, PHQ-9	Участники, которые сообщили о более частом использовании избегающего совладания в начале исследования, с большей вероятностью страдали от депрессии средней или высокой степени тяжести.	23
Fletcher K. и др., 2014 (Австралия) [27]	БР (n = 151): БР 1 (n = 69), БР 2 (n = 82).	62,90%	42,5	MINI, ISS, BCOPE, RPA, RSQ, CERQ.	Прямая связь симптомов депрессии с принятием риска, руминациями, самообвинением у пациентов с БР 1 и БР 2. Для БР 1 выявлена прямая связь с отрицанием или обвинением, подавлением эмоций, и отрицательная связь с положительной переоценкой. Только низкий уровень стратегии «поиск социальной поддержки» связан с повышенной вероятностью депрессивного эпизода при последующем	61

					наблюдении у пациентов с БР 1. Руминации, связанные с негативным настроением, и самообвинение предсказывали последующую депрессию у пациентов с БР 2.	
Rodgers S. и др., 2017 (Швейцария) [59]	БДР (n = 210 человек)	65,70%	50,1	DIGS, GAF, SRPRSQ	Низкие показатели эмоционально-ориентированного копинга и низкие баллы по стратегии «поиск неформальной поддержки» являются прогностическими факторами отсутствия депрессии.	5
Woodhead E. и др., 2022 (США) [71]	Униполярная депрессия (n = 248)	69%	34,89	RDC, HDLF	В группах с тяжёлой и умеренной депрессией наблюдались более слабые модели преодоления трудностей, чем в группе с лёгкой депрессией на протяжении 23 лет. Нет различий между группами с выраженной и умеренной степенью депрессии, что касается копинга. Женщины используют более адаптивный паттерн совладания, чем мужчины. Возраст	23

					не влияет на копинг.	
Li M. и др., 2024 (Канада) [47]	902 респондента (БДР, n = 226)	68%	47	CIDI, CTQ, CSI, BOKC, COPE	Негативное совладание опосредует взаимосвязь между жестоким обращением в детстве и риском развития депрессии. Возраст не связан с копингом.	11

Сокращения: БДР – большое депрессивное расстройство; БР – биполярное расстройство; БР 1 – биполярное расстройство 1-го типа; БР 2 – биполярное расстройство 2-го типа; BOKC – варианты опросника копинг стратегии R. Lazarus; RDC – Research Diagnostic Criteria; DSM-3-R – Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам 3-го издания (пересмотренное); DSM-4 – Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам 4-го издания; HDLF – Health and Daily Living Form; DSSI – index of the severity of depression; SCI – semi-structured Course Interview; PSE-9-R – present state examination; UCL – Utrecht Coping List; CIDI – The World Health Organization version of Composite International Diagnostic Interview; DTC – drinking to cope; DP – drinking problems; SCID – Structured Clinical Interview; SCL-90 – The 90-item Symptom Check List; HRSD – Hamilton Rating Scale for Depression; PISI – Psychiatric Initial Screening for Affective Disorder; COALA – Comprehensive Assessment List for Affective Disorders; GAS - Global Assessment Scale; PA - Physical Activity Index; ZS – Zung Scale; PHQ-9 – 9-item Patient Health Questionnaire; MINI – Mini-International Neuropsychiatric Interview; ISS – Internal State Scale; BCOPE – краткая версия COPE; RPA – Responses to Positive Affect questionnaire; RSQ – Response Styles Questionnaire; CERQ – Cognitive Emotion Regulation Questionnaire; DIGS – semi-structured Diagnostic Interview for Genetic Studies; SRPRSQ – self-rating Problem Resolution Strategy questionnaire; GAF – Global Assessment of Functioning; CTQ – Childhood Trauma Questionnaire; CSI – Coping Strategies Index; EC – Exercise Coping.

В 5 исследованиях, в которых изучалась одна и та же выборка (униполярная депрессия), было выявлено, что избегающее совладание предсказывает исход депрессии. S. Krantz и R. Moos сообщили, что более поздняя ремиссия связана с избеганием при однолетнем наблюдении [\[41\]](#). R. Swindle и др. обнаружили, что эмоциональная разрядка (вербальное и поведенческое выражение неприятных эмоций, а также косвенные усилия по снижению напряженности) связана с усилением симптомов депрессии в течение четырех лет [\[64\]](#). В другом исследовании результаты свидетельствуют о том, что избегающий копинг связан с более высокими шансами на частичную ремиссию или отсутствие ремиссии [\[20\]](#). Пациенты, имеющие более высокий уровень избегания, с большей вероятностью будут страдать от депрессии средней или высокой степени тяжести [\[21, 71\]](#).

C. Bockting и др. получили результаты, указывающие на то, что избегающий копинг предсказывает более раннее наступление рецидива, но это влияние изменилось как в

зависимости от условий лечения, так и от количества предыдущих эпизодов депрессии. В группе, получавшей когнитивную терапию, связь между избеганием и временем до рецидива уменьшалась с увеличением числа предыдущих эпизодов [11]. В одном исследовании было обнаружено, что копинг, снижающий напряжение, способствует ускорению времени до ремиссии [54]. К. Yamada и др. обнаружили, что руминативный копинг связан с позитивным исходом, а опасная активность с негативным исходом [72]. Szadoczky E. и др. установили, что копинг не предсказывает исходы депрессии [65].

В большинстве исследований не было установлено, что проблемно-ориентированные стратегии предсказывают исходы у пациентов с униполярной депрессией [11, 54, 59, 65]. В то же время в одном исследовании было установлено, что проблемно-ориентированное совладание (решение проблем) предсказывает уменьшение симптомов депрессии [64]. E. Woodhead и др. получили результаты, указывающие на то, что в группе пациентов с тяжелой и умеренной депрессией наблюдалась более слабые модели совладания (низкая я-концепция, высокая выраженность избегающих стратегий, низкая выраженность проблемно-ориентированного совладания), чем у пациентов с легкой депрессией [71].

Помимо этого, C. Hollah и др. обнаружили, что употребление алкоголя для борьбы со стрессом усиливает взаимосвязь между депрессией и алкогольным поведением. У людей, которые изначально были более склонны к употреблению алкоголя для снятия стресса, наблюдалась более тесная связь между депрессивными симптомами и употреблением алкоголя, а также проблемами с алкоголем [34]. A. Harris и др. на той же выборке получили результаты, указывающие на то, что более высокая физическая активность связана с меньшим количеством сопутствующих симптомов в течение 10 лет. Авторы указывают, что эта взаимосвязь не может быть объяснена возрастом, проблемами со здоровьем или наличием негативных событий в жизни за предыдущие 3 месяца. Более высокая физическая активность нейтрализовала влияние заболеваний и негативных жизненных событий на депрессию. Однако физическая активность не предсказывала последующую депрессию [32].

В крупном исследовании были получены результаты, указывающие на то, что высокая выраженность депрессивного стиля совладания является фактором риска развития будущей депрессии. Помимо этого, авторы установили, что стиль копинга усилился во время депрессии, но затем вернулся к доболезненному уровню после ремиссии [57]. M. Li и др. обнаружили, что негативный копинг опосредует взаимосвязь между жестоким обращением в детстве и риском развития депрессии. Социальная поддержка, позитивное совладание и негативное совладание также влияли друг на друга и в совокупности опосредовали связь между жестоким обращением в детстве и большим депрессивным расстройством [47].

Было обнаружено только одно исследование с лонгитюдным дизайном, в котором были включены пациенты с биполярным расстройством. Авторы исследования получили результаты, свидетельствующие о том, что после учета исходных симптомов (депрессия, гипомания, тревога) и возраста среди всех копингов только низкий уровень стратегии «поиск социальной поддержки» предсказывает депрессию при последующем наблюдении у пациентов с биполярным расстройством 1-го типа. У пациентов с биполярным

расстройством 2-го типа руминации о негативном настроении и самообвинение предсказывали будущие симптомы депрессии [27].

Взаимосвязь копинга с выраженной симптомами депрессии

В 17 исследованиях были представлены данные о корреляциях между выраженной симптомами депрессии и копинг-поведением [2, 10, 22, 27, 33, 36, 41, 48, 51, 55, 56, 58, 62, 63, 67, 72, 73].

Можно выделить 14 публикаций, в которых исследовалась взаимосвязь с проблемно-ориентированным совладанием: отрицательная корреляция — 64,2% (n = 9); отсутствие взаимосвязей — 35,8% (n = 5) [2, 10, 27, 33, 36, 48, 51, 55, 56, 58, 62, 63, 67, 73]. В исследованиях, где обнаружены ассоциации, в шести из них проблемно-ориентированный копинг рассматривался как отдельный фактор [33, 51, 62, 63, 67, 73]. В трех публикациях выявлены корреляции между депрессивными симптомами и такими способами совладания, как решение проблемы [10, 48] и ситуативный контроль [36].

В 10 работах представлены данные об ЭОКВ: негативная взаимосвязь — 90% (n = 9); отсутствие взаимосвязей — 10% (n = 1) [10, 22, 27, 33, 36, 48, 55, 56, 67, 73]. В трех исследованиях обнаружены связи для эмоционально-ориентированного копинга как отдельного фактора [33, 67, 73]. В одной работе была выявлена корреляция между позитивным копингом, в который входят, помимо ЭОКВ, также проблемно-ориентированные стратегии (недооценка, отрицание вины, отвлечение внимания, компенсаторное удовлетворение, контроль ситуации, позитивный самоинструктаж) [36]. В другом исследовании была обнаружена взаимосвязь между позитивным религиозным совладанием (духовная связь, поиск духовной поддержки, религиозное прощение, совместное преодоление религиозных проблем и др.) и депрессией [22]. В четырех работах выявлены корреляции для таких копинг-стратегий, как эмоциональная регуляция [10], юмор [55] и позитивная переоценка [27, 48].

В 15 исследованиях представлены результаты по ЭОКО: выявлена взаимосвязь — 86,6% (n = 13); отсутствие взаимосвязей — 13,3% (n = 2) [10, 22, 27, 33, 36, 41, 48, 51, 55, 56, 58, 62, 67, 72, 73]. В семи работах, в которых обнаружены взаимосвязи, оценивались крупные измерения копинга. В трех исследованиях, в которых использовался опросник CISS («Coping Inventory for Stressful Situations»), обнаружены прямые корреляции эмоционально-ориентированного копинга с выраженной симптомами депрессии. Однако взаимосвязь избегающего совладания с симптомами была непоследовательной [51, 58, 62]. Эмоционально-ориентированный копинг, оцененный с помощью CISS, был отнесен к ЭОКО, поскольку содержание пунктов этой шкалы соответствует отстранению от ситуации стресса. В трех исследованиях было выявлено, что дисфункциональный или негативный копинг прямо связан с выраженной симптомами депрессии [33, 36, 73]. В семи исследованиях выявлены прямые корреляции с отдельными копинг-стратегиями: эмоциональная разрядка [10], руминации [27, 67], поведенческое отстранение [55, 56], избегание [41, 48], принятие риска и самообвинение [27].

Одно исследование не было включено, так как невозможно однозначно отнести полученные результаты к определенному виду копинга [2].

Сравнение со здоровыми

В шестнадцати исследованиях проведено сравнение исследуемой клинической

популяции с контрольной группой. В каждом исследовании были обнаружены отличия копинг-поведения лиц, страдающих аффективными расстройствами, от здоровых [3, 5, 6, 16, 19, 20, 23, 25, 33, 49, 55, 56, 58, 67, 69, 73].

В 15 исследованиях представлены данные о проблемно-ориентированном совладании: 80% ($n = 12$) — проблемно-ориентированный копинг меньше используется в клинической популяции, чем в группе здоровых; 13,3% ($n = 2$) — не выявлено различий; 6,6% ($n = 1$) — смешанные результаты [3, 5, 6, 16, 19, 23, 25, 33, 49, 55, 56, 58, 67, 69, 73]. В 5 работах результаты указывают на то, что проблемно-ориентированный вид совладания реже используется пациентами с аффективными расстройствами, чем здоровыми [3, 33, 58, 67, 69, 73]. В других работах получены результаты, указывающие на то, что пациенты реже используют такие стратегии, как планирование [5, 16, 23, 25, 55, 56], активное совладание или конфронтация [6, 16, 23, 25, 55, 56] и подавление конкурирующей активности [55, 56]. В одной работе получены смешанные результаты — пациенты с эндогенными депрессиями с одной стороны реже использовали стратегию «планирование решения проблемы», а с другой стороны — чаще прибегали к конфронтации [5].

В 12 публикациях были представлены данные по ЭОКВ: 50% ($n = 6$) — пациенты с аффективными расстройствами реже используют ЭОКВ, чем здоровые; 16,6% ($n = 2$) — смешанные результаты; 22,6% ($n = 1$) — ЭОКВ чаще используется в группе аффективных расстройств; 25% ($n = 3$) — не выявлено отличий [3, 6, 16, 19, 23, 25, 33, 49, 55, 56, 67, 73]. В исследовании, проведенном С. Но и др., выявлено, что пациенты с большим депрессивным расстройством реже используют эмоционально-ориентированное совладание [33]. В другой работе обнаружено, что лица с депрессией реже используют «когнитивную реструктуризацию» (как фактор) [67]. S. Choudhury и др. в целом получили результаты, указывающие на то, что пациенты реже используют ЭОКВ (поиск инструментальной поддержки, принятие, положительная переоценка) [16]. В одном исследовании выявлено, что пациенты с дистимией реже используют адаптивные копинги в эмоциональной и когнитивных сферах [3]. Результаты двух исследований свидетельствуют о том, что пациенты с депрессией реже прибегают к таким стратегиям, как позитивная переоценка [55, 56], поиск инструментальной социальной поддержки [56] и юмор [55]. К работам со смешанными результатами были отнесены две публикации. В одном исследовании было выявлено, что пациенты чаще используют стратегию «принятие ответственности» и реже копинг «позитивная переоценка» [6]. Duggar R. и др. установили, что пациенты с биполярной депрессией чаще используют принятие, но реже положительную переоценку [23]. I. Crasovan и D. Crasovan сообщили, что пациенты чаще используют такой способ ЭОКВ, как «принятие» [19].

В 16 исследованиях представлены данные об ЭОКО: 93,75% ($n = 15$) — чаще используются в группе аффективных расстройств, чем в группе здоровых; 6,25% ($n = 1$) — смешанные результаты [3, 5, 6, 16, 19, 20, 23, 25, 33, 49, 55, 56, 58, 67, 69, 73]. В четырех исследованиях было сообщено, что пациенты чаще, чем здоровые, прибегают к ЭОКО на уровне крупных измерений (дисфункциональный копинг, неадаптивный копинг в поведенческой сфере и др.) [3, 33, 69, 73]. В других исследованиях получены результаты, указывающие на то, что пациенты чаще используют различные способы ЭОКО, чем здоровые [5, 6, 16, 19, 20, 23, 25, 49, 55, 56, 67]. В исследовании, в котором использовался опросник CISS, выявлено, что пациенты чаще, чем здоровые используют эмоционально-

ориентированные стратегии, которые ранее были отнесены к ЭОКО по содержанию пунктов, но реже используют избегание [\[58\]](#).

Также здесь следует отметить, что некоторые результаты не были включены в расчет, поскольку нельзя отнести способы копинга к тому или иному виду. В трех исследованиях сообщено, что пациенты с аффективными расстройствами реже используют стратегию «юмор», чем здоровые [\[16, 23, 55\]](#). В двух исследованиях обнаружено, что пациенты чаще прибегают к такой стратегии, как «религиозный копинг» [\[16, 19\]](#).

Сравнение клинических групп

В трех исследованиях сравнивались пациенты, страдающие большим депрессивным расстройством, с пациентами, страдающими биполярным расстройством. В одном исследовании не было обнаружено существенных различий в предпочтаемых стратегиях совладания, оцененных с помощью методики COPE [\[24\]](#). В исследовании, проведенном K. Fletcher и др., также не было выявлено различий в копинге, оцененном с помощью краткой версии COPE. Однако они обнаружили, что пациенты с депрессией реже, чем пациенты с биполярным расстройством, прибегают к использованию различных копинг-реакций, таких как руминации и принятие риска [\[26\]](#). H. Suh и др. обнаружили, что пациенты с униполярной депрессией меньше набирают баллов по шкалам CISS «избегающий копинг» и «проблемно-ориентированный копинг», чем пациенты с биполярным расстройством. Также они выявили, что лица с биполярным расстройством, находящиеся в текущий момент в депрессии, реже используют проблемно-ориентированный и избегающий копинг, и чаще прибегают к эмоционально-ориентированному совладанию, чем пациенты с биполярным расстройством без депрессии [\[62\]](#). Учитывая это, можно утверждать, что полученные результаты зависят от способа оценки копинга.

Orzechowska A. и др. продемонстрировали, что депрессивные пациенты реже используют стратегии «поиск инструментальной поддержки» и «поиск эмоциональной социальной поддержки», чем пациенты с тревожными расстройствами. Пациенты с первым эпизодом депрессии и пациенты с рекуррентной депрессией не различаются по использованию копинг-стратегий [\[56\]](#). Yamada K. и др. не обнаружили различий между пациентами с большим депрессивным расстройством, пациентами с неуточненной депрессией и пациентами с депрессией, имеющими сопутствующее психическое расстройство первой оси [\[72\]](#). Стоит отметить, что последние две группы имели небольшой размер выборки, что ограничивает обоснованность выводов исследования. В одном кросс-секционном исследовании было обнаружено, что группа пациентов с выраженным симптомами депрессии реже использует активное совладание, чем пациенты с умеренной депрессией [\[16\]](#). Попарные сравнения в лонгитюдном исследовании показали, что как в группе с высокой, так и в группе с умеренной тяжестью депрессии в момент начала исследования участники используют более дезадаптивный паттерн совладания, чем в группе с низкой тяжестью депрессии [\[71\]](#). E. Szadoczky и др. не выявили отличий между группой пациентов с ремиссией и группой без ремиссии [\[65\]](#). C. Yesiloglu и др. сообщили, что пациенты с депрессией, у которых была суициdalная попытка, чаще используют дисфункциональный копинг, чем пациенты без такой попытки [\[73\]](#).

Возрастные и гендерные особенности

В 7 публикациях изучались гендерные характеристики в контексте копинга [\[10, 19, 23, 29,](#)

[55, 71, 72](#). Из них в 6 исследованиях были обнаружены отличия [\[10, 19, 29, 55, 71, 72\]](#). Некоторые исследователи обнаружили, что существует гендерная специфика в использовании способов совладания у пациентов с униполярной депрессией: женщины чаще используют эмоционально-ориентированные копинги, чем мужчины [\[10, 19, 55\]](#). Однако Woodhead E. и др. сообщили, что женщины используют более адаптивный паттерн совладания [\[71\]](#). K. Yamada и др., оценив 4 копинг-стратегии (руминации, активные отвлекающие реакции, когнитивные отвлекающие реакции и опасная активность), обнаружили, что мужчины чаще используют опасную активность в качестве совладания [\[72\]](#). В одном исследовании, в котором приняли участие пациенты с униполярной депрессией, имеющие опыт насилия в детстве, было выявлено, что мужчины чаще используют проблемно-ориентированные и избегающие стратегии, чем женщины, но не было выявлено различий в использовании эмоционально-ориентированных стратегий [\[29\]](#). В исследовании, в котором участвовали лица с биполярной депрессией, не было выявлено гендерных различий в предпочтениях копинга [\[23\]](#).

Что касается возрастных характеристик, то полученные результаты исследований не представляют собой последовательных данных о взаимосвязи копинга и возраста среди исследуемой клинической популяции [\[10, 36, 47, 62, 71, 72\]](#). Только в одном исследовании сравнивались группы разных возрастов. Было обнаружено, что лица в возрасте от 50 до 64 лет чаще используют проблемно-ориентированное совладание, чем лица в возрасте от 20 до 34 лет [\[53\]](#).

Обсуждение

Взаимосвязь копинга с выраженностю депрессивного состояния

В большинстве исследований были обнаружены обратные взаимосвязи проблемно-ориентированного совладания и ЭОКВ с симптомами депрессии, а также прямые корреляции между копингами, направленными на отстранение или избегание, и выраженностью депрессии.

A. Beck указывает, что при тяжелой депрессии ресурсы изымаются из адаптивных схем (умение совладать с трудностями и решать проблемы) и перераспределяются в сторону внутренних процессов (печаль, негативные когниции). Когнитивные схемы с негативным уклоном функционируют как автоматические процессы, которые являются быстрыми, непроизвольными и экономят ресурсы. Доминирование этой системы (эффективной, но дезадаптивной) может быть причиной негативного внимания и предвзятости в интерпретации. Напротив, во время депрессии роль системы когнитивного контроля (состоящей из исполнительных функций, решения проблем и переоценки) снижается. Работа этой системы является целенаправленной, рефлексивной и требующей усилий (ресурсов) [\[9\]](#). Это, в свою очередь, может влиять на процесс совладания со стрессом следующим образом. Согласно теории стресса и копинга R. Lazarus и др., вторичная когнитивная оценка связана с ресурсами и вариантами совладания (возможно ли предпринять какие-либо действия, необходимые для улучшения отношений человека с ситуацией стресса). Если ресурсы оцениваются как низкие, то, скорее всего, будут использованы эмоционально-ориентированные, избегающие стратегии. Если ресурсы оцениваются как достаточные, то будет использовано проблемно-ориентированное совладание [\[42-45\]](#). Основываясь на этих теоретических положениях, можно сказать, что чем более выражены симптомы депрессии, тем сильнее происходит перераспределение

ресурсов в сторону внутренних процессов. Это, в свою очередь, усиливает выраженность избегающих стратегий, поскольку эти стратегии способствуют быстрой редукции актуального внутреннего напряжения и не требуют больших затрат ресурсов. Помимо этого, выраженные симптомы депрессии снижают вероятность актуализации проблемно-ориентированных стратегий и ЭОКВ, так как они требуют усилий и ресурсов. Таким образом, депрессивное состояние влияет на изменение выраженности тех или иных стратегий. Косвенным подтверждением этому выводу являются результаты о том, что депрессивный паттерн совладания усиливается во время депрессии, но во время ремиссии возвращается к доболезненному уровню [\[57\]](#).

Стоит подчеркнуть, что в большинстве исследований оценка депрессии проводилась с помощью различных методов самоотчета, что в действительности может не отражать истинных взаимосвязей. Так, в одном исследовании было показано, что субъективная оценка тяжести (самооценка пациентом своего состояния) и объективная оценка тяжести (оценка состояния специалистом) по-разному связаны с копинг-стратегиями [\[36\]](#).

Копинг как фактор предиктор депрессии

Результаты лонгитюдных исследований, по-видимому, указывают на то, что избегающее совладание (ЭОКО) связано с негативными исходами (поздняя ремиссия, более высокие симптомы депрессии и пр.) у пациентов с униполярной депрессией. Это можно объяснить тем, что избегающие стратегии приводят к тому, что проблема или стрессовая ситуация не разрешается, сохраняется и может развиваться, тем самым принося в перспективе еще больший дистресс, ухудшающий исход депрессии. Эти результаты согласуются с моделью генерации стресса и копинга. С. Holahan и др. провели 10-летнее лонгитюдное исследование, в котором приняли участие 1211 взрослых в возрасте от 55 до 65 лет на момент начала исследования. Они выявили, что избегающий копинг предсказывал увеличение числа хронических и острых стрессоров через четыре года, что, в свою очередь, предсказывало усиление депрессивных симптомов [\[35\]](#).

Что касается проблемно-ориентированного совладания и ЭОКВ, то результаты лонгитюдных исследований не предоставляют последовательных доказательств, что эти виды копинга предсказывают исходы депрессии у пациентов с униполярной депрессией. Помимо этого, в одном лонгитюдном исследовании было обнаружено, что в зависимости от типа биполярного расстройства различные способы совладания по-разному участвуют в прогнозировании будущей депрессии.

Полученные нами результаты соответствуют данным обзора M. Christensen и L. Kessing, которые указали, что эмоционально-ориентированные и избегающие способы совладания связаны с исходами депрессии у пациентов с аффективными расстройствами [\[17\]](#).

В одном лонгитюдном исследовании были представлены результаты, согласно которым физические упражнения в качестве копинга снижают уровень депрессии и нейтрализуют влияние негативных событий и заболеваний на депрессию [\[32\]](#). Физические упражнения оказывают антидепрессивное действие по нескольким биологическим и психосоциальным каналам. Например, физические упражнения могут повысить самоэффективность, что, в свою очередь, может оказывать положительное влияние на другие сферы жизни и противодействовать симптомам депрессии [\[38\]](#). Также в одном исследовании изучалась взаимосвязь между употреблением алкоголя в качестве копинга и депрессией. Было выявлено, что депрессивные симптомы в значительной степени связаны с увеличением

проблем, связанных с употреблением алкоголя [34]. Алкоголь, являясь типичным депрессантом, воздействует на мозг и по мере дальнейшего потребления может усиливать симптомы депрессии [60].

В нашем обзоре представлено одно исследование с большой выборкой, которое показывает, что депрессивный стиль совладания является фактором риска развития депрессии у здоровых людей [57], что также можно объяснить через модель генерации стресса, рассмотренную выше [35].

Способы преодоления стрессовых ситуаций не основаны на изолированной адаптации, а скорее опосредуют взаимосвязь других психосоциальных параметров с результатами адаптации. Предшествующие психосоциальные параметры включают характеристики стрессора (как дистальные, так и близкие стрессоры), социальный контекст, диспозиционные характеристики и когнитивные процессы [66]. В одном лонгитюдном исследовании было выявлено, что негативный копинг опосредует взаимосвязь между жестоким обращением в детстве и риском развития депрессии. Позитивный копинг не выступал медиатором [47]. Однако в одном кросс-секционном исследовании было установлено, что позитивный копинг является посредником подобной взаимосвязи и негативно связан с формированием большого депрессивного расстройства [63]. Эти различия могут быть объяснены разной методологией исследования, в том числе различиями в методах оценки копинга.

Профиль совладания

На основе результатов сравнения лиц с депрессией и здоровых людей можно сказать следующее. Во-первых, лица, страдающие депрессией, реже используют проблемно-ориентированные стратегии совладания, чем здоровые. Во-вторых, лица с депрессией чаще прибегают к ЭОКО. Что касается ЭОКВ, то результаты менее последовательны.

Полученные данные можно объяснить следующим образом. Как уже упоминалось ранее, процесс копинга зависит от когнитивной оценки. Лица с депрессией часто недооценивают контролируемость и изменчивость ситуации, что может приводить к пассивности, а не к активному взаимодействию с ситуацией стресса [11]. Это, в свою очередь, может объяснить наблюдаемый паттерн совладания. Также полученные результаты согласуются с теоретическими положениями А. Beck, который утверждал, что ресурсы перераспределяются в сторону внутренних процессов и изымаются из адаптивных схем [9]. J. Trew представил интегративную модель, рассматривающую депрессию с позиции двух фундаментальных мотивационных принципов: стремление достичь положительных результатов (сближение, англ. «approach») и стремление избежать отрицательных результатов (англ. «avoidance»). Проведя обзор существующих исследований, автор утверждает, что при депрессии наблюдается дефицит стремления к сближению и усиление избегания, что, в свою очередь, приводит к уменьшению позитивного подкрепляющего опыта, усилиению негативных переживаний и способствует возникновению и поддержанию депрессии [68]. В контексте этой модели полученные результаты могут быть интерпретированы следующим образом: дефицит проблемно-ориентированного копинга как отражение дефицита стремления к сближению, а предпочтение избегающих стратегий — как проявление усиленного избегания отрицательных результатов.

Что касается различий в копинг-поведении между клиническими группами, то выявлено

мало исследований, в которых бы изучалась эта тема. Необходимы дальнейшие исследования для определения профилей совладания, дифференцирующих клинические группы.

Пол и возраст.

Было обнаружено, что у пациентов с униполярной депрессией имеется гендерная специфика в предпочтениях способов совладания: женщины чаще прибегают к эмоционально-ориентированным стратегиям совладания, чем мужчины. Это в целом согласуется с тем, что женщины чаще предпочитают эмоционально-ориентированные способы совладания. Есть несколько объяснений, например, исходя из гипотезы социализации, мужчины социализированы к использованию более активного и инструментального поведения, а женщины — к использованию более пассивного и эмоционально-ориентированного поведения [50]. Также, по-видимому, сопутствующий опыт детского насилия и тип депрессии (биполярная депрессия) могут изменять гендерную специфику копинг-поведения, однако ограниченное количество исследований не позволяет сделать однозначных выводов.

Что касается возраста, то исследования, рассмотренные в работе, не предоставляют последовательных данных о том, как возраст связан с копингом у исследуемой популяции. В отдельных публикациях были обнаружены различные взаимосвязи между возрастом и копинг-стратегиями. Oh M. и др. обнаружили, что лица с депрессией в возрасте 20-34 лет реже используют стратегии «решение проблем», чем пациенты старшего возраста. Авторы объясняют это тем, что молодые люди, как правило, более тревожны, подавлены и разочарованы, чем люди старшего возраста (высокий уровень невротизма). Им не хватает терпимости, альтруизма (низкий уровень доброжелательности), а также самоконтроля, искренности и благородства (низкий уровень добросовестности). Это может привести к тому, что они будут справляться со стрессом пассивно, негативно и импульсивно, а не напрямую, что может повысить их уязвимость к депрессии [53]. Есть свидетельства о том, что навыки совладания со стрессом формируются и развиваются в течение жизни и различаются между возрастными группами [4, 8, 61].

Способы оценки копинга.

Как видно из полученных нами результатов, в исследованиях копинг оценивался по-разному, что затрудняет анализ, обобщение и сравнение данных. Показатели совладания во всех исследованиях, включенных в обзор, основывались на самоотчетах. В исследованиях использовались различные шкалы и опросники без какого-либо «золотого стандарта». Например, было выявлено, что исследователи достаточно часто используют опросник COPE и его краткую версию. Однако разная направленность (цели и задачи), характеристики выборок и другие различия между исследованиями не позволяют с достоверностью обобщить данные, полученные с помощью этого опросника. Кроме того, большинство методов, использовавшихся в анализируемых работах, обладают рядом недостатков. Например, опросник «The Coping Inventory for Stress Situation» ограничивается тремя факторами, которые не отражают реального копинга [1]. Также стоит учитывать, что опросники имеют ряд других проблем, таких как невозможность оценки динамических характеристик совладания, ненадежность воспоминаний о конкретном поведении и другие [1, 4, 28]. В связи с этой проблемой были разработаны различные методы оценки совладания. Например, были разработаны методы, такие как ежедневная оценка преодоления трудностей и экологические методы

мгновенной оценки [\[28\]](#).

Личность и копинг

Совладание тесно связано с личностью. В метаанализе 2007 года были получены результаты, свидетельствующие о том, что оптимизм, экстраверсия, добросовестность и открытость способствуют более активному преодолению трудностей, а нейротизм, напротив, более пассивному преодолению трудностей. Также авторы работы обнаружили, что оптимизм, добросовестность и доброжелательность связаны с менее пассивными стратегиями копинга [\[18\]](#). N. Bolger и A. Zuckerman описали способы, с помощью которых личность и копинг могут совместно влиять на адаптацию. Во-первых, модель посредничества, которая предполагает, что личность влияет на выбор копинг-стратегий, которые, в свою очередь, влияют на исход адаптации. Другой способ — это модель модерации, которая предполагает, что личность влияет на эффективность копинг-стратегии [\[12\]](#). В данном обзоре не было найдено исследований, посвященных взаимодействию копинг-поведения и личности у пациентов с аффективными расстройствами.

Заключение

Был проведен систематический обзор, посвященный теме копинга и депрессии среди лиц, страдающих аффективными расстройствами. Полученные результаты свидетельствуют о том, что симптомы депрессии негативно связаны с проблемно-ориентированным копингом и эмоционально-ориентированным копингом, направленным на вовлечение в ситуацию стресса, а избегающий копинг прямо связан с выраженностью симптомов депрессии. Что касается предсказательной силы копинга, то результаты лонгитюдных исследований указывают на то, что избегающий вид копинга связан с негативными исходами у пациентов с униполярной депрессией. Однако результаты исследований относительно проблемно-ориентированного совладания и эмоционально-ориентированного копинга, направленного на вовлечение в ситуацию стресса, не предоставляют доказательств их предсказательной силы. Обнаружено только одно исследование, в котором копинг изучался как фактор риска развития депрессивного расстройства у здоровых людей. Результаты двух исследований показали, что копинг опосредует взаимосвязь между жестоким обращением в детстве и депрессией. Результаты текущего обзора свидетельствуют о том, что пациенты с депрессией меньше используют проблемно-ориентированное совладание и чаще прибегают к избегающему копингу, чем здоровые. Выявлено, что существует дефицит исследований, в которых сравнивались профили совладания между различными клиническими группами. Что касается гендерных и возрастных характеристик, то также был обнаружен ограниченный объем исследований по данной проблеме. По-видимому, результаты указывают на то, что существует гендерная специфика репертуара копинг-поведения при униполярной депрессии: женщины чаще используют эмоционально-ориентированные стратегии, чем мужчины. Результаты, касающиеся возрастных характеристик и копинга, не предоставляют последовательных доказательств. Было выявлено, что исследователи используют разные методики. Это, в свою очередь, затрудняет анализ, обобщение и сравнение данных. Не было обнаружено исследований, в которых бы исследовалось взаимодействие копинга с личностными особенностями.

Стоит отметить ряд основных ограничений текущего обзора. Во-первых, в поиске и отборе публикаций, а также в перекодировании результатов исследования участвовал один автор, что может быть источником предвзятости обзора. Во-вторых, некоторые

публикации не были доступны, что может привести к искажению общей картины исследуемой проблемы. В-третьих, включенные в обзор исследования отличались значительным разнообразием, включая этническое разнообразие, которое, как известно, влияет на связь между копинг-поведением и депрессией [15]. В связи с этим некоторые положения обзора следует рассматривать как предварительные, нуждающиеся в последующей проверке по мере накопления эмпирического материала.

Будущие исследователи в области копинга и депрессии могут сосредоточить внимание на предсказательной роли копинга в развитии депрессивного расстройства у здоровых лиц, возрастных и половых характеристиках пациентов с аффективными расстройствами, кросс-культурных различиях и взаимодействии между копингом и личностью. Кроме того, могут быть использованы методы оценки копинга, позволяющие учитывать его динамические характеристики.

Библиография

1. Абабков В. А., Перре М. Адаптация к стрессу. Основы теории, диагностики, терапии. СПб.: Речь, 2004. 166 с.
2. Антохин Е.Ю. Непсихотическая депрессия и избыточная масса тела: клинико-психологические особенности // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. 2013. № 4. С. 47-58.
3. Антохин Е.Ю. и др. Дистимия: особенности психопатологии и протективных структур и их динамика в терапии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. 2017. № 3. С. 251-265.
4. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. – М.: ПЕР СЭ, 2006. 528 с.
5. Исаева Е.Р., Зуйкова Н.В. Защитно-совпадающий стиль поведения больных депрессивными расстройствами // Сибирский психологический журнал. 2002. № 16-17. С. 84-88.
6. Лысенко А.В. Исследование особенностей копинг-стратегий у больных рекуррентным депрессивным расстройством // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2018. № 11. С. 53-56.
7. Незнанов Н.Г., Коцюбинский А.П., Мазо Г.Э. Биopsихосоциальная психиатрия: руководство для врачей. М.: СИМК, 2020. 904 с.
8. Aldwin C.M. et al. Age differences in stress, coping, and appraisal: Findings from the Normative Aging Study // The Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences. 1996. Vol. 42. No. 8. P. 179-188.
9. Beck A.T. The evolution of the cognitive model of depression and its neurobiological correlates // American journal of psychiatry. 2008. Vol. 165. No 8. P. 969-977.
10. Billings A.G., Moos R.H. Coping, stress, and social resources among adults with unipolar depression //Journal of personality and social psychology. 1984. Vol. 46. No. 4. P. 877.
11. Bockting C.L.H. et al. Differential predictors of response to preventive cognitive therapy in recurrent depression: a 2-year prospective study //Psychotherapy and psychosomatics. 2006. Vol. 75. No. 4. P. 229-236.
12. Bolger N., Zuckerman A. A framework for studying personality in the stress process // Journal of personality and social psychology. 1995. Vol. 69. No. 5. P. 890.
13. Carver C.S., Connor-Smith J. Personality and coping // Annual review of psychology. 2010. Vol. 61. No. 1. P. 679-704.
14. Carver C.S., Vargas S. Stress, coping, and health // The Oxford handbook of health psychology / Edited by H.S. Friedman. Oxford university press, 2011. Part 2. P. 162-188.
15. Cheng C. et al. Coping style and mental health amid the first wave of the COVID-19

- pandemic: a culture-moderated meta-analysis of 44 nations // *Health Psychology Review*. 2024. Vol. 18. No. 1. P. 141-164.
16. Choudhury S., Sahoo S., Dash S. R. Coping Mechanisms Used by Women with Major Depression // *EXECUTIVE EDITOR*. 2020. Vol. 11. No. 10. P. 170.
17. Christensen M.V., Kessing L.V. Clinical use of coping in affective disorder, a critical review of the literature // *Clinical practice and epidemiology in mental health*. 2005. Vol. 1. P. 1-9.
18. Connor-Smith J.K., Flachsbart C. Relations between personality and coping: a meta-analysis // *Journal of personality and social psychology*. 2007. Vol. 93. No. 6. P. 1080.
19. Crasovan I.C., Crasovan D.N. R. Identifying coping mechanisms specific to non-psychotic major depressive disorder—Using the Romanian Version of COPE Questionnaire // *Revista de Psihologie*. 2021. Vol. 67. No. 3. P. 21-34.
20. Cronkite R.C. et al. Life circumstances and personal resources as predictors of the ten-year course of depression // *American journal of community psychology*. 1998. Vol. 26. No. 2. P. 255-280.
21. Cronkite R.C. et al. Life stressors and resources and the 23-year course of depression // *Journal of Affective Disorders*. 2013. Vol. 150. No. 2. P. 370-377.
22. De Berardis D. et al. Religious coping, hopelessness, and suicide ideation in subjects with first-episode major depression: An exploratory study in the real world clinical practice // *Brain Sciences*. 2020. Vol. 10. No. 12. P. 912.
23. Duggar P. et al. Gender Differences in Emotional Intelligence and Coping Strategies in Patients of Bipolar Depressive Disorder // *Sch J App Med Sci*. 2021. Vol. 12. P. 1813-1833.
24. Engel-Yeger B. et al. Sensory processing patterns, coping strategies, and quality of life among patients with unipolar and bipolar disorders // *Brazilian Journal of Psychiatry*. 2016. Vol. 38. P. 207-215.
25. Erden S.C., Uygur A.B., Karakus K. Evaluation of coronavirus anxiety levels and coping strategies of major depressive disorder, generalized anxiety disorder, and panic disorder patients during the COVID-19 pandemic // *Sisli Etfal Hastan Tip Bul*. 2023. Vol. 57. No. 1. P. 33-45.
26. Fletcher K., Parker G.B., Manicavasagar V. Coping profiles in bipolar disorder // *Comprehensive psychiatry*. 2013. Vol. 54. No. 8. P. 1177-1184.
27. Fletcher K., Parker G., Manicavasagar V. The role of psychological factors in bipolar disorder: prospective relationships between cognitive style, coping style and symptom expression // *Acta neuropsychiatrica*. 2014. Vol. 26. No. 2. P. 81-95.
28. Folkman S., Moskowitz J.T. Coping: Pitfalls and promise // *Annu. Rev. Psychol*. 2004. Vol. 55. No. 1. P. 745-774.
29. Güл A. et al. Differences Between Childhood Traumatic Experiences and Coping Styles For Male and Female Patients with Major Depression // *Turkish Journal of Psychiatry*. 2017. Vol. 28. No. 4. P. 246-254.
30. Hammen C. et al. Psychiatric history and stress: predictors of severity of unipolar depression // *Journal of abnormal psychology*. 1992. Vol. 101. No. 1. P. 45.
31. Hammen C. Stress and depression // *Annu. Rev. Clin. Psychol*. 2005. Vol. 1. No. 1. P. 293-319.
32. Harris A.H.S., Cronkite R., Moos R. Physical activity, exercise coping, and depression in a 10-year cohort study of depressed patients // *Journal of affective disorders*. 2006. Vol. 93. No. 1-3. P. 79-85.
33. Ho C.S.H., Chua J., Tay G.W.N. The diagnostic and predictive potential of personality traits and coping styles in major depressive disorder // *BMC psychiatry*. 2022. Vol. 22. No. 1. P. 301.
34. Holahan C.J. et al. Drinking to cope and alcohol use and abuse in unipolar depression: a

- 10-year model // Journal of abnormal psychology. 2003. Vol. 112. No. 1. P. 159.
35. Holahan C.J. et al. Stress generation, avoidance coping, and depressive symptoms: a 10-year model // Journal of consulting and clinical psychology. 2005. Vol. 73. No. 4. P. 658.
36. Holubova M. et al. Quality of life and coping strategies of outpatients with a depressive disorder in maintenance therapy—a cross-sectional study // Neuropsychiatric disease and treatment. 2017. P. 73-82.
37. Hutchinson J.G., Williams P.G. Neuroticism, daily hassles, and depressive symptoms: An examination of moderating and mediating effects // Personality and Individual Differences. 2007. Vol. 42. No. 7. P. 1367-1378.
38. Kandola A. et al. Physical activity and depression: Towards understanding the antidepressant mechanisms of physical activity // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. – 2019. Vol. 107. P. 525-539.
39. Kendler K.S., Karkowski L.M., Prescott C.A. Causal relationship between stressful life events and the onset of major depression // American journal of psychiatry. 1999. Vol. 156. No. 6. P. 837-841.
40. Kessing L.V., Agerbo E., Mortensen P.B. Does the impact of major stressful life events on the risk of developing depression change throughout life? // Psychological medicine. 2003. Vol. 33. No. 7. P. 1177-1184.
41. Krantz S.E., Moos R.H. Risk factors at intake predict nonremission among depressed patients // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1988. Vol. 56. No. 6. P. 863.
42. Lazarus R.S., Launier R. Stress-related transactions between person and environment // Perspectives in interactional psychology. Boston, MA: Springer US, 1978. P. 287-327.
43. Lazarus R.S., Folkman S. Stress, Appraisal, and Coping. NY: Springer, 1984. P. 445.
44. Lazarus R.S., Folkman S. Transactional theory and research on emotions and coping // European Journal of personality. 1987. Vol. 1. No. 3. P. 141-169.
45. Lazarus R.S. Coping theory and research: past, present, and future // Psychosomatic medicine. 1993. Vol. 55. No. 3. P. 234-247.
46. Liberati A. et al. The PRISMA statement for reporting systematic reviews and meta-analyses of studies that evaluate health care interventions: explanation and elaboration // Annals of internal medicine. 2009. Vol. 151. No. 4. P. W-65-W-94.
47. Li M. et al. To what extent do social support and coping strategies mediate the relation between childhood maltreatment and major depressive disorder: A longitudinal community-based cohort // Development and psychopathology. 2024. Vol. 36. No. 1. P. 50-61.
48. Manceaux P., Zdanowicz N. Immunity, coping and depression // Psychiatria Danubina. 2016. Vol. 28. No. suppl 1. P. 165-169.
49. Maruta, N. Clinical-Psychopathological and Pathopsychological Prognostic Factors of Recurrent Depressive Disorders Course / N. Maruta, V. Fedchenko // Psychiatry, psychotherapy and clinical psychology. 2019. Vol. 10. No. 1. P. 120-134.
50. Matud M.P. Gender differences in stress and coping styles // Personality and individual differences. 2004. Vol. 37. No. 7. P. 1401-1415.
51. McWilliams L.A., Cox B.J., Enns M.W. Use of the Coping Inventory for Stressful Situations in a clinically depressed sample: Factor structure, personality correlates, and prediction of distress 1 // Journal of clinical psychology. 2003. Vol. 59. No. 12. P. 1371-1385.
52. Monroe S.M. et al. Major life events and major chronic difficulties are differentially associated with history of major depressive episodes // Journal of abnormal psychology. 2007. Vol. 116. No. 1. P. 116.
53. Oh M. et al. Differences in personality, defense styles, and coping strategies in individuals with depressive disorder according to age groups across the lifespan // Psychiatry investigation. 2019. Vol. 16. No. 12. P. 911.

54. Oldehinkel A.J., Ormel J., Neeleman J. Predictors of time to remission from depression in primary care patients: do some people benefit more from positive life change than others? // Journal of Abnormal Psychology. 2000. Vol. 109. No. 2. P. 299.
55. Orzechowska A. et al. Depression and ways of coping with stress: A preliminary study // Medical science monitor: international medical journal of experimental and clinical research. – 2013. Vol. 19. P. 1050.
56. Orzechowska A. et al. Ways of Coping with Stress among Patients with Depressive Disorders // Journal of Clinical Medicine. 2022. T. 11. No. 21. P. 6500.
57. Ormel J., Oldehinkel A.J., Vollebergh W. Vulnerability before, during, and after a major depressive episode: a 3-wave population-based study // Archives of general psychiatry. 2004. Vol. 61. No. 10. P. 990-996.
58. Pu S. et al. The relationship between the prefrontal activation during a verbal fluency task and stress-coping style in major depressive disorder: a near-infrared spectroscopy study // Journal of psychiatric research. 2012. Vol. 46. No. 11. P. 1427-1434.
59. Rodgers S. et al. Low emotion-oriented coping and informal help-seeking behaviour as major predictive factors for improvement in major depression at 5-year follow-up in the adult community // Social psychiatry and psychiatric epidemiology. 2017. Vol. 52. No. 9. P. 1169-1182.
60. Schuckit M.A. Alcohol, anxiety, and depressive disorders // Alcohol health and research world. 1996. Vol. 20. No. 2. P. 81.
61. Skinner E.A., Zimmer-Gembeck M.J. The development of coping // Annu. Rev. Psychol. – 2007. Vol. 58. No. 1. P. 119-144.
62. Suh H. et al. Similarities and differences of strategies between bipolar and depressive disorders on stress coping // Psychiatry Investigation. 2020. Vol. 17. No. 1. P. 71.
63. Su Y. et al. The relationship between childhood maltreatment and mental health problems: coping strategies and social support act as mediators // BMC psychiatry. 2022. Vol. 22. No. 1. P. 359.
64. Swindle R.W., Cronkite R.C., Moos R.H. Life stressors, social resources, coping, and the 4-year course of unipolar depression // Journal of Abnormal Psychology. 1989. Vol. 98. No. 4. P. 468.
65. Szádóczky E. et al. Predictors for 2-year outcome of major depressive episode // Journal of Affective Disorders. 2004. Vol. 83. No. 1. P. 49-57.
66. Taylor S.E., Stanton A.L. Coping resources, coping processes, and mental health // Annu. Rev. Clin. Psychol. 2007. Vol. 3. No. 1. P. 377-401.
67. Thompson R.J. et al. Maladaptive coping, adaptive coping, and depressive symptoms: Variations across age and depressive state // Behaviour research and therapy. 2010. Vol. 48. No. 6. P. 459-466.
68. Trew J.L. Exploring the roles of approach and avoidance in depression: An integrative model // Clinical psychology review. 2011. Vol. 31. No. 7. P. 1156-1168.
69. Tsujimoto E. et al. Discrepancies between self-and observer-rated depression severities in patients with major depressive disorder associated with frequent emotion-oriented coping responses and hopelessness // Neuropsychiatric disease and treatment. 2018. P. 2331-2336.
70. VandenBos G. R. APA Dictionary of Psychology // American Psychological Association. 2007.
71. Woodhead E. et al. The role of depression course on life functioning and coping outcomes from baseline through 23-year follow-up // Journal of Mental Health. 2022. Vol. 31. No. 3. P. 348-356.
72. Yamada K. et al. Coping behavior in depressed patients: A longitudinal study // Psychiatry research. 2003. Vol. 121. No. 2. P. 169-177.

73. Yeşiloğlu C. et al. The relationship of coping skills with psychache in patients with depressive disorder // Medicine. 2023. Vol. 102. No. 29. P. e3433.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора

Психология и Психотехника

Правильная ссылка на статью:

Васильева Г.Н. Тренинг как технология коррекции эмоциональных и когнитивных нарушений у ВИЧ-инфицированных пациентов. Оценка эффективности // Психология и Психотехника. 2025. № 1. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.1.72734 EDN: XAUPOG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72734

Тренинг как технология коррекции эмоциональных и когнитивных нарушений у ВИЧ-инфицированных пациентов. Оценка эффективности

Васильева Галина Николаевна

ORCID: 0000-0002-5052-9661

аспирант; кафедра Общей и клинической психологии; Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова

197706, Россия, г. Санкт-Петербург, Дубковское шоссе, 17, кв. 24

✉ galya@list.ru

[Статья из рубрики "Клиническая психология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.1.72734

EDN:

XAUPOG

Дата направления статьи в редакцию:

16-12-2024

Дата публикации:

25-01-2025

Аннотация: Предметом исследования является эмоциональная сфера и когнитивные функции (память, внимание, мышление) пациентов с ВИЧ-инфекцией. Объект исследования — пациенты с ВИЧ-инфекцией. Автор подробно анализирует когнитивные нарушения у данной категории пациентов, которые оказывают значительное влияние на приверженность лечению, эмоциональную стабильность и снижение качества жизни. В центре внимания находится опыт проведения группового тренинга, эффективность которого подтверждена улучшением эмоционального состояния и когнитивных функций участников. Исследование подчеркивает важность персонализированного подхода к оценке и коррекции когнитивных функций и эмоциональных нарушений, учитывая такие факторы, как стадия заболевания, сопутствующие патологии, психоэмоциональное

состояние и индивидуальные особенности пациентов. На основе этих данных автор разработал тренинг, адаптированный под потребности данной группы. В работе использовались информационная анкета, таблицы Шульте, «Проба запоминания 10 слов», «Тест Мюнстерберга», методики «Существенные признаки», «Исключение лишнего» (невербальный вариант), методика «Сложные аналогии», «Опросник выраженности психопатологической симптоматики», методика диагностики иррациональных установок А. Эллиса и методика «Индекс жизненной удовлетворенности». Психодиагностическое обследование проводилось до начала тренинга и после каждого восьми занятий. Основными выводами исследования являются доказанная эффективность проведенного тренинга в улучшении памяти (у 39% участников), внимания (у 83%), логического мышления (у 36%) и эмоционального состояния, включая значительное снижение соматизации, обсессивно-компульсивных проявлений, депрессии и тревожности (у 47–63%). Анкетирование участников продемонстрировало их высокую удовлетворенность тренингом и субъективное улучшение когнитивных функций и эмоционального состояния, что подтверждает актуальность такого подхода. Корреляционный анализ выявил значимую связь между эмоциональной напряженностью и иррациональными установками, подчеркивая необходимость их учета в реабилитационных программах. Установлено, что когнитивные нарушения, серьезно влияющие на приверженность лечению и качество жизни пациентов с ВИЧ-инфекцией, требуют персонализированного подхода, учитывая стадию заболевания, сопутствующие патологии, психоэмоциональное состояние и индивидуальные особенности. Разработанный тренинг, адаптированный под эти потребности, продемонстрировал высокую эффективность в снижении эмоционального напряжения, улучшении когнитивных функций и повышении способности участников к осознанному саморазвитию.

Ключевые слова:

ВИЧ-инфекция, когнитивные функции, когнитивные нарушения, тренинг, психологическая технология, эмоциональные нарушения, коморбидность, персонализированный подход, иррациональные убеждения, жизненная удовлетворенность

Введение

На сегодняшний день ВИЧ-инфекция больше не воспринимается как приговор. Благодаря достижениям в области высокоактивной антиретровирусной терапии (ВААРТ) заболевание стало контролируемым. Тем не менее, вопрос полного излечения остается нерешенным. Согласно исследованиям продолжительности жизни, ВИЧ-позитивные пациенты, своевременно начавшие лечение и имеющие доступ к медицинской помощи, живут столько же, сколько их ВИЧ-негативные сверстники [1]. Однако на первый план выходит проблема качества жизни ВИЧ-инфицированных [2].

ВИЧ-инфекция значительно увеличивает вероятность возникновения проблем с психическим здоровьем, начиная от дистресса и заканчивая серьезными психическими расстройствами [3]. Несмотря на наличие множества исследований, посвященных психическому состоянию пациентов с ВИЧ [3-5], многие аспекты этой темы до сих пор остаются недостаточно изученными. Основное внимание исследователей сосредоточено на связи качества жизни с клиническими характеристиками заболевания, такими как

вирусная нагрузка, степень иммунодефицита, коморбидные состояния и схемы лечения [6-8]. При этом психологические аспекты, включая особенности когнитивной сферы пациентов и их изменения, зачастую остаются за рамками исследований.

Когнитивные нарушения у ВИЧ-инфицированных существенно ухудшают клиническую картину заболевания и ускоряют наступление инвалидизации [9]. В этой связи коррекция подобных нарушений приобретает важное социальное значение. Своевременная диагностика состояния когнитивной и эмоциональной сфер может способствовать предупреждению или замедлению их прогрессирования, сохранению качества жизни и снижению риска инвалидизации [10,11]. Кроме того, значительную роль в усугублении эмоциональных нарушений играют стресс и психологическое давление, связанные с неопределенностью, вызванной диагнозом, и стигматизацией больных [3].

Несмотря на проведенные исследования в области психологической помощи и когнитивного функционирования ВИЧ-инфицированных [9,11-13], практически отсутствуют предложения по разработке вмешательств, направленных на улучшение или восстановление когнитивных функций у данной группы пациентов.

Таким образом, актуальность настоящего исследования определяется необходимостью динамического исследования когнитивной и эмоциональной сферы пациентов с ВИЧ-инфекцией и возможностей их восстановления или коррекции.

Когнитивные нарушения при ВИЧ-инфекции являются одной из самых распространенных проблем, сопровождающих это хроническое инфекционное заболевание. Эмоционально-аффективные расстройства (тревога, депрессия, эмоциональная лабильность/раздражительность) и поведенческие проблемы (апатия, ажитация, нарушения сна и пищевого поведения) негативно сказываются на когнитивных функциях и адаптивных способностях пациента с ВИЧ. Недооценка важности эмоциональных и поведенческих расстройств в общей картине болезни и отсутствие их адекватной коррекции приводят к более быстрому прогрессированию когнитивных нарушений и значительному снижению повседневной активности и качества жизни. Необходимость разработки и внедрения психологических технологий для коррекции или компенсации таких нарушений не вызывает сомнений и подтверждается многими исследованиями. Собственный опыт проведения группового когнитивно-эмоционального тренинга для людей, живущих с ВИЧ, согласно результатам полученной обратной связи от его участников, интерес со стороны врачей, направляющих пациентов, показал актуальную потребность и приемлемость в разработке такой технологии.

Мы определяем когнитивно-эмоциональный тренинг как метод обучения, направленный на приобретение человеком практических знаний и навыков, которые помогают укреплять и развивать свои когнитивные функции или компенсировать их нарушения, а также способствует улучшению эмоционального состояния. Впервые когнитивные тренинги были внедрены в рамках психосоциальной реабилитации пациентов с шизофренией для коррекции нейрокогнитивного дефицита [14,15]. Сегодня когнитивные тренинги разрабатываются для людей с различными ограничениями по здоровью и разными заболеваниями, которые сопровождаются когнитивным снижением.

Тренинговые программы приобретают всё большую популярность в соматической медицине, поскольку способствуют повышению эффективности социального функционирования и улучшению качества жизни пациентов. Ставятся востребованными тренинги, которые направлены на улучшение жизнестойкости, управление эмоциями и

развитие эмоционального интеллекта.

При разработке тренинговых программ, в том числе для работы с эмоциональной сферой, необходимо учитывать комплексное психотравмирующее воздействие факта выставления диагноза ВИЧ или другого тяжелого угрожающего жизни заболевания на когнитивные, поведенческие и эмоциональные аспекты психики пациентов. Согласно данным исследования, ВИЧ-инфицированные пациенты, прошедшие тренинг жизнестойкости, считают ВИЧ-инфекцию травматическим опытом, оказывающим значительное влияние на их эмоциональное состояние и восприятие будущего [16]. Они отметили, что тренинг жизнестойкости является эффективным способом повышения устойчивости к стрессу, преодоления кризисных состояний и изменения отношения к будущему.

В связи с этим важно, чтобы психологические тренинги фокусировались на: повышении стрессоустойчивости, преодолении кризисных состояний и коррекции когнитивных и эмоциональных нарушений. Важно включать элементы, направленные на изменение негативных убеждений и эмоциональных реакций, связанных с травмой, что способствует развитию более адаптивных форм поведения и отношения к будущему.

Таким образом, тренинговые программы должны быть основаны на комплексном подходе, который учитывает не только поведенческие, но и эмоциональные, а также когнитивные особенности участников.

Когда пациенты с ВИЧ впервые узнают о своем заболевании, в процессе первичного психологического консультирования необходимо обсуждать с пациентами риски возникновения когнитивных нарушений в результате ВИЧ-инфекции и мотивировать их к развитию когнитивного резерва, а также к приверженности реабилитационным программам [4,17,18]. Однако еще более важно организовывать и предлагать психокоррекционные вмешательства, направленные на улучшение когнитивных функций.

Существуют исследования, показывающие, что когнитивные нарушения и когнитивный резерв у ВИЧ-инфицированных пациентов, госпитализированных в стационар Центра СПИД, связаны с совладающим поведением. Это означает, что способы реакции на стресс играют важную роль в этих взаимосвязях [11]. Такие данные также необходимо учитывать при разработке психологических технологий коррекции когнитивных нарушений для ЛЖВ.

Как показал наш опыт проведения такого тренинга для ВИЧ-инфицированных, регулярное участие пациентов может затрудняться из-за астении, депрессии, снижения мотивации, занятости, предвзятости к психологу и других факторов. Однако ограничения на пути к оценке эффективности психологических вмешательств значительно шире, чем просто сложности с набором участников: часто невозможно измерить когнитивные функции до возникновения заболевания, отсутствует информация о начале болезни, существует значительное разнообразие среди участников по физическим, психологическим и социальным характеристикам.

Необходимо учитывать индивидуальные особенности ВИЧ-инфицированных, их личностные и психологические характеристики при разработке любых технологий психологического воздействия. Такую возможность дает персонализированный подход. «Персонализированная медицина представляет собой совокупность методов профилактики патологического состояния, диагностики и лечения в случае его возникновения, основанных на индивидуальных особенностях пациента» [19]. Опираясь

на данный подход, можно сформулировать основные составляющие такого подхода к разработке технологии когнитивно-эмоционального тренинга для людей, живущих с ВИЧ и оценке эффективности участия в таком тренинге:

- гибкий протокол занятия с четким сценарием, содержащий обязательные (индикаторные) и произвольные упражнения;
- индикаторы персональной динамики участия;
- опора на сохранные когнитивные функции участников в работе тренинга;
- компенсация сниженных функций за счет сохранных;
- индивидуальное определение оптимального количества посещений;
- обсуждение отдельно с каждым участником тренинга его персональных достижений и позитивной роли когнитивных занятий, применении навыков в повседневной жизни.

ВИЧ-инфекция сопровождается сложными коморбидными состояниями, значительными эмоциональными нарушениями, низким уровнем жизнестойкости и неудовлетворенностью жизнью [4;16;20]. ВИЧ-позитивные пациенты нередко сталкиваются с социальной стигматизацией, которая выступает существенным барьером для их участия в когнитивно-ориентированных тренинговых программах, как продемонстрировал наш практический опыт. Учитывая эти особенности, наша задача заключалась в разработке когнитивного тренинга, адаптированного именно под нужды и психологические особенности этой группы. Программа тренинга опирается на принципы персонализированного подхода, который учитывает уникальные клинические и социальные аспекты, с которыми сталкиваются ВИЧ-инфицированные пациенты.

Научная новизна исследования: изучена динамика показателей эмоциональной и когнитивной сферы до и после проведения когнитивно-эмоционального тренинга, показана возможность восстановления когнитивных функций (память, внимание, мышление) и снижения эмоциональной напряженности. Доказана эффективность программы тренинга как психокоррекционной меры по коррекции эмоциональных и когнитивных нарушений для ВИЧ-инфицированных.

Предмет исследования: эмоциональная сфера и когнитивные функции (память, внимание, мышление) пациентов с ВИЧ-инфекцией.

Объект исследования: ВИЧ-инфицированные пациенты.

Цель исследования: разработка и апробация психологической технологии коррекции нарушений эмоциональной и когнитивной сферы у ВИЧ-инфицированных пациентов.

Теоретико-методологическую основу составили положения, отражающие медико-психологические и психосоциальные представления о ВИЧ-инфекции и о связанных с ней явлениях (Зинченко А.И., В. В. Покровский, В. Н. Зимина, В. В. Беляева, О.Е Шаргородская, А. Г. Рахманова, Д., Кольцова О.В., Рыбников В.Ю, Ланга А.Пи др.); исследования в области психологической помощи ВИЧ-инфицированным пациентам (Бузина Т.С., Василенко А.Э., Курымбаева С.Р., Кольцова О.В., Александрова Н.Ви др.); положения, отражающие особенности когнитивных нарушений при ВИЧ-инфекции (Курамбаева С.Р., Рассохин В.В., Беляков Н.А., Трофимова Т.Н., Кольцова О.В. и др.). исследования в области нарушений эмоциональной сферы ВИЧ-инфицированных (Мурыванова Н.Н., Кольцова О.В., Беляева В.В., Ткаченко Т.Н., Валиева Т.В., Гимаева Р.

М., Зинченко А.И. и др.)

Материалы исследования:

Тип исследования – экспериментальное. В исследовании приняли участие 60 пациентов с ВИЧ инфекцией, которые прошли клинико-психологическое психодиагностическое обследование перед прохождением тренинга.

Критерии включения: 1) состоит на учете в центре СПИД с диагнозом В23; 2) возраст от 18 до 75; 3) подписание информированного согласия на участие в исследовании; 4) направление специалистов по психическому здоровью Центра СПИД (психиатра, невролога, психолога); 5) подтверждение от врача отсутствия в анамнезе продуктивных психопатологических синдромов или врожденного интеллектуального психического дефекта, приобретенной деменции; 6) стадия ремиссии на АРВТ (подавленная вирусная нагрузка).

Критерии исключения: 1) возраст моложе 18 и старше 75; 2) активное употребление ПАВ и алкоголя (ремиссия менее года в случае зависимости); 3) наличие тяжелых психических расстройств; 4) отказ от участия в тренинге.

Занятия тренинга проводились 1 раз в неделю (по субботам с 11 до 13 часов), каждое занятие длилось 2 часа. Рекомендовалось пройти не менее восьми занятий. Участие гибкое из-за болезней, сменного графика и командировок, группа имела открытый формат.

За 2 года приняли участие в занятиях 60 человек. Из них: 17 человек посетили тренинг однократно; 23 человека прошли 8 занятий; 6 человек прошли более 8 занятий. Остальные пациенты с разной степенью регулярности посещений посетили от 2 до 7 занятий.

Причины отказа от дальнейшего участия: заболел, переезд, изменился график работы. Негативных оценок в отношении тренинга мы не получали.

Методы исследования:

Для изучения и оценки параметров когнитивной и эмоциональной сферы у пациентов с ВИЧ-инфекцией использованы клинико-психологический, экспериментально-психологический и статистический методы. Клинико-психологический метод включает психологическое интервью, информационную анкету для анализа социально-демографических характеристик, клинических и клинико-психологических данных, а также наблюдение.

Экспериментально-психологический метод представлен следующими методиками.

Для оценки когнитивной сферы:

- 1) «Тест Мюнстерберга» для оценки уровня избирательности и концентрации внимания.
- 2) Методика «Отыскивание чисел по таблицам Шульте» для оценки темпа психической деятельности, наличия истощаемости, устойчивости, концентрации и избирательности внимания.
- 3) «Проба запоминания 10 слов» для оценки объема рече-слуховой кратковременной памяти и отсроченного воспроизведения.
- 4) Методики «Существенные признаки» и «Исключение лишнего» (неверbalный

вариант) для оценки нарушений динамики мышления.

5) Методика «Сложные аналогии» для оценки уровня логического мышления.

Для оценки эмоциональной сферы:

1) «Опросник выраженности психопатологической симптоматики» (SCL-90-R) для оценки глубины эмоциональных нарушений и изучения психологического состояния пациента.

2) Методика диагностики иррациональных установок А.Эллиса для оценки выраженности иррациональных установок, влияющих на эмоциональное состояние.

3) Методика «Индекс жизненной удовлетворенности» (адаптация Н. В. Паниной, 1993) для оценки индекса жизненной удовлетворенности – комплексного показателя, который отражает общую способность человека адаптироваться и приспосабливаться к жизненным обстоятельствам. Люди с высокими значениями данного индекса, как правило, имеют низкую эмоциональную напряженность, низкий уровень тревожности и высокую устойчивость к стрессам.

Статистические методы обработки данных применялись с учетом ненормальности распределения, так как выборка была небольшая. Использовались: описательные статистики, коэффициент ранговой корреляции Спирмена, Т-критерий Вилкоксона. Обработка данных проводилась с помощью SPSS 23.

Психодиагностическое обследование проводилось перед началом участия в тренинге и после прохождения участником каждого восьми занятий.

Результаты и обсуждение:

Описание выборки

В рамках апробации программы тренинга в период с июня 2022 по сентябрь 2024 г. приняли участие 60 человек с разной степенью активности участия. Средний возраст участников составил 47 лет; 76 % участников – женщины. В среднем, участники тренинга узнали о диагнозе ВИЧ-инфекция от 1 до 23 лет назад. У 45% были сопутствующие заболевания (гепатит ВСД, атеросклероз, энцефалопатия, онкология, диабет, гипертония и др.), у 30% была инвалидность. Образование пациентов-участников тренинга: 13% - среднее; 22% - средне-специальное, 27% - высшее. Большинство пациентов не состояли в браке (82%) и были трудоустроены (70%).

По результатам предварительной психодиагностики когнитивных процессов было установлено, что незначительное и умеренное снижение рече-слуховой кратковременной памяти (по методике «10 слов») отмечалось у 43,4 % участников, выраженное снижение памяти – у 26 %. Структура мышления была не нарушенa, но модус мыслительной деятельности крайне неустойчив, что может свидетельствовать о повышенной истощаемости мыслительной деятельности. Уровень логического мышления (по методике Сложные аналогии) снижен у 30% участников. Средняя скорость выполнения таблиц Шульте оказалась в норме у 58,6 % участников. Снижение концентрации и избирательности внимания (по тесту Мюнстерберга) наблюдалось у 45,6% участников.

Тестирование по шкале выраженности психопатологических симптомов (SCL-90-R) в среднем показало значительное превышение нормативных показателей по всем подшкалам (рис.1). Диагностика иррациональных установок (по методике Эллиса)

выявила преобладание установок «катастрофизации» и «долженствования в отношении себя» (рис.2). То есть, участникам тренинга свойственно оценивать каждое неблагоприятное событие как ужасное и невыносимое с чрезмерно высокими требованиями к себе. Индекс жизненной удовлетворенности (по одноименной методике) показал низкий уровень, в составе которого наименьшие значения были у таких показателей, как «согласованность между поставленными и достигнутыми целями» и «положительная оценка себя и собственных поступков» (рис.3). Таким образом, участники тренинга были убеждены в том, что они не достигли или не способны достичь тех целей, которые считают для себя важными, а также низко оценивали себя и свои поступки.

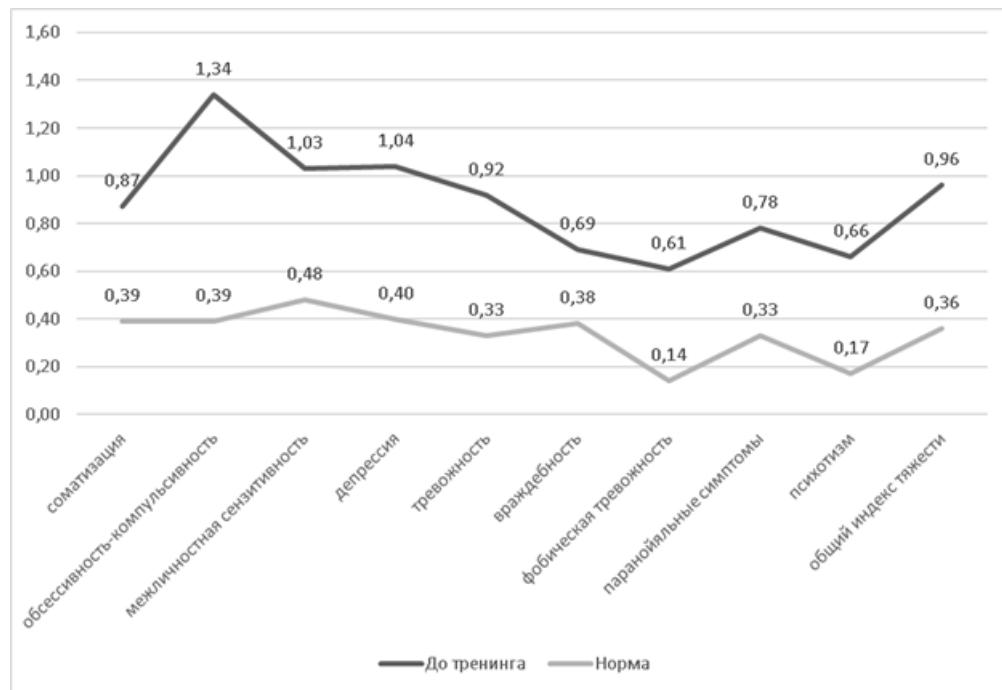

Рисунок №1 Выраженность психопатологической симптоматики (до тренинга)

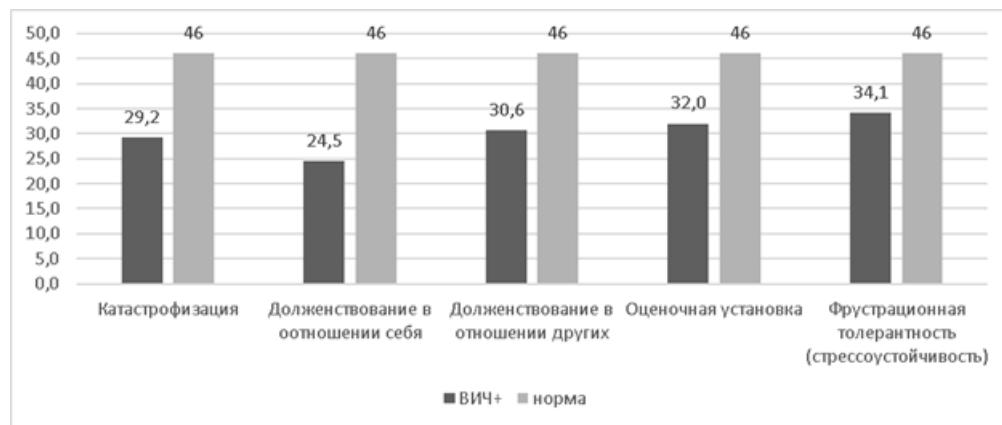

Рисунок №2 Наличие и выраженность иррациональных убеждений (до тренинга)

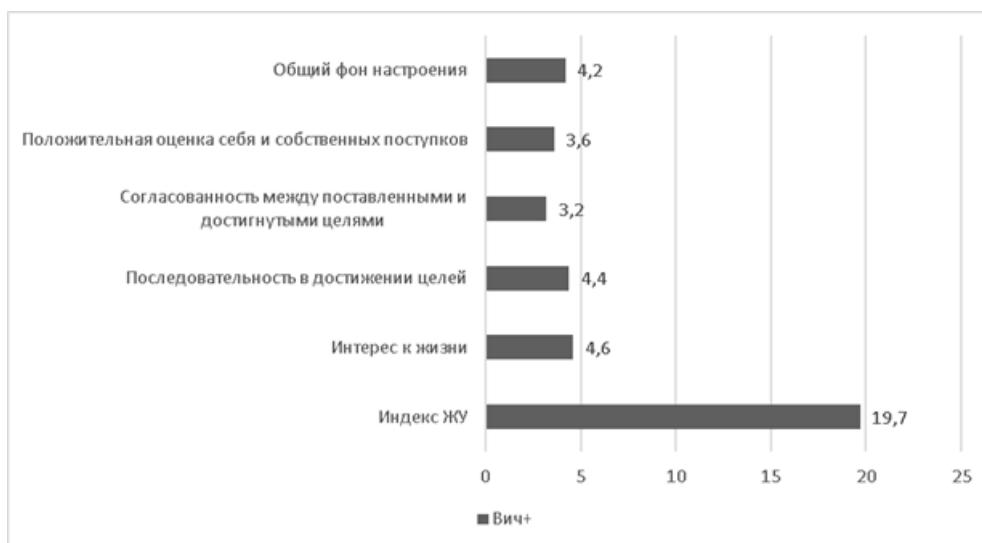

Рисунок №3 Индекс жизненной удовлетворенности (до тренинга)

Таким образом, перед началом проведения тренинга участники, пациенты с ВИЧ, имели высокую выраженность иррациональных убеждений, низкий уровень индекса жизненной удовлетворенности и высокую выраженность психопатологической симптоматики.

Эти показатели отражают исходное эмоциональное и когнитивное состояние участников, что обосновывает необходимость проведения психокоррекционных тренинговых мероприятий.

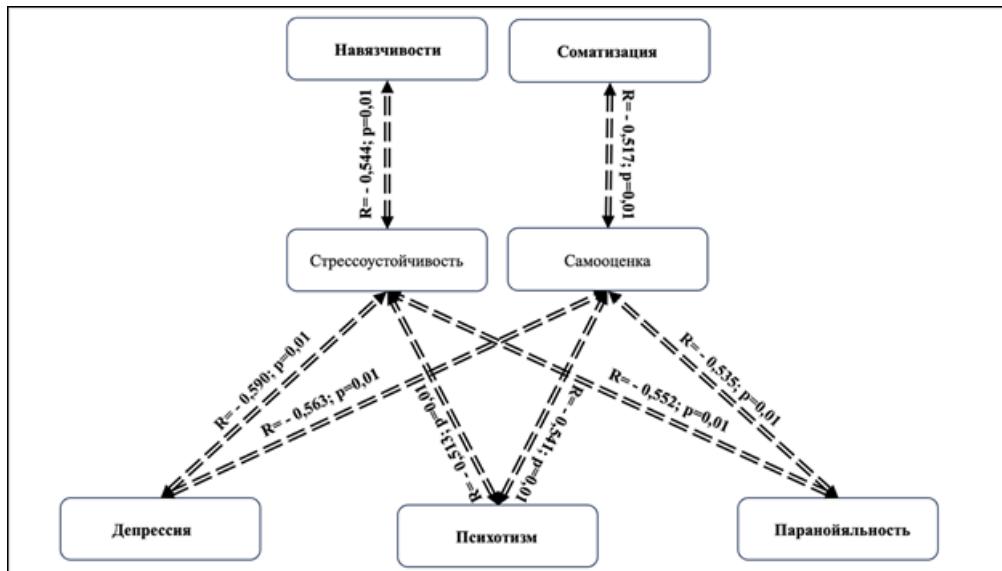
Также необходимо было изучить взаимосвязь между эмоциональным состоянием и иррациональными установками, поскольку понимание этих факторов является ключевым для разработки эффективных психологических интервенций. Эмоциональное состояние напрямую влияет на качество жизни, психическое здоровье и поведение человека, тогда как иррациональные убеждения могут усиливать негативные эмоции и препятствовать адаптации в сложных ситуациях.

В условиях повышенной социальной стигматизации и стрессов, с которыми сталкиваются определенные группы населения, в том числе ВИЧ-позитивные пациенты, важно выяснить, как именно иррациональные установки связаны с их эмоциональным состоянием. Изучение этих взаимосвязей дало возможность выявить критические области и мишени для психокоррекционного вмешательства и предоставить необходимые данные для создания тренингов, способствующих повышению психоэмоционального благополучия и адаптивности участников.

В результате корреляционного анализа был обнаружен ряд значимых взаимосвязей между показателями эмоционального состояния (SCL-90-R) и иррациональными установками (по методике А. Эллиса). Наиболее сильные связи наблюдались у таких показателей как, соматизация, обсессивность-компульсивность, депрессия, паранойяльность и психотизм. Все они были отрицательно связаны ($p=0,01$) с положительной оценкой себя и своих поступков (самооценка), а также с фрустрационной толерантностью (стрессоустойчивостью) (по методике А.Эллиса) (Рис.4). Полученные данные свидетельствуют о том, что общая оценка степени рациональности мышления и оценка себя тесно взаимосвязаны с эмоциональным состоянием участников. Т.е. чем ниже они оценивают себя и свои возможности, тем выше эмоциональные нарушения. Установленные взаимосвязи обосновывают необходимость внедрения в программу тренинга также техник, направленных на изменение негативных убеждений и развитие навыков эмоциональной регуляции. Фокус на повышении самооценки, фрустрационной

толерантности и рациональности мышления позволит снизить эмоциональное напряжение. Одной из специфических причин сложности вовлечения таких пациентов в групповые занятия является стигматизация, которая, тем не менее, может быть преодолима путем включения в программу упражнений на повышение самооценки, стрессоустойчивости и жизнестойкости [14]. В этом смысле именно групповой формат тренинга, включающий, помимо когнитивного, эмоциональный аспект и социальный компонент (взаимодействие и поддержка), принесет наибольшую пользу.

Рисунок №4 Фрагмент корреляционной плеяды

Дизайн исследования (как создавался тренинга)

Целый год мы посвятили отработке структуры тренинга. Такого тренинга для ВИЧ-положительных пациентов не существует, поэтому мы ставили перед собой задачу не набор данных, а отработать принцип формирования занятий, их содержательное наполнение и последовательность воздействий.

Цель тренинга – создание специальной системы групповых занятий, сопровождающихся регулярной динамической оценкой когнитивных функций и эмоционально-личностных характеристик каждого участника в отдельности, побуждающих их к самопознанию, развитию и пониманию своих возможностей с учетом сохранных когнитивных функций и компенсации утраченных.

На каждом занятии решались следующие задачи:

1. Предупреждение снижения памяти и концентрации внимания.
2. Развитие быстроты мышления и скорости обработки информации.
3. Снижение эмоционального напряжения.
4. Тренировка основных когнитивных функций через специальные упражнения.
5. Освоение мnestических приемов для улучшения памяти.
6. Изучение техник саморегуляции для управления эмоциями.
7. Развитие навыков рефлексии для осмысливания собственного опыта и поведения.

Для обеспечения сопоставимости и возможности анализа данных в отсутствие готового

протокола когнитивно-эмоционального тренинга для ЛЖВ мы создали собственный протокол проведения занятий для пациентов с ВИЧ по улучшению когнитивных функций и эмоционального состояния (табл. 1).

Табл. 1 Примерная структура занятия (продолжительность 2 часа)

№ п.п.	ПОРЯДОК И КОМПОНЕНТЫ	РЕШАЕМЫЕ ЗАДАЧИ
1	Знакомство и разминка в игровой форме	Знакомство участников и одновременно тренировка внимания, памяти, ассоциативного мышления, снижение напряженности в группе, сбор ожиданий от участия в тренинге.
2	Психогимнастическое упражнение	Развитие межполушарного взаимодействия, способствующее активизации мозговой деятельности.
3	Тестирование по методике САН	Самооценка состояния
4	Методика «Поиск чисел от 1 до 90»	Тренировка внимания и количественный индикатор процесса внимания
5	Знакомство с одним из приемов (методов) для улучшения той или иной когнитивной функции (например, «метод Цицерона», «эффект Зейгарник», одно из упражнений по системе Станиславского, метод «Ключ» Х. Алиева и т.п.)	Получение знаний и навыков применения когнитивных упражнений, фокусирования на задаче, повышения стрессоустойчивости. Улучшение взаимодействия в группе, понимания друг друга
6	Упражнение на тренировку произвольного внимания (одно из упражнений)	Улучшение процесса концентрации, избирательности, распределения внимания
7	Методика «Расстановка чисел»	Тренировка произвольного внимания и индикатор процесса внимания
7	Упражнение на тренировку памяти (одно из упражнений)	Тренировка произвольного запоминания Практика применения мnestических приемов
8	Запоминание 20 слов с использованием той или иной техники запоминания	Тренировка непосредственной памяти и количественный индикатор процесса запоминания
9	Упражнение на развитие комбинаторных способностей и ассоциаций	Тренировка мышления (ассоциативное, вербально-логическое, образное)

	с опорой на вербальные и невербальные образы.	
10	Методика «Сложные аналогии»	Тренировка логического мышления и индикатор процесса мышления
11	Упражнение на повышение самооценки и жизненной удовлетворенности	Изменение деструктивных убеждений, которые поддерживают неадаптивное поведение и эмоциональное напряжение
12	Упражнение на саморегуляцию	Формирование навыков саморегуляции
	Воспроизведение ранее предъявленных 20 слов с использованием той или иной техники запоминания	Тренировка непосредственной памяти и количественный индикатор фиксации следов воспринятого
13	Методика «Вербальная беглость»	Тренировка фонетической вербальной беглости и индикатор вербальной беглости
14	Тест Мюнстербергера	Тренировка избирательности внимания и индикатор процесса внимания
15	Обратная связь по итогам занятия	Подведение итогов Обратная связь по использованию полученных навыков в повседневной жизни

Разнообразие факторов, влияющих на состояние ЛЖВ, таких как возраст, коморбидность, стаж заболевания, нейротоксичные схемы лечения, затрудняет создание однородной выборки для психодиагностики до и после тренинга. Также множество факторов, таких как стигматизация, астения, забывчивость, особенности рабочего графика, поведенческие проблемы и инвалидность, влияют на приверженность к участию в программе. Это усложняет разработку жесткого протокола и оценки эффективности тренинга для всех участников. Необходим был персонализированный подход, при этом, не отменяя группового формата, так как он дает отдельные преимущества [20].

Поэтому наша задача заключалась в том, чтобы разработать такие индикаторы, которые покажут прогресс участников, учитывая их индивидуальные особенности и разнообразие факторов, влияющих на участие в тренинге. Эти индикаторы должны быть гибкими и адаптируемыми, чтобы можно было корректно оценить эффективность тренинга как на индивидуальном уровне, так и в групповом формате.

Список индикаторов, которые мы оставили:

1. Количество найденных чисел за 7 минут по методике «Отыскивание чисел по порядку от 1 до 90». Оценивает концентрацию внимания до и после занятия.
- 2 . Количество ассоциаций на картинку за 3 минуты. Оценивает уровень развития ассоциативного мышления.

3 . Количество запомненных слов по методике «20 слов» (М.Г. Бархатова). Оценивает уровень развития различных приемов запоминания.

4 . Количество расставленных чисел в возрастающем порядке по методике «Расстановка чисел». Оценивает произвольное внимание.

5 . Количество найденных слов по методике «Тест Мюнстерберга». Оценивает уровень избирательности и концентрации внимания.

6 . Количество правильно подобранных аналогий по методике «Сложные аналогии». Оценивает уровень способности устанавливать логические связи и отношения между понятиями.

7 . Количество слов на одну букву по методике «Вербальная беглость». Оценивает уровень фонетической вербальной беглости.

8 . Методика «Самочувствие, Активность, Настроение» (используется для оперативной оценки самочувствия, активности и настроения до и после занятия).

9 . Личностный дифференциал» оценивает субъективное отношение человека к себе по трем шкалам (оценка, сила, активность).

Если в процессе тренинга отмечается прогресс в улучшении той или иной функции, например, памяти, мы исследуем оптимальный период (через сколько занятий), когда активное участие дает положительный результат. Если наблюдается неровная динамика (функция то улучшается, то ухудшается), можно говорить об истощаемости психического процесса, необходимости распределения нагрузки (чертежование работы и отдыха). Кроме того, текущая диагностика результатов участия в тренинге позволяет выявить индивидуальные сильные и слабые стороны каждого участника, что позволит определить, как помочь человеку в компенсации ослабленной или утраченной когнитивной функции за счет сохранной, работающей. В случае преобладания возбуждения, расторможенности, важно найти способ избежать непродуктивного поведения (повышенной многоречивости), ошибочных действий (воспроизведение «лишних», не предъявляемых слов).

Оценка эффективности программы когнитивно-эмоционального тренинга

После проведения всей программы тренинга проводилась комплексная оценка эффективности: до и после 8 занятий оценивались когнитивные и эмоциональные изменения участников. Также отслеживалась индивидуальная динамика каждого участника на протяжении всего курса. Кроме того, собирались анкеты обратной связи от участников тренинга, которые прошли 8 занятий. Это дало возможность учитывать их субъективные впечатления, выявлять возможные трудности и корректировать программу в режиме реального времени. Анкеты помогли оценить не только эффективность упражнений, но и общую удовлетворенность процессом, что способствовало улучшению взаимодействия между психологом-тренером и участниками, а также дальнейшему совершенствованию программы.

Все вместе позволило получить полную картину воздействия тренинга, как на уровне группы, так и на индивидуальном уровне, учитывая уникальные особенности каждого участника.

Анализ результатов после 8 занятий

Проанализированы результаты тестирования 23 человек до и после прохождения 8 занятий по следующим показателям когнитивных функций: объем рече-слуховой кратковременной памяти, объем отсроченного воспроизведения, средняя скорость выполнения таблиц Шульте, логическое мышление. Объем слуховой кратковременной памяти у 39% пациентов увеличился. Объем отсроченного воспроизведения у 44% увеличился. Средняя скорость выполнения таблиц Шульте улучшилась у 83% испытуемых. Логическое мышление улучшилось у 36% участников.

Также были проанализированы показатели эмоциональных нарушений по методике SCL-90-R до и после 8 занятий. Соматизация снизилась у 52% участников. Обсессивность-компульсивность снизилась у 63%. Депрессия снизилась у 53% участников. Тревожность снизилась у 47%. Общий индекс тяжести симптомов снизился у 58% участников. Критерий знаковых рангов Вилкоксона также показал статистически значимые различия по этим показателям методики (Таб.2).

Таблица №2 Выраженность психопатологической симптоматики до и после тренинга (в баллах)

Подшкалы SCL-90-R	До тренинга (N=23)	После 8 занятий (N=23)	T-критерий Вилкоксона	Значимость
соматизация	0,78	0,51	-2,10	0,036
обсессивность-компульсивность	1,42	0,96	-2,90	0,004
межличностная сензитивность	0,86	0,80	-0,26	0,794
депрессия	0,98	0,85	-1,92	0,050
тревожность	0,64	0,43	-2,20	0,027
враждебность	0,45	0,45	-0,07	0,938
фобическая тревожность	0,37	0,23	-1,18	0,238
паранойальные симптомы	0,72	0,58	-0,50	0,614
психотизм	0,49	0,25	-2,32	0,020
общий индекс тяжести	0,80	0,60	-2,20	0,028

Анализ анкеты обратной связи

Первым этапом оценки эффективности программы стала оценка удовлетворенности участников тренингом. Мы проверяли, насколько тренинг был полезен, что вдохновило на участие и что мешало посещать занятия. Для этого была разработана анкета обратной связи с вопросами о результатах, мотивации, препятствиях и предпочтениях. Анкета включала готовые варианты ответов с возможностью добавить свои, и позволяла выбирать несколько позиций. Результаты представлены в таблице 3.

Табл.3 Результаты анализа анкет обратной связи

Эффект	Да	100%
	Нет	0%
Кто изначально	психолог центра СПИД	40%
	невролог Центра СПИД	30%

заинтересовал Вас участием в когнитивно-эмоциональном тренинге?		
Какая идея вдохновила вас к участию в когнитивно-эмоциональном тренинге?	справиться с беспокойством по поводу когнитивных функций	33%
	восстановить/развить свои способности, мышление, память, внимание	80%
	справляться со стрессом и эмоциональными проблемами	33%
Что мешало участвовать (вызывало сопротивление)?	неудобное время встречи	27%
	быстро утомляюсь	13%
	ничего не мешало	60%
Какие «бонусы» Вы получили от участия в тренинге?	научился (-ась) сосредотачиваться	47%
	стал (-а) больше читать	33%
	исчез «туман в голове»	13%
	чаще думаю позитивно	40%
	лучше знаю какую память использовать	20%
Что нравится в групповых занятиях?	нет принуждения к участию	60%
	смешанный по возрасту и полу состав	40%
	время занятий	40%
	место занятий	33%
	продолжительность занятия	20%
	открытый формат	60%
	социальный статус участников не имеет значения	53%

Также люди отвечали, какая идея их вдохновила к участию: «научиться жить в социуме, принимать себя», «улучшить свои нейроны», «саморазвитие». Среди ответов про бонусы, были такие варианты: «понимание, что я нормальный адекватный человек, что я не одна такая», «стал более доброжелательным», «улучшилась память».

Обсуждение

Участниками программы тренинга стали 60 человек, средний возраст составил 47 лет, из них 76% — женщины. ВИЧ-диагноз был установлен от 1 до 23 лет назад, 45% участников имели сопутствующие заболевания, у 30% — стоит инвалидность. 82% не состояли в браке, 70% были трудоустроены.

Проведенное психоdiagностическое обследование перед началом тренинга показало, что у 43,4% участников было незначительное и умеренное снижение рече-слуховой кратковременной памяти, а у 26% — выраженное снижение. Эффективность функции внимания в норме у 58,6%, снижение концентрации наблюдалось у 45,6%.

Уровень психопатологической симптоматики превышал нормативные показатели по всем подшкалам. Такие данные согласуются с исследованием, проведенным О.В. Кольцовой и соавторами, где отмечено, что у ВИЧ-инфицированных пациентов показатели психопатологической симптоматики выше установленных нормативных значений по всем шкалам опросника SCL-90-R, где наиболее выраженные отклонения наблюдались у пациентов с нестабильным соматическим здоровьем и наркозависимостью, а также у лиц старше 31 года [10].

У участников преобладали иррациональные установки, такие как «катастрофизация» и «долженствование». Индекс жизненной удовлетворенности на низком уровне, особенно по показателям согласованности целей и положительной самооценки. Это согласуется с результатами исследования Савченко Г.Н. и Кольцовой О.В., где было выявлено, что жизнестойкость ВИЧ-инфицированных женщин тесно связана с их осмысленностью жизни, целеполаганием и самооценкой. Кроме того, травматическое восприятие диагноза отрицательно влияет на смысложизненные ориентации, усиливая психологическое напряжение и снижая способность находить внутренние ресурсы для преодоления жизненных кризисов [16].

Высокая выраженность иррациональных убеждений и психопатологических состояний обосновывает необходимость тренинговых мероприятий для улучшения эмоционального и когнитивного состояния участников. Корреляционный анализ выявил значимые взаимосвязи между жизненной удовлетворенностью, эмоциональной напряженностью и иррациональными установками, что подчеркивает необходимость коррекции негативных убеждений и развития навыков эмоциональной регуляции.

Целью тренинга являлось развитие когнитивных функций и эмоционально-личностных характеристик участников, с фокусом на саморазвитие и понимание возможностей. Задачи на занятиях включали развитие памяти, концентрации внимания, снижение эмоциональной напряженности, освоение техник саморегуляции и рефлексии. Применялись адаптивные индикаторы для оценки индивидуального прогресса участников и анализа воздействия тренинга. Оценка динамики (индивидуальной и групповой) показала эффективность самого тренинга.

Выводы:

- 1 .** ВИЧ-инфекция перестала быть смертельным диагнозом, но остается значимой проблемой для психического здоровья и качества жизни пациентов.
- 2.** Исследование показало, что ВИЧ-инфицированные пациенты сталкиваются с высоким уровнем психопатологической симптоматики, который превышает нормативные значения по всем шкалам опросника SCL-90-R. Такие данные согласуются с ранее проведенными исследованиями, подчеркивая важность психокоррекционной работы для этой группы пациентов.
- 3 .** Анализ динамики когнитивных нарушений после проведения тренинга показал, что объем слуховой кратковременной памяти у 39% участников увеличился. Объем отсроченного воспроизведения у 44% участников увеличился. Эффективность работы

внимания улучшилась у 83% испытуемых. Логическое мышление улучшилось у 36% участников.

4. Анализ динамики эмоциональных нарушений после проведения тренинга показал: соматизация снизилась у 52% участников; обсессивность-компульсивность снизилась у 63%; депрессия снизилась у 53% участников; тревожность снизилась у 47%. Общий индекс тяжести симптомов снизился у 58% участников.

5. Участники исследования демонстрировали иррациональные установки, такие как «катастрофизация» и «долженствование», которые значительно ухудшали их эмоциональное состояние. Корреляционный анализ выявил связь между иррациональными убеждениями и эмоциональной напряжённостью, что подчеркивает необходимость их коррекции в рамках тренинга.

6. Анализ результатов анкеты обратной связи после тренинга показал общую удовлетворенность участников, а также субъективное улучшение концентрации внимания, памяти и общего эмоционального состояния.

7. Разработанная программа тренинга учитывала индивидуальные особенности участников, такие как возраст, коморбидные состояния и социальные факторы. Это позволило обеспечить гибкость занятий и добиться значительных результатов как в когнитивной, так и в эмоциональной сферах.

8. Исследование подтвердило эффективность когнитивно-эмоционального тренинга в улучшении когнитивных функций и снижении эмоциональных нарушений у ВИЧ-инфицированных пациентов, что открывает перспективы для дальнейшей адаптации программы в клинической практике.

Заключение

Разработка концепции когнитивного тренинга как технологии коррекции эмоциональных и когнитивных нарушений у ВИЧ-инфицированных пациентов продолжается. В будущем тренинг может быть адаптирован для применения как в инфекционных больницах, так и в амбулаторных условиях поликлиник и реабилитационных центров. Однако важно понимать, что для успешной реализации тренинга важен персонализированный подход, который учитывает индивидуальные особенности пациентов. А использование тщательно отобранных индикаторов и методов диагностики позволяет более точно отслеживать индивидуальные изменения и динамику когнитивных функций.

Ограничения нашего исследования, такие как возраст, коморбидность, стаж заболевания, нейротоксичные схемы лечения и другие факторы, указывают на необходимость дальнейших лонгитюдных и экспериментальных исследований для более глубокого анализа влияния тренинга. Также, по мере увеличения участников исследования, стоит задача оценить эффективность тренинга для пациентов в зависимости от степени когнитивных и эмоциональных нарушений.

Библиография

1. Marcus JL Comparison of Overall and Comorbidity-Free Life Expectancy Between Insured Adults With and Without HIV Infection, 2000-2016 // Marcus JL, Leyden WA, Alexeeff SE, et al. Comparison of Overall and Comorbidity-Free Life Expectancy Between Insured Adults With and Without HIV Infection, 2000-2016. JAMA Netw Open. 2020;3(6):e207954. Published 2020 Jun 1. doi:10.1001/jamanetworkopen.2020.7954
2. Рехтина Н.В. Качество жизни лиц, живущих с ВИЧ, в современной России: Диссер. ...

- канд. психол. наук: 22.00.04 / Н.В. Рехтина. – Барнаул, 2012. – 164 с.
3. Manjula A Rao Assessment of Emotional Problems faced by People Living with HIV/AIDS and to study the role of family support and role of a counsellor to manage the Emotional Problems // Imperial Journal of Interdisciplinary Research (IJIR) Vol-2, Issue-7, 2016. P. 546-551
4. Кольцова О. В. Психологическая помощь больным с ВИЧ-инфекцией в специализированном учреждении здравоохранения -Центре СПИД: Диссер. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / О. В. Кольцова. – Санкт-Петербург, 2013. – 116 с.
5. Кольцова О.В., Сафонова П.В., Рыбников В.Ю. Психологические трудности пациентов, инфицированных вирусом иммунодефицита человека, при подготовке к антиретровирусной терапии. Журнал инфектологии. 2019;11(4). – С. 85-91.
6. Улюкин И. М., Чикова Р. С. Уровень качества жизни больных ВИЧ-инфекцией и его зависимость от психологических показателей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. 2006. №3.
7. Баскакова И. В., Подымова А. С., Тургель И. Д., Баландина М. С. Оценка влияния заболевания ВИЧ-инфекцией на качество жизни населения в регионе // Экономика региона. – 2020. – Т. 16, вып. 1. – С. 114-126
8. Филоненко, Н.Г. Актуальность вопросов качества жизни людей, живущих с ВИЧ/СПИД/ Н.Г. Филоненко, С.М. Головина // Бюлл. Национального НИИ общественного здоровья. – 2007. – Вып.6. – С. 52–56.
9. Курамбаева, С. Р. Нарушение когнитивных функций у больных ВИЧ / С. Р. Курамбаева // Доброхотовские чтения : Материалы III междисциплинарной научной конференции, Махачкала, 05–06 октября 2018 года / Главный редактор Б.А. Абусуева. – Махачкала: ПБОЮЛ "Зулумханов", 2018. – С. 70-74.
10. Скрининговая оценка уровня дистресса и выраженности психопатологических симптомов у ВИЧ-инфицированных пациентов / О. В. Кольцова, А. В. Гайсина, В. Ю. Рыбников, В. В. Рассохин // ВИЧ-инфекция и иммуносупрессии. – 2013. – Т. 5, № 2. – С. 35-41. – EDN QCVRHV.
11. Кольцова О.В., Мошкова Г.Ш. Когнитивные нарушения и когнитивный резерв, их взаимосвязь с поведенческими особенностями у пациентов с вирусом иммунодефицита человека во время госпитализации / Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева, 2021, № 1, с. 53-59
12. Бузина Т.С. Психологическая модель профилактики зависимости от психоактивных веществ и сочетанных с ней парентеральных инфекций - Диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук. 2016.
13. Василенко А.Э. Особенности психологической помощи ВИЧ-инфицированным клиентам в условиях государственных центров социальной помощи населению / А.Э. Василенко // Социальное обслуживание семей и детей : научно-методический сборник. – 2016. – Вып. 8 : Семья и проблемы ВИЧ-инфекции: профилактика и социальное обслуживание. – С. 123 –133.
14. Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г., Долныкова А.А., Шмуклер А.Б. Программа тренинга когнитивных и социальных навыков (ТКСН) у больных шизофренией. Социальная и клиническая психиатрия, 2007, N 4,-С.67-77
15. Исаева Е.Р., Лебедева Г.Г. Тренинг когнитивного и социального функционирования в системе реабилитации пациентов с неврально-психическими расстройствами // "Биопсихосоциальный подход к нейрореабилитации": Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 22-23 мая 2015г., Санкт-Петербург. - СПб: Изд-во "Человек и его здоровье", 2015. - с.16-22.
16. Савченко Г.Н., Кольцова О.В. Тренинг жизнестойкости для ВИЧ-инфицированных женщин // ВИЧ-инфекция иммуносупрессии. 2020. Т. 12, № 3. С. 111-119. DOI:

10.22328/2077-9828-2020-12-3-111-119

17. Кольцова О.В. Значение медицинской психологии в оказании комплексной клинико-диагностической и терапевтической помощи ВИЧ-инфицированным пациентам // Материалы международной научно-практической конференции. «Зейгарниковские чтения. Диагностика и психологическая помощь в современной клинической психологии». М., 2020. С. 700–702.
18. Морозова Е.В. Алексанин С.С. Реабилитационная приверженность и совладание личности с кризисной ситуацией инвалидизирующей болезни // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2022. № (204). С. 502–512. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2022.2.p502-512
19. Персонализированный подход к лечению пациента с ВИЧ-инфекцией / Н. А. Беляков, В. В. Рассохин, Е. В. Степанова [и др.] // . – 2020. – Т. 12, № 3. – С. 7-34. – DOI 10.22328/2077-9828-2020-12-3-7-34. – EDN OWHQYU.
20. Мурыванова Н.Н. Психологические особенности ВИЧ-инфицированных больных / Н.Н. Мурыванова, В.И. Горбунов // Журнал инфектологии. – 2015. - №7(2). – С. 70-74.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Актуальность данной тематики имеет общее практическое значение, поскольку людьми с хронической ВИЧ-инфекцией необходимо заниматься по причине наличия у них различных проблем психологического характера. Выраженность такой психологической симптоматики различная и зависит это от большого количества факторов. Врачи-специалисты и врачи общей практики много времени таким больным по поводу их психологической симптоматики уделять не могут. Поэтому уже давно сложилась практика отправлять таких больных к психотерапевту или психологу. И это правильно.

Поэтому те психологи, кто занят в этой трудной в практическом отношении сфере, достойны только уважения. К тому же у них накапливается опыт, вырабатываются приемы, способы и технологии оказания помощи таким больным.

Данная статья как раз относится к таким работам, в которых предлагаются способы занятия с таким контингентом больных. Разработать какие-либо конкретные тренинги с такими больными очень непросто. Поэтому автор верно пишет, что ему пришлось столкнуться с различного рода сложностями при организации и проведении тренинга по коррекции эмоциональных и когнитивных нарушений у ВИЧ-инфицированных пациентов. В статье имеются некоторые недоработки, требующие устранения. Во введении недостаточно обоснована актуальность темы исследования. Нет формулировок новизны и предмета, а также сведений о методологии (теории, концепции, принципы). Цель же исследования сформулирована достаточно конкретно - разработка и апробация психологической технологии коррекции нарушений эмоциональной и когнитивной сферы у ВИЧ-инфицированных пациентов. Такая формулировка цели исследования возражений не вызывает.

Стиль изложения текста научно-исследовательский. Автор умеет работать с литературой и делать необходимые умозаключения.

Структура работы нуждается в доработке с учетом упомянутых выше замечаний. Кроме того, необходимо более четко прописать методику исследования и кратко обосновать методы. К тому же автор ошибочно называет методы методиками, это неверно.

По содержанию статьи видно, что автором проделана определенная работа. Так, за 2 года приняли участие в занятиях 60 человек. Занятия тренинга проводились 1 раз в

неделю. Это небольшой объем обследуемых за два года и автор сам об этом пишет. Это обстоятельство не позволило в полном объеме применить заявленные методы статистической обработки полученных данных. Но если это так, значит следует исключить из перечня те методы, которые не использовались. Ведь заявлен большой перечень статистических методов: описательные статистики, линейная регрессия, коэффициент ранговой корреляции Спирмена, У-критерий Манна-Уитни, Т-критерий Вилкоксона.

Указано, что обработка данных проводилась с помощью SPSS 23. Машинная обработка выдает числа, которые необходимо адаптировать к иллюстративному материалу. Дело в том, что все рисунки и таблицы (за исключением последней) не читаются. Не стоит в иллюстрациях использовать аббревиатуру. Или необходимо давать ее расшифровку. Должны быть указаны единицы измерения (и в названиях таблиц тоже, и с указанием количества измерений).

Далее. Показано, что снижение концентрации и избирательности внимания (по тесту Мюнстерберга) наблюдалось у 45,6% участников. А сам тест не заявлен в методике.

Каким методом исследовалась речеслуховая кратковременная память?

Отмечается, что перед началом проведения когнитивного тренинга участники, пациенты с ВИЧ, имели высокую выраженность иррациональных убеждений, низкий уровень индекса жизненной удовлетворенности и высокую выраженность психопатологической симптоматики. А какая связь между такими убеждениями и когнитивными нарушениями? Складывается впечатление, что автор приводит все более-менее значимые показатели и утверждает, что они свидетельствуют о когнитивных расстройствах. Это неверно. Когнитивными нарушениями являются те, которые имеют прямое отношение к памяти, вниманию и мышлению. Насчет мышления, кстати, вопрос: как оно исследовалось? Тут снова возникает необходимость в методологии исследования, которой автор не придал значения.

Имеется заголовок «Разнообразие факторов, влияющих на состояние ЛЖВ». Что это такое?

Анализ случая лучше исключить из текста. Имеет место некоторый диссонанс: надо или случаи описывать, используя соответствующие подходы для убедительности, или только обобщенные сведения.

Обсуждение полученных результатов необходимо провести с учетом данных, которые были получены другими авторами. Соответственно, необходимо использовать психологическую литературу по этому поводу. В данной же статье библиографический список содержит источники, которые либо вообще к теме исследования не относятся, либо не имеют к ней прямого отношения (особенно иностранные). Это №№ 1, 5, 9, 10, 12. Когнитивные расстройства у пожилых людей – это другая тема. Все это потому, что не указан предмет исследования, поэтому все психологические отклонения трактуются как когнитивные.

Выводы в статье нуждаются в доработке. Им необходимо придать утвердительную форму и несколько расширить.

Заключение написано в целом правильно.

Несмотря на выявленные недостатки, данная статья имеет перспективу опубликования в научном журнале. После доработки текста, которая не должна вызвать у автора больших затруднений, данную статью можно рекомендовать к публикации как представляющую интерес для читающей аудитории.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является тренинг как технология коррекции эмоциональных и когнитивных нарушений у ВИЧ-инфицированных пациентов в контексте оценки эффективности.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, а также, как отмечается в исследовании, был применены «клинико-психологический, экспериментально-психологический и статистический методы. Клинико-психологический метод включает психологическое интервью, информационную анкету для анализа социально-демографических характеристик, клинических и клинико-психологических данных, а также наблюдение». В рамках оценки когнитивной сферы использовались методики: «Тест Мюнстерберга», «методика «Отыскивание чисел по таблицам Шульте», «Проба запоминания 10 слов», «методики «Существенные признаки» и «Исключение лишнего», «методика «Сложные аналогии». В рамках оценки эмоциональной сферы использовались методики: «Опросник выраженности психопатологической симптоматики», «методика диагностики иррациональных установок А. Эллиса», «методика «Индекс жизненной удовлетворенности» (адаптация Н. В. Паниной, 1993)». В качестве методов описательной статистики были применены «коэффициент ранговой корреляции Спирмена, Т-критерий Вилкоксона».

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку ВИЧ-положительные люди являются частью современного социума, а благодаря получению своевременной терапии и медицинской помощи продолжительность их жизни не уступает аналогичному показателю у ВИЧ-негативных людей. Однако возникает ряд вопросов, связанных с качеством жизни ВИЧ-позитивных пациентов, что обусловлено особенностями их когнитивной и эмоциональной сфер. Осуществлять коррекцию в этих сферах позволяют различные технологии, одной из которых является тренинг. С этой точки зрения оценки эффективности тренинга как технологии коррекции эмоциональных и когнитивных нарушений у ВИЧ-инфицированных пациентов представляет научный интерес в сообществе ученых.

Научная новизна исследования заключается в изучении по авторской методике динамики «показателей эмоциональной и когнитивной сферы до и после проведения когнитивно-эмоционального тренинга», в том числе продемонстрирована «возможность восстановления когнитивных функций (память, внимание, мышление) и снижения эмоциональной напряженности», «доказана эффективность программы тренинга как психокоррекционной меры по коррекции эмоциональных и когнитивных нарушений для ВИЧ-инфицированных».

Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и применением научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования, а также наглядной демонстрацией результатов исследования.

Структуру статьи, в целом можно считать выдержанной с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. В структуре данного исследования представлены такие элементы как введение (с описанием научной новизны, объекта, предмета исследования, теоретико-методологической основы), материалы исследования, методы исследования, результаты и обсуждение, выводы, заключение и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет выявленная в ходе исследования и отмеченная тенденция, что «высокая выраженность иррациональных убеждений и психопатологических состояний обосновывает

необходимость тренинговых мероприятий для улучшения эмоционального и когнитивного состояния участников. Корреляционный анализ выявил значимые взаимосвязи между жизненной удовлетворенностью, эмоциональной напряженностью и иррациональными установками, что подчеркивает необходимость коррекции негативных убеждений и развития навыков эмоциональной регуляции».

Библиография содержит 20 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующие различные особенности тренинга как технологии коррекции эмоциональных и когнитивных нарушений, в том числе у ВИЧ-положительных пациентов. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающийся предметной области исследования. В частности, отмечается, что «1. ВИЧ-инфекция перестала быть смертельным диагнозом, но остается значимой проблемой для психического здоровья и качества жизни пациентов. 2. Исследование показало, что ВИЧ-инфицированные пациенты сталкиваются с высоким уровнем психопатологической симптоматики, который превышает нормативные значения по всем шкалам опросника SCL-90-R. Такие данные согласуются с ранее проведенными исследованиями, подчеркивая важность психокоррекционной работы для этой группы пациентов. 3. Анализ динамики когнитивных нарушений после проведения тренинга показал, что объем слуховой кратковременной памяти у 39% участников увеличился. Объем отсроченного воспроизведения у 44% участников увеличился. Эффективность работы внимания улучшилась у 83% испытуемых. Логическое мышление улучшилось у 36% участников. 4. Анализ динамики эмоциональных нарушений после проведения тренинга показал: соматизация снизилась у 52% участников; обсессивность-компульсивность снизилась у 63%; депрессия снизилась у 53% участников; тревожность снизилась у 47%. Общий индекс тяжести симптомов снизился у 58% участников. 5. Участники исследования демонстрировали иррациональные установки, такие как «катастрофизация» и «долженствование», которые значительно ухудшали их эмоциональное состояние. Корреляционный анализ выявил связь между иррациональными убеждениями и эмоциональной напряженностью, что подчеркивает необходимость их коррекции в рамках тренинга. 6. Анализ результатов анкеты обратной связи после тренинга показал общую удовлетворенность участников, а также субъективное улучшение концентрации внимания, памяти и общего эмоционального состояния. 7. Разработанная программа тренинга учитывала индивидуальные особенности участников, такие как возраст, коморбидные состояния и социальные факторы. Это позволило обеспечить гибкость занятий и добиться значительных результатов как в когнитивной, так и в эмоциональной сферах. 8. Исследование подтвердило эффективность когнитивно-эмоционального тренинга в улучшении когнитивных функций и снижении эмоциональных нарушений у ВИЧ-инфицированных пациентов, что открывает перспективы для дальнейшей адаптации программы в клинической практике».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, психологами, психотерапевтами, медицинскими работниками, различными специалистами центров СПИД, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что целесообразно обратить при оформлении таблиц и рисунков внимание на требования

действующих ГОСТов, оформить их в соответствии с этими требованиями. Возможно, что в статье можно было бы более подробно описать и выделить в качестве самостоятельного раздела, характеризующий обзор научной литературы, а не ограничиваться кратким описанием теоретико-методологической основы исследования, а указание объекта исследования должно предшествовать предмету исследования. В качестве рекомендации можно отметить, что название статьи возможно было бы сформулировать одним единственным предложением. Кроме того, в тексте исследования встречаются незначительные опечатки и технические ошибки, например, написание слова «средне-специальное» правильно было бы в варианте «среднее специальное», а написание слова «рече-слуховой» должно быть слитным без дефисов, слово «социально-демографических» пишется как «социально-демографических», в слове «функционирования» пропущена буква «н» и т.п. Указанные недостатки не снижают научную и практическую значимость самого исследования, поэтому с учетом их незначительности и оперативного устранения, рукопись рекомендуется опубликовать.

Психология и Психотехника

Правильная ссылка на статью:

Павлова К.Н. Реализация модели формирования позитивной гражданской идентичности и традиционных ценностей студентов // Психология и Психотехника. 2025. № 1. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.1.73219 EDN: CCGGIG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73219

Реализация модели формирования позитивной гражданской идентичности и традиционных ценностей студентов

Павлова Ксения Николаевна

ORCID: 0000-0002-8895-249X

старший преподаватель; кафедра теоретической и прикладной психологии; Забайкальский государственный университет

672000, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Бабушкина, 129, ауд. 508

 p.kseniya13@mail.ru

[Статья из рубрики "Психология и педагогика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.1.73219

EDN:

CCGGIG

Дата направления статьи в редакцию:

28-01-2025

Дата публикации:

04-02-2025

Аннотация: В статье представлена разработанная и апробированная модель формирования позитивной гражданской идентичности и традиционных ценностей студентов. Цель статьи: привести результаты формирующего эксперимента, подтверждающие эффективность модели (повышение показателей позитивной гражданской идентичности и традиционных ценностей студентов после ее реализации). Дизайн исследования: эксперимент, программа которого составлена в соответствии с моделью, включал в себя помимо начальной и контрольной диагностики разработку и проведение специальных учебных дисциплин по психологии личностных ценностей и мероприятия социально-значимой деятельности студентов. Участники: 20 студентов, обучающихся по психологическому профилю (экспериментальная группа) и 17

студентов, обучающиеся по направлению «специальное (дефектологическое) образование» (контрольная группа). База исследования: ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита. Методы (инструменты): ценностный опросник Ш. Шварца, опросник идентичности по 16 категориям (М. С. Яницкий и др.), методика Р. Инглхарта (модификация М. С. Яницкого), методика измерения выраженности гражданской идентичности (Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко). Математическая обработка данных проводилась с использованием Т-критерия Вилкоксона. Научная новизна исследования: экспериментально доказана возможность формирования позитивной гражданской идентичности и традиционных ценностей студентов в условиях специально организованного взаимодействия с обучающимися в условиях аудиторной и внеаудиторной работы с помощью разработанной модели, реализованной в условиях вуза. Результаты формирующего эксперимента показали, что в ходе реализации модели произошли значимые сдвиги в показателях ряда ценностей на индивидуальном уровне (конформности, традиций, благожелательности, безопасности). Достоверно увеличилась значимость идентичностей «Я как представитель своего народа», «Я как гражданин своей страны» и «Я как житель данного города». После психолого-педагогического воздействия увеличилось число признающих ценности адаптации и социализации. Показатели «Сила» и «Валентность» (степень позитивности) гражданской идентичности значительно возросли.

Ключевые слова:

идентичность, гражданская идентичность, ценности, традиционные ценности, модель, иерархическая система, компоненты идентичности, формирование гражданской идентичности, формирование традиционных ценностей, студенты

Введение

В связи с интенсификацией процессов становления российской цивилизации в последние годы в нашей стране происходит существенный сдвиг ценностной парадигмы общества. После господствования ценностей коммунизма, а затем постмодерна стали признаваться значимыми традиционные ценности, объединявшие народы России в единое целое на протяжении тысячи лет. Однако развитие этих процессов, позитивно влияющих на общество, сталкивается с рядом проблем, одной из которых является распространение в среде молодежи ценностей Запада, навязанных России в 90-е гг. XX в. и сохраняющих свое влияние до настоящего времени. Студенчество составляет значительную часть молодежи, человеческого капитала нашей страны. Кризис традиционных ценностей, увеличение критичности и плюрализма в этой сфере, а также снижение влияния семьи и авторитетов изменили характер взаимоотношений между студенческой молодежью и обществом, исказили процесс ее социализации [16]. Относительно недавно актуализировалась проблематика гражданской идентичности человека. Это произошло в связи с обоснованием и включением в общественный и научный контекст понятия о «российском многонациональном народе», которое в последнее десятилетие является одним из оснований государственного и научного дискурса, посвященного стратегиям обеспечения общероссийского единства [6]. В связи с вышесказанным представляется актуальным исследование проблематики гражданской идентичности и ценностей студентов вуза.

Обзор литературы

Обозначим основные понятия данной статьи и важные аспекты отечественных исследований гражданской идентичности и традиционных ценностей.

Идентичность – это осознание человеком своей принадлежности к чему-либо (группе, обществу) и при этом сохранение своей уникальности [14]. По мнению С. Г. Чухина и Е. В. Чухиной, понятие идентичности обозначает ощущение человеком себя как личности (внутри семьи и рода), как части общества и культуры, а также как уникального существа [20]. Эрик Эриксон пишет, что основными субкомпонентами идентичности являются тождество и целостность [21].

Как отмечают Г. У. Солдатова [17], Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко и другие, важным фактором, выполняющим интеграционную функцию в процессе социально-экономического развития общества, является гражданская идентичность личности. Л. М. Дробижева и С. В. Рыжова пишут о том, что «гражданская идентичность – это самоотождествление себя с гражданами страны, представление о государстве, стране – образ «мы», чувство общности, солидарности, ответственность за дела в стране» [5].

Гражданская идентичность понимается нами как осознание личностью своей принадлежности к определенному гражданскому обществу и детерминированные им чувства, переживания и поведение, проявляющиеся в ценностном отношении к истории и культуре страны и народа, готовности и способности ответственно исполнять гражданские права и обязанности.

Гражданская идентичность имеет две важных характеристики – определенность (степень четкости, ясности, оформленности) и валентность (степень позитивности-негативности). Определенность групповой (гражданской, этнической) идентичности чрезвычайно важна для человека, как социального существа [10].

В качестве основной проблемы для современных научных исследований по теме гражданской идентичности выступает необходимость уточнения параметров и характеристик данного явления, так как в условиях распространения в обществе различных мировоззренческих концепций необходим выход на широкое общественное соглашение в отношении таких понятий, как базовые гражданские ценности.

В Стратегии национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., акцентируется внимание на необходимости смещения проблематики, нацеленной на оценку непосредственного взаимодействия между представителями гражданского общества и государства, в сферу, которая направляет усилия всех групп на строительство гражданской идентичности. Здесь формируется самосознание, основанное на признании значения принадлежности к своему государству, народу, обществу. В тексте Стратегии подчеркивается необходимость формирования у граждан ответственности за судьбу страны, за соблюдение гражданских прав и обязанностей, за приверженность базовым ценностям российского общества.

Таким образом, в тексте Стратегии представлены и обоснованы цели и задачи программ, нацеленных на формирование гражданской идентичности. Это формирование представляется как целенаправленная деятельность граждан государства, основой которой являются представления о социокультурном мире России [18]. В таком контексте значимой представляется роль института образования, используемого государством для научения молодого поколения умению самоопределения и самопрезентации в условиях взаимодействия с государством и другими социальными и гражданскими институтами.

Очевидно, что современная российская молодежь формирует свои ценности в условиях ценностного противостояния между современными ценностными перспективами, включая альтернативу, предлагаемую западными, или так называемыми «общечеловеческими» ценностями, и теми ценностями, которые были веками наработаны в отечественной культуре и сегодня актуализируются как традиционные российские ценности [15]. Личность неизбежно ориентируется на сложный комплекс ценностей, часть из которых относится к разряду традиционных и духовных, а часть находится в существенной зависимости от жизненных потребностей личности и определяется ими. В частности, в концепциях В. П. Тугаринова и О. Г. Дробницкого ценности определяются и как значимость, и как идеал одновременно [23].

Но в то же время Е. Г. Карпова отмечает, что, несмотря на изменения, происходящие в социально-экономической жизни, такие терминальные ценности, как любовь, семья и здоровье являются наиболее значимыми для современных людей [8]. Таким образом, вопреки сильным позициям, которые в современном обществе занимает индивидуализация и рационализация, базовые ценности молодежи в России остаются традиционными: семья, дети, дружба, любовь, свобода, образование. Однако важно учитывать, что изменились способы достижения целей, которые теперь основываются на индивидуальных стратегиях успеха [3].

Ученые отмечают, что ценности человек не получает в готовом виде, а формирует посредством таких форм, как активное познание и жизненный опыт [2]. Г. И. Чижакова пишет, что инструментом формирования ценностей становятся социальные институты общества, наиболее эффективным из которых признано образование [19]. По мнению М. С. Яницкого, в формировании и передаче ценностей важную роль играет педагог [22]. В. М. Воронина и М. М. Ицкович полагают, что процесс обучения формирует у студентов собственную систему ценностей [1].

Процесс формирования ценностей в обучении является сложным и включает в себя как личностные факторы, так и социальные влияния, что указывает на необходимость разработки новых педагогических принципов и технологий, основанных на достижениях современной психологии с учетом требований российской ценностно-смысловой парадигмы. М. С. Жуматаева, М. К. Бапаева, К. У. Шайжанова считают, что студенческий возраст представляет собой пик интеллектуального и физического развития, В это время укрепляются качества целеустремленности, решительности, настойчивости, самостоятельности и самоконтроля студентов [7]. Но процессы формирования личности сложны, так как студенты испытывают большие физические, умственные и моральные нагрузки. При этом современные молодые люди сталкиваются с нестабильностью общества: нет четких идеалов ни из прошлого, ни из настоящего, что делает трудным ориентацию в жизни. С одной стороны, от них ждут взрослости и ответственности, с другой, – относятся к ним как к детям. Наблюдается усиление молодежного инфантилизма. Тем не менее, студенческий возраст остается ключевым для формирования личности и развития общества в целом [4].

По мнению Т. В. Костяк, студенты очень чувствительны к изменениям, происходящим в обществе, поэтому они могут рассматриваться как «индикатор» процесса трансформации идентичности молодежи [9]. Трансформация идентичности у лиц студенческого возраста начинается уже в период адаптации к новым условиям обучения: этот процесс затрагивает всю структуру личности, вследствие чего совершаются перемены на

психофизиологическом, индивидуально-личностном и социальном уровнях, что, в свою очередь, приводит к появлению новых ценностей, убеждений, ролей и отношений, формируя новую идентичность студентов [11].

Вышесказанное обуславливает необходимость глубокого изучения гражданской идентичности и ценностей студентов вуза. Теоретико-эмпирическая база позволили сформулировать цель нашего исследования в целом – экспериментально доказать возможность повышения позитивной гражданской идентичности и традиционных ценностей студентов через реализацию специально разработанной модели формирования. Цель статьи: привести результаты формирующего эксперимента, подтверждающие эффективность модели.

Организация и методы исследования

На основе анализа современных психолого-педагогических исследований гражданской идентичности и ценностей студентов и результатов констатирующего исследования [12; 13] нами была разработана модель формирования позитивной гражданской идентичности и традиционных ценностей студентов (см. рис. 1). Данная модель строилась на трех методологических подходах: личностно-ориентированном, системно-деятельностном, компетентностном. Реализация принципов названных подходов выступала важнейшим психолого-педагогическим условием эффективности нашей модели (см. рис. 1). Ядром модели выступало психолого-педагогическое взаимодействие с обучающимися через аудиторную и внеаудиторную работу.

Рисунок 1 – Модель формирования позитивной гражданской идентичности и традиционных ценностей студентов

Реализация модели осуществлялась через три взаимосвязанных этапа: диагностический (констатирующий), формирующий, завершающий (контрольный). После проведения констатирующего этапа в содержание основной профессиональной образовательной

программы высшего образования (ФГОС ВО 3++) и в учебный план по направлению подготовки 37.03.01 - Психология, профиль «Психология» был включен блок учебных дисциплин по выбору: «Психология ценностей и смыслов личности», «Тренинг развития ценностных ориентаций», по которым разработаны рабочие программы и фонды оценочных средств. Психологопедагогические условия формирования позитивной гражданской идентичности и традиционных ценностей личности включали в себя аудиторную работу с подключением внеаудиторной деятельности, которая позволила расширить знания, получаемые на занятиях, повысить познавательный интерес и творческую инициативу студентов. Внеаудиторная работа была важной частью формирующей программы и подразумевала включение студентов в социально-значимую деятельность: экскурсии, просмотр фильмов и их анализ, фотосеты, акции добра, волонтерство и так далее.

Выборка участников эксперимента по апробации формирующей программы состояла из двух групп. Экспериментальная группа – студенты, обучающиеся по психологическому профилю; контрольная группа – студенты, обучающиеся по направлению «специальное (дефектологическое) образование» (см. табл. 1).

Таблица 1 – Характеристика экспериментальной и контрольной выборок

Характеристики выборок	Экспериментальные выборки	
	Экспериментальная группа	Контрольная группа
Форма обучения и направления	Студенты очной формы обучения по направлению подготовки 37.03.01 Психология, профиль «Психология» (ФГБОУ ВО ЗабГУ)	Студенты очной формы обучения по направлению подготовки 44.03.03 Специальное (дефектологическое) образование, профиль «Психологопедагогическое сопровождение образования лиц с нарушениями в развитии» (ФГБОУ ВО ЗабГУ)
Форма работы	Аудиторная и внеаудиторная работа в течение 8 месяцев	-
Средний возраст	20,35 ± 1,12	20,06 ± 1,03
Общее количество человек	20	17

Организационно эксперимент заключался в проведении специальных аудиторных занятий по психологии личностных ценностей со студентами психологического профиля очного обучения согласно учебному графику: 2 раза по верхней неделе по 1 часу 30 минут и 3 раза по нижней неделе по 1 часу 30 минут в течение 4 месяцев. В итоге было проведено 80 занятий в соответствии с заявленными требованиями по учебному плану 37.03.01 - Психология, профиль «Психология». Проводились и внеаудиторные мероприятия, включающие студентов в социально-значимую деятельность.

Для психодиагностики на начальном, констатирующем, и контрольном этапах эксперимента применялись: ценностный опросник Ш. Шварца, опросник идентичности по 16 категориям (М. С. Яницкий и др.), методика Р. Инглхарта (модификация М. С. Яницкого), методика измерения выраженности гражданской идентичности (Н. М.

Лебедева, А. Н. Татарко).

Результаты исследования и их обсуждение

В результате проведенной экспериментальной работы по формированию позитивной гражданской идентичности и традиционных ценностей студентов были получены значимые сдвиги в показателях компонентов структуры идентичности и ценностей в экспериментальной группе.

На рисунке 2 представлены средние значения показателей ценностей по методике «Ценностный опросник Ш. Шварца» до и после участия в реализации заявленной модели респондентов экспериментальной группы, а также респондентов контрольной группы, с которыми эксперимент не проводился, но проводилась первичная, и повторная диагностика.

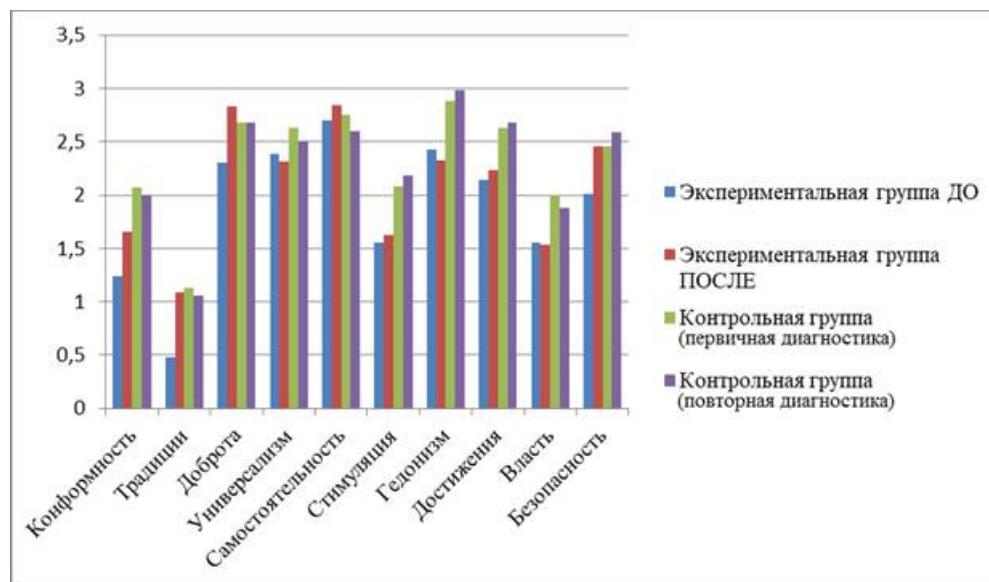

Рисунок 2 – Средние значения показателей ценностей респондентов в экспериментальной и контрольной группах на индивидуальном уровне по методике «Ценностный опросник Ш. Шварца»

По рисунку 2 видно, что в экспериментальной группе на индивидуальном уровне произошли изменения в показателях по следующим ценностям: «Конформность», «Традиции», «Благожелательность», «Безопасность». Наименьшие изменения видны в значимости ценности «Стимуляция». Отметим, что в контрольной группе также были зафиксированы сдвиги в сторону повышения таких ценностей, как «Стимуляция», «Гедонизм», «Достижения», «Безопасность».

Несмотря на то, что при контрольной диагностике усредненные значения показателей ценностей наглядно демонстрировали полученные формирующие эффекты в экспериментальной группе и наличие сдвигов (в силу естественного развития личности и влияния трендов развития общественного) в контрольной группе, необходимо было оценить достоверность сдвигов с помощью математико-статистической обработки данных. Для этого был применен Т-критерий Вилкоксона. Результаты обработки представлены в табл. 2.

Таблица 2 – Достоверность сдвигов (по Т-критерию Вилкоксона) в показателях ценностей на индивидуальном уровне у респондентов по методике «Ценностный опросник Ш. Шварца»

Ценности	Экспериментальная группа		Контрольная группа		р – экспериментальная группа	р – контрольная группа
	до	после	до	после		
Конформность	1,24	1,66	2,07	2,0	0,02*	0,18
Традиции	0,48	1,09	1,13	1,06	0,001**	0,285
Благожелательность	2,30	2,83	2,68	2,68	0,003**	1,0
Универсализм	2,39	2,32	2,63	2,51	0,576	0,068
Самостоятельность	2,70	2,84	2,75	2,6	0,07	0,345
Стимуляция	1,55	1,63	2,08	2,18	0,638	0,593
Гедонизм	2,43	2,33	2,88	2,98	0,363	0,465
Достижения	2,14	2,23	2,63	2,68	0,576	0,593
Власть	1,55	1,53	2,0	1,88	1,0	0,144
Безопасность	2,01	2,46	2,46	2,59	0,013*	0,176

Примечание: «*» значимые различия при $p \leq 0,05$;

«**» значимые различия при $p \leq 0,01$.

Из таблицы видно, что в экспериментальной группе на индивидуальном уровне у студентов после реализации модели произошел сдвиг в иерархии ценностей («Конформность» ($r = 0,02$ при $p \leq 0,05$) «Традиции» ($r = 0,001$ при $p \leq 0,01$), «Благожелательность» ($r = 0,003$ при $p \leq 0,01$), «Безопасность» ($r = 0,013$ при $p \leq 0,05$)). Значимых изменений в ценностях на индивидуальном уровне в контрольной группе не обнаружено.

По этим результатам важнейшим положительным эффектом эксперимента, программа которого составлена в соответствии с моделью формирования ценностей и гражданской идентичности у студентов, можно считать повышение ценностей, связанных с другими людьми, что отражает достижение участниками более высокого уровня не только ценностного, но и общеличностного, нравственного развития.

Снижения ценностей универсализма, самостоятельности, стимуляции, гедонизма и достижений не произошло, но это и не являлось задачей эксперимента, ведь сами по себе эти ценности не плохи, важно лишь, чтобы они не «заслоняли» от человека другие ценности, других людей, общество в целом, государство.

Представим далее сдвиги (и оценку их значимости по Т-критерию) в иерархии компонентов по 16 категориям идентичности респондентов экспериментальной группы до и после реализации модели и респондентов контрольной группы при первичной и повторной диагностике по опроснику идентичности (М. С. Яницкий и др., 2018). См. табл. 3.

Таблица 3 – Достоверность сдвигов (по Т-критерию Вилкоксона) в средних рангах компонентов (по 16 категориям) идентичности респондентов по опроснику идентичности по (М. С. Яницкий и др., 2018)

Идентичность	Экспериментальная группа		Контрольная группа		р – экспериментальная группа	р – контролльная группа
	до	после	до	после		
Я как профессионал (будущий профессионал)	5,45	5,25	6,18	6,35	0,861	0,27
Я как студент	7,2	8,6	7,24	7,35	0,005**	0,5*

Я как
Я как мужчина/женщина	3,8	4,35	4,0	4,12	0,345	0,5
Я как сын/дочь	4,45	5,15	5,94	6,06	0,11	0,72
Я как муж/жена (будущий муж/жена)	6,75	6,95	6,41	6,0	0,237	0,08
Я как уникальная личность	1,8	2,05	4,88	4,94	0,249	0,78
Я как представитель своего народа	10,55	7,6	9,35	9,41	0,002**	0,71
Я как гражданин своей страны	10,75	7,8	8,88	8,82	0,005**	0,78
Я как житель данного города	12,3	8,7	10,53	10,59	0,001**	0,59
Я как отец/мать	8,1	8,7	8,53	8,47	0,138	0,78
Я как представитель молодежи	9,55	9,9	9,35	9,41	0,294	1,0
Я как член неформальной группы	12,35	12,55	11,29	11,29	0,201	1,0
Я как друг/подруга	5,75	6,6	8,71	8,41	0,12	0,28
Я как последователь своей религии	13,15	13,1	11,29	11,53	0,673	0,10
Я как представитель вида <i>Homo sapiens</i>	11,7	13,25	9,59	9,59	0,148	1,0

Примечание: «*» значимые различия при $p \leq 0,05$;

«**» значимые различия при $p \leq 0,01$.

Разработанная нами модель, реализованная путем психолого-педагогического воздействия, оказала определенное влияние на все рассматриваемые компоненты идентичности студентов экспериментальной группы. Достоверно увеличилась значимость идентичностей «Я как представитель своего народа», «Я как гражданин своей страны» и «Я как житель данного города». В то же время незначительно снизился ранг значимости образа Я: «Я как студент» ($t = 0,005$ при $p \leq 0,01$). Такие компоненты идентичности, как «Я как мужчина/женщина», «Я как сын/дочь», «Я как уникальная личность», «Я как друг/подруга», «Я как последователь вида *Homo sapiens*» тоже подверглись незначительному снижению, однако здесь изменения не достигают степени статистической значимости. На статистическом уровне по названным параметрам правомерно говорить об отсутствии изменений.

В контрольной группе статистически значимых изменений в иерархии компонентов идентичности не произошло. Для нас это имеет существенное значение. Это означает, что при отсутствии специально направленной формирующей работы с ценностями и гражданской идентичностью студентов каких-то самопроизвольных эффектов в развитии гражданской идентичности не наступает. В экспериментальной группе зафиксированные изменения произошли не благодаря или вопреки каким-то естественным тенденциям развития личности или общественной жизни, а благодаря проведенной нами формирующей гражданскую идентичность студентов работе, построенной в соответствии с разработанной моделью.

Обратимся теперь к данным, полученным по методике Р. Инглхарта (модификация М. С. Яницкого). Рассмотрим изменения на контрольном этапе в количестве респондентов, отнесенных к конкретному ценностному типу в экспериментальной группе, и результаты повторной диагностики в контрольной группе (рисунок 3).

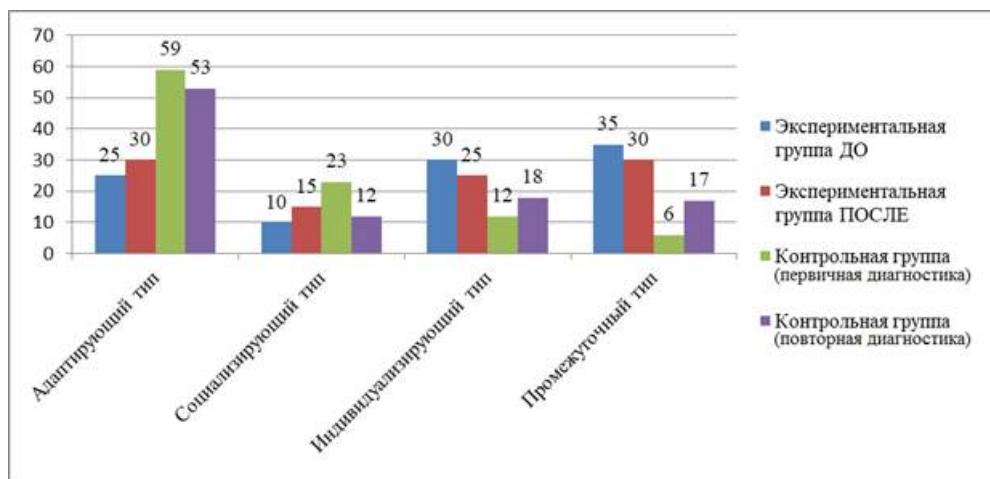

Рисунок 3 – Количество респондентов (в %), отнесенных к выделенным ценностным типам, в экспериментальной и контрольной группах

После психолого-педагогического воздействия в ценностных ориентациях респондентов экспериментальной группы произошли изменения. Снизился процент студентов, ориентирующихся на ценности индивидуализации, увеличилось число выбравших ценности адаптации и социализации. При этом уменьшилась доля отнесенных к промежуточному типу, что свидетельствует о произошедшем в результате реализации нашей программы ценностном самоопределении этой части студентов. В контрольной группе при повторной диагностике повысилось число респондентов, отнесенных к индивидуализирующему типу, снизилось число респондентов, отнесенных к адаптирующему и социализирующему типу.

Обратимся к изменениям в показателях гражданской идентичности студентов по методике Н. М. Лебедевой и А. Н. Татарко. Данная методика может считаться ключевой для оценки результатов эксперимента, ведь она отражает изменения в гражданской идентичности студентов в самом непосредственном виде, в отличие от других, где мы оценивали гражданскую идентичность косвенно, «собирая» ее из отдельных ценностных проявлений и частных проявлений общечеловеческой идентичности.

Полученные по методике Н. М. Лебедевой и А. Н. Татарко сравнительные данные, отражающие «силу» и «валентность» (степень позитивности) гражданской идентичности респондентов, представлены на рисунке 4.

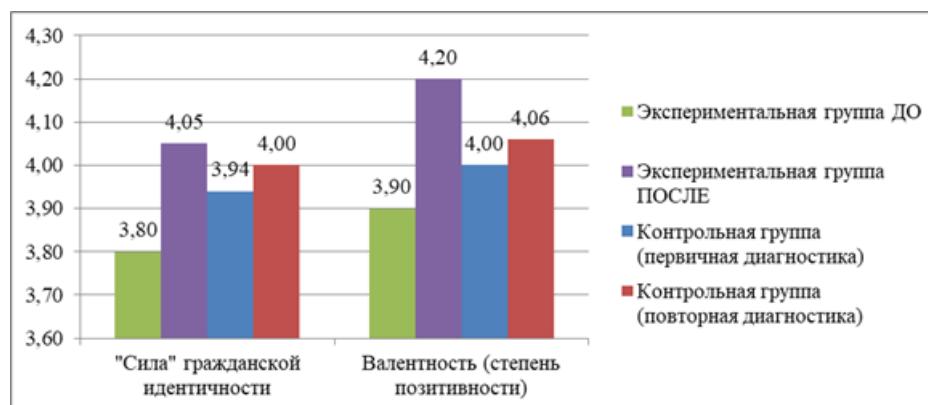

Рисунок 4 – Средние значения показателей гражданской идентичности респондентов экспериментальной группы до и после реализации модели и респондентов контрольной группы при первичной и повторной диагностике по методике измерения выраженности гражданской идентичности (Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко)

После психолого-педагогического воздействия в показателях гражданской идентичности респондентов экспериментальной группы произошли изменения: показатели «Сила» и «Валентность» (степень позитивности) гражданской идентичности значительно возросли. У контрольной группы показатели гражданской идентичности по методике Н. М. Лебедевой и А. Н. Татарко изначально, при первичной диагностике, были несколько выше по обеим характеристикам, но при повторной диагностике изменения показателей респондентов контрольной группы произошли незначительные (речь идет о сотых долях процента, не меняющих общую картину и логику результатов). Правомерно говорить о наличии изменений в силе и валентности гражданской идентичности в сторону увеличения в экспериментальной группе и об отсутствии значимых изменений в контрольной группе, что подтверждает результативность эксперимента.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что разработанная нами модель формирования позитивной гражданской идентичности и традиционных ценностей студентов является эффективной.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы.

1. Гражданская идентичность понимается как осознание своей принадлежности к определенному гражданскому обществу и, детерминированные им чувства, переживания и поведение, проявляющиеся в ценностном отношении к истории и культуре страны и народа, готовности и способности ответственно исполнять гражданские права и обязанности. В современной России формирование гражданской идентичности молодежи способствует ее объединению, формируя чувство принадлежности к стране и её культуре.
2. Роль традиционных ценностей в современном российском обществе возрастает. Значимость образования в их формировании у молодежи возрастает. Обучение осуществляется не только процесс передачи знаний, но и является инструментом формирования ценностных ориентаций. Процесс формирования ценностных ориентаций сложен и включает в себя как личностные факторы, так и социальные влияния, что указывает на необходимость разработки новых педагогических принципов и технологий, основанных на достижениях современной психологии с учетом требований современной российской ценностно-смысловой парадигмы.
3. Реализация модели формирования позитивной гражданской идентичности и традиционных ценностей студентов, включающей специально организованное взаимодействие с обучающимися во время аудиторной и внеаудиторной работы (социально-значимой деятельности), показала эффективность модели и способствовала повышению позитивной гражданской идентичности и ряда традиционных ценностей. В результате формирующего эксперимента были получены достоверные сдвиги в иерархии таких ценностей, как конформность, традиции, благожелательность, безопасность. Их значимость для респондентов повысилась.

В настоящем исследовании рассмотрена лишь часть заявленной сложной проблемы формирования гражданской идентичности и традиционных ценностей молодежи, что

предполагает ее дальнейшую разработку.

Библиография

1. Воронин, В. М. Понимание и ценности (норма и патология): монография [Текст] / В. М. Воронин, М. М. Ицкович ; Министерство здравоохранения Свердловской области, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Уральский гуманитарный институт. – Екб. : Издательский Дом «Ажур», 2018.-306 с.
2. Вязникова, Л. Ф. Ценности как психологический ресурс для личностного развития [Текст] / Л. Ф. Вязникова, Е. Н. Ткач // В сборнике : Человек в современном мире : пандемия и новый технологический уклад. Сборник научных трудов. Сост., ред. М. В. Бахтин ; Образовательно-культурный центр «Интер-Спутник»; Международный профессорский клуб ; Российский государственный социальный университет. – Рагуза: 2021.-С. 416-426.
3. Гугуева, Д. А. Ценности современной российской молодежи в реальном и виртуальном обществах [Текст] / Д. А. Гугуева, О. В. Фетисова // Гуманитарий Юга России.-2016.-Т. 21.-№ 5.-С.85-92.
4. Дробижева, Л. М. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России [Текст] / Л. М. Дробижева, С. В. Рыжова // Полис. Политические исследования.-2015.-№ 5.-С. 9-24. DOI: 10.17976/jpps/2015.05.03
5. Дробижева, Л. М. Общероссийская идентичность в социологическом измерении [Текст] / Л. М. Дробижева, С. В. Рыжова // Вестник Российской нации.-2021.-№ 1-2.-С. 39-52.
6. Жуматаева, М. С. Психологические и психофизиологические особенности студентов [Текст] / М. С. Жуматаева, М. К. Бапаева, К. У. Шайжанова // Современные инновации.-2016.-№ 5 (7).-С. 76-78.
7. Карпова, Е. Г. Ценности и ценностные ориентации цифрового лидера в эпоху цифровой экономики [Электронный ресурс] / Е. Г. Карпова, Е. С. Гуренко // Цифровая социология.-2021.-№ 4. – С. 13-17. Режим доступа:
<https://digitalsociology.guu.ru/jour/article/view/103/71> (дата обращения: 28.08.2023). DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-4-13-17
8. Костяк, Т. В. Идентификационные стратегии российских студентов [Текст] / Т. В. Костяк // Психологические исследования.-2009.-Т. 2.-№ 6.-С.1-11.
9. Лебедева, Н. М. Культура как фактор общественного прогресса [Текст] / Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко. – М. : ЗАО «Юстицинформ», 2009.-408 с.
10. Мещерякова, И. Н. Особенности психологической адаптации студентов-первокурсников [Текст] / И. Н. Мещерякова, Е. Г. Демец // Проблемы современного педагогического образования.-2019.-№ 62-4.-С. 276-279.
11. Павлова, К. Н. Иерархия компонентов идентичности студенческой молодежи [Текст] / К. Н. Павлова // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология.-2024.-Т. 50.-С. 54-64. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2024.50.54>
12. Павлова, К. Н. Иерархия ценностных ориентаций студенческой молодежи [Текст] / К. Н. Павлова // Russian Journal of Education and Psychology.-2024.-Т. 15.-№ 3.-С. 402-416. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-3-506
13. Садохин, А. П. Дискурсивные формы восприятия в межкультурной коммуникации [Текст] / А. П. Садохин // Коммуникология.-2014.-№ 6.-С. 46-61.
14. Седова, Л. И. Традиционные ценности в структуре этнокультурной идентичности современной молодежи [Текст] / Л. И. Седова // Вестник государственного университета Дубна. Серия : Науки о человеке и обществе.-2021.-№ 2.-С. 87-102.
15. Серый, А. В. Смысловая обусловленность структуры Я-концепции студенческой молодежи [Текст] / А. В. Серый, М. С. Яницкий, О. А. Браун // Герценовские чтения :

- психологические исследования в образовании.-2020.-№ 3.-С. 597-607. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2020-3-15
16. Солдатова, Г. У. Типы этнической идентичности [Текст] / Г. У. Солдатова, С. В. Рыжова // Психодиагностика толерантности личности.-М. : Издательство "Смысл", 2008.- С. 140-146.
17. Фадеева, Л. А. Институционализация политической науки в России : факторы, уровни, результаты (на примере идентитарных исследований) [Текст] / Л. А. Фадеева, М. В. Назукина // Политическая наука. – 2020. – № 1. – С. 201-220. DOI: 10.31249/poln/2020.01.08
18. Чижакова, Г. И. Аксиология профессионально-педагогического образования [Текст] / Г. И. Чижакова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ). – 2013. – № 2(24). – С. 46-55.
19. Чухин, С. Г. Факторы и закономерности формирования идентичности личности [Текст] / С. Г. Чухин, Е. В. Чухина // Инновационная научная современная академическая исследовательская траектория (ИНСАЙТ).-2021.-№ 4 (7).-С. 114-131. DOI: 10.17853/2686-8970-2021-4-114-131
20. Эриксон, Э. Идентичность : юность и кризис : [пер. с англ.] [Текст] / Э. Эриксон. – М. : Флинта : МПСИ : Прогресс, 2006.-352 с.
21. Яницкий, М. С. Ценностно-смысловая парадигма как основа постнеклассической педагогической психологии [Текст] / М. С. Яницкий, А. В. Серый, Ю. В. Пелех // Философия образования.-2013.-№ 1 (46).-С. 175-186.
22. Яницкий, М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система [Текст] / М. С. Яницкий.-Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000.-204 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является реализация модели формирования позитивной гражданской идентичности и традиционных ценностей студентов.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, а также в рамках личностно-ориентированного, системно-деятельностного, компетентностного подходов был применен метод моделирования, метод эксперимента, а для психодиагностических процедур в рамках эксперимента, как отмечено в статье, использовались «ценностный опросник Ш. Шварца, опросник идентичности по 16 категориям (М. С. Яницкий и др.), методика Р. Инглхарта (модификация М. С. Яницкого), методика измерения выраженности гражданской идентичности (Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко)» и статистические методы.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку в современных условиях социальных трансформаций сущность и содержание позитивной гражданской идентичности и традиционных ценностей подвергаются значительным изменениям. Кроме того, оба эти феномена можно охарактеризовать рядом социокультурных особенностей, обусловленных различными объективными и субъективными факторами, в том числе и молодым возрастом такой особой социальной группы как студенчество. В этом контексте изучение особенностей реализации модели формирования позитивной гражданской идентичности и традиционных ценностей студентов представляет научный интерес в сообществе ученых.

Научная новизна исследования заключается в создании авторской модели и авторском экспериментальном доказательстве возможности «повышения позитивной гражданской идентичности и традиционных ценностей студентов через реализацию специально разработанной модели формирования».

Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме, использованием терминологии, характеризующей предмет исследования, а также наглядной демонстрацией модели, описанием эксперимента и полученных результатов.

Структура статьи, выдержанная с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. Структура данного исследования включает в себя следующие элементы: введение, обзор литературы, организация и методы исследования, результаты исследования и их обсуждение, заключение (с указанием в нем выводов) и библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особый интерес имеет выявленная и отмеченная в ходе исследования тенденция, характеризуемая тем, что «после психолого-педагогического воздействия в ценностных ориентациях респондентов экспериментальной группы произошли изменения. Снизился процент студентов, ориентирующихся на ценности индивидуализации, увеличилось число выбравших ценности адаптации и социализации. При этом уменьшилась доля отнесенных к промежуточному типу, что свидетельствует о произошедшем в результате реализации нашей программы ценностном самоопределении этой части студентов. В контрольной группе при повторной диагностике повысилось число респондентов, отнесенных к индивидуализирующему типу, снизилось число респондентов, отнесенных к адаптирующему и социализирующему типу».

Библиография содержит 22 источника, включающих в себя отечественные периодические и непериодические издания. В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующих различные подходы к рассмотрению вопросов формирования позитивной гражданской идентичности и традиционных ценностей современной молодежи. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что «1. Гражданская идентичность понимается как осознание своей принадлежности к определенному гражданскому обществу и, детерминированные им чувства, переживания и поведение, проявляющиеся в ценностном отношении к истории и культуре страны и народа, готовности и способности ответственно исполнять гражданские права и обязанности. В современной России формирование гражданской идентичности молодежи способствует ее объединению, формируя чувство принадлежности к стране и её культуре. 2. Роль традиционных ценностей в современном российском обществе возрастает. Значимость образования в их формировании у молодежи возрастает. Обучение осуществляется не только процесс передачи знаний, но и является инструментом формирования ценностных ориентаций. Процесс формирования ценностных ориентаций сложен и включает в себя как личностные факторы, так и социальные влияния, что указывает на необходимость разработки новых педагогических принципов и технологий, основанных на достижениях современной психологии с учетом требований современной российской ценностно-смысловой парадигмы. 3. Реализация модели формирования позитивной гражданской идентичности и традиционных ценностей студентов, включающей специально организованное взаимодействие с обучающимися во время аудиторной и внеаудиторной работы (социально-значимой деятельности), показала эффективность модели и

способствовала повышению позитивной гражданской идентичности и ряда традиционных ценностей. В результате формирующего эксперимента были получены достоверные сдвиги в иерархии таких ценностей, как конформность, традиции, благожелательность, безопасность. Их значимость для респондентов повысилась».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководителями, администрацией образовательных организаций, специалистами по работе со студентами, специалистами по работе с молодежью, психологами, социальными педагогами, консультантами, аналитиками и экспертами.

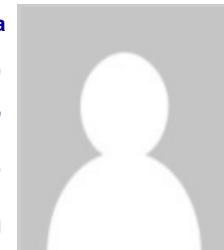
В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что при описании характеристик выборки использовано сокращенное название образовательной организации «ФГБОУ ВО ЗабГУ», которое целесообразно было бы указать полностью в тексте рукописи, а затем, уже в таблице 1 использовать сокращенное название. В заключении представлены краткие выводы, возможно, в качестве рекомендации, целесообразно было отдельно описать выводы и сделать отдельно обобщающее заключение по всему проведенному исследованию. При подготовке исследования, можно было бы использовать зарубежные публикации и источники, сославшись на них и включить в библиографию. Указанные недостатки не снижают научную и практическую значимость самого исследования, а скорее, относятся к оформлению текста статьи. Рукопись рекомендуется опубликовать.

Психология и Психотехника*Правильная ссылка на статью:*

Комиссарова О.А., Милованова О.А. Особенности переживания тревожности и одиночества как предикторы употребления ПАВ у подростков (на материале анкетирования зависимых 12-18 лет) // Психология и Психотехника. 2025. № 1. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.1.73281 EDN: IOJQCK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73281

Особенности переживания тревожности и одиночества как предикторы употребления ПАВ у подростков (на материале анкетирования зависимых 12-18 лет)**Комиссарова Ольга Андреевна**

ORCID: 0009-0003-2642-2340

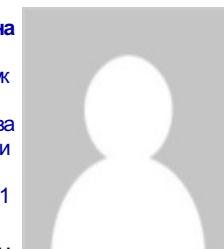
клинический психолог; Центр практической аддиктологии "Цель"

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ olg.komissarova2016@yandex.ru

Милованова Ольга Андреевна

доктор медицинских наук

профессор; кафедра неврологии детского возраста ; ФГБОУ ДПО РМАНПО Министерства здравоохранения Российской Федерации

125993, Россия, г. Москва, ул. Баррикадная, 2/1

✉ olg.komissarova2016@yandex.ru

[Статья из рубрики "Клиническая психология"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0722.2025.1.73281

EDN:

IOJQCK

Дата направления статьи в редакцию:

06-02-2025

Дата публикации:

13-02-2025

Аннотация: Исследование посвящено описанию особенностей переживания одиночества и тревожности подростками старшей и младшей возрастных групп,

употребляющих ПАВ и находящихся на реабилитации в наркологическом центре. Объектом исследования стали особенности переживания одиночества и тревожности, предметом – их предиктивная роль в формировании зависимости от ПАВ у подростков разных возрастных групп. Целью исследования является выделение особенностей переживания одиночества и тревожности у подростков, употребляющих ПАВ. Новизна проведенного исследования заключается в непосредственном изучении подростков, страдающих от химической зависимости и находящихся в процессе реабилитации. Для проведения исследования нами были использованы методики: оценка субъективного переживания одиночества Д. Рассела, М. Фергюсона (UCLA); шкала тревоги А.Бека (BAI); шкала явной тревожности для подростков А.М. Прихожан. Участниками исследования стали 50 подростков (25 мальчиков и 25 девочек, из них 20 младшего подросткового возраста – 10 мальчиков и 10 девочек – и 30 старшего подросткового возраста – 15 мальчиков и 15 девочек), употребляющих различные виды ПАВ и находящихся на реабилитации в наркологических центрах. Выборка респондентов максимально упорядочена по половозрастному и социodemографическим критериям (полные семьи, средний уровень достатка, постоянное проживание в Москве и/или Московской области, регулярное употребление ПАВ одного типа). В результате исследования нами были выявлены устойчивые особенности в переживании тревожности и субъективного переживания одиночества: мальчики-подростки обеих возрастных групп более склонны к переживанию одиночества как непонимания со стороны окружающих и среднему уровню проявления тревожности, тогда как уровень тревожности девочек-подростков значительно выше и связан с проявлением шкалы социальной желательности. При этом подростки младшей возрастной группы склонны к более высокому уровню тревожности, а подростки старшей – к более глубоким переживаниям субъективного одиночества в аспекте нарушения социальных взаимодействий.

Ключевые слова:

подростки, зависимость, ПАВ, тревожность, одиночество, несовершеннолетние, предикторы зависимости, реабилитация, наркологический центр, химическая зависимость

Введение

Формирование химической зависимости у подростков представляет собой многофакторную проблему, охватывающую широкий спектр психологических, социологических и биологических аспектов. В последние десятилетия количество случаев зависимого поведения среди молодежи стремительно растет, что подчеркивает необходимость глубокого научного анализа причин и механизмов, способствующих этому явлению.

Психологические исследования установили значительную связь между эмоциональными расстройствами и формированием зависимостей. Например, Абдрахманова Э.В. и Стародубец О.Д. в своём исследовании подчеркивает, что подростки с высокой степенью выраженной депрессии и тревожности имеют увеличенный риск злоупотребления психоактивными веществами. Авторы отмечают, что низкая самооценка, чувство одиночества и отсутствие эмоциональной поддержки со стороны родителей могут привести к попыткам уйти от негативных эмоций через употребление наркотиков или алкоголя [\[1, с. 23-24\]](#).

Данные зарубежных исследований также подтверждают эту концепцию. Так, ряд исследователей из Торонтского университета Старборо и университета Колорадо провели систематический обзор, в котором они выявили, что эмоциональные расстройства являются мощным предиктором для подростков, занимающихся употреблением наркотиков. Исследователи отмечают, что подростки, испытывающие хронический стресс или социальную изоляцию, более склонны к зависимому поведению, что подтверждает гипотезу о взаимодействии индивидуальных и социальных факторов в развитии зависимостей [2,10].

Социологические исследования исследуют влияние окружающей среды на развитие зависимостей. В работах А.А. Реан и Коновалова И.А. рассматриваются аспекты семейных отношений как ключевые факторы, влияющие на предрасположенность к зависимостям. В этом исследовании подчеркивается, что конфликтные отношения в семье, а также недостаток эмоциональной поддержки могут значительно повысить риск возникновения зависимого поведения у подростков [3]. Соответствующее влияние социальных кругов также имеет значение: исследования демонстрируют, что подростки, состоящие в группах со склонностью к употреблению наркотиков, имеют более высокие шансы на развитие зависимости [4,11].

В зарубежных работах, таких как мета-анализ зависимого поведения подростков, также акцентируется внимание на значении сверстников в формировании зависимости. Авторы пришли к выводу, что сверстники играют двойственную роль: от них подростки могут получать как поддержку и защиту, так и склонность к употреблению наркотиков [5,9]. Это подтверждает необходимость комплексного понимания динамики отклоняющегося поведения в контексте подросткового социального окружения [6,7,8].

Таким образом, можно говорить о том, что формирование зависимости у подростков является многоаспектным и сложным феноменом, носящим как психосоциальный, так и медицинский характер. В свою очередь, предикторами аддиктивного поведения могут становиться как элементы генетической предрасположенности, так и социальные (семья, окружение, уровень достатка, место проживания), так и психологические – личностные – факторы (переживание одиночества, тревожность, склонность к агрессии и т.д.).

Предмет исследования: особенности переживания тревожности и одиночества у российских подростков, употребляющих ПАВ.

Объект исследования: особенности переживания тревожности и одиночества.

Основной целью исследования является выделение особенностей переживания одиночества и тревожности у российских подростков, употребляющих ПАВ.

Научная новизна и практическая значимость проведенного исследования проведенного исследования заключается в непосредственном изучении подростков, страдающих от химической зависимости и находящихся в процессе реабилитации.

Теоретико-методологическую основу для исследования употребления психоактивных веществ подростками составили положения, отражающие медико-психологические и психосоциальные представления о зависимости и ее влиянии на развитие подростков (Wymbs, B. T., McCarty, C. A., Mason, W. A., King, K. M., Baer, J. S., Vander Stoep, A., & McCauley, E. 2014; Худяков А.В. 2003); исследования в области психологических расстройств и их связи с употреблением психоактивных веществ (Слободская, Харченко

2004; Stellern, J., Xiao, K. B., Grennell, E., Sanches, M., Gowin, J. L., & Sloan, M. E. 2023); положения, отражающие влияние семейных и социальных факторов на формирование зависимого поведения (Реан А.А., Коновалов И.А. 2020; Басалаева Н.В., Захарова И.В. 2022; Trucco, E. M., & Hartmann, S. A. 2021; Слабодская, Харченко 2004); исследования в области генетических предрасположенностей к зависимостям и их взаимодействия с психологическими и социальными аспектами (Ducci, F., & Goldman, D. 2012; Henneberger, A.K., Mushonga, D.R. & Preston, A.M. 2021); а также изучение роли социальных сетей и сверстников в формировании зависимого поведения (Абдрахманова Э.В., Стародубец О.Д. 2019; Watts, Lara & Hamza, Eid & Bedewy, Dalia & Moustafa, Ahmed 2023).

Материалы исследования

Тип исследования – анкетирование, описательное. В исследовании приняли участие 50 подростков, страдающих зависимостью от ПАВ (мефедрон – синтетический наркотик класса амфетаминов), проходящие программу реабилитации от наркотической зависимости.

Критерии включения респондентов в исследование: 1) проходит реабилитацию в наркологическом стационаре круглосуточного или дневного типа; 2) возраст от 12 до 17 лет; 3) подписание информированного согласия на участие в исследовании от официальных представителей несовершеннолетнего; 4) сопровождение реабилитации штатным психологом; 5) регулярное посещение психологических сессий и тренингов, регулярное анкетирование и тестирование психоэмоционального состояния; 6) отсутствие употребления ПАВ в период нахождения в стационаре. Критерии исключения: 1) возраст моложе 12 и старше 17 лет; 2) активное употребление ПАВ (вне стационара, отказ от прохождения тестирования); 3) наличие тяжелых психических расстройств; 4) отказ от участия в реабилитационной психологической терапии; 5) отсутствие информированного согласия официальных представителей несовершеннолетнего. Сопровождение психолога в процессе реабилитации подразумевало регулярный амбулаторный прием (4-6 раз в неделю в зависимости от типа стационара), а также отдельные реабилитационные групповые и/или индивидуальные консультации с психологом сопровождения для регуляции и стабилизации психоэмоционального состояния, а также целостной реабилитационной терапии.

Методы исследования:

Для изучения и оценки особенностей переживания тревожности и одиночества подростками, употребляющими ПАВ нами были использованы методы анкетирования, семантического и факторного анализа, статистический методы. Метод анкетирования или клинико-психологический метод включал в себя информационную анкету для анализа социо-демографических характеристик респондентов, ряд психологических методик для оценки уровня и специфики переживания тревожности и одиночества: оценка субъективного переживания одиночества Д. Рассела, М. Фергюсона (UCLA); шкала тревоги А.Бека (BAI); шкала явной тревожности для подростков А.М. Прихожан.

Статистические методы обработки эмпирических материалов применялись для оценки параметров выборки данных с ненормальным распределением в связи с небольшим количеством респондентов, поделенных на подгруппы по возрасту (старшие и младшие подростки) и полу (девочки и мальчики). Для анализа нами использовались коэффициент ранговой корреляции Спирмена и U-критерий Манна-Уитни для оценки значимых различий между группами респондентов. Психодиагностическое исследование проводилось в начале реабилитационной терапии после поступления подростков в

реабилитационный центр и прохождения детоксикологических мероприятий, после достижения респондентами относительной психоэмоциональной стабильности.

Результаты и обсуждение

Описание выборки

В исследовании приняли участие 50 подростков в возрасте от 12 до 17 лет. Респонденты были разделены на подгруппы согласно полу и возрасту (младшая и старшая возрастные группы). Таким образом, в исследовании приняло участие 10 мальчиков и 10 девочек младшего подросткового возраста (12-14 лет) и 15 мальчиков

25 мальчиков и 25 девочек, из них 20 младшего подросткового возраста – 10 мальчиков и 10 девочек – и 30 старшего подросткового возраста – 15 мальчиков и 15 девочек составили выборку респондентов данного исследования.

Социодемографические характеристики респондентов: все респонденты росли и воспитывались в полных семьях с доходом семьи от среднего и выше среднего, получали среднее образование в государственных школах и жили на территории г. Москвы и Московской области, а также были носителями русской лингвокультуры.

Клинико-медицинские характеристики выборки: все респонденты были зависимы от мефедрона как синтетического наркотика класса амфетаминов (сленговое название «соль»), были госпитализированы в наркологический стационар, после чего были направлены в реабилитационный наркологический центр для прохождения комплексной медико-психо-социальной реабилитации с официального согласия официальных представителей (родителей) и находились в круглосуточном или дневном стационаре в зависимости от стадии прохождения реабилитационных мероприятий и психоэмоционального и физического состояния.

Результаты психодиагностики:

По результатам проведенных психологических тестов нами было выявлено, что у девочек-подростков более выраженным является ощущение одиночества как негативного переживания и нарушения социальных контактов, тогда как у мальчиков-подростков наблюдается ощущение одиночества как непонимания со стороны окружающих. При этом следует отметить, что в целом мальчики-подростки субъективно сильнее ощущают чувство одиночества, чем подростки-девочки. При этом обе наблюдаемые тенденции сохраняются и развиваются от младшего подросткового возраста к старшему, что отражено на графике в рис.1:

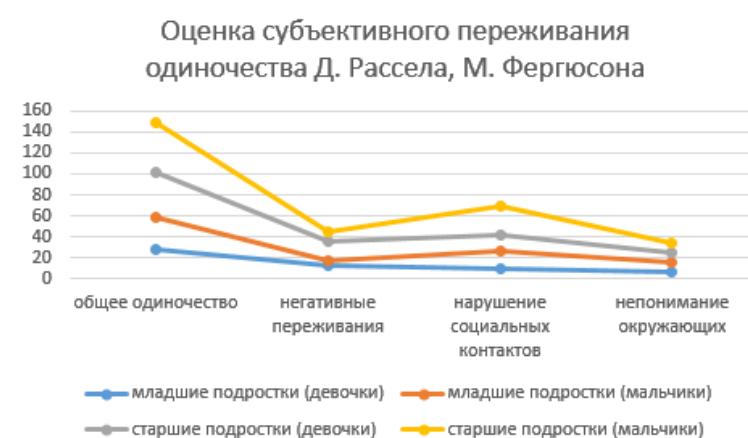

Рисунок 1. Средние значения оценки субъективного переживания одиночества у подростков, употребляющих ПАВ

В свою очередь, оценка уровня тревоги согласно опроснику уровня тревоги А.Бека (BAI) показывает тенденцию к снижению тревожность у подростков от младшего подросткового возраста к старшему подростковому возрасту (уровень тревоги выше у подростков младшего возраста) как у девочек, так и у мальчиков. При этом у девочек уровень тревоги значительно выше, чем у мальчиков, в обеих наблюдаемых возрастных группах, что можно наблюдать на графике на рис. 2:

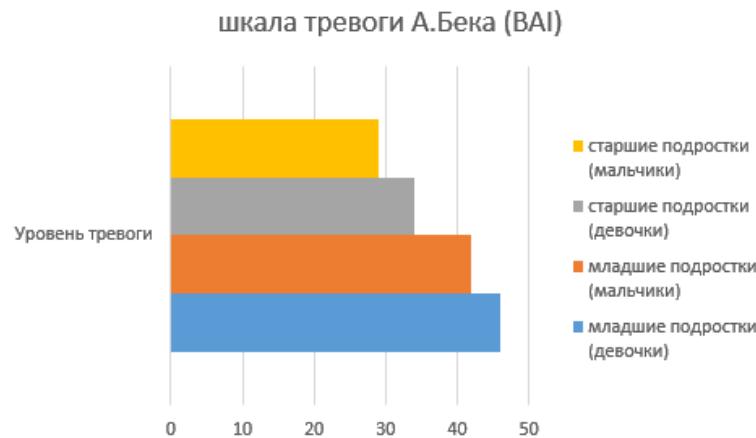

Рисунок 2. Средние значения оценки уровня тревоги по шкале BAI у подростков, употребляющих ПАВ

Аналогичные результаты можно наблюдать согласно данным анкетирования по шкале явной тревожности для подростков А.М. Прихожан. При этом можно отметить, что шкала социальной желательности («шкала лжи») у всех подростков находится в пределах получения достоверного результата, однако у девочек результаты по данной шкале значительно выше, чем у мальчиков, рис.3:

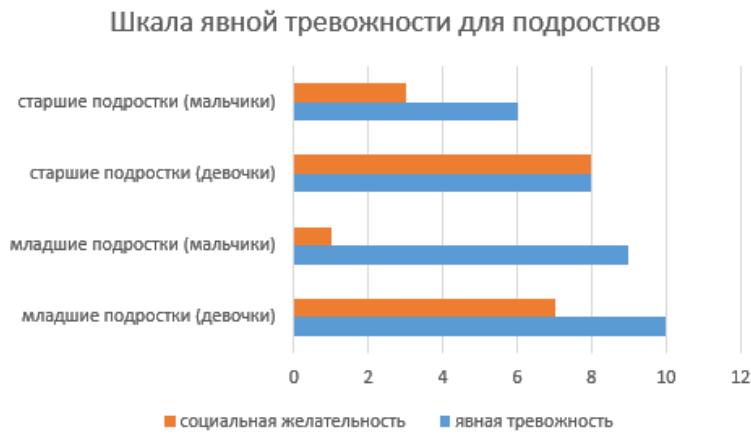

Рисунок 3. Средние значения явных проявлений тревожности у подростков, употребляющих ПАВ

Уровень социальной желательности у представителей всех групп респондентов не выше 8, что, согласно данным А.М. Прихожан, позволяет расценивать результат как достоверный.

Таким образом, можно отметить, что на основе первичных наблюдений можно сделать предварительный вывод о том, что подростки разных возрастных и гендерных групп

имеют различные профили проявления тревожности и ощущения одиночества. При этом тревожность подростков с возрастом уменьшается, тогда как субъективное переживание одиночества увеличивается, что отражает общую тенденцию к развитию психоэмоционального состояния подростков, зависимых от ПАВ.

Для подтверждения первичных наблюдений на основе данных анкетирования нами был проведен анализ путем применения U-критерия Манна-Уитни для выявления различий между малыми группами у независимых выборок:

Методика		Значения			
Субъективное переживание одиночества	Шкала	Младшие подростки	Старшие подростки	U	p- level
	Общее одиночество	29	45,3	212,3**	0
	Негативные переживания	7,5	14	111**	0
	Нарушение социальных контактов	12,7	23,1	109,6	0,005
	Непонимание со стороны окружающих	7	10,2	378,5	0,14
Уровень тревоги		45,8	30,3	82,65**	0,002
Явное проявление тревожности у подростков	Явная тревожность	8,9	7,2	216,3	0,07
	Социальная желательность	4	5,5	516,6**	0,002
Уровень значимость 0,01**					
p≤0,01					

Таблица 1. Сравнительные результаты групп респондентов по возрасту по критерию Манна-Уитни (N=50)

Интерпретируя полученные в результате сравнительного анализа данные (таб.1), можно отметить, что первичные наблюдения на основе интерпретации данных исследования подтвердились: наблюдаются значимые различия между группами старших и младших подростков по показателям общего одиночества, одиночества как негативного переживания, общего уровня тревоги, и уровня выраженности социальной желательности.

Дальнейший анализ проводился нами на основе сравнения групп по полу: подростков девочек и мальчиков без разделения на возрастные группы:

Методика		Значения			
Субъективное переживание одиночества	Шкала	Девочки	Мальчики	U	p- level
	Общее одиночество	32,1	38,4	113,5**	0
	Негативные переживания	15,5	12,3	98,7	0
	Нарушение социальных	13	20,9	121,3**	0,005

	нарушение социальных контактов					
	Непонимание со стороны окружающих	7,8	9	172,4**	0,01	
Уровень тревоги		40,7	33,2	102,6**	0	
Явное проявление тревожности у подростков	Явная тревожность	9,1	7,1	163,9**	0,007	
	Социальная желательность	7,4	2,2	516,6**	0,002	
Уровень значимость 0,01**						
$p \leq 0,01$						

Таблица 1. Сравнительные результаты групп респондентов по полу по критерию Манна-Уитни ($N=50$)

Полученные в результате критериального анализа данные также подтвердили данные, основанные на первичной интерпретации анкет. Наблюдаются значимые различия в проявлении общего одиночества, субъективного переживания одиночества как нарушения социальных контактов и непонимания со стороны окружающих, уровня тревоги, явного проявления тревожности и проявления социальной желательности.

Дальнейший анализ лежал в плоскости поиска значимых связей между исследуемыми компонентами.

Исследуя механизмы взаимодействия изучаемых компонентов (для представителей каждой из 4 подгрупп: младшие подростки девочки, младшие подростки мальчики, старшие подростки девочки и старшие подростки мальчики), можно сделать следующие выводы:

1) для представителей всех групп наблюдается прямая двусторонняя связь между повышением общего уровня субъективного одиночества и его проявлением в виде негативных переживаний (младшие подростки девочки $R=0,322$, $p=0,01$; младшие подростки мальчики $R=0,409$, $p=0,01$; старшие подростки девочки $R=0,177$, $p=0,01$; и старшие подростки мальчики $R=0,133$, $p=0,01$) и нарушения социальных контактов (младшие подростки девочки $R=0,126$, $p=0,01$; младшие подростки мальчики $R=0,536$, $p=0,01$; старшие подростки девочки $R=0,289$, $p=0,01$; и старшие подростки мальчики $R=0,447$, $p=0,01$), а также между уровнем тревоги и проявлением явной тревожности (младшие подростки девочки $R=0,349$, $p=0,01$; младшие подростки мальчики $R=0,253$, $p=0,01$; старшие подростки девочки $R=0,113$, $p=0,01$; и старшие подростки мальчики $R=0,246$, $p=0,01$);

2) у подростков младшей возрастной группы (мальчики и девочки) наблюдается прямая двусторонняя связь между уровнем тревоги и нарушением социальных контактов как аспектом субъективного переживания одиночества (младшие подростки девочки $R=0,326$, $p=0,01$; младшие подростки мальчики $R=0,442$, $p=0,01$);

3) у подростков-девочек обеих возрастных групп (старшие и младшие подростки) наблюдается двусторонняя прямая связь между выраженностью социальной желательности и уровнем субъективного переживания одиночества (младшие подростки девочки $R=0,347$, $p=0,01$; старшие подростки девочки $R=0,335$, $p=0,01$), и обратная

двустороняя связь между уровнем тревоги и проявлением социальной желательности (младшие подростки девочки $R=-0,417$, $p=0,01$; старшие подростки девочки $R=-0,392$, $p=0,01$);

4) у подростков-мальчиков обеих возрастных групп (старшие и младшие подростки) наблюдается наличие прямой двусторонней связи между общим уровнем субъективного переживания одиночества и выраженностю аспекта непонимания со стороны окружающих (младшие подростки мальчики $R=0,325$, $p=0,01$; старшие подростки мальчики $R=0,304$, $p=0,01$);

5) у старших подростков обеих гендерных групп (мальчики и девочки) наблюдается наличие обратной односторонней связи между общим уровнем субъективного переживания одиночества и уровнем тревоги (старшие подростки девочки $R=-0,217$, $p=0,01$; старшие подростки мальчики $R=-0,246$, $p=0,01$), а также уровнем явной тревожности (старшие подростки девочки $R=-0,223$, $p=0,01$; старшие подростки мальчики $R=-0,255$, $p=0,01$).

Обсуждение

Участниками исследования стали 50 подростков, страдающих зависимостью от ПАВ (зависимость от мефедрона) в возрасте от 12 до 17 лет включительно, проходящие комплексные реабилитационные мероприятия на базе наркологического центра. В ходе исследования нами изучались особенности проявления тревожности и субъективного переживания одиночества у подростков старшей и младшей возрастных групп, разделенных по гендерному признаку.

Целью исследования было выявление особенностей субъективного переживания одиночества и тревожности как предикторов употребления ПАВ. В ходе исследования было выявлено, что, несмотря на различия в профилях анкетирования употребляющих подростков (различный уровень проявления элементов субъективного переживания одиночества, уровень тревожности) тем не менее возможно говорить о том, что все подростки рассматриваемых возрастных групп обладают повышенным уровнем тревоги (шкала Бека, шкала Прихожан), снижающимся по мере взросления, и высоким уровнем субъективного переживания одиночества и, в первую очередь, ощущения одиночества как нарушения социальных контактов и непонимание со стороны окружающих.

Аналогичные данные при изучении предиктивного влияния тревожности [6,7,11] и одиночества [2,10] получили ряд зарубежных исследователей, изучавших медицинские и клинико-психологические особенности подростков в США, Канаде, на Ближнем Востоке, употребляющих различные типы ПАВ, в т.ч. алкоголь, табак, несинтетические наркотические вещества.

Выводы

Можно констатировать наличие значимых связей между исследуемыми компонентами субъективного переживания одиночества и уровня тревожности у подростков: по мере взросления, ощущение субъективного переживания одиночества усугубляется, как и нарушение в области социальных контактов и рост уровня социальной желательности, тогда как уровень тревожности с возрастом у подростков падает, что может быть связано с усугублением психоэмоционального состояния подростков. При этом можно отметить, что девочки больше склонны к проявлению социальной желательности (отметке социально-приемлемых ответов, а не тех, которые будут презентировать реальное психоэмоциональное состояние), а подростки-мальчики более склонны к интерпретации

одиночества как непонимания со стороны окружающих.

Заключение

При проведении психологических мероприятий, направленных на работу с зависимыми подростками психологу сопровождения необходимо работать в паре с психиатром-наркологом и/или специалистом, имеющим квалификацию для работы с клиническими случаями в связи с рядом особенностей психоэмоционального и физического состояния зависимых подростков.

Комплексный подход к реабилитации подростков, страдающих от химической зависимости должен включать не только проработку текущего психоэмоционального состояния, но и также влиять на факторы, увеличивающие риски повторного рецидива зависимостей, среди которых ряд исследователей отмечает сильное субъективное переживание одиночества и высокий уровень тревожности.

В ходе проведенного анализа данных подростков старших и младших подростков, разделенных на подгруппы по гендерному признаку, мы выявили ряд особенностей субъективного переживания одиночества и уровень проявления тревожности. На основе анализа данных, полученных в ходе статистического анализа, можно утверждать, что у всех респондентов вне зависимости от пола и возраста наблюдается повышение уровня субъективного переживания одиночества в виде негативных переживаний и нарушения социальных контактов, тогда как уровень тревоги и явной тревожности с возрастом снижается (у младших подростков уровень тревожности выше, чем у старших подростков). При этом также имеется ряд различий в половозрастных группах:

- 1) подростки младшей возрастной группы демонстрируют возрастание уровня тревожности при увеличении уровня субъективного переживания одиночества в виде нарушения социальных контактов;
- 2) подростки старшей возрастной группы, наоборот, демонстрируют снижение уровня тревожности при повышении уровня субъективного переживания одиночества по всем рассматриваемым аспектам;
- 3) подростки-девочки показывают повышенный уровень шкалы социальной желательности, который обратно пропорционален проявлению уровня явной тревожности, что может демонстрировать желание скрыть собственную тревожность и переживание негативных чувств, связанных с одиночеством;
- 4) подростки-мальчики воспринимают одиночество в большей степени как непонимание со стороны окружающих, тогда как шкала социальной желательности фактически не имеет степени выраженности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что субъективное переживание одиночества и уровень тревожности зависимых подростков может оказывать прямое влияние на употребление ПАВ, в связи с чем психологу реабилитации и клиентского сопровождения необходимо обратить внимание на проработку данных аспектов, снижение уровня тревожности респондентов, а также проработку моделей построения социальных контактов и стабильных социальных отношений. При работе с девочками-подростками внимание также стоит уделить скрытым чувствам и переживаниям, которые зависимые могут скрывать под социально-желательным поведением. При работе с мальчиками-подростками большее внимание следует уделить налаживанию коммуникации со значимыми персонами и трансформации круга общения. При работе с младшими

подростками в первую очередь следует снизить уровень тревожности.

В качестве дальнейших перспектив исследования нами видится продолжение заявленной работы, выявление иных скрытых предикторов зависимого поведения подростков, а также наблюдение и сравнение показателей в начале и в конце реабилитационного процесса.

Библиография

1. Абдрахманова, Э. В., Стародубец, О. Д. Факторы, влияющие на формирование аддиктивного поведения у подростков // Психологическое здоровье и развитие личности в современном мире: материалы Международной научно-практической конференции, Благовещенск, 23–25 октября 2019 года. – Благовещенск: Амурский государственный университет, 2019. – С. 21-26. – DOI 10.22250/phpdmw.2019.2.
2. Stellern, J., Xiao, K. B., Grennell, E., Sanches, M., Gowin, J. L., & Sloan, M. E. Emotion regulation in substance use disorders: a systematic review and meta-analysis. *Addiction* (Abingdon, England), 2023. 118(1), 30–47. <https://doi.org/10.1111/add.16001>
3. Рean, A. A., Коновалов, И. А. Дисфункциональная семья как фактор агрессивного поведения подростков // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 8. – С. 292-301. DOI 10.24411/2073-0454-2020-10500.
4. Басалаева, Н. В., Захарова, Т. В. Проявление зависимого поведения у подростков // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 76-2. – С. 267-269.
5. Watts, L., Hamza, E., Bedewy, D., Moustafa, A. A meta-analysis study on peer influence and adolescent substance use. *Current Psychology*, 2023. 43, 1-16. DOI 10.1007/s12144-023-04944-z.
6. Wymbs, B. T., McCarty, C. A., Mason, W. A., King, K. M., Baer, J. S., Vander Stoep, A., McCauley, E. Early adolescent substance use as a risk factor for developing conduct disorder and depression symptoms. *Journal of studies on alcohol and drugs*, 2014. 75(2), 279–289.
7. Trucco, E. M., Hartmann, S. A. Understanding the Etiology of Adolescent Substance Use through Developmental Perspectives. *Child development perspectives*, 2021. 15(4), 257–264. <https://doi.org/10.1111/cdep.12426>
8. Худяков, А. В. Клинико-социальный анализ формирования и профилактика зависимости от психоактивных веществ у несовершеннолетних // Диссертация на соискание ученой степени доктора медицинских наук. – Москва, 2003. – 335 с.
9. Слободская, Е. Р., Харченко, И. И. Отношение подростков к наркотикам: психологические и социальные факторы риска и защиты // Сибирский психологический журнал. – 2004. – № 20. – С. 84-89.
10. Ducci, F., Goldman, D. The genetic basis of addictive disorders. *The Psychiatric clinics of North America*, 2012. 35(2), 495–519. <https://doi.org/10.1016/j.psc.2012.03.010>
11. Henneberger, A. K., Mushonga, D. R., Preston, A. M. Peer Influence and Adolescent Substance Use: A Systematic Review of Dynamic Social Network Research. *Adolescent Research Review*, 2021. 6, 57–73. <https://doi.org/10.1007/s40894-019-00130-0>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет статьи с одной стороны заявлен в заглавии, с другой - конкретизирован в тексте статьи. Сам по себе предмет - "особенности переживания тревожности и одиночества у российских подростков, употребляющих ПАВ" и его конкретизация в

объекте как "особенности переживания тревожности и одиночества" корректен и грамотно сформулирован.

Методология исследования описана достаточно подробно. Качественно прописаны особенности выборки, критерии включения в исследование, характеристики подгрупп участников. Это дает четкое представление о выборке исследования. Выборка по объему небольшая, но в целом достаточная для применения методов статистического анализа, которые указаны авторами, поэтому, можно сказать, что в этой части исследование выполнено корректно.

Примененные психодиагностические методики адекватны цели и предмету исследования. В целом необходимо сказать, что методология описана весьма хорошо, она позволяет при желании воспроизвести исследование, а это важный критерий хорошей статьи.

Статистический анализ, насколько возможно судить из текста статьи, выполнен корректно, наглядно представлен в таблицах. Это также является плюсом статьи, позволяет читателям составить представление об исследовании.

Актуальность исследования не прописана напрямую, но в целом обоснована. В статье имеется раздел "новизна", и в целом отсылки на библиографию позволяют судить об актуальности. Конечно, лучше было бы прописать актуальность отдельно.

Научная новизна присутствует и обоснована.

Стиль статьи научный, даже, несколько тяжеловат, но статья вполне читаема. Структура соответствует требованиям к структуре научной статьи. Можно порекомендовать лишь незначительные правки. Так, раздел про теоретико-методологическую основу исследования оформлен не совсем корректно. Упомянутых авторов необходимо либо включать в библиографию и оформлять ссылки на них соответственно, либо раздел в целом можно исключить, ограничившись несколькими фразами про теоретико-методологическую основу в параграфе о методологии. В целом такой раздел более характерен для диссертаций и выпускных квалификационных работ, курсовых работ, нежели чем для статей. Он несколько перегружает текст.

Содержание статьи отражает ход и результаты проведенного исследования. В целом текст позволяет получить хорошее представление об исследовании, его шагах, результатах, это весьма грамотно прописанная работа.

Библиография невелика. С одной стороны она обосновывает исследование, но можно было бы и расширить ее. Может быть, чуть подробнее рассказать об аналогичных исследованиях, упомянутых вскользь. Также стоит учесть замечания, высказанные нами выше к разделу "теоретико-методологические...." основы исследования. Между тем, это не видится нам серьезным недостатком.

Апелляция к оппонентам присутствует, авторы соотносят результаты своего исследования с аналогичными.

Статья является очень качественно выполненным научным текстом, который безусловно будет представлять интерес для читательской аудитории, не в последнюю очередь благодаря, к сожалению, высокой социальной актуальностью темы наркотизации подростков.

Замечания, высказанные в рецензии, являются в целом незначительными, преимущественно редакторского или технического характера.

Рекомендую статью к печати.

Психология и Психотехника

Правильная ссылка на статью:

Камалова О.М. Влияние условий труда на формирование мотивационно-смысовых и ценностных отношений личности в профессиональной деятельности // Психология и Психотехника. 2025. № 1. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.1.73762 EDN: VFSMPF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73762

Влияние условий труда на формирование мотивационно-смысовых и ценностных отношений личности в профессиональной деятельности

Камалова Оксана Максимовна

Аспирант Института иностранных языков Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 9, корпус 4

✉ mak-kom25@mail.ru

[Статья из рубрики "Профессиональная психология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.1.73762

EDN:

VFSMPF

Дата направления статьи в редакцию:

20-03-2025

Дата публикации:

02-04-2025

Аннотация: В статье рассмотрены основные факторы условий труда и их влияние на мотивационно-смысовые и ценностные отношения личности в профессиональной деятельности. Актуальность проведения исследования состоит в изучении структуры условий труда с психологической точки зрения позволяющее выявить психологические аспекты и оценить их влияние на мотивацию, личностные смыслы и ценностные отношения работников организации. Понимание данных аспектов позволит определить, какие именно факторы условий труда побуждают работников к активным действиям. Объектом исследования выступают мотивационно-смысовые и ценностные отношения личности. Предметом данного исследования являются факторы условий труда, влияющие на мотивационно-смысовые и ценностные отношения работников. Цель

исследования заключается в определении психологических аспектов позволяющих оценить влияние условий труда на формирование мотивационно-смысовых и ценностных отношений работников. Методологической основой исследования послужили исследования отечественных и зарубежных ученых, раскрывающие понимание различных типов условий труда и их влияние на мотивационно-смысовые и ценностные отношения личности в профессиональной деятельности. В исследовании использованы теоретические (сравнительный анализ) и эмпирические методы (беседа, наблюдение, анкетирование) исследования. Основные результаты проведенного исследования показывают, что физические, организационные и психологические факторы условий труда, являются основополагающими психологическими аспектами оказывающими влияние на формирование мотивационно-смысовых и ценностных отношений личности в профессиональной деятельности. Научная новизна исследования заключается не только в углубленном анализе основных факторов условий труда, но и в применении междисциплинарного подхода, позволяющего интегрировать знания из различных областей, таких как психология, социология и экономика, что способствует более полному пониманию рассматриваемых процессов. Такой подход дает возможность выявить взаимосвязи и закономерности между факторами условий труда и мотивационно-смысзовыми отношениями личности. Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты исследования, окажут помочь руководителям в реализации дополнительных мероприятий, направленных на повышение эффективности работы организации. В целях повышения эффективности профессиональной деятельности, руководителям организаций даны рекомендации о необходимости проведения мониторингов условий труда работников, включающего в себя физические, организационные и психологические факторы условий труда.

Ключевые слова:

деятельность, личность, мотивация, личностный смысл, мотивационно-смысовые отношения, организация, профессиональная деятельность, охрана труда, условия труда, фактор

Введение

Мотивационно-смысовые и ценностные отношения личности в сфере профессиональной деятельности являются сложным и многогранным процессом, который включает в себя взаимодействие различных факторов, оказывающих влияние на эффективность трудовой деятельности как самих работников, так и организации в целом. Важное место в управление трудовыми отношениями занимает фактор организации безопасных условий труда, способствующих повышению производительности труда и удовлетворенности работников.

В современных условиях трудовая деятельность становится неотъемлемой частью жизни человека, важно понимать, как различные психологические аспекты рабочего процесса воздействуют на мотивацию, личностные смыслы и ценностные отношения работников. Условия труда представляют собой совокупность элементов, формирующих производственную среду и трудовой процесс. При котором важно учитывать личностные особенности работников, их потребности, позволяющих создать безопасные условия для выполнения профессиональных обязанностей.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления уровня влияния

условий труда на формирование мотивационно-смысовых и ценностных отношений личности в профессиональной деятельности. Исследование мотивации, личностных смыслов и ценностных отношений личности в профессиональной сфере в контексте психологии и социологии представляют собой важный шаг к пониманию того, какие факторы профессиональной деятельности влияют на эффективность трудового процесса работников. Понимание данных аспектов позволяет выявить, что движет работниками, какие факторы побуждают их к активным действиям и как мотивационно-смысовые и ценностные отношения работников соотносятся с условиями труда.

Объектом исследования являются мотивационно-смысовые и ценностные отношения личности.

Предмет исследования - факторы условий труда, влияющие на мотивационно-смысовые и ценностные отношения работников.

Цель исследования заключается в определении психологических аспектов позволяющие оценить влияние условий труда на формирование мотивационно-смысовых и ценностных отношений работников.

Гипотеза исследования отражает предположение, что факторы условий труда играют ключевую роль в системе управления организацией, обеспечивая удовлетворение базовых потребностей работников и создавая условия для их самореализации. Факторы условий труда способны оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на формирование мотивационно-смысовых и ценностных отношений.

Научной новизной данного исследования является детальное изучение влияния условий труда на формирование мотивационно-смысовых и ценностных отношений личности к профессиональной деятельности. Важность данного исследования заключается в том, что оно не только рассматривает традиционные аспекты удовлетворенности работой, но и направлено на выявление взаимосвязей между условиями труда и мотивационно-смысзовыми и ценностными отношениями личности.

Практическая значимость исследования определяется тем, что результаты исследования могут быть широко использованы социологами, психологами, специалистами по охране труда, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством и работниками служб по управлению персоналом различных организаций, а также учеными для дальнейшего углубления теоретических знаний и разработки новых концепций в области управления персоналом и организационного поведения.

Анализ литературы

Важный вклад в изучение вопросов по созданию безопасных условий труда в профессиональной деятельности, а также в разработку рекомендаций и практических решений по улучшению условий труда, внесли такие выдающиеся ученые, как С.В. Белов, А.А. Гавриков, Н.Л. Головин, К. Дукан, В.С. Крамар, Н.Н. Красногорская, Д. Купер, В.Л. Лапин, П.В. Марков, О.В. Усикова О.В., Г.З. Файнбург и другие.

Проблема организации условий труда в деятельности организаций была рассмотрена В.Н. Бобковым, который считает, что условия труда являются сложным объективным общественным явлением, формирующимся в процессе трудовой деятельности под влиянием взаимосвязанных факторов социально-экономического, технико-организационного и естественно-природного характера. Указанные факторы оказывают

влияние на работоспособность человека, его отношение к работе и уровень удовлетворенности ею, а также на эффективность труда и другие экономические результаты производства, качество жизни и всестороннее развитие человека как основного элемента производительной силы общества [\[4, с. 35-58\]](#).

На основе результатов исследования В.Ю. Баранова, посвященного улучшению социально-экономических показателей в контексте охраны труда и ее влияния на рост производительности труда, можно заключить, что экономическое благополучие любого предприятия зависит от труда его работников. Поэтому регулирование социально-трудовых отношений во всех сферах трудовой деятельности, включая охрану труда, является важным элементом эффективного управления организацией. В процессе работы на здоровье и работоспособность человека воздействуют различные факторы, такие как технические, эргономические, санитарно-гигиенические, психофизические, социально-бытовые, природно-климатические и экономические. Управление условиями труда и взаимодействием между работниками и работодателями способствует не только повышению производительности, но и улучшению общего климата в коллективе, что в свою очередь влияет на успешность и устойчивость предприятия в долгосрочной перспективе [\[3, с.59-61\]](#).

По мнению М.А. Куликовой, организация охраны труда представляет собой комплекс мероприятий, направленный на защиту трудовых прав работников и обеспечение безопасных условий труда в соответствии с требованиями законодательства и других нормативно-правовых актов в области охраны труда [\[13, 75-78\]](#).

Согласно мнению К. Дункан, культура безопасности на рабочем месте представляет собой совместные усилия работников, направленные на создание здоровой и безопасной рабочей среды с высокими показателями производительности. В таких организациях руководство и работники разделяют общие цели и ценности в области безопасности условий труда [\[7, 1-3\]](#).

На основе исследований ученых в области социологии можно сделать вывод, что условия труда имеют решающее значение в эффективной деятельности работников и их отношения к трудовому процессу. Рабочий процесс включает в себя набор задач, распределение обязанностей и взаимодействие между работниками. Организация мероприятий по охране труда, соблюдение норм и стандартов безопасности на рабочем месте, позволяет минимизировать риски травматизма и профессиональных заболеваний.

Значительный вклад в изучение мотивации, личностного смысла, ценностных ориентаций в профессиональной деятельности внесли такие выдающиеся ученые, как А.Г. Асмолов, О.А. Бобрыкин, Ф.Е. Василюк, Л.С. Выготский, Э.Л. Деси, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев А.Р. Лурия, А. Маслоу, В.Н. Мясищев, Р.М. Райан, К. Роджерс, В. Франкл и другие.

Л.С. Выготский подчеркивал наличие динамических смысловых систем в индивидуальном сознании личности, которые отражают единство аффективных и интеллектуальных процессов. В своей работе он ввел термин «смысловое переживание», который обозначает комплексное восприятие и осмысливание эмоционального и когнитивного опыта. Данное понятие помогает нам понять, как личность интегрирует свои чувства и мысли, создавая целостное представление о мире и себе в нем. Кроме того, ученый акцентировал внимание на том, что смысловое переживание играет ключевую роль в развитии личности и формировании ее уникального опыта, что способствует более глубокому пониманию взаимодействия между эмоциями и мышлением [\[6, с. 132\]](#).

Основным мотивом по мнению А. Маслоу является желание человека максимально реализовать свои способности и ощущение своей компетентности. Мотивация, направленная на достижение целей, меняется в зависимости от конкретных обстоятельств и вида деятельности, в которой участвует человек. Стремление к саморазвитию побуждает человека к самосовершенствованию и прогрессу, что, в свою очередь, способствует его активной работе и личностному росту [\[15, с. 46\]](#).

Мотивация и смысловые связи личности обладают рядом характеристик, которые зависят от социальной позиции человека и от набора мотивов, связанных с этой позицией. А.Н. Леонтьев отмечает, что личностный смысл присутствует в сознании индивида, а смысловые установки отражают этот смысл в рамках деятельности, проявляясь как готовность к определённым действиям [\[14, с. 273\]](#).

В области изучения мотивации и смысла жизни ученые Э.Л. Деси и Р.М. Райан, К. Роджерс и В. Франкл предложили оригинальные подходы к анализу факторов, влияющих на человеческую жизнедеятельность. Карл Роджерс подчеркивает важность самореализации и личностного роста, считая мотивацию ключевым фактором, выделяя основные положительные элементы при формировании мотивации такие как принятие и эмпатию. В своих работах Роджерс утверждает, что стремление к самореализации является естественной частью человеческой природы, и создание условий для этого процесса способствует развитию личности.

В. Франкл акцентирует внимание на значении поиска смысла в жизни как основного мотивационного фактора, утверждая, что осознание смысла жизни является неотъемлемой частью человеческого существования и мощным источником мотивации.

Теория самодетерминации, разработанная Э. Деси и Р. Райаном, представляет психологический подход к пониманию человеческой мотивации, личности и психологического благополучия, подробно рассматривая факторы внутренней и внешней мотивации. Основные идеи этого подхода включают в себя: внутреннюю мотивацию, основанную на самодетерминации, компетентности и взаимосвязи с другими людьми; различные виды внешней мотивации, регулирующие поведение человека и существенно различающиеся по своим характеристикам; важность социального контекста для эффективного функционирования индивида и различных проявлений форм мотивации [\[17, с. 73\]](#).

Система ценностных ориентаций, представляет собой психологическую характеристику зрелой личности и личностные образования, отражая содержательное отношение человека к социальной реальности. В этом контексте она определяет мотивацию его действий и оказывает значительное влияние на все аспекты деятельности человека. Как элемент структуры личности, ценностные ориентации демонстрируют внутреннюю готовность к выполнению определенных действий для удовлетворения потребностей и указывает на направленность его поведения [\[17, с. 286-289\]](#).

Исследования ученых в области психологии и социологии показывают, что улучшение условий труда способствует значительному росту производительности и снижению уровня заболеваемости среди работников. Комфортная рабочая среда, включая оптимальное освещение, качество воздуха, удобную мебель и минимизацию шума, играет ключевую роль в повышении эффективности труда. Работники, находящиеся в благоприятных условиях, не только лучше справляются с задачами, но и реже сталкиваются с профессиональными заболеваниями и стрессом.

Согласно проведенного анализа научных исследований нами выделены основные факторы условий труда, такие как физические, организационные и психологические, оказывающие особое влияние на производительность труда и общее качество жизни работников.

Физические факторы условий труда включают в себя такие элементы, как освещение, температура, уровень шума и качество воздуха, наличие мебели и иные элементы, которые могут затрагивать здоровье работников.

Например, нехватка естественного света на рабочем месте может негативно сказаться на здоровье работников, вызывая проблемы со зрением и способствуя развитию психоэмоциональных расстройств, таких как депрессия и тревожность. Исследования показывают, что недостаток солнечного света также может снижать уровень серотонина, что влияет на общее настроение и работоспособность. С другой стороны, высокий уровень шума в офисе или на производстве может привести к хроническому стрессу и утомляемости. Постоянные звуковые раздражители отвлекают внимание, уменьшают концентрацию и могут вызывать головные боли. В результате работники становятся менее продуктивными и более подверженными выгоранию. Создание комфортной акустической среды и обеспечение достаточного доступа к естественному свету являются важными аспектами для поддержания здоровья и эффективности работников.

Организационные факторы условий труда, относятся к процессам управления и представляют собой один из важных факторов, таких как рабочий процесс, безопасность труда, график работы, уровень квалификации и подготовки работников. Организация мероприятий по охране труда, соблюдение норм и стандартов безопасности на рабочем месте, позволяет минимизировать риски травматизма и профессиональных заболеваний. Рабочий процесс включает в себя набор задач, распределение обязанностей и взаимодействие между работниками. Эффективный график работы, позволяет работникам рационально распределять свои силы и время, что в свою очередь снижает стресс и усталость.

Психологические факторы условий труда, играют важную роль в трудовой деятельности человека и включает в себя эмоциональное состояние работников, мотивацию, личностный смысл, ценностные ориентации, межличностные отношения, уровень стресса и т.д. Так, например позитивные межличностные отношения в коллективе и поддержка со стороны коллег и руководства могут значительно повысить уровень мотивации и снизить негативные эмоции, что в свою очередь способствует улучшению общего качества жизни работников. Среди современных тенденций в управлении персоналом особое внимание уделяется психологическому состоянию работников и их здоровью. Все больше организаций внедряют программы по улучшению физического и психического состояния здоровья работников.

Изучение влияния условий труда на мотивационно-смысловые отношения личности, поможет установить основные факторы условий труда, оказывающие наибольшее влияние на мотивацию, личностный смысл и ценностные отношения личности в профессиональной деятельности.

Методы и методология исследования

Теоретической и методологической основой данного исследования стали работы российских и зарубежных ученых в области психологии и социологии, касающиеся вопросов мотивации, личностного смысла и организации охраны труда в профессиональной деятельности человека. В процессе анализа литературы были

изучены ключевые концепции, связанные с мотивационными факторами, влияющими на профессиональную деятельность, а также подходы к созданию безопасной и эффективной рабочей среды. Основной инструментальной парадигмой для последующей интерпретации полученных результатов стали:

- теоретические концепции и модели личности, разработанные ведущими отечественными учеными, такими как А. Г. Асмолов, В. Н. Мясищев, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, и другими, основывающиеся на ключевых принципах психологической науки, таких как единство сознания и деятельности, развитие и системный подход;
- экспериментальные и теоретические исследования касающиеся ценностно-смысловой структуры личности (Б. С. Братусь, Д. А. Леонтьев, Ф. Е. Б. А. Сосновский, В. Франкл, К. Роджерс и др.), а также исследования в области социологии и экономики (С.В. Белов, Н.Л. Головин, К. Дукан, В.С. Крамар, Н.Н. Красногорская, Д. Купер, В.Л. Лапин, П.В Марков, О.В. Усикова О.В., Г.З. Файнбург и др.).

В ходе исследования применялись как теоретические, так и эмпирические методы. К числу теоретических методов относятся дескриптивный метод, метод категоризации и метод сравнительного анализа. Дескриптивный метод позволил описать существующие условия труда и выявить их влияние на формирование мотивационно-смысловых и ценностных отношений работников. Метод категоризации использовался для систематизации полученных данных и выделения основных факторов, влияющих на мотивацию и ценностные ориентиры. Метод сравнительного анализа позволил сопоставить результаты исследования с данными других исследований в области психологии и социологии, что дало возможность выявить общие тенденции и специфические особенности взаимосвязи условий труда и мотивационно-смысловых отношений личности в профессиональной деятельности.

Эмпирические методы, такие как анкетирование, беседы и наблюдение, были использованы для сбора первичной информации о влиянии условий труда на формирование мотивационно-смысловых и ценностных отношений личности в профессиональной деятельности.

С целью сбора эмпирических данных была разработана авторская анкета, включающая в себя вопросы, направленные на оценку условий труда, уровня удовлетворенности работой, а также личных ценностей и мотивов работников.

Вопросы анкеты были сформулированы таким образом, чтобы получить максимально полное представление о мнении работников об условиях труда и их влиянии на мотивационно-смысловые и ценностные отношения. Помимо этого, результаты анкетирования позволят понять, какие факторы условий труда оказывают наибольшее влияние на удовлетворенность работой и как они соотносятся с общими условиями труда.

Сбор данных с помощью данной анкеты поможет выявить ключевые проблемы и области для улучшения, что в дальнейшем может способствовать повышению производительности и благополучия работников в организации.

Исследование проводилось на базе Республиканского агентства лесного хозяйства по Республике Бурятия. В анкетировании приняли участие 203 работника агентства, включая лесоводов, мастеров леса, участковых лесничих, парашютистов-пожарных, водителей и других специалистов в возрасте от 20 до 60 лет.

Результаты исследования

В таблице 1 представлены основные показатели отношения работников к физическим, организационным и психологическим факторам условий труда и их влияние на формирование мотивационно-смысовых отношений личности в профессиональной деятельности.

**Таблица 1. Мотивационно-смысовые и ценностные
отношения личности в профессиональной деятельности**

Факторы условий труда	Отношение работников к условиям труда в организации	Согласен %	Не согласен %
Физические факторы условий труда	Благоприятные условия труда на рабочем месте (освещение, температура, качество воздуха и т.д.)	93,1	6,9
	Рабочие места оснащены всей необходимой мебелью, компьютерной техникой, оборудованием и инструментами	85,7	14,3
	Соблюдаются санитарно-гигиенические нормы	83,2	16,8
	Работники обеспечены необходимым оборудованием, специальной одеждой для безопасного выполнения трудовой деятельности	99	1
Организационные факторы условий труда	Разработаны внутренние нормативные документы, которые регламентируют действия работников в различных ситуациях, связанные с охраной труда	97,5	2,5
	Работники имеют доступ к необходимым ресурсам информации, регламентирующих безопасность выполнения работ	96,5	3,5
	На постоянной основе проводятся инструктажи и семинары по охране труда, где работники получают знания о безопасных методах работы и правилах поведения в экстременных ситуациях	99,5	0,5
	В организации высокий уровень организации условий труда, включающее в себя эффективное планирование, оптимизацию рабочих мест, современные технологии, обучение и т.д.	94,5	5,5
Психологические факторы условий труда	Благоприятный социально-психологический климат, среди работников высокий уровень сотрудничества и взаимопонимания	88,1	11,9
	Высокий уровень стресса на рабочем месте, вызванный нагрузками, сроками выполнения задач или конфликтами	4,4	95,6

труда	Со стороны руководства предоставляется обратная связь и оказывается необходимая поддержка в решении производственных проблем	87,6	12,4
	Уровень сложности выполняемых задач соответствует навыкам и опыту работников	93,5	6,5

Обсуждение результатов исследования

В ходе исследования нами проведен анализ отношения работников к физическим, организационным и психологическим факторам условий труда и их влияние на формирование мотивационно-смысловых отношений личности в профессиональной деятельности. Сбор данных осуществлялся в условиях реальной рабочей среды, что позволило получить достоверные результаты о влиянии профессиональной деятельности на мотивацию, личностные смыслы и ценностные установки работников. Профессиональная деятельность работников лесного хозяйства является сложным трудовым процессом, работа зачастую проходит в удаленных и труднодоступных местах, включая неблагоприятные погодные условия и потенциально опасные чрезвычайные ситуации, связанные с дикими животными, состоянием леса и другими факторами.

Физические факторы условий труда. Исследование влияния физических факторов условий труда показало, что 93,1% работников считают, что в организации созданы комфортные условия труда. Рабочие места оснащены как естественным, так и искусственным освещением, предусмотрена возможность проветривания помещений, имеется система вентиляции воздуха.

В организации соблюдены нормы условий труда, связанные с организацией рабочих мест, так в организации рабочие места оборудованы необходимой мебелью, компьютерной техникой, а также специализированным оборудованием и инструментами. Данное мнение разделяют 85,7% работников, что свидетельствует о высоком уровне удовлетворенности условиями труда. Наличие современного и функционального оснащения рабочих мест способствует повышению эффективности работы и созданию комфортной атмосферы для выполнения профессиональных задач.

Соблюдение санитарно-гигиенических норм в организации является важнейшим аспектом, обеспечивающим здоровье и безопасность работников. В ходе беседы работники организации (83,2%) подтвердили, что руководство уделяет особое внимание соблюдению санитарно-гигиенических норм в организации. Таким образом, внедрение и строгое соблюдение санитарно-гигиенических норм не только защищает здоровье работников, но и способствует повышению их продуктивности, что является ключевым фактором для успешного функционирования организации.

Обеспечение необходимым оборудованием работников, специальной одеждой для безопасного выполнения трудовой деятельности, современным и качественным оборудованием не только минимизирует риски травматизма, но и способствует повышению эффективности работы. По мнению работников лесного хозяйства (99%) руководство организации уделяет особое внимание вопросам безопасности на рабочем месте. Таким образом, в организации созданы благоприятные физические условия труда, соответствующие современным стандартам.

Организационные факторы условий труда. При исследовании влияния организационных факторов условий труда на мотивационно-смысловые и ценностные отношения личности в профессиональной деятельности установлено, что в агентстве

лесного хозяйства разработаны необходимые нормативно-правовые акты, методические рекомендации, направленные на создание безопасной рабочей среды. 97,5% работников лесного хозяйства считают, что в организации разработаны четкие правила и регламенты, определяющие действия работников в различных ситуациях. По мнению работников соблюдение норм безопасности труда, способствует созданию благоприятной рабочей среды и снижению вероятности травматизма и заболеваний среди работников.

Установлена высокая степень информированности работников лесного хозяйства о безопасном выполнении своих обязанностей которая не только повышает уровень безопасности, но и укрепляет доверие работников к руководству организации. Так, 96,5% работников лесного хозяйства отмечают, что у них имеется доступ к обучению, инструкциям и материалам, которые помогают эффективно справляться с потенциальными рисками и способствуют недопущению несчастных случаев в организации.

Проведение инструктажей и семинаров по охране труда, направленных на обучение работников безопасным методам работы и правилам поведения в экстременных ситуациях, способствует созданию безопасной рабочей среды и снижению рисков производственного травматизма. 99,5% работников лесного хозяйства подтверждают, что в организации на регулярной основе проводятся инструктажи, которые способствует повышению уровня осведомленности о потенциальных рисках и мерах предосторожности что, в свою очередь, значительно снижает вероятность несчастных случаев на рабочем месте. Работники ценят возможность получать новые знания и навыки, которые помогают им уверенно действовать в сложных ситуациях.

94,5% работников считают, что в организации высокий уровень организации условий труда, включающий в себя эффективное планирование, оптимизацию рабочих мест, внедрение современных технологий и регулярное обучение. Согласно полученным результатам, можно заключить, что в организации реализуются мероприятия по созданию благоприятных условий труда, оказывающие непосредственное воздействие на здоровье работников и минимизацию рисков, связанных с трудовыми процессами.

Психологические факторы условий труда. В процессе исследования психологических факторов условий труда на мотивационно-смысловые и ценностные отношения личности установлено, что в агентстве лесного хозяйства созданы благоприятные социально-психологические условия. Результаты опроса показали, что 88,1% работников считают, что в организации установлен положительный социально-психологический климат, что свидетельствует о высоком уровне взаимопонимания и поддержки среди работников, а также о наличии конструктивного взаимодействия между работниками и руководством.

Подавляющее большинство работников (95,6%) не согласны с утверждением о том, что в организации существует высокий уровень стресса на рабочем месте. Таким образом, принимаемые меры по созданию комфортной рабочей среды, внедрению программ поддержки и заботы о психоэмоциональном состоянии работников помогают снизить уровень стресса и способствуют повышению общей удовлетворенности трудом.

Обеспечение качественной обратной связи со стороны руководства свидетельствует о наличии открытой и поддерживающей рабочей атмосферы, в которой каждый работник может рассчитывать на помощь и советы от руководства, что подтверждается мнением 87,6% работников лесного хозяйства. Такой подход способствует созданию доверительных отношений между работниками и руководством. Качественная обратная связь не только укрепляет корпоративную культуру, но повышает мотивацию и

вовлеченность работников в трудовой процесс.

Одним из основных условий эффективного выполнения работы является соответствие возложенных обязанностей квалификации и опыту работников, так в организации 93,5% работников лесного хозяйства уверены, что уровень сложности выполняемых задач соответствует их навыкам и опыту. В таких обстоятельствах работники чувствуют себя уверенно и способны эффективно справляться с поставленными задачами.

При проведении беседы с работниками лесного хозяйства было выявлено, что главным источником мотивации, а также смысловых и ценностных отношений работников организации является обеспечение безопасной рабочей среды и благоприятного социально-психологического климата в коллективе. Работники лесного хозяйства ощущают себя комфортно в своей рабочей среде так, 97,6% работников не выражают желание сменить свою профессиональную деятельность, по причине особых условий труда. Тем не менее, для оставшихся 2,4% данный аспект является важным и может указывать на необходимость более внимательного подхода к условиям труда и взаимодействию с персоналом. Следовательно, ощущение безопасности и уверенности работников может быть связано с несколькими основными факторами условий труда, включающими эффективное управление и строгое соблюдение норм охраны труда.

Выводы

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что соблюдение норм охраны труда и создание благоприятных условий труда обеспечивает физическую и психологическую безопасность, и снижает риски, связанные с профессиональной деятельностью. Кроме того, исследование показывает, что физические, психологические и социальные аспекты рабочего окружения непосредственно связаны с уровнем мотивации, личностного смысла и ценностными ориентациями личности. Наличие современного и функционального оснащения способствует повышению производительности и созданию комфортной атмосферы для выполнения профессиональных задач. Внедрение и строгое соблюдение санитарно-гигиенических норм не только защищает здоровье работников, но и способствует повышению их продуктивности. Обеспечение работников необходимым оборудованием, специальной одеждой для безопасного выполнения трудовых обязанностей и современными качественными инструментами минимизирует риски травматизма и повышает эффективность работы. Кроме того, наличие необходимых нормативных актов и методических рекомендаций, направленных на создание безопасной рабочей среды, способствует не только формированию комфортной рабочей атмосферы, но и снижению вероятности травм и заболеваний среди сотрудников. Информированность работников о безопасных методах работы и правилах поведения в экстременных ситуациях, создает условия безопасной рабочей среды и снижению рисков производственного травматизма. Следовательно, одним из основных условий эффективного выполнения работы является создание благоприятных условий труда в организации, оказывающее влияние на производительность труда и общее качество жизни работников. Безопасные условия труда способствуют физическому благополучию работников, оказывая значительное влияние на их психологическое состояние. Так, благоприятные условия труда способствуют не только повышению эффективности работы, но и обеспечивают безопасность трудовой деятельности работников. Напротив, неблагоприятные условия труда могут привести к профессиональным заболеваниям, снижению мотивации, личностного смысла и, как следствие, к ухудшению производительности труда.

Практические рекомендации

Создание безопасных условий труда является неотъемлемой частью стратегии управления организацией. Комплексный подход к улучшению физической, психологической и организационной среды позволяет не только повысить производительность труда, но и улучшить качество жизни работников. В условиях постоянно меняющегося рынка труда организации, которые инвестируют в создание комфортных условий для своих сотрудников, получают конкурентное преимущество и способствуют устойчивому развитию своего бизнеса. Кроме того, создание атмосферы доверия и взаимопомощи в коллективе способствует укреплению командного духа и улучшению межличностных отношений. Важным аспектом является также возможность для профессионального роста и развития. Организации, которые инвестируют в обучение и повышение квалификации своих сотрудников, не только повышают их компетенции, но и формируют у них чувство ценности и значимости своей работы.

В целях повышения эффективности профессиональной деятельности, руководителям организаций рекомендуется проведение следующих мероприятий:

1. *Мониторинг условий труда:* необходимо проводить постоянный мониторинг условий труда, который должен включать в себя анализ физических, организационных и психологических факторов. Проведение мониторинга позволит своевременно выявлять потенциальные проблемы и принимать меры для их устранения.
2. *Создание благоприятного социально-психологического климата:* организация мероприятий, направленных на формирование и поддержание положительного социально-психологического климата в коллективе (тренинги, корпоративные мероприятия и открытые обсуждения).
3. *Поддержка работников со стороны руководства:* руководителям следует активно поддерживать работников, создавая атмосферу доверия и вовлеченности (регулярные индивидуальные встречи, обратная связь о результатах работы и признание достижений работников).
4. *Приверженность высоким этическим стандартам и социальной ответственности:* организациям рекомендуется придерживаться высоких этических стандартов и активно демонстрировать свою социальную ответственность, формируя у работников положительные ценностные отношения, основанные на взаимном уважении и доверии.

Внедрение рекомендаций по улучшению условий труда в организации, становится неотъемлемой частью стратегического управления человеческими ресурсами. Благоприятные условия не только способствуют повышению мотивации и удовлетворенности работников, но и является стратегически важным шагом, который позволяет организациям адаптироваться к изменениям на рынке и достигать устойчивого роста.

Заключение

На основании результатов исследования можно заключить, что условия труда представляют собой комплекс факторов, оказывающих существенное влияние на направленности и уровень мотивационно-смысовых и ценностных отношений личности в профессиональной деятельности. Физические, организационные и психологические факторы условий труда, оказывают непосредственное воздействие на повышение уровня удовлетворенности работой и понимания работниками личных и профессиональных ценностей.

Одними из основных факторов условий труда оказывающих влияние на формирование мотивационно-смысовых и ценностных отношений личности являются:

- физические факторы условий труда непосредственно влияют на здоровье и работоспособность работников, комфортные условия работы способствуют повышению продуктивности и снижению уровня стресса;
- организационные факторы условий труда, таких как рабочий процесс, безопасность труда, организация мероприятий по охране труда, соблюдение норм и стандартов безопасности на рабочем месте способствуют формированию чувства принадлежности к команде, и повышают уровень внутренней мотивации личности;
- психологические факторы, включают в себя социально-психологический климат в коллективе, стиль руководства и уровень доверия между работниками, оказывая большое влияние на эмоциональное состояние работников и снижает риск профессионального выгорания.

Между условиями труда и мотивационно-смысловыми и ценностными отношениями личности, существует значительная взаимосвязь, способствующая как самореализации и удовлетворенности работников, так и достижению высоких результатов в профессиональной деятельности. Наряду с этим, в ходе исследования была установлена важность соблюдения психологических факторов условий труда, которые играют ключевую роль в формировании мотивационно-смысовых отношений работников.

Психологические аспекты, такие как уровень стресса, эмоциональная поддержка со стороны коллег и руководства, а также наличие возможностей для самовыражения, существенно влияют на то, как работники воспринимают свою работу и организацию в целом. Следовательно, внимание к психологическим факторам условий труда не только улучшает атмосферу в коллективе, но и способствует достижению высоких результатов в деятельности организации. Эмоциональное состояние, уровень стресса и общая удовлетворенность работой влияют на то, как сотрудники воспринимают свои обязанности и цели организации. Ценностные отношения личности также оказывают влияние на восприятие условий труда. Работники, чьи личные ценности совпадают с корпоративной культурой организации, более склонны к высокой производительности и удовлетворенности работой.

Отсутствие в организации мероприятий направленных на создание благоприятных условий труда, приводит к негативным последствиям, оказывающим деструктивное воздействие на личность работника, приводящее к профессиональному выгоранию. Кроме того, неблагоприятные условия труда характеризуется снижением профессиональной эффективности и истощением эмоциональных ресурсов работников. Важно отметить, что негативные факторы условий труда не только снижают производительность, но и могут привести к конфликтам внутри коллектива, что дополнительно усугубляет ситуацию.

Мотивационно-смысовые и ценностные отношения работников выступают ключевым элементом стратегического управления человеческими ресурсами, способствующих не только индивидуальному росту работников, но и повышению эффективности трудового процесса. Работники, которые осознают смысл своей деятельности и видят ее значимость, демонстрируют лучшие результаты в выполнении профессиональных задач.

Учитывая вышеизложенное, можно утверждать, что создание безопасных условий труда, оказывает положительное влияние на формирование мотивационно-смысовых и

ценностных отношений личности и является важным элементом в управлении персоналом. Эффективное управление условиями труда способствует формированию положительных мотивационно-смысовых отношений личности, что в свою очередь ведет к повышению производительности труда и улучшению качества работы.

Библиография

1. Алмаев Н.А., Бессонова Ю.В., Мурашева О.В. Мотивация: методические вопросы. Москва: Институт психологии РАН, 2020. 311 с. (Методы психологии). ISBN 978-5-9270-0403-4.
2. Армстронг М. Основы менеджмента. Как стать лучшим руководителем / Майкл Армстронг; пер. с англ.; под ред. проф. А.Р. Климентьева. М.: Феникс, 2023. 134 с.
3. Баранов Ю.В. Улучшение условий и охраны труда, как необходимое условие роста производительности труда // Социально-экономические проблемы и перспективы развития трудовых отношений в инновационной экономике: Материалы Международной научно-практической конференции, Омск, 21 апреля 2017 года. Омск: Омский государственный технический университет, 2017. С. 59-61. EDN: ZLYIMT.
4. Бобков В.О. Задачи повышения уровня и качества жизни населения России // Общество и экономика. 2008. № 2. С. 35-58.
5. Виханский О.С., Наумов А.И. Менеджмент: учебник для вузов. М.: Магистр, 2024. 672 с. ISBN 978-5-9776-0554-0.
6. Выготский Л.С. Мышление и речь. Редактор Власова Е. Санкт-Петербург: Питер, 2019. 432 с. ISBN 978-5-4461-1109-1.
7. Duncan C. Creating a culture of safety in the workplace (2021). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alertsoftware.com/blog/workplacesafetyculture>.
8. Гордеева Т.О. Теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана // Психология мотивации достижения. М.: Смысл; Издательский центр "Академия", 2006. 332 с.
9. Девисилов В.А. Охрана труда [Электронный ресурс]: учеб. / В.А. Девисилов. 3-е изд., испр. и доп. М.: ФОРУМ; ИНФРА-М, 2013. 448 с.
10. Джордж Дж.М., Джоунс Г.Р. Организационное поведение. Основы управления: учебное пособие для студентов вузов / Дж. М. Джордж, Г. Р. Джоунс; Пер. с англ. В. Н. Егорова. Москва: ЮНИТИ, 2003. 442 с. ISBN 0-201-61548-7.
11. Каитов А.П. Эволюция научных представлений о феномене профессиональной мотивации в зарубежных и отечественных исследованиях // Психолого-педагогический журнал "Гаудеамус". 2022. Т. 21. № 2. С. 9-24. DOI 10.20310/1810-231X-2022-21-2-9-24. EDN: TNRQKB.
12. Камалова О.М., Караванова Л.Ж. Мотивационно-смысовые отношения личности в профессиональной деятельности // Психология и Психотехника. 2024. № 2. С. 29-37. DOI: 10.7256/2454-0722.2024.2.70276 EDN: FRUXSW URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=70276
13. Куликова М.А. Условия труда и влияние их на качество жизни // Социально-экономические явления и процессы. 2009. № 2. С. 75-78. EDN: KWTBMZ.
14. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции / Психология мотивации и эмоций / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, М.В. Фаликман. М.: ЧеРо, 2002. 752 с.
15. Маслоу А. Мотивация и личность: пер. с англ. / А. Маслоу. 3-е изд. Санкт-Петербург: Питер, 2019. 400 с.: ил. (Мастера психологии). ISBN 978-5-4461-1309-5.
16. Мясищев В.Н. Психология отношений / В.Н. Мясищев; под ред. А.А. Бодалева. М.: Изд-во "Институт практической психологии", Воронеж: НПО "МОДЕК", 1995. 356 с.
17. Нагоева Л.Х. Ценностные ориентации: понятие и феномен // Новые технологии. 2011. № 4. С. 286-289. EDN: OOOKPR.
18. Психология выбора: монография / Д.А. Леонтьев, Е.Ю. Овчинникова, Е.И.

- Рассказова, А.Х. Фам. М.: Смысл, 2015. 464 с. ISBN 978-5-89357-353-4.
19. Разина Т.В. Мотивация научной деятельности: теоретические и методологические проблемы исследования // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 1. С. 114-136. EDN: YIRIUR.
20. Усикова О.В., Петрова Н.В., Дементьев К.Д. Культура безопасности труда: факторы сдерживания и развития // Экономика труда. 2024. Т. 11, № 11. С. 1967-1984. DOI 10.18334/et.11.11.122112. EDN: QGBCME.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является влияние условий труда на формирование мотивационно-смысовых и ценностных отношений личности в профессиональной деятельности.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод сравнительного анализа, а также, как отмечается в статье, методы «беседы, наблюдения», «анкетирование».

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку профессиональная деятельность занимает важное значение в жизнедеятельности личности, а на саму систему трудовых отношений влияет множество объективных и субъективных факторов. Одной из главных проблем в сфере профессиональной деятельности является степень удовлетворенности работниками условий реализации трудовых функций. В этом контексте изучение влияния условий труда на формирование мотивационно-смысовых и ценностных отношений личности к профессиональной деятельности представляет научный интерес в сообществе ученых.

Научная новизна представленной работы заключается в проведении по авторской методике исследования, направленного на изучение «уровня влияния условий труда на формирование мотивационно-смысовых и ценностных отношений личности в профессиональной деятельности». Базой исследования стало Республиканское агентство лесного хозяйства по Республике Бурятия, а респондентами выступили 203 работника указанного ведомства.

Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и применением научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования, а также демонстрацией, описанием и анализом полученных результатов исследования.

Структуру статьи, к сожалению, нельзя считать полностью выдержанной с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей, поскольку не все необходимые структурные элементы в ней отражены, либо представлены лишь частично. В структуре данного исследования можно лишь условно выделить такие элементы как вводную часть, основную часть, заключительную часть с выводами и библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет выявленная в ходе исследования и отмеченная тенденция, что «безопасные условия труда способствуют физическому благополучию работников, оказывая значительное влияние на их психологическое состояние. Так, благоприятные условия труда способствуют не только повышению эффективности работы, но и обеспечивают безопасность трудовой деятельности работников. Напротив, неблагоприятные условия

труда могут привести к профессиональным заболеваниям, снижению мотивации, личностного смысла и, как следствие, к ухудшению производительности труда».

Библиография содержит 20 источников, включающих в себя отечественные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующие особенности формирования мотивационно-смысовых и ценностных отношений личности, а также влияние на них условий труда. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающийся предметной области исследования, сформулированные в заключении статьи. В частности, отмечается, что «физические, организационные и психологические факторы условий труда являются основополагающими психологическими аспектами в формировании мотивационно-смысовых и ценностных отношений личности в профессиональной деятельности. Факторы условий труда представляют собой важный элемент в системе управления организацией, который обеспечивает базовые потребности работников и создает благоприятные условия для их самореализации. Факторы условий труда оказывают как положительное, так и отрицательное влияние на формирование мотивационно-смысовых отношений личности в профессиональной деятельности. Негативные условия труда приводят к профессиональному выгоранию, оказывая отрицательное воздействие на направленность мотивационно-смысовых и ценностных отношений личности в профессиональной деятельности».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством и работниками служб по управлению персоналом различных организаций, специалистами по охране труда, социологами, психологами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что в названии статьи допущена опечатка в окончании слова «отношения», в частности, «...на формирование мотивационно-смысовых и ценностных отношения...», в данном случае должно быть написано «отношений». Возможно, исходя из смысла названия исследования, целесообразно было бы использовать в названии со словами «профессиональной деятельности» предлог «к», а не предлог «в», но этот вопрос носит дискуссионный характер. Поэтому все-таки нужно обратить особое внимание на формулировку названия статьи. Кроме того, при написании научной статьи необходимо придерживаться ее примерной структуры, четко обозначив отдельными заголовками структурные элементы исследования, такие, как введение, обзор литературы или теоретический обзор, материалы, методы и методология исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, выводы, по возможности, практические рекомендации, заключение. Особое внимание хотелось бы обратить на необходимость более подробного описания обзора литературы. Также нужно более четко и конкретно описать методологию исследования, которая представлена очень кратко. Целесообразно сформулировать более ёмкое обобщающее заключение, которое должно создать впечатление законченности и логической завершенности исследования, а не заканчивать исследование рекомендациями для руководителей организаций. Отдельно нужно было обозначить соответствующими заголовками результаты исследования и обсуждение результатов. При оформлении таблицы и библиографии необходимо обратить внимание на требование действующих ГОСТов, оформить их в соответствии с этими требованиями. В качестве рекомендации, при написании статьи, возможно, стоило

бы использовать и зарубежные источники, сослаться на них и включить их в библиографию. Необходимо еще обратить внимание на объем научно-исследовательской работы, так как с учетом таблицы представленный текстовый материал не позволяет полно и всесторонне раскрыть заявленную актуальную тему исследования. Указанные недостатки не снижают степень научной и практической значимости самого исследования, однако их необходимо оперативно устранить, доработать и дополнить текст статьи. Рукопись рекомендуется отправить на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Влияние условий труда на формирование мотивационно-смысовых и ценностных отношений личности в профессиональной деятельности». Работа включает в себя введение с определением актуальности, объекта и предмета, цели, гипотезы, научной новизны и практической значимости исследования. Следующий раздел содержит анализ теоретических источников, который позволил автору выделить основные факторы условия труда. Было отмечено, что изучение влияния условий труда на мотивационно-смысовые отношения личности, поможет установить основные факторы условий труда, оказывающие наибольшее влияние на мотивацию, личностный смысл и ценностные отношения личности в профессиональной деятельности. Особое внимание автором было удалено описанию методов и методологии исследования. В основном разделе представлены результаты исследования (мотивационно-смысовые и ценностные отношения личности в профессиональной деятельности) их обсуждение. Заканчивается статья аргументированными выводами и практическими рекомендациями. В подробном заключении представлено описание полученных результатов.

Предмет исследования. Исследование было нацелено на определение психологических аспектов, позволяющих оценить влияние условий труда на формирование мотивационно-смысовых и ценностных отношений работников. Предметом выступают факторы условий труда, влияющие на мотивационно-смысовые и ценностные отношения работников.

Методологическая основа исследования. Методологическими основами исследования являются следующие положения: 1). Теоретические концепции и модели личности, разработанные ведущими отечественными учеными, такими как А. Г. Асмолов, В. Н. Мясищев, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, и другими, основывающиеся на ключевых принципах психологической науки, таких как единство сознания и деятельности, развитие и системный подход. 2). Экспериментальные и теоретические исследования касающиеся ценностно-смысовой структуры личности (Б. С. Братусь, Д. А. Леонтьев, Ф. Е. Б. А. Сосновский, В. Франкл, К. Роджерс и др.), а также исследования в области социологии и экономики (С.В. Белов, Н.Л. Головин, К. Дукан, В.С. Крамар, Н.Н. Красногорская, Д. Купер, В.Л. Лапин, П.В. Марков, О.В. Усикова О.В., Г.З. Файнбург и др.).

Эмпирические методы, такие как анкетирование, беседы и наблюдение, были использованы для сбора первичной информации о влиянии условий труда на формирование мотивационно-смысовых и ценностных отношений личности в профессиональной деятельности.

В ходе исследования применялись как теоретические, так и эмпирические методы. К числу теоретических методов относятся дескриптивный метод, метод категоризации и метод сравнительного анализа.

С целью сбора эмпирических данных была разработана авторская анкета, включающая в себя вопросы, направленные на оценку условий труда, уровня удовлетворенности работой, а также личных ценностей и мотивов работников.

Исследование проводилось на базе Республиканского агентства лесного хозяйства по Республике Бурятия. В анкетировании приняли участие 203 работника агентства, включая лесоводов, мастеров леса, участковых лесничих, парашютистов-пожарных, водителей и других специалистов в возрасте от 20 до 60 лет.

Актуальность исследования. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления уровня влияния условий труда на формирование мотивационно-смысовых и ценностных отношений личности в профессиональной деятельности. Исследование мотивации, личностных смыслов и ценностных отношений личности в профессиональной сфере в контексте психологии и социологии представляют собой важный шаг к пониманию того, какие факторы профессиональной деятельности влияют на эффективность трудового процесса работников. Понимание данных аспектов позволяет выявить, что движет работниками, какие факторы побуждают их к активным действиям и как мотивационно-смысовые и ценностные отношения работников соотносятся с условиями труда.

Научная новизна исследования - детальное изучение влияния условий труда на формирование мотивационно-смысовых и ценностных отношений личности к профессиональной деятельности. Важность данного исследования заключается в том, что оно не только рассматривает традиционные аспекты удовлетворенности работой, но и направлено на выявление взаимосвязей между условиями труда и мотивационно-смысзовыми и ценностными отношениями личности.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы прослеживается, автором выделены основные смысловые части. Логика в работе имеется. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы достаточный, чтобы раскрыть предмет исследования.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 20 отечественных источников, незначительная часть которых была издана за последние три года. В список включены, в основном, статьи и тезисы, а также монографии и учебно-методические пособия. Источники, в основном, оформлены корректно и однородно. Однако, важно обратить внимание на оформление интернет-источников.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации: провести коррекцию работы на предмет синтаксических неточностей (например, отсутствуют необходимые знаки препинания: «психологические факторы, включают в себя социально-психологический климат в коллективе, стиль руководства и уровень доверия между работниками, оказывая большое влияние на эмоциональное состояние работников и снижает риск профессионального выгорания»).

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью. Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами мотивационно-смысовых и ценностных отношений личности в сфере профессиональной деятельности. Вопрос рассматривается через призму влияние на данные явления разнообразных условий труда. Статья может быть рекомендована к опубликованию. Однако важно учесть выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Психология и Психотехника*Правильная ссылка на статью:*

Суркова К.Л., Зверева Н.В. Развитие высших психических функций у детей, рожденных с помощью интрацитоплазматической инъекции сперматозоида, по сравнению с экстракорпоральным оплодотворением // Психология и Психотехника. 2025. № 1. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.1.71695 EDN: ZSANTA URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=71695

Развитие высших психических функций у детей, рожденных с помощью интрацитоплазматической инъекции сперматозоида, по сравнению с экстракорпоральным оплодотворением**Суркова Каролина Леонидовна**

ORCID: 0000-0001-7501-0535

Научный сотрудник; отделение медицинской психологии; Научный Центр Психического Здоровья

115522, Россия, г. Москва, Каширское шоссе, 34

✉ www1-11@narod.ru**Зверева Наталья Владимировна**

ORCID: 0000-0003-3817-2169

кандидат психологических наук

профессор; факультет Клинической психологии; Московский государственный психолого-педагогический университет

Ведущий научный сотрудник; Федеральное государственное бюджетное научное учреждение "Научный Центр Психического Здоровья"

115522, Россия, г. Москва, Каширское шоссе, 34

✉ nwzvereva@mail.ru[Статья из рубрики "Потенциал интеллекта"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0722.2025.1.71695

EDN:

ZSANTA

Дата направления статьи в редакцию:

13-09-2024

Аннотация: Стремительный рост применения вспомогательной репродукции при оплодотворении ставит новые вопросы дальнейших исследований. Важность изучения

потенциального воздействия вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) на интеллектуальное и эмоциональное развитие детей становится все более актуальной задачей для специалистов разных научных интересов. В статье исследуются аспекты, касающиеся особенностей развития детей, зачатых с помощью вспомогательных репродуктивных технологий. Особое внимание уделяется гетерохронности созревания морффункциональных отделов головного мозга у детей и эволюции высших психических функций. Предметом исследования стало рассмотрение особенностей когнитивного развития детей, зачатых с использованием различных вспомогательных репродуктивных технологий : экстракорпорального оплодотворения и интрацитоплазматической инъекции сперматозоида. Цель нашего исследования заключалась в анализе развития высших психических функций у детей в возрасте от 3 до 8 лет, зачатых при помощи двух часто используемых процедур искусственного оплодотворения ЭКО и ИКСИ, в сравнении с контрольной группой (спонтанно зачатые сверстники). Методом исследования стали анализ анамнестических данных развития ребенка и сбор подробной информации о выполненных процедурах во время планирования и проведения протокола искусственного оплодотворения. Научная новизна данного исследования заключается в полученных результатах экспериментального анализа, который выявил, что риск нейрокогнитивного дефицита у детей, зачатых с применением метода ИКСИ, оказывается ниже, чем у их сверстников, зачатых с помощью ЭКО. Существенным аспектом исследования стал также метод переноса эмбриона — криопротокол или естественный цикл. При проведении криопереноса эмбриона, независимо от используемого метода искусственного оплодотворения, показатели развития психической деятельности совпадают с аналогичными показателями у детей, зачатых естественным образом. Полученные результаты показывают связь между психическим развитием детей и применением различных репродуктивных технологий (РТ) для зачатия. Хотя нельзя однозначно определить прямое влияние ВРТ на развитие, наблюдается косвенная связь между применяемым методом репродуктивной технологии и психическим развитием ребенка, что требует проведения дальнейших лонгитюдных исследований в данной области.

Ключевые слова:

экстракорпоральное оплодотворение, интрацитоплазматическая инъекция сперматозоида, когнитивное развитие детей, искусственное оплодотворение, нейropsихологическая диагностика дошкольников, высшие психические функции, дети ЭКО , индуцированная беременность, вспомогательные репродуктивные технологии, психическое развитие дошкольников

Введение

С рождением первого искусственно зачатого ребенка в 1978г. использование вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) значительно возросло. Это вызывает важные дискуссии о возможных долгосрочных последствиях ВРТ для будущих поколений [1,2,3,4,5]. Современные исследования показывают разнообразные и противоречивые данные. В некоторых работах упоминается о повышенных рисках возникновения поведенческих, эмоциональных и когнитивных трудностей у детей, зачатых с помощью ВРТ (Sutcliffe, Ludwig, 2007; Norman, Hart, 2013; Spangmose, 2017; и др.) [6,7,8], психических расстройств (Carson, 2015) [9], которые могут компенсироваться по мере взросления ребенка (Бахтиярова, 1993; Атласов, 2004; Евстюкова, 2005; Плаксина,

2011; и др.) [10,11,12,13]. В некоторых исследованиях отмечалось, что среди детей, зачатых путем ИКСИ, когнитивный дефицит встречался чаще, чем у детей ЭКО (Knoester, 2008) [14]. Проведенные междисциплинарные исследования показывают широкий разброс показателей психического развития среди искусственно зачатых детей варьирующегося от высоких показателей интеллектуального развития до грубых нарушений [15,16,17,18].

Метод ЭКО заключается в оплодотворении яйцеклетки вне тела женщины. Половые клетки мужчин и женщин объединяются в чашке Петри, после чего помещаются в специальный инкубатор, условия которого способствуют развитию и созреванию эмбрионов. В отличие от ЭКО, технология ИКСИ представляет собой инвазивную процедуру при которой сперматозоиды отбираются специалистом и вводятся в ооцит с использованием микроинъекционной техники, что позволяет обойти множество естественных барьеров отбора. Учитывая, что прямые манипуляции с ооцитом во время оплодотворения с использованием метода ИКСИ теоретически могут оказать долгосрочное влияние на развитие ребенка, следует внимательно изучить формирование высших психических функций у детей, зачатых этим методом, в сравнении с другими способами оплодотворения. Важно подчеркнуть, что не только метод оплодотворения, но и множество других факторов, таких как возраст матери, состояние здоровья родителей и прочие влияния, могут вносить свои уникальные нюансы в развитие ребенка.

Целью нашего исследования стало изучение развития высших психических функций у детей в возрасте от 3 до 8 лет, зачатых при помощи процедуры ЭКО и ИКСИ, в сравнении с контрольной группой (спонтанно зачатые сверстники).

Акцентируется внимание на анализе различных аспектов искусственного оплодотворения, приводится характеристика выборки искусственно зачатых детей: метод оплодотворения, количество выполненных эмбриональных подсадок, протокол переноса репродуктивного материала (криопротокол/свежий цикл), особенности течения беременности и состояние здоровья ребенка при рождении.

Предметом исследования стало рассмотрение особенностей когнитивного развития детей, зачатых разными вспомогательными репродуктивными технологиями. Теоретико-методологической основой данного исследования служит концепция Л.С. Выготского и А.Р. Лuria, касающаяся системной динамической локализации высших психических функций. Особое внимание уделяется гетерохронности созревания морфофункциональных отделов головного мозга у детей и эволюции высших психических функций. Исследуются теоретические аспекты [4,7,11,12,17], касающиеся особенностей развития детей, зачатых с помощью вспомогательных репродуктивных технологий. Использование нейропсихологического подхода и диагностического инструментария в оценке психической деятельности детей дошкольного и младшего школьного возраста является методологической основой исследования.

Научная новизна. В представленной работе предложен новый взгляд на специфику развития и дальнейшую компенсацию нарушений высших психических функций у детей, зачатых с помощью ВРТ. В статье рассматривается влияние пазных видов процедур искусственного оплодотворения на риски функциональной недостаточности развития ребенка в будущем. Анализ полученных результатов исследования позволил выдвинуть гипотезу о феноменологическом развитии высших психических функций у детей, зачатых посредством ВРТ. Полученные результаты нейропсихологического обследования выявили как общие для всех участников особенности развития психических функций, так

и специфику, характерную для детей, зачатых с помощью вспомогательной репродукции.

Материалы и методы исследования

В исследовании приняли участие 115 детей в возрасте от 3 до 8 лет; из них 31 ребенок был зачат методом ЭКО, методом ИКСИ были зачата 23 детей и 61 ребенок составил контрольную группу естественного зачатия. Исследование проводилось амбулаторно на базе ФГБНУ НЦПЗ. Исследование проводилось согласно этическому кодексу Российского психологического общества (2012), а также в соответствии с Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». Прежде чем приступить к исследованию, официальные представители ребенка подписывали документ, подтверждающий добровольное информированное согласие на участие в исследовании. Критериями включения стали дети, зачтые при помощи ВРТ в возрасте 3-8 лет. Исследование проводилось с 2019 по 2024 год.

Методом исследования стали анализ анамнестических данных развития ребенка, а также сбор подробной информации о выполненных процедурах во время планирования и проведения протокола искусственного оплодотворения.

Нейропсихологические методики, разработанные А.Р.Лурией-Л.С.Цветковой и адаптированные к детскому возрасту другими авторами [19,20], использовались для изучения развития высших психических функций (двигательной сферы, внимания, мышления, памяти, восприятия) у детей дошкольного и младшего школьного возраста. Для оценки выраженности дисфункционального развития использовалась трехбалльная шкала, где 1 балл – нет симптомов дисфункционального развития; 2 – слабо выражены симптомы дисфункционального развития; 3 – выражены симптомы дисфункционального развития.

Статистическая обработка полученных в ходе исследования данных проводилась с помощью непараметрического критерия Манна-Уитни и коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Результаты исследования

Анализ анамнестических данных выявил, что среди детей, зачтых с помощью экстракорпорального оплодотворения (100% = 31 ребенок), у 42% наблюдается условно нормативное развитие на различных этапах онтогенеза. В то же время у 48% малышей фиксируются разнообразные негативные факторы, включая внутриутробную гипоксию, асфиксию новорожденных, перинатальную энцефалопатию и другие, которые оказывают угнетающее влияние на их дальнейшее когнитивное развитие. У 10% детей в данной группе, зачтых методом ЭКО, фиксируются нарушения, проявляющиеся на различных стадиях онтогенеза, что приводит к выраженным проблемам в психическом развитии и невозможности достижения полной компенсации интеллектуального дефицита.

Среди детей, зачтых с помощью метода ИКСИ (100% = 23 ребенка), как и среди тех, кто появился на свет спонтанно (100% = 61 ребенок), не было выявлено заметных отягощающих факторов внутриутробного и перинатального периодов, способных повлиять на их психическое развитие. В 65% случаев дети, зачтые методом ИКСИ, демонстрировали анамнестические показатели, относящиеся к норме, в то время как у 35% наблюдались различные негативные факторы (недоношенность, вирусные заболевания матери во время первого триместра, угроза прерывания беременности и т.д.), которые могли оказать воздействие на их здоровье и развитие.

Клинический анализ естественно зачатых (ЕЗ) детей, составивших 100% выборки (61 человек), выявил, что у 68% из них наблюдаются отягощающие факторы онтогенетического развития. У 29% ребят анамнестические параметры оказались в пределах условной нормы.

Рассмотрим дополнительные анамнестические сведения детей, принявших участие в исследовании, в Таблице 1.

Таблица 1 - Анамнестические данные детей участвующих в исследовании

	ЭКО (n=31 чел)	ИКСИ (n=23 чел)	ЕЗ (n=61 чел)
Кол-во подсадок			
1-3	15	3	-
4-5	0	5	-
Более 6	0	2	-
Перенос эмбриона	17 / 14	16 / 7	-
Крио Естественный	/		
Метод родоразрешения			
Самостоятельные	8	4	44
Кесарево сечение	23	19	17
Неделя гестации			
38-41	19	16	53
36-37	5	5	3
35-34	5	0	3
33-32	2	2	2

Сравнивая анамнестические данные детей, зачатых с помощью ЭКО и ИКСИ, мы обнаруживаем, что в случае ЭКО в большинстве случаев оплодотворение происходит уже с первой по третью попытку, а при методе ИКСИ, процесс требует зачастую более длительных усилий — количество эмбриональных имплантаций может разным (от одной попытки до 6-8 и более). Протокол криопереноса эмбрионов превалирует при двух репродуктивных методах искусственного оплодотворения. Это связано с тем, что при переносе в полость матки часто используют подсадку одного эмбриона, а остальные эмбрионы, полученные в результате культивации, криоконсервируются на случай повторного проведения искусственного оплодотворения.

Родоразрешение в случае индуцированной беременности в основном завершается методом кесарева сечения, в то время как при естественно наступившей беременности преобладают самостоятельные роды. Недоношенность встречается примерно в одинаковых случаях как среди искусственно зачатых детей, так и при ЕЗ.

Проведение качественного анализа показало, что среди детей, зачатыми с помощью ЭКО, риск функциональной недостаточности развития когнитивных функций выше, чем среди детей, зачатых методом ИКСИ и ЕЗ.

На Рисунке 1 приведены усредненные данные по степени выраженности функциональной

недостаточности развития высшей психической функции среди детей от индуцированной беременности в сравнении с контрольной группой спонтанно зачатых детей.

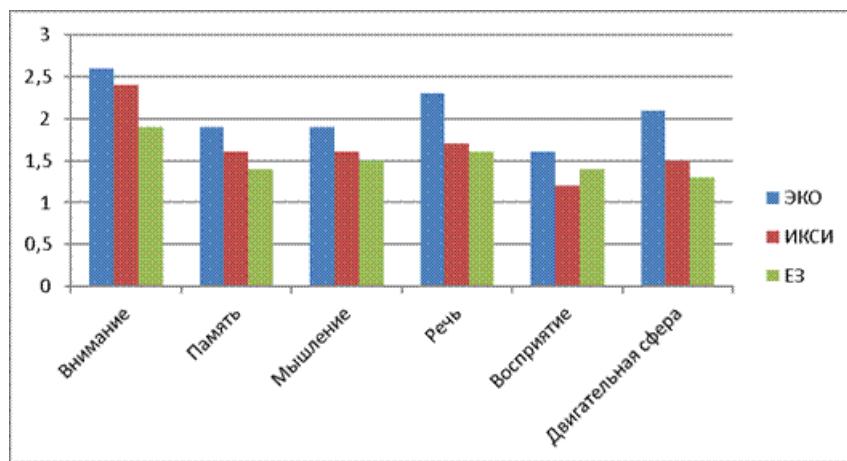

Рисунок 1 - Усредненные показатели степени выраженности дисфункционального развития высшей психической функции у детей при искусственном и естественном зачатии. По оси абсцисс степень выраженности симптомов функциональной недостаточности. По оси ординат: ЭКО - данные по группе детей, зачатых ЭКО; ИКСИ – данные по группе детей, зачатых ИКСИ; ЕЗ – данные по группе детей естественного зачатия

Из рисунка 1 следует, что в исследуемой группе детей, зачатых с помощью ЭКО, наблюдаются признаки функциональной недостаточности некоторых видов внимания. Эти дети сталкиваются с трудностями при выполнении задач на устойчивость и распределение внимания, проявляя быструю утомляемость и затруднения при включении в задания. Такие симптомы могут сигнализировать о нарушениях в функционировании подкорковых структур. Дети, зачленые методом ИКСИ, также испытывают схожие трудности в процессах внимания, хотя симптомы истощаемости и распределения внимания менее выражены. Среди спонтанно зачатых детей функции внимания остаются в пределах нормы, хотя и наблюдаются легкие затруднения при переключении внимания с одной задачи на другую. Функции памяти, мышления и восприятия как у искусственно, так и спонтанно зачатых детей в основном соответствуют условно нормативному развитию. Однако, нарушения речевого развития и двигательной сферы заметны в группе детей ЭКО: они проявляются в виде симптомов нарушений мышечного тонуса, орального праксиса, фонетико-фонематического восприятия и лексико-грамматического строя речи, затруднений в звукопроизношении, недостаточностью общего кинетического праксиса. Среди детей, зачленых методом ИКСИ и ЕЗ, чаще встречаются симптомы легкой дефицитарности фонетического восприятия.

Психологический анализ данных нейропсихологического обследования показал, что дети от индуцированной беременности, особенно зачленые методом ЭКО, сталкиваются с более выраженными трудностями в развитии отдельных высших психических функций, таких как внимание, двигательная сфера и общее речевое развитие.

Проведенный сравнительный анализ когнитивного развития среди детей, зачленых ЭКО и ИКСИ, с помощью статистической обработки данных выявил двенадцать значимых различий (Таблица 2), результаты которых свидетельствуют о недостаточном развитии некоторых составляющих психической деятельности.

Таблица 2 - Сравнение показателей составляющих психической деятельности среди детей, зачленых с помощью разных вспомогательных репродуктивных методов

Составляющие психической деятельности	Группа ЭКО (n=31 чел.)	Группа ИКСИ (n=23 чел.)	Критерий Манна-Уитни	Уровень значимости p<0,01
Диэнцефальные структуры	2,00	1,60	48,000	,123
Стволовые структуры	2,30	1,70	40,000	,047
Внимание	9,47	6,20	28,500	,010
Общий двигательный праксис	14,70	11,05	36,000	,030
Зрительное восприятие	9,43	5,90	30,000	,012
Представление – образов	1,87	1,30	40,000	,047
Восприятие ритмов	2,00	1,25	39,000	,042
Фонетико-фонематическое восприятие	1,93	1,30	38,500	,039
Неречевой слух	1,63	1,25	54,000	,234
Тактильное восприятие	1,43	0,80	34,000	,018
Слухоречевая память	10,37	6,70	31,000	,014
Зрительная память	6,37	4,40	41,000	,058
Вербально-логическое мышление	8,73	6,10	47,000	,117
Наглядно-образное мышление	5,97	3,75	39,500	,048
Наглядно-действенное мышление	8,57	6,15	33,500	,021
Импрессивная речь	5,40	3,15	39,000	,044
Экспрессивная речь	6,57	3,60	32,000	,016

Различия в особенностях когнитивного развития детей, зачатых с применением различных методов репродуктивных технологий, ярко проявляются в частоте встречающихся нарушений. Дети, зачатые методом ЭКО, чаще демонстрируют более заметную функциональную недостаточность работы энергетического фактора (ЭФ) на уровне стволовых структур, а также оказываются подвержены нарушениям внимания, общего моторного праксиса, слухоречевой памяти и зрительного восприятия. Их мышление, как наглядно-образное, так и наглядно-действенное, а также развитие импрессивной речи показывают существенные трудности в понимании сюжетной картинки и составлении по ней рассказа, умение обобщать абстрактные понятия и соотносить предметы по их свойствам. Сравнительный анализ учитывает коморбидность когнитивных расстройств, при этом выявленная дисфункция одной психической функции может как создавать условия, так и служить причиной недостаточности развития другой функции.

Мы исследовали потенциальное воздействие числа подсадок на когнитивное развитие детей, рожденных в результате ЭКО и ИКСИ. Таблица 3 иллюстрирует корреляционную связь между количеством осуществленных подсадок до момента зачатия и показателями развития высших психических функций среди искусственно зачатых детей.

Таблица 3 - Корреляционный анализ количества выполненных эмбриональных подсадок до наступления беременности и показателей развития высших психических функций у детей, зачатых методом ЭКО и ИКСИ ($p<0,01^{**}$; $p < 0,05^*$)

Составляющие психической деятельности	показатели	ЭКО	ИКСИ	Разница в выявленных корреляциях между детьми, рассчитанной в результате ЭКО и ИКСИ, указывает на размытость взаимосвязи между числом проведённых подсадок и рисками
Праксис кинетический		-,420*		
Регуляторный праксис		-,493*		
Представление образов		-,446*		
Фонетико-фонематическое восприятие		-,469*		
Неречевой слух		-,433*		
Тактильное восприятие		-,561**		
Активная речь			-,416*	
Номинативная функция речи		-,472*		
Невербальное мышление			-,419*	
Вербально-логическое мышление			-,422*	
Пространственное мышление			-,397*	
Наглядно-образное мышление		-,415*		
Программирование деятельности			-,458*	

дизонтогенетического развития. Не удалось установить ни один совпадающий показатель психической активности, что ставит под сомнение однозначность влияния выбранного метода оплодотворения на последующее развитие ребёнка. Однако качественный анализ данных указывает на то, что, несмотря на отсутствие прямых корреляций, между этими явлениями всё же существует непрямая связь.

Криопротокол подразумевает применение размороженного репродуктивного материала, будь то эмбрионы, ооциты или сперматозоиды. Перенос свежих эмбрионов, как правило, осуществляется на пятый день спустя сбора биологического материала и последующего культивирования клеток до стадии бластоцисты. В рамках нашего исследования мы сосредоточились на анализе последствий при криопереносе эмбрионов.

При сравнении показателей когнитивного развития и способов эмбрионального переноса были выявлены четыре значимых различия в особенностях слухового и тактильного восприятия (Таблица 4).

Таблица 4 - Сравнительный анализ когнитивных показателей среди детей в зависимости от способа эмбрионального переноса

Перенос эмбрионов Составляющие психической деятельности	Свежий (10 человек)	Крио (15 человек)	Критерий Манна-Уитни	Уровень значимости $p < 0.05$
Фонетико- фонематическое восприятие	2,05	1,43	38,000	,036
Неречевой слух	2,05	1,10	28,000	,008
Тактильное восприятие	1,70	0,83	19,000	,001
Восприятие ритмов	1,59	1,17	56,000	,047

Из таблицы 4 мы можем отметить, что результаты детей, зачатых с помощью ВРТ с применением криопереноса, по некоторым показателям психического развития превосходят таковые показатели при переносах, осуществленных в свежем цикле. Можно логично предположить, что после криоконсервации эмбриона происходит оптимальное клеточное восстановление, что не только усиливает имплантационные

способности, но также оказывает влияние на будущий психический потенциал ребенка.

Обсуждение результатов. Полученные результаты подчеркивают уникальность когнитивного развития детей, зачатых с помощью ВРТ, по сравнению с теми, кто был зачат естественным образом, где выбранный метод искусственного оплодотворения имеет важное значение. Наблюдается, что среди детей ИКСИ, показатели психической активности выше, чем у детей, родившихся благодаря ЭКО. Это может быть связано с тем, что выбор репродуктивного материала и механическое оплодотворение при ИКСИ способствуют лучшему качеству эмбрионов по сравнению с теми, которые были получены с помощью ЭКО. В аспекте когнитивного развития, дети из группы ИКСИ демонстрируют развитие, аналогичное сверстникам, зачатыми спонтанно, при условии сопоставимых перинатальных рисков. Данная проблема требует дальнейшего исследования, так как существует множество факторов, влияющих на когнитивное развитие детей, родившихся с помощью технологий репродуктивной медицины. Важным аспектом является не только количество эмбриональных переносов, но и качество использованных эмбрионов, а также общее состояние здоровья матери во время беременности. Более глубокий анализ взаимосвязи между количеством эмбриональных подсадок и когнитивными показателями, принимая во внимание мультифакторный характер воздействия различных обстоятельств, позволит дать наиболее полное представление о влиянии процедур ВРТ на будущее поколение.

Выводы:

1. Среди детей, зачатых с помощью различных методов ВРТ (ЭКО, ИКСИ), обнаружены своеобразные варианты развития высших психических функций по сравнению с спонтанно зачатыми сверстниками.
2. Дети, зачатые методом ЭКО, по нашим данным, имеют худшие показатели когнитивного развития и более высокие риски дисфункции нейродинамических показателей (энергетического фактора, корковых структур) психической деятельности по сравнению с другими группами детей (ИКСИ, ЕЗ).
3. Для последующего психического развития детей, зачатых с помощью ВРТ, имеет значение и тип процедуры ВРТ; более благополучное развитие детей отмечено в нашей выборке при применении ИКСИ как процедуры ВРТ.
4. Проведение междисциплинарных исследований для изучения отдаленного влияния процедур ВРТ на психическое развитие детей в разные возрастные периоды позволит выявить риски дисфункционального развития и создать условия для своевременного оказания квалифицированной помощи ребенку и его семье.

Заключение. Таким образом, разнообразие выявленных статистически значимых связей между детьми, зачатыми ЭКО и ИКСИ, указывает на специфические особенности когнитивного развития в зависимости от выбранного метода оплодотворения. Наблюдается косвенная связь между психическим развитием искусственно зачатого ребенка и количеством выполненных эмбриональных подсадок до момента наступления беременности, особенностями переноса эмбриона, что может вызывать определенные риски функциональной недостаточности некоторых когнитивных функций. В рамках нейropsихологической оценки когнитивного развития на передний план выступает явная тенденция к снижению общей нейродинамики и динамических показателей познавательной деятельности среди искусственно зачатых детей в сравнении с спонтанно зачатыми, наблюданная функциональная дефицитарность отдельных составляющих психической деятельности имеет схожесть проявлений, характерных для

перинатальной органической патологии. Подверженность детей, зачатых с помощью ВРТ, наибольшему риску дисфункционального когнитивного развития подчеркивает необходимость проведения лонгидюдных многопрофильных исследований в данной области. Создание интегрированной междисциплинарной научной стратегии для исследования воздействия вспомогательной репродукции и других факторов на долгосрочное развитие ребенка поможет уменьшить риск дизонтогенеза в будущем.

Библиография

1. Кешишян Е. С. Состояние здоровья и развитие детей, рожденных после экстракорпорального оплодотворения / Е. С. Кешишян, А. Д. Царегородцев, М. И. Зиборова // Российский вестник перинатологии и педиатрии № 5. – 2014. – С. 15-25.
2. Кулаков В. И. Состояние здоровья новорожденных и детей первых лет жизни, зачатых в рамках программы ЭКО и ПЭ / В. И. Кулаков, Ю. И. Барашнев, В. О. Бахтиарова // Экстракорпоральное оплодотворение и его новые направления в лечении женского и мужского бесплодия; под ред. В. И. Кулакова и Б. В. Леонова. – М.: Медицинское информационное агентство, 2004. – С. 612-642.
3. Лукшин В. Н. Клиническая характеристика здоровых детей, зачатых в результате ЭКО / В. Н. Лукшин // Проблемы репродукции. – 2005. – Т. 11, № 2. – С. 54-55.
4. Малышкина А. И. Состояние здоровья детей первого года жизни, родившихся после экстракорпорального оплодотворения / А. И. Малышкина, Е. А. Матвеева, О. М. Филькина, И. С. Ермакова // Российский вестник перинатологии и педиатрии. – 2019. – № 64 (1). – С. 39-45.
5. Мурзаханова А. Ф. Состояние здоровья детей, рожденных после экстракорпорального оплодотворения: вероятные риски и возможные осложнения / А. Ф. Мурзаханова, В. Н. Ослопов, Е. В. Хазова // Практическая медицина. 2020. – Т. 18, № 3. – С. 43-50.
6. Ludwig A. K. Post-neonatal health and development of children born after assisted reproduction: a systematic review of controlled studies / A. K. Ludwig, A. G. Sutcliffe, K. Diedrich, M. Ludwig // European Journal of Obstetrics & Gynecology and Reproductive Biology. – 2006. – Vol. 127 (1). – P. 3-25.
7. Norman E. School performance in singletons born after assisted reproductive technology / E. Norman, M. Petzold, C. Bergh, U. B. Wennerholm. DOI: 10.1093/humrep/dey273 // Human Reproduction. – 2018. – Vol. 33, № 10. – P. 1948-1959.
8. Hart R. The longer term health outcomes for children born as a result of IVF treatment: Part I _General health outcomes / R. Hart, R. I. Norman // Human Reproduction Update. – 2013. – Vol. 19 (3). – P. 232-243.
9. Carson C. Effect of pregnancy planning and fertility treatment on cognitive outcomes in children at ages 3 and 5: longitudinal cohort study / C. Carson, Y. Kelly, J. J. Kurinczuk, A. Sacker, M. Redshaw, M. A. Quigley // BMJ. – 2011 Jul 26;343:d4473. doi: 10.1136/bmj.d4473. PMID: 21791498; PMCID: PMC3144315.
10. Атласов В.О. Особенности родоразрешения и состояния новорожденных у женщин после ЭКО / В. О. Атласов, О. Н. Аржанова, Н. Г. Кошелева и др.// Журнал акушерства и женских болезней. – 2004. – Т. 52. – № 1. – С. 37-41.
11. Плаксина, А. Н. Оценка физического развития и здоровья детей, зачатых при помощи ВРТ, имеющих ретинопатию недоношенных: популяционное одномоментное исследование / А. Н. Плаксина, О. П. Ковтун, Е. А. Степанова, Е. А. Дугина, В. А. Макутина, С. Л. Синотова, О. В. Лимановская // Российский педиатрический журнал. 2020; 1(2), 18-24. URL: <https://doi.org/10.15690/rpj.v1i2.2089>
12. Суркова К. Л. Нервно-психическое развитие детей, зачатых путем вспомогательных репродуктивных технологий (ЭКО, ИКСИ и др.)/ К. Л. Суркова, Н. В. Зверева // Вопросы психического здоровья детей и подростков. – 2022(22). – № 1 – С. 105-114.

13. Бохан Т. Г. Динамика психического и физического развития детей с перинатальными рисками развития от рождения до младшего дошкольного возраста / Бохан Т.Г., Лещинская С.Б., Силаева А.В., Шабаловская М.В // Национальное здоровье. 2023. № 3. С. 1-19.
14. Knoester M. Matched follow-up study of 5 – 8 year-old ICSI singletons: child behaviour, parenting stress and child (health-related) quality of life / M. Knoester // Hum Reprod. – 2007 Dec; 22(12), 3098-107. Epub 2007 Sep 28.
15. Суркова К. Л. Нейропсихологический и логопедический анализ развития психических функций у детей ЭКО раннего дошкольного возраста (от 3 до 5 лет): методы и результаты пилотажного исследования / К. Л. Суркова, А. А. Сергиенко, Н. В. Зверева // Сетевой научный журнал «Медицинская психология в России». – № 4. – 07-08.2021
16. Barbuscia A. The psychosocial health of children born after medically assisted reproduction: Evidence from the UK Millennium Cohort Study / A. Barbuscia, M. Myrskylä, A. Goisis // SSM Population Health. – 2019. – Vol. 7.
17. Ланцбург М. Е. Особенности познавательного развития детей раннего возраста, зачатых посредством экстракорпорального оплодотворения // Материалы II Национального конгресса «Дискуссионные вопросы современного акушерства» и обучающего преконгресс-курса XI Всемирного конгресса по перинатальной медицине / Ланцбург М.Е., Соловьева Е.В. // Журнал акушерства и женских болезней. Том LXII Спецвыпуск. – СПб: Издательство Н-Л, 2013. – С. 40.
18. Rumbold A. R. The impact of specific fertility treatments on cognitive development in childhood and adolescence: a systematic review / A. R. Rumbold, V. M. Moore, M. J. Whitrow, T. K. Oswald, L. J. Moran, R. C. Fernandez, K. T. Barnhart, M. J. Davies // Hum Reprod. 2017 Jul 1; 32(7), 1489-1507. doi: 10.1093/humrep/dex085. PMID: 28472417.
19. Лурия А. Р. Основы нейропсихологии [Текст] : учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования, обучающихся по направлению подготовки "Психология" / А. Р. Лурия. – 8-е изд., стер. – Москва: Академия, 2013. – 380 с.
20. Глозман Ж. М. Нейропсихологическая диагностика в дошкольном возрасте / Ж.М. Глозман, А. Ю. Потанина, А. Е. Соболева // СПб.: Питер – 2006. – 75 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является развитие высших психических функций у детей, рожденных с помощью интрацитоплазматической инъекции сперматозоида, по сравнению с экстракорпоральным оплодотворением.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье в рамках нейропсихологического подхода и применения диагностического инструментария были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод «анализа анамнестических данных развития ребенка, сбор подробной информации о выполненных процедурах во время планирования и проведения протокола искусственного оплодотворения», а также нейропсихологические методики, разработанные А.Р.Лурией-Л.С.Цветковой в адаптации к детскому возрасту другими авторами, для статистической обработки были применены непараметрический критерий Манна-Уитни и коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку в условиях современной демографической ситуации в России использование вспомогательных репродуктивных

технологий получили большое распространение и продолжают пользоваться популярностью среди пар различных возрастных групп репродуктивного возраста. Дискуссионным остается вопрос о долгосрочных последствиях, которые могут возникнуть у детей, зачатыми с помощью ЭКО и ИКСИ по сравнению с малышами, появившимися на свет естественным путем. В этом контексте исследование развития высших психических функций у детей, рожденных с помощью интрацитоплазматической инъекции сперматозоида, по сравнению с экстракорпоральным оплодотворением, представляет научный интерес среди различных ученых.

Научная новизна исследования заключается в изучении по авторской методике развития высших психических функций у детей, зачатых при помощи процедуры ЭКО и ИКСИ в сравнении с контрольной группой (спонтанно зачатые сверстники). Всего в рамках исследования было обследовано 115 детей в возрасте от 3 до 8 лет; в том числе 31 ребенок (21 мальчик и 10 девочек), зачатые методом ЭКО, методом ИКСИ - 23 ребенка (10 мальчиков и 13 девочек) и «61 ребенок (34 мальчика и 27 девочек) составили контрольную группу естественного зачатия».

Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и применением научной терминологии и дефиниций, а также подробным описанием с наглядной демонстрацией результатов исследования.

Структура выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей, структура данного исследования включает в себя введение, материалы и методы исследования, результаты исследования, заключение и библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет выявленная и отмеченная в данном исследовании тенденция, характеризующая то, что «дети, зачатые методом ЭКО, чаще демонстрируют более заметную функциональную недостаточность работы энергетического фактора (ЭФ) на уровне стволовых структур, а также оказываются подвержены нарушениям во внимании, общем моторном праксисе, слухоречевой памяти и зрительном восприятии. Их мышление, как наглядно-образное, так и наглядно-действенное, а также развитие импрессивной речи, показывают существенные трудности в понимании сюжетной картинки и составлении по ней рассказа, умение обобщать абстрактные понятия, соотносить предметы по их свойству». Библиография содержит 20 источника, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующих особенности развития высших психических функций у детей, рожденных с помощью ВРТ. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных исследуемой тематике, которая входит в круг научных интересов ученых, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что «разнообразие выявленных статистически значимых связей между детьми, зачатыми ЭКО и ИКСИ, указывают на специфические особенности когнитивного развития, в зависимости от выбранного метода оплодотворения. Наблюдается косвенная связь между психическим развитием искусственно зачатого ребенка и количеством выполненных эмбриональных подсадок до момента наступления беременности, особенностями переноса эмбриона, что может вызвать определенные риски функциональной недостаточности некоторых когнитивных функций. В рамках нейропсихологической оценки когнитивного развития на передний план выступает явная тенденция к снижению общей нейродинамики и динамических показателей познавательной деятельности среди искусственно зачатых детей в сравнении с спонтанно зачатыми, наблюдалася функциональная дефицитарность

отдельных составляющих психической деятельности имеет схожесть проявлений характерных для перинатальной органической патологии. Подверженность детей, зачатых с помощью ВРТ, к наибольшему риску дисфункционального когнитивного развития подчеркивает необходимость проведения лонгидюдных многопрофильных исследований в данной области».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, репродуктологами, неонатологами, неврологами, педиатрами, другими медицинскими работниками, психологами, нейропсихологами и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что текст статьи необходимо дополнить обзором научной литературы и обсуждением результатов исследования. Также необходимо обратить внимание на требования действующего ГОСТа при оформлении рисунка и таблиц в тексте исследования. В тексте статьи указывается, что «исследование проводилось согласно этическому кодексу Российского психологического общества (2012)...», однако данный документ называется «Этический кодекс психолога», принятый 14 февраля 2012 года V съездом Российского психологического общества. В статье упоминается, что «исследование проводилось амбулаторно на базе ФГБНУ НЦПЗ», целесообразно было бы указать название этой организации полностью. Кроме того, в тексте статьи встречаются опечатки и технические ошибки (в частности, пропуски знаков препинания, рассогласования в словосочетаниях). Указанные недостатки не снижают актуальность и практическую значимость самого исследования, однако, выявленные недостатки необходимо оперативно устранить. Рукопись рекомендуется вернуть на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рецензирование статья имеет теоретическую актуальность, поскольку в настоящее время имеют место неблагоприятные тенденции демографического характера, связанные с деторождением. Однако в тексте по поводу актуальности исследования не сказано ничего, что сразу обращает внимание. Во введении отмечается, что «в некоторых работах упоминается о повышенных рисках возникновения поведенческих, эмоциональных и когнитивных трудностей у детей, зачатых с помощью ВРТ...» и т.д., но не указано, в сравнении с какими иными рисками повышенены именно эти риски. Автор пишет, что «прямые манипуляции с ооцитом во время оплодотворения с использованием метода ИКСИ теоретически могут оказывать долгосрочное влияние на развитие ребенка, следует внимательно изучить формирование высших психических функций у детей, зачатых этим методом, в сравнении с другими способами оплодотворения», но это тоже не является обоснованием актуальности исследования. Это предположение.

Обоснование актуальности исследования нуждается в доработке.

Цель исследования и его предмет понятны, каких-либо возражений не вызывают.

Обоснование методологии исследования автор связывает с концепцией Л.С. Выготского и А.Р. Лuria о системной динамической локализации высших психических функций. Но это не совсем понятно. Необходимо пояснение. Использование же нейропсихологического подхода и диагностического инструментария в оценке психической деятельности детей дошкольного и младшего школьного возраста

применительно к данному исследованию вполне уместно в качестве методологической основы. Автор об этом пишет.

По тексту ничего не сказано о научной новизне исследования, что также требует доработки.

Стиль изложения текста научно-исследовательский. Видно, что автор анализирует данные литературы, оперирует фактами, которые были получены в ходе собственного исследования, делает необходимые умозаключения.

Структура статьи несколько отличается от общих требований (нет формулировки научной новизны, отсутствуют выводы). Поэтому также необходима доработка текста.

Содержание статьи свидетельствует о том, что автором выполнена большая и полезная работа. Отмечено, что в исследовании приняли участие 115 детей в возрасте от 3 до 8 лет; из них 31 ребенок (21 мальчик и 10 девочек) был зачат методом ЭКО, методом ИКСИ были зачлены 23 ребенка (10 мальчиков и 13 девочек) и 61 ребенок (34 мальчика и 27 девочек) составил контрольную группу естественного зачатия. Непонятно только, для чего указан пол обследуемых, если далее по тексту он никак не учитывается.

Подобранные автором методы позволили ему выявить различия в развитости некоторых когнитивных функций у детей, зачатых разными способами. По этому поводу можно сказать, что логика исследования в целом понятна и сомнений не вызывает.

Автором установлено, что у 10% детей в группе, зачатых методом ЭКО, фиксируются нарушения, проявляющиеся на различных стадиях онтогенеза, что приводит к выраженным проблемам в психическом развитии и невозможности достижения полной компенсации интеллектуального дефицита. При зачатии же методом ИКСИ, у 35% в дальнейшем наблюдались различные негативные факторы (недоношенность, вирусные заболевания матери во время первого триместра, угроза прерывания беременности и т.д.), которые могли оказать воздействие на их здоровье и развитие.

Некоторые фрагменты текста непонятны. Это касается вопроса о количестве попыток подсадок. Чувствуется, что автор придает этому какое-то значение, но непонятно какое. Например, отмечено, что «в случае ЭКО в большинстве случаев оплодотворение происходит уже с первой по третью попытку, а при методе ИКСИ, процесс требует зачастую более длительных усилий — количество эмбриональных имплантаций может разным». Для чего это? Необходимо пояснение.

Автор установил, что дети, зачатые методом ЭКО, чаще демонстрируют более заметную функциональную недостаточность работы энергетического фактора (ЭФ) на уровне стволовых структур, а также оказываются подвержены нарушениям внимания, общего моторного праксиса, слухоречевой памяти и зрительного восприятия. Их мышление, как наглядно-образное, так и наглядно-действенное, а также развитие импрессивной речи показывают существенные трудности в понимании сюжетной картинки и составлении по ней рассказа, умение обобщать абстрактные понятия и соотносить предметы по их свойствам.

Возникает вопрос: как была исследована работа энергетического фактора (ЭФ) на уровне стволовых структур? Каким методом? Это очень сомнительно. Все другие показатели психического развития детей тоже требуют количественного подтверждения. Кроме того, во всех таблицах и рисунке не указаны единицы измерения. А таблица 3 вообще не читается. Что с чем сравнивается в целях корреляционного анализа?

Обсуждение полученных результатов требует конкретизации и обращения к работам других авторов для определения согласованности/несогласованности полученных данных с результатами их исследований. Автор же снова пишет, что «важным аспектом является не только количество эмбриональных переносов, но и качество использованных эмбрионов, а также общее состояние здоровья матери во время беременности». Какое отношение это имеет к цели исследования? Необходима

доработка.

В заключении отмечено, что подверженность детей, зачатых с помощью ВРТ, наибольшему риску дисфункционального когнитивного развития подчеркивает необходимость проведения лонгидюндных многопрофильных исследований в данной области. С этим можно только согласиться.

Выводов нет.

Библиографический список содержит источники, которые к теме исследования прямого отношения не имеют, поскольку в них представлены сведения о здоровье детей, способах родоразрешения, а не о психологии развития (например, № 2, 4, 10, 11). Но автору в данном случае виднее.

В целом же данная статья оставляет хорошее впечатление. Она посвящена актуальной теме, содержит фактические данные и может вызвать интерес читающей аудитории. После доработки текста ее вполне можно будет рекомендовать к опубликованию в научном журнале.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Развитие высших психических функций у детей, рожденных с помощью интрацитоплазматической инъекции сперматозоида, по сравнению с экстракорпоральным оплодотворением». Работа представляет собой краткую постановку проблемы, а также описание и анализ полученных исследовательских результатов. Автором была подтверждена выдвинутая гипотеза.

Предмет исследования. В качестве предмета исследования выступило рассмотрение особенностей когнитивного развития детей, зачатых разными вспомогательными репродуктивными технологиями. Работа нацелена на подтверждение гипотезы о феноменологическом развитии высших психических функций у детей, зачатых посредством ВРТ. Проведенное нейропсихологическое исследование позволило выявить как общие для всех участников особенности развития психических функций, так и специфику, характерную для детей, зачатых с помощью вспомогательной репродукции.

Методологией исследования. Автором проанализировано ряд работ, которые рассматривают затронутую проблему. Теоретико-методологической основой данного исследования служат:

- концепция Л.С. Выготского и А.Р. Лuria, касающаяся системной динамической локализации высших психических функций;
- исследовательские подходы, которые рассматривают гетерохронность созревания морффункциональных отделов головного мозга у детей и эволюции высших психических функций;
- теоретические аспекты, которые касаются особенностей развития детей, зачатых с помощью вспомогательных репродуктивных технологий;
- нейропсихологический подход;
- применение диагностического инструментария в оценке психической деятельности детей дошкольного и младшего школьного.

В исследовании приняло участие 115 детей в возрасте от 3 до 8 лет (из них 31 ребенок был зачат методом ЭКО, методом ИКСИ были зачленены 23 детей и 61 ребенок). Исследование проводилось амбулаторно на базе ФГБНУ НЦПЗ.

Методом исследования стали анализ анамнестических данных развития ребенка, а также сбор подробной информации о выполненных процедурах во время планирования и

проведения протокола искусственного оплодотворения.

Нейропсихологические методики, разработанные А.Р.Лурией-Л.С.Цветковой и адаптированные к детскому возрасту другими авторами, использовались для изучения развития высших психических функций.

Статистическая обработка полученных в ходе исследования данных проводилась с помощью непараметрического критерия Манна-Уитни и коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Актуальность исследования обусловлена тем, что проведенные междисциплинарные исследования показывают широкий разброс показателей психического развития среди искусственно зачатых детей варьирующегося от высоких показателей интеллектуального развития до грубых нарушений. В настоящее время остается значительное количество проблем, которые нуждаются в рассмотрении.

Научная новизна исследования заключается в следующем. Автором предложен новый взгляд на специфику развития и дальнейшую компенсацию нарушений высших психических функций у детей, зачатых с помощью ВРТ. В статье было рассмотрено влияние разных видов процедур искусственного оплодотворения на риски функциональной недостаточности развития ребенка в будущем.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы прослеживается, автором выделены основные смысловые части. Логика в работе представлена. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы достаточен для того, чтобы раскрыть предмет исследования.

Во вводной части кратко определена проблема исследования, а также описаны цель, предмет, теоретико-методологические основы, научная новизна и гипотеза.

Основной раздел включает в себя описание материалов и методов исследования, а также результатов и их обсуждения.

В завершающем разделе автором сформулированы обобщающие выводы, а также подведены основные выводы. Особое внимание удалено:

- описанию анамнестических данных детей, участвующих в исследовании;
- выделению усредненных показателей степени выраженности дисфункционального развития высшей психической функции у детей при искусственном и естественном зачатии;
- сравнению показателей, составляющих психической деятельности среди детей, зачатых с помощью разных вспомогательных репродуктивных методов;
- определению корреляционного анализа количества выполненных эмбриональных подсадок до наступления беременности и показателей развития высших психических функций у детей, зачатых методом ЭКО и ИКСИ;
- проведению сравнительного анализа когнитивных показателей среди детей в зависимости от способа эмбрионального переноса.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 20 отечественных и зарубежных источников, незначительное количество издано за последние три года. В список включены, в основном, статьи и тезисы. Помимо этого, имеются также учебные и учебно-методические издания. Источники не во всех позициях оформлены корректно и однородно (например, номера 11, 13, 15, 20.).

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации:

- 1) провести анализ современных научных источников, поскольку затронутая проблема активно рассматривается отечественными и зарубежными исследователями в настоящее время, выделив отдельный теоретический раздел;
- 2) сформулировать рекомендации по результатам проведенного эмпирического

исследования, выделив значимость полученных результатов для современного развития психологической науки;

3) просмотреть работу на предмет синтаксических (например, «Анамnestические данные детей участвующих в исследовании») и орфографических (например, «вспомогательными репродуктивными технологиями») неточностей.

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью; будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами перинатальной психологии. Статья может быть рекомендована к опубликованию. Однако важно учесть выделенные рекомендации, доработать статью и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Психология и Психотехника

Правильная ссылка на статью:

Головинов Е.И., Гостев А.А. Эмоционально-чувственное восприятие как основа формирования вторичного образа // Психология и Психотехника. 2025. № 1. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.1.73683 EDN: ZYVXJV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73683

Эмоционально-чувственное восприятие как основа формирования вторичного образа

Головинов Евгений Иванович

аспирант; кафедра общей психологии; Московский институт психоанализа

111123, Россия, Москва область, г. Москва, ул. 3-я Владимирская, 8

✉ Golovinov@yandex.ru

Гостев Андрей Андреевич

доктор психологических наук

профессор, кафедры Истории психологии и исторической психологии, Институт психологии Российской Академии наук

129366, Россия, г. Москва, ул. Ярославская, 13, оф. 1

✉ aagos06@rambler.ru

[Статья из рубрики "СПЕКТР ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ"](#)

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.1.73683

EDN:

ZYVXJV

Дата направления статьи в редакцию:

13-03-2025

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные, но недостаточно разработанные аспекты роли вторичных образов в деятельности и поведении человека. Показаны, в частности, плохо стыкующиеся между собой теоретические выкладки разных ученых, расплывчатостью формулировок. Предметом исследования является роль эмоционально-чувственного восприятия в процессе формирования вторичного образа. Приводятся идеи К. Юнга, связывающие мир образов с отдельным миром, которой строится на основе опыта конкретного человека, и этот опыт становится для него реальностью.

Отмечается использование Э. Тоффлером понятия сигналов, воспринимаемых различными сенсорными системами, для описания образов. В совокупности эти сигналы образуют ментальную модель действительности отдельного человека. Выделяется инвариант в интерпретациях образной сферы: образ – это квинтэссенция субъективной картины мира человека, которая обусловлена эмоционально-чувственно воспринимаемыми им признаками реальной (в физическом смысле) действительности. В контексте данного исследования, вторичный образ интересен авторам с практической точки зрения в том смысле, что он может быть изменен привнесенным новым опытом, опосредованным эмоционально-чувственным восприятием человека. Особо отмечается подход ленинградской психологической школы. Нам наиболее близок подход представителей ленинградской психологической школы, которая при глобальном интересе к человеку наиболее полно разработала понимание системы образов человека в его психике и индивидуальности. Ленинградская психологическая школа ориентировалась на понимание того, что ментальная составляющая человека формируется из образов, и при этом опосредуется ей же. Подчёркивается эмоционально-чувственная их составляющая, которая интересна с практической точки зрения в смысле возможности изменения новым опытом, опосредованным эмоционально-чувственным восприятием человека.

Ключевые слова:

сознание, измененные состояния сознания, образная сфера человека, вторичный образ, индивидуальность, ленинградская психологическая школа, психические процессы, эмоционально-чувственное восприятие, непосредственное восприятие, образ

Введение

При наличии научного интереса к формированию вторичного образа как важнейшей основы психики человека, можно констатировать недостаточное количество исследований по этой проблеме. К пониманию образа обращались многие представители ленинградской психологической школы (далее – ЛПШ). В нашем исследовании на неё мы будем опираться, подчёркивая значение эмоционально-чувственной основы формирования вторичного образа.

Обзор научной литературы

ЛПШ рассматривает образную сферу человека с разных сторон, акцентируя внимание на тех или иных аспектах её изучения. При этом термин «вторичный образ» выступает обобщающим для образных феноменов. Б.Г. Ананьев и его ученики заложили основу психологии вторичных образов. Показано обращение к образу в процессе интериоризации внешних чувственных воздействий во внутренний мир человека, что опосредует его отношение к реальности и проявляется в убеждениях, творчестве, самоопределении и пр. Для понимания сферы вторичных образов у конкретного человека важна категория индивидуальности – интегративная характеристика психики. Система образов во внутреннем мире человека опосредует психические процессы, акты деятельности и поведения, а значит, является центральной в понимании познания мира. Структура вторичных образов складывается в контексте опосредованного чувственного восприятия, и представляет собой достаточно устойчивое основание, которое, тем не менее, способно к изменению и коррекции [1]. При этом важно понимать, что «познавательные акты являются одновременно переживаниями, охватывающими

различные сферы целостной личности»; и в этой связи они является показателем духовного богатства индивидуальности [\[2, С. 31\]](#).

Цель нашего исследования – анализ изменения вторичного образа и эмоционального благополучия клиента привнесенным новым опытом, опосредованным эмоционально-чувственным восприятием человека при психотерапии (психологической коррекции) с применением гипноза.

Предметом исследования – использование эмоционально-чувственного восприятия в процессе формирования вторичного образа.

Научная новизна исследования определяется изучением на клиентской выборке взаимозависимости субъективной оценки клиентом эффективности психотерапии с применением гипноза и показателей эмоционального благополучия.

В исследовании мы опирались на известные общепсихологические положения, связанные с тематикой психического отражения и регулирования вне рамок ЛПШ.

И.М. Сеченов, например, говорил о том, что рефлекторные эффекты детерминированы образным опытом. С.Л. Рубинштейн связывает этот опыт с мышлением, с когнитивной переработкой информации, недоступной в данный момент времени непосредственному восприятию. П.Я. Гальперин, определяя образ в контексте всего комплекса психических явлений, указывал, что образ объективно отражает отношения человека к внешнему миру. У А.Н. Леонтьева образ – многомерное психологическое образование. Первичному образу приписывается чувственный компонент, который в результате переработки человеком с привлечением мышления и индивидуального отношения формирует уже второй образ; последний в свою очередь опосредует восприятие конкретным человеком внешнего мира. Организуя свой внутренний мир через систему образов, человек создает многомерную картину действительности, свой собственный собирательный образ реальности. А.Н. Леонтьев определяет образ мира у конкретного человека как «методологическую установку», с помощью которой можно отслеживать динамику субъективного восприятия мира человека на протяжении определенного периода или даже всей его жизни [\[3\]](#).

В подходе ЛПШ особое внимание удалено роли функции образов в личностном развитии, самопознании, регулирование функциональных состояний человека, формирование его ценностных приоритетов, планов и жизненных перспектив. А.А. Гостев ставит проблему «персонификации системы образов» для конкретного человека [\[4\]](#), связывая форму и содержание образов с имеющимся у него опытом, особенностями эмоционально-мотивационной сферы, системой потребностей, характеристиками человека как индивида, личности, субъекта, индивидуальности. Вторичный образ рассматривается в качестве «моста» между прошлым опытом, функционированием в настоящем, и планированием будущего. Именно образная сфера обеспечивает человеку возможность конструктивно перерабатывать собственный опыт с перенесением его в настоящее и будущее [\[5\]](#).

Эмоциональная и чувственная составляющая восприятия составляют единое целое, и совместно влияют на поведение и деятельность. Через «призму» этой целостности в каждый момент времени происходит нарушение их регуляторной функции. В связи с этим можно предметно говорить о мотивационной функции эмоционально-чувственной составляющей вторичного образа.

Эмоционально-чувственное восприятие преломляет также общение человека с внешним миром. При этом в качестве первоосновы используется когнитивная составляющая, которая позволяет дополнять содержание вторичного образа, преобразовывать субъективное значение для человека его эмоциональных переживаний. В рамках современной эстетики наблюдается повышенный интерес к малоизученной сфере, касающейся эмоционального компонента художественного восприятия. В контексте эстетических теорий произведение искусства рассматривается как синкретическое единство когнитивного и эмоционального опыта. Согласно концепциям J.Deleuze, F.Guattari, когнитивные и эмоциональные аспекты восприятия в искусстве представляют собой неразрывное целое, а в психологической практике наблюдается корреляция между мыслительными процессами и эмоциональными реакциями, где последние оказывают существенное влияние на когнитивные функции [\[6\]](#).

М. Эриксон рассматривает работу гипноза в отношении когнитивной функции, обозначая свойством бессознательного буквализм и конкретность восприятия [\[7\]](#). О. В. Соловых в обобщающем исследовании гипноза признает, что для используемого гипнотерапевтом транса как состояния доступа к бессознательному, важно, что для такого состояния более важен язык образов, звуков, ощущений, язык целостных картин и событий [\[8\]](#).

Выполненный Дж. Розендалль и ее коллегами 20-летний метааналитический обзор эффективности гипноза при психических и соматических расстройствах (49 метаанализов) выявлено, применение гипноза может быть эффективно при некоторых психических и соматических состояниях. При том что лишь 9 метаанализов были оценены как имеющие высокое методологическое качество, гипноз, согласно исследованию, оказывает значительный эффект на клиентов, испытывающих боль либо проходящих медицинские процедуры, а также позитивен для детского и подросткового возраста [\[9\]](#).

Исследования Т.В. Ганжи и ее коллег в неврологическом отделении госпиталя ФКУЗ «МСЧ МВД России по Удмуртской Республике» подтверждают, что применение комплекса лечения с курсом гипнотерапии, улучшает состояние пациентов с хроническим болевым синдромом различной этиологии [\[10, 11\]](#).

В условиях признания высокой эффективности применения ИСС, в частности гипноза, в терапии многочисленных видов эмоциональных расстройств, невротических симптомов, посттравматических депрессий, практически обойден вопрос чувственно-эмоциональной составляющей гипнотерапии, а также непосредственно связанная с этим проблематика вторичных образов [\[12\]](#). Среди источников, описывающих использование образа при гипнозе, обращает на себя внимание исследование K. Bernardy и др., где освещен систематический обзор с метаанализом эффективности психологических методов лечения синдрома фибромиалгии (FMS) с использованием гипноза/управляемых образов (H/GI) [\[13\]](#). Исследование сравнивалось с проводимыми ранее, где количественным анализом результатов подтверждается, что гипноз/управляемые образы эффективны в облегчении боли и решении проблем со сном [\[14\]](#), «незначительном влиянии» гипноза/управляемых образов на симптомы FMS [\[15\]](#) и при хронической боли [\[16\]](#), Немецкой группой на небольшой по размеру выборке выявлено, что лечение гипнозом с использованием мысленных образов эффективно.

Литературные источники позволяют утверждать, что структура образной сферы не является статичной, и может меняться под действием различных факторов [\[17, 18\]](#). В психологии рассматриваются различные способы трансформации вторичного образа в

связи с личностно-смысловой обусловленностью (см. например, Д.А. Леонтьев) и эмоционального контекста его формирования.

Анализ литературы позволяет предположить, что понятие о чувственной природе формирования вторичного образа может быть расширено до понятия эмоционально-чувственного. Именно в таком понимании опора на вторичный образ может применяться в психотерапии. Это особенно актуально при работе с измененными состояниями сознания. Это подчёркивается тем, что процесс формирования и воспроизведения вторичного образа носит реконструктивный характер.

Методы и методология исследования.

Исследование имеет целью теоретическое обоснование и оценку возможности использования в психотерапевтической работе измененных состояний сознания. При этом мы исходим из того, что любое конструктивное психотерапевтическое воздействие имеет в своей основе изменение системы и содержания вторичных образов клиента.

Исследование не является законченным трудом, а носит характер предварительной оценки актуальности более глубокого изучения именно этого вопроса, подразумевающего увеличение применяемых методик и расширение выборки.

Для первичной оценки этой гипотезы мы оценили взаимозависимость субъективной оценки клиентом эффективности применения гипноза в психотерапии с показателями субъективного эмоционального благополучия.

Производилась субъективная оценка клиентом степени разрешения проблемы с которой он обратился по пятибалльной системе. Методика оценивает уровень достижения цели (степень разрешения проблемы), где 1 – проблема не разрешена, 5 – решение найдено.

Также оценивалась эмоциональное состояние клиентов по Опроснику «Самооценка психического состояния: Самочувствие, Активность, Настроение» (САН)[\[19\]](#) и Методике Самооценки эмоциональных состояний (А.Уэссман И Д.Рикс)[\[20, 21\]](#). Результаты опросов до и после проведения психотерапевтической работы анализировались, сравнивались между собой и проверялись методом математической статистики с точки зрения наличия взаимосвязи с субъективной оценкой клиентом степени разрешения проблемы посредством использования метода ранговой корреляции Спирмена.

Результаты исследования, их обсуждение

В исследовании участвовали 54 респондента, прошедшие курс психотерапии с применением гипноза. Выборку составили клиенты, обратившиеся к специалисту в связи с потерей (развод, расставание, брак ребенка с уходом из отчего дома). Мы не рассматривали крайние и близкие к суициdalным состояния, которые определялись уже на стадии наблюдения за клиентом до психотерапевтического воздействия. Данные описательной статистики до проведения психотерапии приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Данные описательной статистики по методикам до проведения психотерапии

	M	Ме	Мо	SD	A	Min	Max
Самочувствие	3,4	3,5	3,0	0,294	0,9	2,9	3,8
Активность	3,5	3,5	3,8	0,397	1,3	2,7	4,0
Настроение	3,5	3,5	3,6	0,350	1,2	2,8	4,0
Общий балл по тесту САН	3,4	3,4	3,1	0,205	0,7	3,1	3,8

Шкала «Спокойствие-тревожность»	3,7	3	3	1,382	5	2	7
Шкала «Энергичность-усталость»	4,1	4	4	1,219	4	2	6
Шкала «Приподнятость-подавленность»	3,7	4	5	1,259	4	2	6
Шкала «Уверенность в себе - чувство беспомощности»	4,1	4	5	1,219	5	2	7
Эмоциональное состояние	15,7	14	14	4,243	16	8	24

где

Среднее значение – M,

Медиана – Me,

Мода – Mo,

Стандартное отклонение – SD,

Размах – A,

Минимум – Min,

Максимум – Max.

Данные описательной статистики показывают незначительную разницу в показателях по опроснику САН и более выраженную по методике Самооценки эмоциональных состояний.

Данные описательной статистики после проведения психотерапии с учетом субъективной балловой оценки клиентом степени разрешения проблемы приведены в таблице 2.

Таблица 2 – Данные описательной статистики по методикам после проведения психотерапии с учетом субъективной балловой оценки клиентом степени разрешения проблемы

	M	Me	Mo	SD	A	Min	Max
Оценка степени разрешения проблемы	6,7	7	5	1,651	6	4	10
Самочувствие	4,0	3,9	3,9	0,401	1,4	3,3	4,7
Активность	3,9	3,9	3,9	0,425	2,2	2,6	4,8
Настроение	3,9	3,9	3,6	0,575	1,9	2,8	4,7
Общий балл по тесту САН	4,0	4,0	3,5	0,307	1,1	3,4	4,6
Шкала «Спокойствие-тревожность»	5,9	6	6	1,553	6	3	9
Шкала «Энергичность-усталость»	6,2	6	6	1,45	6	3	9
Шкала «Приподнятость-подавленность»	5,9	6	6	1,207	5	3	8

Шкала «Уверенность в себе - чувство беспомощности»	6	6	6	1,427	6	3	9
Эмоциональное состояние	24	23	26	5,084	22	12	34

Разброс в показателях описательной статистики по методикам после проведения психотерапии еще больше увеличился. Мы связываем это с индивидуальным восприятием и различной скоростью трансформации системы вторичных образов в ходе психотерапии с применением гипноза.

Оценена динамика изменений показателей в уровнях характеристиках.

По результатам оценки собственного психического состояния на основе субъективной оценки самих исследуемых, наблюдается значительное уменьшение низкого уровня. По составляющей функционального психоэмоционального состояния самочувствие, число клиентов с низким уровнем снизилось с 63% до 14,8%. Разница составила 48,1%. Количество клиентов со средним уровнем увеличилось с 37,0% до 63,0%, разница – 25,9%. Число респондентов с высоким уровнем по составляющей функционального психоэмоционального состояния самочувствие с 0,0% достигло 22,2%, увеличившись на соответствующее количество (примерно на одну пятую). По параметру активность снижение количества клиентов с низким уровнем составило 40,7% – с 55,6% до 14,8%. Количество респондентов со средним уровнем увеличилось с 44,4% до 77,8%, разница составила 33,3%. Число клиентов с высоким уровнем по составляющей функционального психоэмоционального состояния активность с нуля достигло 7,4%, соответственно увеличившись. По составляющей настроение снижение составило 33,4% – с 51,9% до 18,5%. Число респондентов со средним уровнем увеличилось с 48,1% до 51,9%, разница – 3,7%. Количество клиентов с высоким уровнем по составляющей функционального психоэмоционального состояния настроение увеличилось с 0,0% до 29,6%, составив четверть от всех участников исследования.

Динамика изменений показателей в уровнях характеристиках по методике Самооценки эмоциональных состояний демонстрирует значительное улучшение психоэмоционального состояния клиентов. Число респондентов с низким уровнем снизилось на 55,6% – с 63,0% до 7,4%. Количество участников исследования со средним уровнем увеличилось с 37,0% до 88,9%. Разница составила 51,9%. Число клиентов с высоким уровнем по составляющей функционального психоэмоционального состояния по методике САН с 0,0% достигло 3,7%. Полагаем, что именно работа на уровне эмоционально-чувственного восприятия как основы трансформации вторичных образов обеспечивает настолько позитивную динамику.

Динамика изменений показателей в уровнях характеристиках по методике Самооценки эмоциональных состояний (А.Уэссман И Д.Рикс) также показывает значительное снижение количества клиентов и негативным психоэмоциональным состоянием при соответствующем увеличении респондентов со средним и высоким уровнем оценки своего эмоционального состояния. Снижение количества клиентов с низким уровнем составило 51,9% – с 55,6% до 3,7%. Количество респондентов со средним уровнем эмоционального состояния увеличилось с 44,4% до 66,7%, разница составила 22,2%. При этом, эмоциональное состояние на высоком уровне наблюдается уже у многих клиентов. Число клиентов с высоким уровнем с нуля достигло 29,6%, соответственно обозначив высокий уровень эмоционального состояния у почти трети участников исследования.

Для проверки гипотезы о взаимозависимости субъективной оценки клиентом степени разрешения проблемы и его эмоционального состояния применен статистический подход. При использовании метода ранговой корреляции Спирмена, для количества переменных в выборке $n=54$, критические значения r_{kr} составили 0,27 при $p \leq 0,05$ и 0,35 при $p \leq 0,01$.

Данные корреляции изменения общих показателей (разница баллов до и после психотерапии с применением гипноза) и субъективной балловой оценки клиентом степени разрешения проблемы приведена в таблице 3.

Таблица 3 – Таблица корреляции изменения общих показателей и субъективной балловой оценки клиентом степени разрешения проблемы

Изменение общих показателей (разница баллов до и после психотерапии с применением гипноза) по методикам	Оценка степени разрешения проблемы	
	Результат	Вывод
Общий балл по опроснику САН	$r_s = 0,703$	Корреляция статистически значима. Прямая зависимость при $p \leq 0,01$
Эмоциональное состояние по методике Самооценки эмоциональных состояний	$r_s = 0,613$	Корреляция статистически значима. Прямая зависимость при $p \leq 0,01$

Статистический анализ выявил высокую степень взаимозависимости субъективной оценки клиентом степени разрешения проблемы и его эмоционального состояния. Корреляция по всем общим показателям статистически значима и имеет прямую зависимость.

Выводы

Исследование роли эмоционально-чувственного восприятия действительности в процессе формирования вторичного образа выявило описанное в литературе наличие эмоциональной составляющей и в целом чувственной природе формирования вторичного образа.

Теоретические выводы в контексте настоящего исследования позволяют оценивать вторичный образ в контексте значительной роли эмоционально-чувственного восприятия процессе его формирования.

Выявленная в ходе эмпирического исследования взаимозависимость субъективной оценки клиентом эффективности применения гипноза в психотерапии с показателями субъективного эмоционального благополучия доказывает определяющую роль эмоционально-чувственного восприятия действительности в процессе формирования вторичного образа в психотерапевтической работе с применением гипноза.

Заключение

В проведенном «пилотажном» исследовании диагностика носит «приценочный» характер с целью определить перспективность более глубоких исследований в этом направлении. Мы убедились, что применение гипноза на основе использования эмоционально-чувственного восприятия как средства трансформации вторичных образов эффективно

на данной выборке, что обуславливает перспективность дальнейшей углубленной разработки этого вопроса.

Результаты данного исследования требуют более тщательного изучения, в первую очередь – с позиции культурно-исторического подхода, который опирается на исследования ленинградской психологической школы.

Библиография

1. Гrimсoltanova Р. Э. Методология восприятия вторичного образа // Северо-кавказский психологический вестник. 2012. Т. 10, № 2. С. 43-46. EDN: RCQIMT.
2. Головей Л. А. Основатель Ленинградской (Санкт-Петербургской) психологической школы Б. Г. Ананьев: ученый, опередивший свое время // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2022. Т. 12. Вып. 1. С. 29-45. DOI: 10.21638/spbu16.2022.103 EDN: HRITPP.
3. Леонтьев А. Н. Образ мира // Мир психологии. 2003. № 4 (36). С. 10-18. EDN: KTLYTR.
4. Гостев А. А. Психология вторичного образа. М.: Изд. Ин-та психологии РАН, 2007. 512 с. EDN: RBCBUX.
5. Головинов Е.И., Гостев А.А. Вторичный образ как психокоррекционный ресурс: поиск новых исследовательских возможностей // Психолог. 2024. № 2. С. 49-59. DOI: 10.25136/2409-8701.2024.2.69731 EDN: YKQKSE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69731
6. Deleuze J., Guattari F. In book: Contemporary Theorists for Medical Sociology. Chapter: 9. Editors: Scambler, G. Publisher: Routledge, 2012. Pp. 150-166.
7. Эриксон, М. Мой голос останется с вами: Обучающие истории [психолога и гипнотизера] Мильтона Эрикsona: Пер. с англ. / Авт. предисл. Л. Хоффман; Изд. и comment. С. Розена. СПб.: Петербург-XXI век, 1995. 254 с.
8. Соловых, О. В. Диссоциации сознательных процессов и бессознательного в психологическом консультировании с использованием эриксоновской психотерапии и гипноза / О. В. Соловых // Молодой ученый. 2012. № 2 (37). С. 231-238. EDN: OXOZTJ.
9. Rosendahl J., Alldredge C. T., Haddenhorst A. (2023) Meta-analytic evidence on the efficacy of hypnosis for mental and somatic health issues: a 20-year perspective Front. Psychol., 08 January 2024. Sec. Psychology for Clinical Settings. Volume 14. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1330238>. EDN: IPQKUB.
10. Ganzha T.V., Kolesnikova I.E., Bogatyreva N.L. (2022) Experience of hypnotherapy in the complex treatment of chronic pain syndrome in the neurological department of a hospital // XXVII international scientific review of the problems of natural sciences and medicine. (Boston. USA. February, 2022). URL: <https://scientific-conference.com/h/sborniki/meditsinskie-nauki89/2501-experience-of-hypnotherapy.html>. EDN: ONZSGK.
11. Данилов А.Б., Исагулян Э.Д., Макашова Е.С. Психогенная боль // Журнал неврологии и психиатрии, 2018. № 11. С.103-108.
12. Поляков, Г. Ю. История валидизации гипно-коррекционных методов в работе психолога / Г. Ю. Поляков // Молодой ученый. 2011. № 9 (32). С. 186-189. EDN: OFZNLL.
13. Bernardy, K., Füber, N., Klose, P. et al. (2011) Efficacy of hypnosis/guided imagery in fibromyalgia syndrome - a systematic review and meta-analysis of controlled trials. BMC Musculoskelet Disord 12, 133. URL: <https://doi.org/10.1186/1471-2474-12-133>. EDN: UQMLTA.
14. Thieme K., Häuser W., Batra A., Bernardy K., Felde E., Gesmann M., Illhardt A., Settan M., Wörz R., Köllner V. (2008). Psychotherapy in patients with fibromyalgia syndrome. Schmerz. German, 22: 295-302.

15. Thieme K., Gracely R.H. (2009). Are psychological treatments effective for fibromyalgia pain?. *Curr Rheumatol Rep.* 11 (6): 443-50.
16. Eccleston C., Williams A.C.D.C., Morley S. (2009). Psychological therapies for the management of chronic pain (excluding headache) in adults. *Cochrane Database of Systematic Reviews*. CD007407-2.
17. Чистопольская К.А., Колачев Н.И., Ениколопов С.Н., Дровосеков С.Э., Zhang Jie Адаптация шкал психологического напряжения и эмпирическая проверка теории суициdalного напряжения J. Zhang на российской выборке // Суицидология. 2023. №1 (50).
18. Чистопольская К.А., Осин Е.Н., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Мысина Г.А., Дровосеков С.Э. Концепт "Сочувствие к себе": российская адаптация опросника Кристин Нефф // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 4. С. 35-48. DOI: 10.17759/chp.2020160404 EDN: HLFRAF.
19. Методики диагностики эмоциональной сферы: психологический практикум / сост. О.В. Барканова. Вып.2. Красноярск: Литера-принт, 2009. 237 с.
20. Юматов Е.А., Крамм М.Н., Набродов А.Б. Информационная система для объективной оценки эмоционального стресса // Технологии живых систем. 2007. Т. 4, № 4. С. 22-28. EDN: IBIWAF.
21. Wessman A., Ricks D. (1967) Mood and personality. *American Journal of Psychology*. 146 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является эмоционально-чувственное восприятие как основа формирования вторичного образа.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, метод сравнения, опросный метод, а также, как отмечается в тексте работы, были применены «методика оценки уровня достижения цели», «опросник «Самооценка психического состояния: Самочувствие, Активность, Настроение» (САН)», «методика самооценки эмоциональных состояний (А.Уэссман И Д.Рикс)», метод математической статистики, а именно, метод ранговой корреляции Спирмена.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку вторичные образы занимают одно из важных мест для использования в психотерапевтической и психокоррекционной работе. Формирование вторичного образа имеет свои особенности, а базисом их формирования является эмоционально-чувственное восприятие. В этом контексте исследование эмоционально-чувственного восприятия как основы формирования вторичного образа представляет научный интерес в сообществе ученых.

Научная новизна представленной работы заключается в проведении по авторской методике исследования, направленного изучение и анализ «взаимозависимости субъективной оценки клиентом эффективности психотерапии с применением гипноза и показателей эмоционального благополучия». Участниками исследования стали 27 человек, «прошедшие курс психотерапии с применением гипноза».

Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения позиций известных ученых к исследуемому вопросу и применением научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования, а также наглядной демонстрацией полученных результатов.

Структуру статьи, к сожалению, нельзя считать полностью соответствующей основным требованиям, предъявляемым к написанию научных статей, поскольку некоторые важные структурные элементы в ней не представлены или представлены частично. В структуре данного исследования определены такие самостоятельные элементы как введение, методология исследования, основная часть, заключение и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет отмеченное в исследовании утверждение, что «эмоциональная и чувственная составляющая восприятия составляют единое целое, и совместно влияют на поведение и деятельность. Через «призму» этой целостности в каждый момент времени происходит нарушение их регуляторной функции. В связи с этим можно предметно говорить о мотивационной функции эмоционально-чувственной составляющей вторичного образа. Эмоционально-чувственное восприятие преломляет также общение человека с внешним миром. При этом в качестве первоосновы используется когнитивная составляющая, которая позволяет дополнять содержание вторичного образа, преобразовывать субъективное значение для человека его эмоциональных переживаний».

Библиография содержит 9 источников, включающих в себя отечественные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание позиций и точек зрения известных ученых, характеризующих значение и особенности вторичного образа в эмоционально-чувственном восприятии. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержится краткий вывод, сформулированный в заключении, касающийся предметной области исследования. В частности, отмечается, «что применение гипноза на основе использования эмоционально-чувственного восприятия как средства трансформации вторичных образов эффективно на данной выборке, что обуславливает перспективность дальнейшей углубленной разработки этого вопроса».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, психологами, психотерапевтами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что необходимо обратить внимание на структуру статьи и отдельные ее элементы. В частности, при написании научной статьи необходимо придерживаться примерной структуры исследования, которая, как правило, включает в себя введение, обзор научной литературы, методы и методологию, результаты исследования, их обсуждение, выводы и заключение. Особое внимание следует уделять более подробному описанию обзора литературы, определить это в качестве самостоятельного структурного элемента. Результаты исследования и их обсуждение необходимо выделить самостоятельными заголовками. Целесообразно было отдельно описать четкие выводы по проведенному исследованию, а заключение написать более ёмко и подробно, чтобы оно создало впечатление законченности и логической завершенности проведенного исследования. При оформлении рисунков следует руководствоваться требованиями действующего ГОСТа и оформить их в соответствии с этими требованиями. Необходимо обратить внимание на то, что объем представленной рукописи (с учетом представленных в ней таблиц и рисунков) не позволяет полно и всесторонне раскрыть заявленную тему научного исследования. В качестве рекомендации, возможно, при подготовке рукописи целесообразно было бы использовать зарубежные источники, сослаться на них и включить в библиографию. Кроме того, в тексте статьи встречаются незначительные

опечатки и технические ошибки, например «...прошедшие курс психотерапии и применением гипноза...», «...Северо-кавказский психологический вестник...» и т.п. Указанные недостатки не снижают научную и практическую значимость самого исследования, однако их необходимо оперативно устранить, доработать текст статьи в плане конкретизации ее структуры и расширения объема. Рукопись рекомендуется отправить на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования прописан и вполне научен, однако стоит отметить, что предмет исследования не соотносится с целью исследования. Формирования образа и гипнотерапевтический процесс интуитивно могут выглядеть связанными, однако в методологической части исследования необходимо конкретно прописать связь между целью, предметом и методами исследования. Как через терапевтический процесс изучается формирование образа .

Методология исследования неидеальна. Хотя с одной стороны допустимо изучать эффективность терапии через сравнение показателей "до" и "после" необходимо обосновывать выбор конкретных методик.

Кроме того, выборка в 27 человек представляется явно недостаточной для корреляционного исследования (даже для непараметрических критериев минимальный объем обычно рекомендуется в тридцать человек). Кроме того, выборка совершенно не описана, необходимо описать критерии набора выборки, желательно привести описательные статистики.

Актуальность темы требует более качественного обоснования. В частности, необходимо обосновывать ее не только общими ссылками к Ленинградской психологической школы и ссылками на классические работы, но и обзором актуальных исследований и литературы. При опять же общей интуитивной понятности актуальности исследования в тексте она недостаточно укоренена.

Научную новизну авторы заявляют, но опять же не обосновывают ссылками на другие исследования.

Структура статьи и стиль в целом научны и соответствуют требованиям к структуре и содержанию научных работ.

Библиография статьи, к сожалению совершенно недостаточна. 11 работ в целом очень немного. Значительная часть работ представляет собою классические отечественные и зарубежные работы, исторические работы, книги. Совершенно недостаточен обзор текущего состояния данной сферы, обзор современных исследований, авторами в принципе не даются ссылки на какую-либо эмпирику.

Ссылок на Рубинштейна, Гостева, Гальперина при их безусловной весомости, к сожалению недостаточно для того, чтобы читателю была видна во первых обоснованность актуальности темы, во вторых, обоснованности методологического хода исследования формирования образа через изучение процесса гипнотерапии.

Совершенно не дан обзор исследований эффективности психотерапии, а эта область

весьма разработана, особенно в зарубежной психологии.

Апелляция к оппонентам отсутствует. Авторы никак не соотносят результаты данного исследования с иными исследованиями в данной сфере, в том числе зарубежными. Таким образом, к сожалению, научная новизна тоже не представляется обоснованной. Существенным недостатком, к сожалению, является отсутствие связки между результатами исследования и выводами. В частности, совершенно непонятно, где в конкретной эмпирике, в какой момент исследуется именно процесс "эмоционально-чувственного восприятия действительности в процессе формирования вторичного образа". Из за этого выводы не выглядят корректными. Будто бы в начале и в конце статьи авторы заявляют об одном исследовании, но собственно в "теле" статьи описано другое

Статья может представлять интерес для читателей, но требует существенной переработки с учётом вышеизложенных замечаний.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Эмоционально-чувственное восприятие как основа формирования вторичного образа». Работа включает в себя краткое введение, обзор научной литературы, методы и методология исследования. Особое внимание уделено описанию полученных результатов эмпирического исследования и их обсуждению, а также оцениванию динамики изменений показателей в уровнях характеристиках. В завершении статьи представлены обобщающие выводы и перспективы дальнейшего исследования.

Предмет исследования. Исследование было нацелено на анализ изменения вторичного образа и эмоционального благополучия клиента привнесенным новым опытом, опосредованным эмоционально-чувственным восприятием человека при психотерапии (психологической коррекции) с применением гипноза. Предметом выступает процесс использования эмоционально-чувственного восприятия в процессе формирования вторичного образа.

Методологическая основа исследования. В исследовании автор опирался на известные общепсихологические положения, связанные с тематикой психического отражения и регулирования вне рамок ленинградской психологической школы. Исследование имеет целью теоретическое обоснование и оценку возможности использования в психотерапевтической работе измененных состояний сознания.

Актуальность исследования. Автором отмечается, что при наличии научного интереса к формированию вторичного образа как важнейшей основы психики человека, можно констатировать недостаточное количество исследований по этой проблеме. К пониманию образа обращались многие представители ленинградской психологической школы. В проведенном исследовании автор на нее опирался, подчеркивая значение эмоционально-чувственной основы формирования вторичного образа.

Научная новизна исследования. Проведенное исследование позволило определить при помощи изучения на клиентской выборке взаимозависимости субъективной оценки клиентом эффективности психотерапии с применением гипноза и показателей эмоционального благополучия.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого

уровня. Язык работы научный. Структура работы прослеживается, автором выделены основные смысловые части. Логика в работе имеется. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы небольшой, но достаточный для раскрытия предмета исследования.

Во вводной части представлена актуальность затронутой проблемы. Второй раздел посвящен обзору научной литературы, а также определению цели, предмета, научной новизны и методологических основ проводимого эмпирического исследования. В основном разделе представлены результаты проведенного исследования и их обсуждение. Автор дал описательную статистику по методикам до и после проведения психотерапии с учетом субъективной балльной оценки клиентом степени разрешения проблемы. Особое внимание уделено оцениванию динамики изменений показателей в уровневых характеристиках, проведен корреляционный анализ. В заключении сделаны обобщающие выводы и намечены перспективы дальнейшего исследования затронутой проблемы.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 21 отечественный и зарубежный источник, незначительная часть которых была издана за последние три года. В список включены, в основном, статьи и тезисы, а также монографии и учебно-методические пособия. Источники, в основном, оформлены корректно и однородно. Однако, необходимо указать диапазон страниц источника 17.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации: осуществить анализ большего количества исследований, в том числе, современных.

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью. Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами формирования вторичного образа как важнейшей основы психики человека. Вопрос рассматривается через призму эмоционально-чувственного восприятия, который является основой его формирования. Статья может быть рекомендована к опубликованию. Однако важно учесть выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Психология и Психотехника

Правильная ссылка на статью:

Печерский Ю.И. Профессиональное мировоззрение курсантов образовательных организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации: концепция, сущность и структура // Психология и Психотехника. 2025. № 1. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.1.72830 EDN: ZDTJBC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72830

Профессиональное мировоззрение курсантов образовательных организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации: концепция, сущность и структура

Печерский Юрий Иванович

адъюнкт Воронежского института МВД России

394065, Россия, Воронежская область, г. Воронеж, пр-т Патриотов, 53

✉ y.i.pechersky@mail.ru

[Статья из рубрики "Профессиональная психология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.1.72830

EDN:

ZDTJBC

Дата направления статьи в редакцию:

23-12-2024

Аннотация: Формирование профессионального мировоззрения курсантов является ключевым фактором, определяющим их будущую эффективность и способность выполнять поставленные задачи. Профессиональное мировоззрение – это фундаментальная основа с глубоким пониманием роли и значения дальнейшей службы, что подчеркивает актуальность темы исследования. Статья посвящена анализу профессионального мировоззрения курсантов образовательных организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России). В ней рассматриваются основные концептуальные подходы к пониманию сущности и структуры профессионального мировоззрения, а также выявляются ключевые компоненты, формирующие его у будущих сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Особое внимание уделяется влиянию образовательной среды, социальной и культурной обстановки на формирование профессиональных установок курсантов.

Предметом настоящего исследования выступает концепция, сущность и структура мировоззрения курсантов, а также факторы, влияющие на его формирование и развитие. Объектом исследования является профессиональное мировоззрение курсантов образовательных организаций МВД России. Методология исследования основывается на комплексном подходе. Анализ научной литературы позволил изучить существующие теоретические взгляды, связанные с профессиональным мировоззрением, а также рассмотреть их применение в образовательных организациях МВД России. Контент-анализ учебных программ способствовал выявлению методов формирования профессиональных установок. Для понимания процессов, влияющих на формирование профессионального мировоззрения, использовался метод интервьюирования. Основным выводом проведенного исследования является обоснование актуальности и значимости формирования профессионального мировоззрения курсантов в образовательном процессе вузов МВД России. Вкладом автора в исследование темы является анализ понятия, сущности и структуры профессионального мировоззрения курсантов образовательных организаций МВД России; предпринята попытка раскрыть ключевые элементы, формирующие и развивающие это явление, а также проанализированы факторы, влияющие на его формирование и эффективность. Новизна исследования заключается в уточнении понятия «профессиональное мировоззрение курсантов образовательных организаций МВД России», представлении авторской интерпретации структуры профессионального мировоззрения курсантов вузов МВД России, а также в описании рекомендаций и результатов работы, направленной на формирование профессионального мировоззрения. Результаты исследования могут быть полезны для педагогов, психологов и специалистов, осуществляющих подготовку кадров для правоохранительных органов Российской Федерации, а также для дальнейших научных разработок в области образования и профессиональной подготовки.

Ключевые слова:

воспитание, курсанты, МВД России, образовательные организации, обучение, профессиональное мировоззрение, профессиональное образование, понятие профессионального мировоззрения, сущность профессионального мировоззрения, структура профессионального мировоззрения

Введение. Профессиональное мировоззрение играет ключевую роль в формировании личности и поведении человека. Оно сосредоточено на специфических условиях и требованиях определенной профессии, учитывает особенности профессиональной деятельности и профессиональных стандартов; включает знания, навыки, ценности и установки, относящиеся непосредственно к профессии, включая этические нормы и профессиональные стандарты; формирует подход к работе, ориентирует на соблюдение профессиональных норм и стандартов, влияет на принятие решений в рамках профессиональной деятельности. Особенно актуально это понятие для курсантов образовательных организаций МВД России, которые готовятся к службе в органах внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД) и должны иметь определенные ценностные ориентиры, связанные с их будущей профессиональной деятельностью. В.С. Остапенко указывает, что сегодня для формирования правового мировоззрения курсанта необходима система взглядов и идей, основанная на системном междисциплинарном подходе к обучению. Эта система должна способствовать формированию знаний, убеждений, принципов и идеалов, соответствующих современным

требованиям и отвечающих будущему профессиональному предназначению выпускника. [\[11, с. 230\]](#).

Основная часть.

Вопросы формирования профессионального мировоззрения специалистов различных направлений подготовки в разное время изучались отечественными учеными. Так, Л.П. Реутовой осуществлена разработка стратегий развития профессионально-педагогического мировоззрения, В.О. Романовой изучены процессы формирования профессионального мировоззрения у будущих педагогов-психологов на основе акмеологического подхода, С.Н. Касьяновым разработана методическая система формирования информационного мировоззрения будущих учителей информатики и т.д. Особый интерес для нашего исследования представляют работы, посвященные формированию профессионального мировоззрения курсантов ведомственных вузов. Например, Ю.А. Дудкиным рассматривались аспекты правового мировоззрения курсантов вузов МВД России, Д.В. Карабаш процессы развития ценностно-мировоззренческой культуры у будущих специалистов в вузе МВД России, В.С. Остапенко формирование научного мировоззрения курсантов вузов МВД России и т.д.

Т.С. Туркина дает следующее определение понятию «профессиональное мировоззрение» – комплекс уникальных знаний, ценностных установок, основополагающих принципов, оценок и убеждений, которые оказывают влияние на развитие профессиональных навыков личности, формирование готовности к постоянному обучению, способности к самоорганизации и конкурентоспособности на рынке труда [\[20, с. 67\]](#).

Профессиональное мировоззрение представляет собой комплексную и динамичную систему, которая формируется в памяти человека и контролируется его сознанием. Оно помогает определиться с выбором профессии и определяет специфику профессиональной деятельности в обществе [\[18, с. 310\]](#), – пишет А.С. Сорокина и др.

Профессиональное мировоззрение курсантов вузов МВД России представляется нам интегральной системой взглядов, ценностных ориентаций, убеждений, норм, принципов и знаний, которые определяют их отношение к будущей профессиональной деятельности – службе в ОВД, к правовым нормам, к гражданам, к коллективу и к себе как к личности, понимание служебных целей и задач, а также способы и методы их достижения.

Определим ключевые характеристики профессионального мировоззрения будущих специалистов ОВД:

целостность (все составляющие профессионального мировоззрения курсантов взаимосвязаны и взаимозависимы, образуя единую систему);

системность (профессиональное мировоззрение строится на основе определенных принципов, ценностей и убеждений, которые формируют основу их профессиональной идентичности);

динамичность (профессиональное мировоззрение курсантов постоянно развивается и меняется в зависимости от опыта, получаемого в процессе обучения, практики и дальнейшей службы, а также новых знаний и вызовов современности);

индивидуальность (профессиональное мировоззрение каждого курсанта формируется под влиянием личных особенностей, опыта и воспитания, что делает его уникальным);

ориентация на служение (профессиональное мировоззрение курсантов МВД России

должно быть ориентировано на служение Родине и закону, защиту прав и свобод граждан, обеспечение правопорядка и безопасности в соответствии с законодательством).

Профессиональное мировоззрение курсантов образовательных организаций МВД России включает в себя уважение к закону, стремление к защите прав и интересов граждан, готовность к служению обществу и государству, а также честность, порядочность и профессионализм.

Так, одной из основных особенностей профессионального мировоззрения будущих специалистов ОВД является их приверженность к целям и задачам правоохранительных органов, их готовность к защите общественной безопасности и правопорядка. Курсанты должны понимать, что их служба в ОВД будет связана с определенными рисками и трудностями, в связи с этим они должны быть готовы принимать вызовы и решать служебные задачи, стоящие перед ними. Курсанты должны быть готовы строго соблюдать законы и требования ведомственных нормативных правовых актов, а также понимать, что закон является основой их профессиональной деятельности и что его нарушение может нанести ущерб как им самим, так и обществу в целом. Для этого «образовательные организации должны создавать необходимые условия для закладывания основ личностно-профессионального мировоззрения, что является несомненно актуальной педагогической задачей» [\[1, с. 27\]](#).

Профессиональное мировоззрение определяет ценностные ориентиры, отношение к службе и обязанностям, поведение и принятие решений. Важно, чтобы обучение и воспитание курсантов способствовали формированию и укреплению их профессионального мировоззрения, чтобы они могли успешно выполнять свои обязанности и служить обществу и государству. Безусловно «общество ожидает от профессионала службы соответствия его поведения и деятельности социальным, моральным требованиям» [\[10, с. 169\]](#). Именно эти запросы общества должны стать ориентиром для будущих специалистов правоохранительных органов.

Итак, сущность профессионального мировоззрения курсантов МВД России определяется следующими факторами:

профессиональная гордость и социальная ответственность (осознание себя как будущего правоохранителя, отвечающего за обеспечение правопорядка и безопасность граждан, понимать, что его действия влияют на жизнь людей, и быть готовым нести ответственность за свои решения, а также иметь уверенность в важности и значении своей профессии);

системные знания и навыки (понимание правовых норм и знаний, необходимых для эффективной службы, а также владение навыками по их практическому применению);

моральные и этические принципы (убеждения в необходимости соблюдения закона, принципов справедливости, беспристрастности и профессиональной этики);

патриотизм и преданность Родине (готовность отстаивать интересы Родины, защищать ее граждан и их права, понимать важность стабильности и безопасности России; для решения этих целей ключевым является «уровень профессионализма, определяемый квалификационным соответствием профессорско-преподавательского состава современным задачам, стоящим перед патриотическим воспитанием, реализуемым в рамках воспитательного пространства» [\[9, с. 166\]](#), а «без усвоения и внутреннего

принятия патриотизма невозможна полноценная деятельность сотрудников полиции» [\[19, с. 117\]](#));

морально-психологическая устойчивость (способность переносить психологические и физические нагрузки, сохранять спокойствие и уверенность в сложных ситуациях, сохранять чувство чести и достоинства, готовность поддерживать репутацию правоохранительных органов и сохранять моральные принципы в любой ситуации).

Профессиональное мировоззрение курсантов МВД России имеет сложную структуру, которая на наш взгляд включает в себя следующие взаимосвязанные компоненты:

1. Мотивационный компонент, включающий стремление руководствоваться в служебной деятельности нормами права и морали:

убеждение в необходимости закона и правопорядка (понимание важности правовых норм для стабильности и безопасности общества, уверенность в том, что правовой порядок гарантирует свободу и благополучие граждан);

убеждение в важности моральных принципов в профессиональной деятельности (признание необходимости соблюдения этических норм и моральных качеств в работе, осознание того, что доверие общественности к правоохранительным органам зависит от их морального облика);

убеждение в необходимости профессионального развития и самосовершенствования (понимание важности постоянного улучшения своих знаний, навыков и компетенций в изменяющемся мире, готовность к обучению и адаптации к новым вызовам);

убеждение в важности командной работы (понимание значимости взаимодействия с коллегами и работы в команде, осознание того, что только совместными усилиями можно достичь успеха в службе);

убеждение в необходимости поддержания безопасности и защиты граждан (признание приоритетным обеспечения безопасности граждан и защиты их прав и свобод, понимание того, что задача правоохранительных органов – создать условия для спокойной и безопасной жизни людей).

2. Аксиологический компонент, который включает:

правовые знания (знание и соблюдение требований Конституции Российской Федерации, уголовного, уголовно-процессуального и административного кодекса, других законов, необходимых для работы в ОВД, а также знания о международных документах, регулирующих сферу правоохранительной деятельности);

криминалистические знания (знание методов и приемов раскрытия преступлений, осмотра места происшествия, сбора и анализа доказательств, понимание особенностей современной криминастики и новых технологий);

психологические знания (знание психологии человека, принципов взаимодействия с людьми, способов разрешения конфликтных ситуаций, методов психологического влияния и убеждения, понимание особенностей психологии преступников и жертв преступлений);

тактические знания (знание методов и приемов тактического обеспечения оперативно-розыскных мероприятий, предупреждения и пресечения правонарушений, понимание особенностей тактических действий в различных ситуациях);

профессиональную служебную и физическую подготовку (поддержание хорошей физической формы, применение боевых приемов борьбы, специальных средств, состоящих на вооружении полиции, и закрепленного огнестрельного оружия, понимание важности физической подготовки для выполнения служебных задач) [\[17, 21\]](#).

В связи с этим интерес представляет исследование и сделанный вывод Ю.Г. Хлоповских о том, что «ценностные ориентации, интегрирующие профессиональное мировоззрение и профессиональную ментальность ..., обусловлены спецификой учебно-профессиональной деятельности и формируются в образовательной среде вуза» [\[22, с. 371\]](#).

«Формированию познавательного компонента мировоззрения будущих специалистов, – пишет Е.А. Помельникова, – будут способствовать умения формировать профессиональные компетенции. Основой формирования у будущих специалистов ценностного компонента станут способности преподавателя вдохновлять студентов, создавать ситуацию, способствующую росту мотивации достижения успеха» [\[16, с. 229\]](#).

3. Поведенческий компонент, основанный на компетентности и профессиональных убеждениях, включающий:

навыки работы с нормативно-правовыми актами (способность быстро и точно ориентироваться в законодательстве, находить необходимые статьи и применять их на практике, понимание особенностей применения правовых норм в различных ситуациях);

навыки проведения оперативно-розыскных мероприятий (способность планировать, проводить и анализировать оперативно-розыскные мероприятия, владеть современными методами сбора и обработки информации, понимать особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий в современных условиях);

навыки работы с людьми (способность устанавливать контакт с людьми, оценивать их психологическое состояние, проводить беседы и опрашивать свидетелей и подозреваемых, владеть техниками коммуникации и убеждения, понимать особенности взаимодействия с людьми из различных социальных групп; для осуществления подготовки к навыкам работы с людьми целесообразно использовать кейсы и моделирование различных ситуаций, а также зарубежный опыт по подготовке полицейских-новобранцев к действиям на основе конкретных ситуаций [\[23\]](#));

навыки владения боевыми приемами борьбы и огнестрельным оружием (способность защищать себя и других, применять оружие в соответствии с законом, владеть боевыми приемами борьбы, знать и соблюдать запреты и ограничения применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в служебной деятельности);

навыки профессиональной коммуникации (способность четко, ясно и грамотно выражать свои мысли, строить диалог и передавать информацию, владеть техниками публичного выступления и письменной коммуникации, понимать важность эффективной коммуникации в работе правоохранительных органов).

4. Рефлексивный компонент, включающий мировоззренческие и нравственно-правовые регуляторы в профессиональной сфере:

служение Родине и закону (убеждение в необходимости защиты интересов Родины, признание закона как высшей ценности и главного регулятора общественных отношений, соблюдение закона и правопорядка как фундамента стабильности и безопасности

общества);

честь и достоинство (признание важности высоких моральных качеств и профессиональной этики, понимание того, что репутация правоохранительных органов зависит от каждого сотрудника);

справедливость и беспристрастность (признание важности обеспечения справедливого правосудия и неприменения двойных стандартов, независимо от социального статуса или других факторов);

социальная ответственность (понимание важности социальной миссии правоохранительных органов и готовность нести ответственность за свои действия, влияющие на жизнь людей);

профессиональная гордость (уверенность в своей профессии и готовность гордиться своей службой, видеть в ней не просто работу, а служение обществу).

Мы разделяем позицию Т.С. Туркиной, которая пишет, что «на этапе профессионального образования происходит развитие деятельности от учебно-познавательной к учебно-профессиональной и от нее – к реальной профессиональной» [\[20, с. 69\]](#). То есть в образовательных организациях МВД России необходима разработка и реализация практико-ориентированных образовательных программ, обеспечивающих качественную прикладную профильную подготовку, фундаментом которых должно стать профессиональное мировоззрение. М.С. Большаков и др. в своей статье приходит к выводу о том, что «высшее профессиональное образование, как и другие элементы системы, должно основываться на принципе практической направленности и соответствовать потребностям органов внутренних дел» [\[2, с. 150\]](#).

К факторам, влияющим на формирование профессионального мировоззрения курсантов, относятся:

обучение в ведомственном вузе МВД России, что предполагает обучение по специально разработанным образовательным программам, направленным на формирование профессиональных знаний, навыков и ценностей;

проведение воспитательной работы, ориентированной на развитие патриотизма, ответственности и дисциплины, моральных и этических качеств, уважения к закону и правопорядку. «Необходимым условием совершенствования учебного и воспитательного процесса является единство педагогических воздействий, испытываемых обучающимися в образовательной организации высшего образования МВД России. Важное значение в этой связи приобретает элемент воспитания в учебной деятельности и во внеаудиторной работе» [\[7, с. 169-170\]](#),

преподавательский состав и их способность передать курсантам не только знания, но и ценности, принципы правоохранительной деятельности; при этом «постоянное общение студентов с преподавателем должно воспитывать у них такие качества, как желание осваивать новые знания, коллективизм в выполнении общих работ, желание помогать друг другу, чувство ответственности за выполнение поставленных задач» [\[5, с. 116\]](#),

современные методы обучения, интерактивные технологии, симуляционные модели позволяют сделать процесс обучения более интересным и эффективным [\[14\]](#);

практика в различных подразделениях ОВД, позволяющая курсантам приобрести

практический опыт, понять реальную службу и применить полученные знания на практике;

взаимодействие с опытными сотрудниками (наставничество), которые могут поделиться с курсантами своим опытом и профессиональными секретами;

участие в реальных профилактических мероприятиях (под наблюдением опытных сотрудников) позволяет курсантам почувствовать себя частью команды и понять серьезность задач, стоящих перед правоохранительными органами;

встречи с ветеранами ОВД, которые могут поделиться с курсантами своим опытом, ценностями и принципами, что вдохновляет и мотивирует будущих правоохранителей;

создание атмосферы коллективизма и взаимопомощи в учебном процессе способствует формированию у курсантов чувства ответственности за свою команду и за свои действия; «включение индивида в группу меняет его поведение и мировосприятие, человек воспринимает и оценивает окружающий мир с позиции "группового сознания"» [\[4, с. 213\]](#);

семейные традиции и ценности, воспитание в семье, уважение к закону и правопорядку в семье;

социальное окружение, условия жизни и общественное мнение в современном информационном пространстве [\[13\]](#);

личный пример сотрудников ОВД показывает курсантам реальный образ правоохранителя, его моральные и профессиональные качества;

информация о преступлениях и правонарушениях, образы, распространяемые в средствах массовой информации и в интернете;

общественное мнение о правоохранительных органах, формируемое в средствах массовой информации и в информационном пространстве, формирует у курсантов определенные ожидания от службы.

«Профессиональное мировоззрение, как и всякий иной тип мировоззрения, является динамичной структурой, претерпевающей постоянные трансформации по мере накопления опыта его носителем» [\[15, с. 307\]](#), – отмечает А.Е. Половникова. Также автор подчеркивает важность и значение формирования мировоззрения обучающихся, которое следует расценивать в качестве обязательного компонента педагогического процесса [\[15, с. 308\]](#).

Сформулируем методы формирования профессионального мировоззрения курсантов:

разработка эффективных образовательных программ (создание, апробация и внедрение программ, направленных на формирование профессионального мировоззрения, знаний, умений, навыков и ценностей);

проведение воспитательных мероприятий (организация воспитательных мероприятий, направленных на формирование патриотизма, моральных и этических качеств, ответственности и дисциплины; «воспитать любовь и уважение к профессии – значит выработать, прежде всего, сознательное отношение к общественному долгу, способность и готовность вложить все силы, знания и опыт, сформировать должное отношение к служебной деятельности как высшей форме своего участия в общегосударственном

деле» [\[8, с. 261\]](#));

создание эффективных механизмов взаимодействия с опытными сотрудниками ОВД (разработка программ наставничества, проведение встреч с ветеранами правоохранительных структур, участие курсантов в мероприятиях, организуемых ОВД и регионом);

использование современных информационных технологий (разработка и внедрение интерактивных платформ, игр и тренажеров, направленных на формирование профессионального мировоззрения);

разработка и внедрение программ психологической подготовки (проведение психологических тренингов, направленных на формирование морально-психологической устойчивости, способности переносить нагрузки и выходить из сложных ситуаций).

«Эффективность формирования и развития профессионального мировоззрения курсантов и слушателей основывается на единстве объединения учебной, воспитательной, досуговой и практикоориентированной деятельности в координации всех участников образовательного процесса» [\[3, с. 123\]](#), – делает вывод Д.Е. Гайнуллин.

Выделим значение и результаты сформированного профессионального мировоззрения курсантов:

повышение эффективности службы (позволит курсантам более эффективно выполнять служебные задачи, применять знания и навыки, полученные в процессе обучения, на практике, адекватно оценивать ситуацию и принимать правильные решения);

уверенность в своих силах (повысит уверенность в собственных силах, способность переносить психологические и физические нагрузки, сохранять спокойствие и уверенность в сложных ситуациях);

готовность к постоянному обучению (сформирует у курсантов готовность к постоянному обучению и саморазвитию, пониманию того, что правоохранительная деятельность требует совершенствования знаний и навыков);

повышение морально-психологической устойчивости, в том числе способности к самоконтролю и профессиональной эмпатии (поможет будущим специалистам сохранять морально-психологическую устойчивость в сложных ситуациях, выдерживать психологические и физические нагрузки, опираясь на убежденность в справедливость своей миссии; разовьет способность к самоконтролю, сохранению моральных принципов и этических норм в сложных ситуациях, не поддаваться на провокации и не нарушать закон; сформирует способность к пониманию чувств и эмоций людей, с которыми придется взаимодействовать, что сделает их работу более эффективной);

снижение коррупции и правонарушений, приверженность принципам законности и беспристрастности (ориентация на соблюдение закона, принципов справедливости и беспристрастности, что снизит риски коррупции и правонарушений);

понимание последствий правонарушений (сформирует понимание последствий правонарушений как для общества, так и для них самих, что будет являться сдерживающим фактором от незаконных действий);

убежденность в важности доверия общественности (создаст уверенность в значимости доверия общественности к правоохранительным органам, что мотивирует к честной и

профессиональной деятельности);

демонстрация профессионализма и моральных качеств (способствует готовности к профессиональному росту и самосовершенствованию, что позволяет им демонстрировать профессионализм и моральные качества, делая образ правоохранителя более привлекательным);

создание позитивного образа сотрудника ОВД в обществе (отражает ценности и принципы службы, что формирует позитивный образ полицейского в обществе, укрепляет доверие граждан к правоохранительным органам).

Заключение. Таким образом, профессиональное мировоззрение курсантов МВД России – это фундаментальная основа их будущей службы. В.С. Остапенко подчеркивает, что «в системе обучения в вузах МВД России мировоззренческий акцент является ведущим, определяющим» [11, с. 230]. Формирование профессионального мировоззрения – это не одномоментный акт, а сложный и продолжительный процесс, требующий целенаправленных усилий образовательных организаций МВД России, опытных сотрудников, семьи и общества в целом. Осознанное формирование профессионального мировоззрения является ключевым фактором для обеспечения эффективности и успеха в правоохранительной деятельности, способствует созданию позитивного образа сотрудника ОВД в обществе и укреплению доверия граждан к правоохранительным органам [12]. «Высокий уровень развития мировоззренческих профессионально значимых качеств курсантов выступает одним из ключевых условий удовлетворенности службой и, в свою очередь, является дополнительным мотивом для дальнейшего развития у специалиста необходимых в профессиональной деятельности качеств» [6, с. 135]. Создание эффективной системы обучения, воспитания и практической подготовки курсантов образовательных организаций МВД России имеет не только практическое значение, но и является важнейшим стратегическим заданием для обеспечения безопасности и стабильности России.

Библиография

1. Ахтямов, Р. Р. Некоторые подходы к формированию профессионального мировоззрения будущих юристов / Р. Р. Ахтямов // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 3(106). – С. 26-29. – DOI: 10.24412/1991-5497-2024-3106-26-29. – EDN HFUIYN.
2. Большаков, М. С. Практико-ориентированное высшее профессиональное образование в общей концепции подготовки кадров в МВД России / М. С. Большаков, И. Б. Бантуков, В. Н. Трабо // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 2(90). – С. 144-150. – DOI: 10.35750/2071-8284-2021-2-144-150. – EDN IWUGAA.
3. Гайнуллин, Д. Е. Педагогические технологии и методы формирования профессионального мировоззрения сотрудника полиции в образовательных организациях МВД России / Д. Е. Гайнуллин, О. Ю. Баринова, А. Ф. Шавалеев // Проблемы современного педагогического образования. – 2024. – № 83-3. – С. 120-123. – EDN FRYLWQ.
4. Душкин, А. С. Определение уровня социальной идентичности группового субъекта на примере учебных групп курсантов образовательной организации МВД России / А. С. Душкин, А. Л. Бубнов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 2(86). – С. 208-214. – DOI: 10.35750/2071-8284-2020-2-208-214. – EDN CKCLGV.
5. Закиева, Р. Р. Формирование профессионального мировоззрения / Р. Р. Закиева // Проблемы современного образования. – 2019. – № 5. – С. 114-120. – EDN DAIMTM.

6. Исаева, К. В. Научно-исследовательская работа как условие формирования профессионального мировоззрения сотрудников УИС в ведомственном вузе / К. В. Исаева, Л. В. Ковтуненко // Глобальный научный потенциал. – 2022. – № 5(134). – С. 135-137. – EDN QANITM.
7. Король, А. И. Отдельные аспекты профессионально-нравственного развития курсантов образовательных организаций высшего образования МВД России / А. И. Король // Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики : Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 27 октября 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – С. 169-175. – EDN HJIFVG.
8. Король, А. И. Проблемы единства профессионально-нравственного воспитания курсантов образовательных организаций высшего образования МВД России / А. И. Король, Н. Ф. Гейжан // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 81-4. – С. 261-264. – EDN VXUIPY.
9. Котельников, А. Ю. возможности патриотического воспитания курсантов на учебных занятиях в военном вузе / А. Ю. Котельников, А. П. Андруник // Современные научноемкие технологии. – 2021. – № 4. – С. 163-167. – DOI: 10.17513/snt.38633. – EDN ZVVTNZ.
10. Лопушенко, А. Я. Критерии сформированности профессионального мировоззрения / А. Я. Лопушенко // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2009. – № 3(43). – С. 166-170. – EDN KWUUOD.
11. Остапенко, В. С. Развитие правового аспекта мировоззрения курсантов при изучении юридических дисциплин в образовательных учреждениях МВД России / В. С. Остапенко // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 2(70). – С. 229-234. – EDN KXFYHZ.
12. Печерский Ю.И. Концептуальная модель формирования у обучающихся в вузах МВД России профессионального мировоззрения // Полицейская деятельность. 2024. № 6. С. 1-16. DOI: 10.7256/2454-0692.2024.6.72124 EDN: GHNERX URL: https://e-notabene.ru/pdmag/article_72124.html
13. Печерский, Ю. И. Особенности формирования профессионального мировоззрения у курсантов ведомственного вуза Министерства внутренних дел Российской Федерации / Ю. И. Печерский // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. – 2023. – № 13. – С. 53-62. – DOI: 10.24412/2712-827X-2023-13-53-62. – EDN LOETCG.
14. Печерский, Ю. И. Особенности формирования профессионального мировоззрения у курсантов вузов МВД России / Ю. И. Печерский // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 81-1. – С. 142-145. – EDN VEAIKZ.
15. Половникова, А. Е. Роль высшего профессионального образования в формировании профессионального мировоззрения личности / А. Е. Половникова // Вестник университета. – 2014. – № 11. – С. 305-309. – EDN SXHJYN.
16. Помельникова, Е. А. Роль наставничества в формировании профессионального мировоззрения в современных условиях профессиональной подготовки в вузе / Е. А. Помельникова, М. В. Ивкина, П. П. Альмурзин // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 80-3. – С. 227-230. – EDN XAJRJE.
17. Проблемы и перспективы обучения сотрудников ОВД России готовности к действиям в экстремальных ситуациях служебной деятельности в рамках профессиональной служебной и физической подготовки / Е. Г. Светличный, А. С. Фетисов, О. С. Панова, Р. Е. Токарчук // Глобальный научный потенциал. – 2022. – № 3(132). – С. 177-180. – EDN BJSMTP.
18. Профессиональное мировоззрение: сущность и содержание / А. С. Сорокина, В. В. Кузьмин, А. Ю. Сорокин, А. Е. Харламенков // Современное педагогическое

- образование. – 2023. – № 2. – С. 308-316. – EDN YVVFCZ.
19. Сальников, Е. В. Патриотизм в системе формирования мировоззрения сотрудника полиции в процессе профессионального обучения (профессиональной подготовки) / Е. В. Сальников, И. А. Леонова // Социально-политические науки. – 2018. – № 5. – С. 115-119. – EDN YNKLFR.
20. Туркина, Т. С. Профессиональное мировоззрение: сущностная характеристика / Т. С. Туркина // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2010. – № 3. – С. 66-74. – EDN NBNAST.
21. Фетисов, А. С. Содержательные характеристики личностно-профессиональных качеств педагога как компонента здоровьесберегающей образовательной среды школы / А. С. Фетисов // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2014. – Т. 10, № 3-2. – С. 73-76. – EDN SGITCV.
22. Хлоповских, Ю. Г. Ценностные ориентации как составляющая профессионального мировоззрения и профессиональной ментальности курсантов / Ю. Г. Хлоповских // Проблемы обеспечения безопасности при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. – 2012. – № 1(1). – С. 368-371. – EDN VPSTKB.
23. Buhrig, R. (2023). The case for case-based learning in police recruit training. *The Police Journal: Theory, Practice and Principles*, 97(2), 336-353. doi:10.1177/0032258X23118132
Retrieved from <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0032258X23118132>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Профессиональное мировоззрение курсантов образовательных организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации: концепция, сущность и структура».

Предмет исследования – особенности формирования профессионального мировоззрения курсантов образовательных организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации. Исследование сосредоточено на изучении профессионального мировоззрения как интегральной системы взглядов, ценностных ориентаций, убеждений, норм, принципов и знаний, регулирующих поведение курсантов образовательных организаций МВД России, которые готовятся к службе в органах внутренних дел Российской Федерации.

Методология исследования основана на комплексном применении таких методов, как анализ научных источников, обобщение данных и их систематизация.

Актуальность исследования обусловлена тем, что деятельность сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации имеет свои профессиональные особенности и формирование профессионального мировоззрения является важной составляющей профессиональной подготовки кадров. Важны разработка единого подхода к формированию профессионального мировоззрения курсантов образовательных организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации, наставническая работа, проведение воспитательных мероприятий, внедрение программ психологической подготовки и проработка проблемных вопросов, эти меры позволят обеспечить не только успешную работу и профессиональный рост, но и окажут благотворное влияние на формирование общественного доверия к правоохранительным органам в целом.

Научная новизна обусловлена тем, что исследование является попыткой конкретизации и систематизации концепций, сущности и структуры профессионального мировоззрения курсантов образовательных организаций Министерства внутренних дел Российской

Федерации.

Стиль изложения научный, структура, содержание.

Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы (в виде отдельных пунктов не выделены, не озаглавлены): введение (содержит постановку проблемы); основная часть (в этом разделе дается теоретическая основа исследования; определены ключевые характеристики профессионального мировоззрения будущих специалистов органов внутренних дел Российской Федерации; приведены факторы, определяющие сущность профессионального мировоззрения курсантов вузов МВД России; дана характеристика компонентов профессионального мировоззрения и факторов, влияющих на его формирование; автор рассматривает методы формирования профессионального мировоззрения в образовательной среде ведомственного вуза, а также рассматривает значение и результаты сформированного профессионального мировоззрения курсантов); заключение (общие выводы); библиография (включает 19 источников отечественных авторов). Содержание в целом соответствует названию.

Выводы, интерес читательской аудитории. Исследование представляет собой комплексную работу по изучению и систематизации теоретических основ формирования профессионального мировоззрения у курсантов образовательных организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации. Автор отмечает, что формирование профессионального мировоззрения является сложным и продолжительным процессом, который требует целенаправленных усилий образовательных организаций МВД России, опытных сотрудников, семьи и общества в целом.

Рекомендации автору:

1. В статье не сформулированы объект, предмет, актуальность, научная новизна и методологические основы проведенного исследования.
2. Было бы уместно ввести подзаголовки, что улучшит восприятие статьи.
3. Необходимо уделить большее внимание обзору и анализу научных работ, теоретический анализ источников также является недостаточным.
4. В начале статьи приведено несколько больших цитат, уместнее использовать парофраз. Необходимо перепроверить наличие ссылок на первоисточники (например, в части, где приводятся характеристики профессионального мировоззрения и т.д.).
5. Стоит расширить библиографию, увеличив долю зарубежных работ за последние 3 года.
6. Было бы наглядно привести примеры конкретных мероприятий по формированию профессионального мировоззрения у курсантов образовательных организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации, продемонстрировать поэтапность формирования профессионального мировоззрения в образовательной среде ведомственного вуза.

В целом рукопись соответствует основным требованиям, предъявляемым к научным статьям. Материал представляет интерес для читательской аудитории и после доработки может быть опубликован в журнале «Психология и Психотехника».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Объектом исследования в настоящей работе выступает профессиональное мировоззрение курсантов учреждений МВД, предметом же – особенности процесса его формирования и развития.

Актуальность исследования обусловлена сложностью и значимостью концепта профессионального мировоззрения в педагогической науке, а также высокой социальной значимостью деятельности сотрудника МВД, предполагающей особое внимание к профессиональному мировоззрению в процессе его подготовки.

Работа представляет собой классическое для данной тематики сочетание теоретических и практических аспектов. Первые выражены в сущностно-содержательном анализе профессионального мировоззрения и его описании применительно к специфике деятельности МВД, вторые – в описании методов его формирования.

Таким образом, основным методом исследования выступают сущностно-содержательный психолого-педагогический анализ, что является достаточным инструментарием для работы подобного рода.

В теоретической части статьи заслуживает внимание подробный разбор понятия профессионального мировоззрения на уровне определений, весьма чётко доводящих до читателя его сущность. Следует отметить также хороший содержательный переход к вопросам развития мировоззрения курсантов МВД.

Список литературы с содержательной точки зрения соответствует требованиям и находит отражение на страницах работы в конкретных цитатах.

Работа исполнена языком, соответствующим нормам научного стиля. С учётом весьма общей тематики текст может вызвать интерес у достаточно широкой педагогической аудитории даже не относящейся к МВД, в том числе как содержательная база для квалификационных работ.

По работе существует ряд замечаний.

Со структурой точки зрения текст выиграл, если бы был разбит на содержательно взаимосвязанные части.

В заключении не принято цитирование за исключением случаев явной необходимости, которой в случае весьма общей тематики, на наш взгляд нет. В этом разделе ожидаются исключительно авторские выводы.

В целом большое количество цитат по тексту с одной стороны говорит о хорошей проработке материала автором, но с другой – оставляет вопрос, где же собственно авторские рассуждения.

С содержательной точки зрения отметим, что практическая часть работы (описание методов) выглядит несколько теоретизированной. По нашему мнению, методы обозначены, но не обоснованы. В описании методов при педагогическом анализе ожидается изложение сценариев их использования, включая условия, оценку эффективности, преимуществ, недостатков и пр..

В целом отметим, что никакой конкретный педагогический процесс в работе в практическом разрезе не описан, что, на наш взгляд, является основным пунктом её критики.

На наш взгляд, слово «концепция» в названии лишнее. Фактически раскрыты сущность, содержание и структура профессионального мировоззрения. Концепция едва ли может быть раскрыта в статье, скорее это уровень диссертации или монографии.

Указанные замечания в целом имеют рекомендательный характер. Они в общем не снижают ценность текста и не отменяют понимания того, что статья является целостным авторским произведением, выполненным на актуальную тематику и в целом соответствующим основным структурным и содержательным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Статья рекомендуется к публикации в рецензируемом журнале по психолого-педагогическому направлению.

Психология и Психотехника*Правильная ссылка на статью:*

Шумейко Е., Родионова Е.А. Адаптация русскоязычной версии опросника «The Recovery Experience Questionnaire» С. Зоннентаг // Психология и Психотехника. 2025. № 1. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.1.73410 EDN: ZJVKGC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73410

Адаптация русскоязычной версии опросника «The Recovery Experience Questionnaire» С. Зоннентаг**Шумейко Елена**

ORCID: 0009-0001-9653-9283

ассистент; факультет психологии; Санкт-Петербургский государственный университет
аспирант; факультет психологии; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, д.6, ауд. 201

[✉ alena.shum2017@yandex.ru](mailto:alena.shum2017@yandex.ru)**Родионова Елена Анатольевна**

кандидат педагогических наук

доцент; факультет психологии; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, 6, ауд. 201

[✉ psyrea@mail.ru](mailto:psyrea@mail.ru)[Статья из рубрики "Профессиональная психология"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0722.2025.1.73410

EDN:

ZJVKGC

Дата направления статьи в редакцию:

18-02-2025

Аннотация: В данной статье описывается адаптация опросника «The Recovery Experience Questionnaire» С. Зоннентаг, предназначенного для оценки опытов восстановления в нерабочее время. Методика основана на теории сохранения ресурсов С. Хобфолла и модели восстановления усилий Т. Меймана. Опросник включает 16 пунктов, формирующих четыре самооценочные шкалы: психологическую отстраненность, расслабление, мастерство и контроль. На данный момент, методика адаптирована и используется в исследованиях в более чем 10 странах, однако впервые

рассматривается на русскоязычной выборке. Выборка исследования составила 302 человека (162 женщины и 140 мужчин) со средним возрастом 32 года из разных профессиональных сфер (образование, психология, IT, HR, SMM и маркетинг, общепит, промышленность и д.р.). Русскоязычный вариант методики был проверен на внутреннюю согласованность, внешнюю и конструктную валидность. Факторный анализ подтвердил четырехфакторную структуру, показывая лучшее соответствие по сравнению с однофакторной моделью. Коэффициент Кронбаха для каждой подшкалы превышает 0,85, что подтверждает высокую надежность опросника. Результаты свидетельствуют о значимых положительных связях между опытом восстановления и такими показателями, как баланс работы и личной жизни, субъективное благополучие и осознанность. Также были обнаружены отрицательные взаимосвязи подшкал опросника и уровня восприимчивости к организационному стрессу. Сохранение оригинальных вопросов опросника позволяет сопоставлять результаты в разных странах и профессиональных группах. Обсуждаются основные ограничения исследования, включая небольшой объем выборки, что требует будущих исследований с более разнообразными профессиональными группами для дальнейшей проверки надежности REQ-R. Несмотря на размер выборки, полученные результаты показывают достаточную статистическую значимость для обоснования выводов о надежности измерений. «Опросник опыта восстановления», впервые адаптированный на русскоязычной выборке, продемонстрировал удобство в применении и обработке, а также необходимые психометрические характеристики.

Ключевые слова:

восстановление, психодиагностика, культурная адаптация, опросник, осознанность, стресс, опыты восстановления, баланс работы-жизни, работающие специалисты, субъективное благополучие

ВВЕДЕНИЕ

В наше время, когда границы между профессиональной и личной жизнью становятся всё более размытыми, значение полноценного отдыха в свободное время приобретает особую важность. Отдых традиционно воспринимается как необходимый элемент для восстановления энергии после напряженного рабочего дня. Однако многие после окончания рабочего времени сталкиваются с новыми обязательствами, не менее стрессовыми, чем рабочие. Это создает дефицит времени для истинного восстановления, что может привести к хроническому утомлению и таким профессиональным расстройствам, как синдром выгорания [1]. Поэтому особенно актуально рассмотреть отдых как важный процесс восстановления, способствующий снижению уровня стресса и улучшению общего самочувствия.

Среди современных исследований, посвященных восстановлению, особое внимание заслуживает концепция С. Зоннентаг [2]. Она рассматривает восстановление как психофизиологический процесс, способствующий расслаблению и противостоящему рабочему напряжению [3]. Зоннентаг и др. выделяют два ключевых аспекта восстановления: первый — это сам процесс, который включает в себя деятельность (recovery activities) и переживания, опыты восстановления (recovery experiences) во время отдыха; а второй — это результат восстановления, то есть психологическое и/или физиологическое состояние человека после отдыха.

В ранних исследованиях акцент делался на анализе отдыха как специфической деятельности или состоянии, возникающем после этой деятельности. В контексте данного направления авторы обсуждали, какие типы активностей способствуют наиболее эффективному восстановлению после трудовой деятельности, какое соотношение проактивного и реактивного отдыха оптимально для достижения наилучших результатов восстановления, а также как творческая и/или физическая активность влияют на психофизиологические ресурсы индивида. К примеру, было выявлено, что активные виды досуга, как встречи с друзьями, связаны с улучшением самочувствия [4]. Физическая активность также положительно влияет на бодрость и эмоциональное состояние [5,6], в то время как творческая деятельность способствует креативности на работе и вовлеченности сотрудников [7]. Результаты исследований по пассивным видам досуга неоднозначны: некоторые показывают положительное влияние на благополучие [4], другие — нет [8]. Важным фактором является мотивация: внутренняя мотивация может компенсировать негативные эффекты деятельности с высоким уровнем нагрузки, а также усиливает положительное влияние на восстановление видов активности с низким уровнем нагрузки [9]. Противоречивые результаты показали, что необходимо расширить контекст изучения отдыха, сосредоточившись не только на том, что люди делают, но и на том, что они чувствуют во время отдыха, а именно на переживаниях, опытах восстановления.

Зоннентаг и Фритц предложили четыре различных опыта восстановления: психологическая отстраненность (дистанцирование), релаксация (расслабление), мастерство и контроль [2]. Психологическая отстраненность относится к субъективному переживанию оставления работы позади, к «отключению» и забвению о работе в нерабочее время. Релаксация описывает переживание низкой симпатической активации и связано с физиологическим и психологическим чувством расслабления. Опыт мастерства возникает в сложных ситуациях, которые приводят к некоторому успеху или достижениям, например, при изучении нового языка или при занятии сложным хобби. Контроль отражает опыт самостоятельного принятия решения о том, что делать в нерабочее время и как это делать.

Основываясь на теории сохранения ресурсов [10] и модели восстановления усилий [11] авторы разработали опросник опыта восстановления «The Recovery Experience Questionnaire» (REQ). Данная методика демонстрирует удовлетворительные психометрические свойства, включая высокий внутренний коэффициент согласованности для всех шкал на уровне 0,85.

Эмпирические исследования показали, опыты восстановления коррелируют с показателями благополучия. Так сотрудники, которые отстраняются от работы в нерабочее время, сообщают о более низком уровне психологического напряжения и физических жалоб, более низком уровне истощения и меньшей потребности в восстановлении [12]. Они испытывают более высокий уровень энергии на работе, более низкий уровень конфликта между работой и семьей и более высокий уровень удовлетворенности жизнью [13, 14, 15].

Сотрудники, которые испытывают более высокий уровень расслабления в нерабочее время, испытывают более низкий уровень психологического стресса и физических жалоб, а также более высокий уровень субъективного самочувствия [16]. Они испытывают более низкий уровень рабоче-семейного конфликта и более удовлетворены

своей жизнью в целом [17].

Опыт овладения мастерством в нерабочее время связан с более низким уровнем психологического стресса и физических жалоб, а также более высоким уровнем энергии на работе [16, 18].

Сотрудники, которые испытывают контроль в нерабочее время, сообщают о более низких уровнях психологического стресса и физических жалоб, имеют меньшую потребность в восстановлении и имеют лучшее субъективное здоровье [16].

Подводя итог, можно сказать, что результаты для всех четырех различных случаев восстановления похожи, однако наиболее последовательная картина сложилась для расслабления и психологической отстраненности – двух переживаний, которые фокусируются на физиологическом и ментальном раскручивании и дистанцировании от работы. Результаты менее последовательны в отношении мастерства и контроля, которые, однако, также связаны с повышением уровня благополучия сотрудника.

В настоящее время опросник восстановления представлен на многих языках и находит широкое применение в зарубежных странах, включая Испанию [19], Южную Корею [20], Финляндию [21], Японию [16], Южную Африку [22], Нидерланды [23], Швецию [24], Перу [25], Литву [26], Бразилию [27] и Францию [28], что подчеркивает универсальную значимость и полезность REQ. Подобно другим регионам, концепция восстановления может оказаться полезной для исследования и практики благополучия работников в России. Цель данного исследования заключается в валидации REQ на выборке российских работников из различных профессий. В частности, было проанализировано его факторное и конструктивное соответствие, а также надежность, измеряемая через внутреннюю согласованность.

МЕТОДЫ

Опросник опыта восстановления (REQ) представляет собой шкалу, состоящую из 16 пунктов, предназначенную для самооценки навыков восстановления после работы, охватывающих четыре ключевые области: психологическую отстраненность (4 пункта), расслабление (4 пункта), мастерство (4 пункта) и контроль (4 пункта):

- Подшкала психологической отстраненности оценивает способность личности дистанцироваться от профессиональных обязанностей, позволяя забыть о них вне рабочего контекста («Я дистанцируюсь от своей работы» или «Я отдаю от требований своей работы»).
- Подшкала расслабления (релаксации) измеряет, насколько человек способен расслабиться в свободнее время, и включает такие пункты, как «Я занимаюсь расслабляющими вещами» или «Я использую свободное время для расслабления».
- Подшкала мастерства исследует открытость личности к новым и сложным вызовам вне профессиональной среды («Я стремлюсь к интеллектуальным вызовам» или «Я занимаюсь вещами, которые помогают мне расширить кругозор»).
- Подшкала контроля фокусируется на восприятии людьми того, в какой степени они могут контролировать свою жизнь и расписание, например, «Я сам решаю, как потратить своё время».

Участникам предлагается оценить каждое из 16 утверждений по пятибалльной шкале

Лайкерта, где 1 соответствует «Полностью не согласен», а 5 — «Полностью согласен». Оценка REQ для каждой подшкалы формируется как сумма ответов на соответствующие пункты, колеблющаяся от 4 до 20, где более высокие значения указывают на более высокий уровень восстановления.

Для адаптации русскоязычной версии опросника REQ был выполнен как прямой, так и обратный перевод с последующей корректировкой вопросов, чтобы они соответствовали естественному разговорному стилю.

Итоговая версия опросника приведена в таблице 1.

Таблица 1 – Русскоязычная версия методики «Опросник опыта восстановления» (REQ-R).

Подшкала	№	Пункт
Психологическая отстраненность	1.	Я забываю о работе.
	2.	Я совсем не думаю о своей работе.
	3.	Я дистанцируюсь от своей работы.
	4.	Я отдыхаю от требований своей работы.
Расслабление	5.	Я отдыхаю и расслабляюсь.
	6.	Я занимаюсь расслабляющими вещами.
	7.	Я использую свободное время для расслабления.
	8.	Я уделяю время досугу.
Мастерство	9.	Я учусь чему-нибудь новому
	10.	Я стремлюсь к интеллектуальным вызовам.
	11.	Я занимаюсь вещами, которые ставят передо мной новые вызовы.
	12.	Я занимаюсь вещами, которые помогают мне расширить кругозор.
Контроль	13.	Я чувствую, что сам могу решать, чем заняться
	14.	Я сам регулирую своё расписание.
	15.	Я сам решаю, как потратить своё время.
	16.	Я занимаюсь делами так, как хочу.
Примечание: Опросник начинается со слов: «Пожалуйста, укажите, в какой степени вы согласны или не согласны со следующими утверждениями о вашей деятельности после рабочего дня», где 1 — «Полностью не согласен», а 5 — «Полностью согласен».		

Для проверки конвергентной валидности опросника использовали следующие методики:

1. Методика «Субъективный баланс работы и личной жизни» (А.Н. Моспан, Е.Н. Осин и

др., 2016) [\[29\]](#);

2. Шкала субъективного благополучия (A. Perrudet—Badoux, G. Mendelsohn, J. Chiche, в адаптации М.В. Соколовой, 1996) [\[30\]](#);

3 . Опросник вовлечённости «UWES» (W. Schaufeli, в адаптации Д.А. Кутузовой, 2006) [\[31\]](#);

4. Опросник Большой пятерки «BFI-2-S» (O. John, C. Soto, в адаптации С.А. Щебетенко, А.Ю. Калугин и др., 2022) [\[32\]](#);

5 . Пятифакторный опросник осознанности «FFMQ» (R. Baer et al., в адаптации Н.М. Юматовой, Н. В. Гришиной, 2013) [\[33\]](#);

6 . Опросник копинг-поведение в стрессовых ситуациях «CISS» (N. Endler, J. Parker, в адаптации Т.Л. Крюковой, 2001) [\[34\]](#);

7. Шкала организационного стресса «ШОС» (A. McLean, в адаптации Н.Е. Водопьяновой, 1999) [\[35\]](#).

В исследовании участвовали 302 человека в возрасте от 20 до 40 лет (средний возраст – 32,27 года, средний стаж – 11,53 года.), из которых 140 мужчин и 162 женщины. Все участники заполняли онлайн-анкету на добровольной основе, процесс участия не предусматривал материального или иного поощрения. Были представлены представители следующих профессиональных сфер: образование (20,5%), психология (17,5%), ИТ (16,5%), HR (14%), общепит (14%), SMM и маркетинг (10,5%), промышленность (5%) и д.р.

В процессе оценки факторной достоверности был осуществлён предварительный факторный анализ, в ходе которого все 16 элементов были включены с использованием невзвешенного метода наименьших квадратов. Были выделены факторы, обладающие собственными значениями, превышающими единицу, после чего были получены факторные структуры с использованием вращения Promax. Далее было выполнено подтверждающее факторное исследование, в рамках которого было проведено сравнение соответствия однофакторной модели, предполагающей, что все элементы, измеряющие четыре конструкта, влияют на единый общий фактор восстановления, и соответствия четырехфакторной модели, которая подразумевает, что каждый элемент воздействует на отдельный гипотетический фактор. При оценке валидности конструкта была исследована взаимосвязь опыта восстановления с потенциальными предикторами, такими как личностные характеристики, осознанность и стратегии копинга, а также его последствиями, включая субъективное благополучие, вовлеченность в трудовую деятельность и баланс между работой и личной жизнью. В процессе оценки внутренней согласованности были рассчитаны значения коэффициента альфа Кронбаха.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Мы оценили межэлементные корреляции и обнаружили, что все элементы были значительно коррелированы друг с другом, со значениями $p < 0,01$. Кроме того, элементы в пределах каждой подшкалы показали более сильные корреляции между собой, чем с элементами из других измерений.

Исследовательский факторный анализ подтвердил четырехфакторную структуру с собственными значениями больше единицы для каждого фактора: релаксация, контроль,

мастерство и психологическая отстраненность. Межфакторные корреляции варьировались от 0,31 до 0,63.

Мы сравнили индексы соответствия между однофакторной (Модель 1) и четырехфакторной (Модель 2) моделями. Результаты, представленные в таблице 2, показывают, что четырехфакторная модель соответствует данным значительно лучше, чем однофакторная модель.

Таблица 2 – Результаты конфирматорного факторного анализа: сравнение индексов соответствия между однофакторной и четырехфакторной моделями.

Модель	GFI	TLI	CFI	PNFI	RMSEA
Модель 1	0,49	0,51	0,54	0,51	0,216
Модель 2	0,91	0,93	0,95	0,83	0,063

Корреляции между латентными факторами были значимыми при $p < 0,01$ и варьировались от 0,33 до 0,65, в частности, между психологической отстраненностью и релаксацией (0,65), мастерством (0,33) и контролем (0,41); между релаксацией и мастерством (0,53) и контролем (0,61); и между мастерством и контролем (0,53). Факторные нагрузки были значимыми при $p < 0,001$ и высокими, в диапазоне от 0,731 до 0,957.

Мы оценили внутреннюю согласованность и обнаружили, что надежность шкалы REQ удовлетворительна, с высокой внутренней согласованностью: психологическая отстраненность (α Кронбаха = 0,85), расслабление (α Кронбаха = 0,91), мастерство (α Кронбаха = 0,89) и контроль (α Кронбаха = 0,87).

Внешняя валидность исследования была оценена через корреляционный анализ, который позволил выявить связи между измерениями шкалы и другими конструкциями, с которыми они теоретически коррелируют. Результаты, представленные ниже в таблице 3, указывают на положительную связь между опытами восстановления и такими факторами, как субъективное благополучие и баланс между работой и личной жизнью.

Таблица 3 – Корреляции измерений опыта восстановления с потенциальными предикторами и последствиями

	Психологическая отстраненность	Расслабление	Мастерство	Контроль
Общая оценка баланса	0,45**	0,49**	0,27*	0,31*
Субъективное благополучие	0,42**	0,45**	0,35**	0,37**
Общая оценка вовлеченности	-0,35**	0,21**	0,36**	0,19*
Открытость опыта	0,11	0,13	0,24**	0,07
Осознанность	0,58**	0,45**	0,33*	0,40**
Проблемно- ориентированный	0,18	0,21	0,13	0,22*

копинг				
Эмоционально-ориентированный копинг	0,31*	0,32*	0,14*	0,17*
Копинг, ориентированный на избегание	0,27*	-0,05	0,08	-0,07
Организационный стресс	-0,46**	-0,44**	-0,38*	-0,21*

Примечание:

** p < 0,01

* p < 0,05

Кроме того, анализ демонстрирует наличие положительных корреляций между осознанностью и всеми шкалами восстановления. Эта связь может быть объяснена тем, что осознанность способствует улучшению эмоциональной регуляции и снижению стресса, что, в свою очередь, облегчает процессы расслабления и дистанцирования от негативных переживаний, связанных с работой. Также осознанность дает возможность лучше понимать и контролировать свои реакции, выбирать наиболее эффективные пути восстановления в моменте.

Все шкалы опыта восстановления негативно коррелируют с уровнем восприимчивости к стрессу, что может указывать на то, что у сотрудников, более подверженных стрессу в рабочих условиях, возникают трудности с восстановлением после негативных ситуаций. На фоне этого следует отметить, что взаимосвязи с личностными характеристиками и способами совладания (копингами) оказались на низком уровне, аналогично результатам, полученным в оригинальном исследовании.

Интересно, что вовлеченность положительно связана с такими аспектами восстановления, как расслабление, мастерство и контроль, тогда как психологическая отстраненность демонстрирует обратную зависимость. Аналогичные данные были найдены при апробации результатов на других выборках (например, в Японии).

ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русскоязычная адаптация «Опросник опыта восстановления» демонстрирует удовлетворительные показатели внутренней согласованности, сопоставимые с данными оригинального инструмента.

Факторный анализ (CFA) подтвердил четырехфакторную структуру (психологическая отстраненность, релаксация, мастерство и контроль). Четырехфакторная модель показала значительно лучшее соответствие по сравнению с однофакторной, что подтверждает ее целесообразность для оценки различных аспектов восстановления. Коэффициенты альфа Кронбаха для каждой подшкалы превышают 0,85, что свидетельствует о высокой внутренней надежности опросника.

Наши результаты выявили значимые связи между опытами восстановления и такими показателями, как общая оценка баланса работы и личной жизнью, субъективное благополучие и осознанность, что поддерживает теории о том, что положительный опыт

восстановления может смягчить негативные последствия профессионального стресса. В то же время восприимчивость к организационному стрессу, как фактор, потенциально препятствующий восстановлению, отрицательно связан со всеми подшкалами.

Ключевым моментом является то, что мы сохранили оригинальные пункты опросника, что позволяет сопоставлять результаты в различных странах и среди разных профессиональных групп. Тем не менее, исследование имеет ограничения, включая небольшой объем выборки (302 человека). Будущие исследования должны включать более разнообразные профессиональные группы для дальнейшего подтверждения надежности REQ-R. Несмотря на размер выборки, полученные результаты показывают достаточную статистическую значимость для заключения о надежности проведенных измерений.

Библиография

1. Кольцова, Е.А. Представления работников российских организаций о балансе между работой и личной жизнью // Психология. Журнал ВШЭ. 2014. № 2. С. 160-168.
2. Sonnentag, S., Venz, L., Casper, A. Advances in recovery research: What have we learned? What should be done next? // Journal of Occupational Health Psychology. 2017. № 22 (3). Pp. 365-380. doi:10.1037/ocp0000079.
3. Sonnentag, S. Work, recovery activities, and individual well-being: A diary study // Journal of Occupational Health Psychology. 2001. No. 6. Pp. 196-210. doi:10.1037/1076-8998.6.3.196.
4. Oerlemans, W.G.M., Bakker, A.B. Burnout and daily recovery: A day reconstruction study // Journal of Occupational Health Psychology. 2014. No. 19. Pp. 303-314. doi:10.1037/a0036904.
5. Feuerhahn, N., Sonnentag, S., Woll, A. Exercise after work, psychological mediators, and affect: A day-level study // European Journal of Work and Organizational Psychology. 2014. No. 23. Pp. 62-79. doi:10.1080/1359432X.2012.709965.
6. Nägel, I., Sonnentag, S., Kühnel, J. Motives matter: A diary study on the relationship between job stressors and exercise after work // International Journal of Stress Management. 2015. No. 22. Pp. 346-371. doi:10.1037/a0039115.
7. Eschleman, K.J., Madsen, J., Alarcon, G., Barelka, A. Benefiting from creative activity: The positive relationship between creative activity, recovery experiences, and performance-related outcomes // Journal of Occupational and Organizational Psychology. 2014. No. 87. Pp. 579-598. doi:10.1111/joop.12064.
8. Oerlemans, W.G.M., Bakker, A.B., Demerouti, E. How feeling happy during off-job activities helps successful recovery from work: A day reconstruction study // Work & Stress. 2014. No. 28. Pp. 198-216.
9. ten Brummelhuis, L.L., Trougakos, J.P. The recovery potential of intrinsically versus extrinsically motivated off-job activities // Journal of Occupational and Organizational Psychology. 2014. No. 87. Pp. 177-199. doi:10.1111/joop.12050.
10. Hobfoll, S.E. Conservation of resources // American Psychologist. 1998. No. 44. Pp. 513-524.
11. Meijman, T.F., Mulder, G. Psychological aspects of workload // Drenth, P.J.D., Thierry, H. (Eds.). Handbook of Work and Organizational Psychology. Hove, England: Psychology Press, 1998. Pp. 5-33.
12. Moreno-Jiménez, B., Mayo, M., Sanz-Vergel, A.I., Geurts, S., RodríguezMuñoz, A., Garrosa, E. Effects of work-family conflict on employees' well-being: The moderating role of recovery strategies // Journal of Occupational Health Psychology. 2009. No. 14. Pp. 427-440. doi:10.1037/a0016739.
13. Kinnunen, U., Mauno, S., Siltaloppi, M. Job insecurity, recovery, and well-being at work:

- Recovery experiences as moderators // Economic and Industrial Democracy. 2010. No. 31. Pp. 179-194. doi:10.1177/0143831X09358366.
14. Molino, M., Cortese, C. G., Bakker, A. B., Ghislieri, C. Do recovery experiences moderate the relationship between workload and work-family conflict? // Career Development International. 2015. No. 20. Pp. 686-702. doi: 10.1108/CDI-01-2015-0011.
15. Lee, K.-H., Choo, S.-W., Hyun, S. S. Effects of recovery experiences on hotel employees' subjective well-being // International Journal of Hospitality Management. 2016. No. 52. Pp. 1-12. doi: 10.1016/j.ijhm.2015.04.002.
16. Shimazu, A., Sonnentag, S., Kubota, K., Kawakami, N. Validation of the Japanese version of the Recovery Experience Questionnaire // Journal of Occupational Health. 2012. No. 54. Pp. 196-205. doi: 10.1539/joh.11-0220-OA.
17. Park, Y., Fritz, C. Spousal recovery support, recovery experiences, and life satisfaction crossover among dual-earner couples // Journal of Applied Psychology. 2015. No. 100. Pp. 557-566. doi: 10.1037/a0037894.
18. de Bloom, J., Kinnunen, U., Korpela, K. Recovery processes during and after work: Associations with health, work engagement, and job performance // Journal of Occupational and Environmental Medicine. 2015. No. 57. Pp. 732-742. doi: 10.1097/JOM.0000000000000475.
19. Sanz-Vergel, A. I., Demerouti, E., Moreno-Jiménez, B., Mayo, M. Work-family balance and energy: a day-level study on recovery conditions // Journal of Vocational Behavior. 2010. No. 76. Pp. 118-130. doi: 10.1016/j.jvb.2009.07.001.
20. Park, H. I., Park, Y., Kim, M., Hur, T. A validation study of a Korean version of the recovery experience questionnaire // Korean Journal of Industrial and Organizational Psychology. 2011. No. 24. Pp. 523-552. doi: 10.24230/kjip.v24i3.523-552.
21. Kinnunen, U., Feldt, T., Siltaloppi, M., Sonnentag, S. Job demands-resources model in the context of recovery: testing recovery experiences as mediators // European Journal of Work and Organizational Psychology. 2011. No. 20. Pp. 805-832. doi: 10.1080/1359432X.2010.524411.
22. Mostert, K., Els, C. The psychometric properties of the recovery experiences questionnaire of employees in a higher education institution. // Journal of Psychology in Africa. 2015. No. 25. Pp. 37-43. doi: 10.1080/14330237.2014.997006.
23. Bakker, A. B., Sanz-Vergel, A. I., Rodríguez-Muñoz, A., Oerlemans, W. G. M. The state version of the recovery experience questionnaire: a multilevel confirmatory factor analysis // European Journal of Work and Organizational Psychology. 2015. No. 24. Pp. 350-359. doi: 10.1080/1359432X.2014.903242.
24. Almén, N., Lundberg, H., Sundin, Ö., Jansson, B. The reliability and factorial validity of the Swedish version of the recovery experience questionnaire // Nordic Psychology. 2018. No. 70. Pp. 324-333. doi: 10.1080/19012276.2018.1443280.
25. Carranza Esteban, R. F., Mamani-Benito, O., Zúñiga, D. Q., Turpo Chaparro, J. E., Romero, A. A., Murillo, W. Psychometric properties of the recovery experiences questionnaire in Peruvian teachers of regular basic education // Frontiers in Education. 2022. No. 7. Article 919697. doi: 10.3389/feduc.2022.919697.
26. Kazlauskas, E., Dumarkaitė, A., Gelezelyte, O., Nomeikaite, A., Zelvienė, P. Validation of the recovery experience questionnaire in Lithuanian healthcare personnel // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2023. No. 20. Article 2734. doi: 10.3390/ijerph20032734.
27. Pérez-Nebra, A. R., Pedersoli, M. M., Rodrigues, A., Rodrigues, C. M. L., Queiroga, F. Recovery experience questionnaire: validity evidence of the Brazilian-Portuguese version // Ciência & Saúde Coletiva. 2023. No. 28. Pp. 3383-3394. doi: 10.1590/1413-812320232811.13692022.

28. Le Moal, M., Thurik, R., Torrès, O. Validation and psychometric evaluation of the French version of the recovery experience questionnaire: internal consistency and validity assessment // Frontiers in Psychology. 2024. No. 15. Article 1466905.
29. Моспан, А.Н., Осин, Е.Н., Иванова, Т.Ю., Рассказова, Е.И., Бобров, В.В. Баланс работы и личной жизни у сотрудников российского производственного предприятия // Организационная психология. 2016. № 6(2). С. 8-29.
30. Соколова, М.В. Шкала субъективного благополучия. 2-е издание. Ярославль: НПЦ "Психодиагностика", 1996. 14 с.
31. Кутузова, Д.А. Организация деятельности и стиль саморегуляции как факторы профессионального выгорания педагога-психолога: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук, 2006.
32. Калугин, А.Ю., Щебетенко, С.А., Мишкевич, А.М., Сото, К.Д., Джон, О. П. Психометрика русскоязычной версии Big five inventory-2 // Психология. Журнал ВШЭ. 2021. № 1.
33. Юматова, Н.М., Гришина, Н.В. Осознанность (Mindfulness): психологические характеристики и инструменты измерения // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. 2013. Т. 1. С. 267-273.
34. Крюкова, Т.Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Кострома: КГУ, 2010.
35. Водопьянова, Н.Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является адаптация русскоязычной версии опросника «The Recovery Experience Questionnaire» С. Зоннентаг.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, опросный метод (онлайн-анкетирование), а также, непосредственно сам опросник «The Recovery Experience Questionnaire» С. Зоннентаг; шкала Лайкерта; методика «Субъективный баланс работы и личной жизни» (А.Н. Моспан, Е.Н. Осин и др.); шкала субъективного благополучия (A. Perrudet-Badoux, G. Mendelsohn, J. Chiche в адаптации М.В. Соколовой); опросник вовлечённости «UWES» (W. Schaufeli в адаптации Д.А. Кутузовой); опросник Большой пятерки «BFI-2-S» (O. John, C. Soto в адаптации С.А. Щебетенко, А.Ю. Калугин и др.); пятифакторный опросник осознанности «FFMQ» (R. Baer et al. в адаптации Н.М. Юматовой, Н. В. Гришиной); опросник копинг-поведение в стрессовых ситуациях «CISS» (N. Endler, J. Parker в адаптации Т.Л. Крюковой); шкала организационного стресса «ШОС» (A. McLean в адаптации Н.Е. Водопьяновой) и методы математической статистики.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку в современных условиях трудовых отношений нагрузка на работников организаций, независимо от сферы профессиональной реализации, постоянно возрастает. Такая повышенная нагрузка на сотрудника приводит к различным негативным последствиям как для самого работника, так и для организации, поэтому важное значение имеет соблюдение баланса между профессиональной деятельностью и личной жизнью, полноценным отдыхом, восстановлением работающего человека. В этом контексте адаптация русскоязычной версии опросника «The Recovery Experience Questionnaire» С. Зоннентаг (REQ) представляет научный интерес в сообществе ученых и, безусловно, практический

интерес в профессиональном сообществе.

Научная новизна исследования заключается проведении по авторской методике исследования, направленного на «валидацию REQ на выборке российских работников», которые являлись представителями различных профессий. «Было проанализировано его факторное и конструктивное соответствие, а также надежность, измеряемая через внутреннюю согласованность». В исследовании приняли участие 302 респондента.

Статья написана языком научного стиля с применением в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования, а также анализом результатов исследования.

Структура статьи, в целом выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. В структуре данного исследования представлены такие элементы как введение, методы, результаты и их обсуждение, выводы и заключение, библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет выявленная и отмеченная в представленной статье тенденции, что «сотрудники, которые испытывают более высокий уровень расслабления в нерабочее время, испытывают более низкий уровень психологического стресса и физических жалоб, а также более высокий уровень субъективного самочувствия. Они испытывают более низкий уровень рабоче-семейного конфликта и более удовлетворены своей жизнью в целом».

Библиография содержит 35 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания.

В статье приводится анализ исследований ученых по вопросам возможностей использования и особенностей применения опросника «The Recovery Experience Questionnaire» С. Зоннентаг на русском языке. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающийся предметной области исследования. В частности, отмечается, «результаты выявили значимые связи между опытами восстановления и такими показателями, как общая оценка баланса работы и личной жизнью, субъективное благополучие и осознанность, что поддерживает теории о том, что положительный опыт восстановления может смягчить негативные последствия профессионального стресса. В то же время восприимчивость к организационному стрессу, как фактор, потенциально препятствующий восстановлению, отрицательно связан со всеми подшкалами».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, психологами, психотерапевтами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что в структуре статьи целесообразно было бы выделить раздел с обзором литературы, а также описать в качестве самостоятельных структурных элементов выводы и, отдельно, заключение, которое, как правило, создает впечатление логической завершенности и законченности исследования, а не объединять совместно эти два элемента структуры научной статьи. Указанные недостатки не снижают научную и практическую значимость самого исследования, а скорее, относятся к особенностям оформления текста статьи. С учетом незначительности замечаний и после устранения выявленных недостатков рукопись рекомендуется опубликовать.

Психология и Психотехника*Правильная ссылка на статью:*

Алимова А.О., Главатских М.М., Шиловская Н.В., Цверков С.П., Земляков И.Ю., Благоразумова М.Г. Психофизиологические корреляты стресс-реакции в процессе нейрофеноменологического интервью подростков с хроническими заболеваниями // Психология и Психотехника. 2025. № 1. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.1.73818 EDN: ZIMVAA URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=73818

Психофизиологические корреляты стресс-реакции в процессе нейрофеноменологического интервью подростков с хроническими заболеваниями

Алимова Анна Олеговна

ORCID: 0009-0007-2838-0403

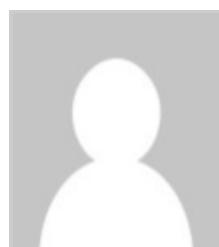
ассистент; институт Образования и гуманитарных наук; Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
магистр; институт Образования и гуманитарных наук; Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

236041, Россия, Калининградская обл., г. Калининград, Ленинградский р-н, ул. АНевского, д. 14

✉ alimovaanna38@gmail.com

Главатских Марианна Михайловна

кандидат психологических наук

доцент; руководитель образовательных программ Высшей школы образования и психологии, доцент
ОНК "Институт образования и гуманитарных наук"; Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

236041, Россия, Калининградская обл., г. Калининград, Ленинградский р-н, ул. АНевского, д. 14

✉ MGlavatskikh@kantiana.ru

Шиловская Наталья Витальевна

ORCID: 0009-0001-7880-0644

старший преподаватель; институт Образования и гуманитарных наук; Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
аспирант; институт Образования и гуманитарных наук; Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

236041, Россия, Калининградская обл., г. Калининград, Ленинградский р-н, ул. АНевского, д. 14

✉ snatalia108@gmail.com

Цверков Станислав Петрович

ORCID: 0009-0007-5025-0912

и.о. главного врача; Федеральное государственное бюджетное учреждение детский
психоневрологический санаторий "Теремок" министерства здравоохранения Российской Федерации

238326, Россия, Калининградская обл., Зеленоградский р-н, г. Зеленоградск, ул. Октябрьская, д. 13

✉ mail@tsverkov.ru

Земляков Иван Юрьевич

кандидат медицинских наук

ст. научный сотрудник лаборатории робототехники; Томский НИИКиф ФФГБУ ФНКЦ МРиК ФМБА
России (НИИ Курортологии)

634009, Россия, Томская обл., г. Томск, ул. Розы Люксембург, д. 1

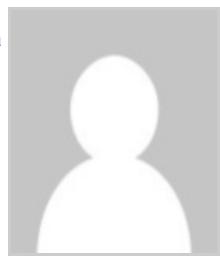
✉ iyzem.70@mail.ru

Благоразумова Мария Геннадьевна

преподаватель; кафедра педагогики, психологии и психосоматической медицины; Ижевская государственная медицинская академия

426056, Россия, Удмуртская Респ, г. Ижевск, ул. Коммунаров, д. 281

✉ Moongirl8@yandex.ru

[Статья из рубрики "Клиническая психология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.1.73818

EDN:

ZIMVAA

Дата направления статьи в редакцию:

24-03-2025

Аннотация: Качественное измерение уровня стресса исключительно с использованием субъективных опросников представляет собой значительную трудность, особенно в случае подростков. Это связано с тем, что у этой возрастной группы часто наблюдается недостаточная рефлексия и осознанность своих эмоциональных состояний и переживаний. Таким образом, полная оценка уровня стресса требует более комплексного подхода. Предметом исследования являются нейропсихофизиологические корреляты стресс-реакции у подростков и их механизмы совладания с ними. В данной статье производится анализ результатов исследования, целью которого стало объединение информации, полученной из двух физиологических сигналов: кожногальванической реакции (КГР) и функциональной пригодности организма (ФПГ). Эти данные используются для изучения нейропсихофизиологических коррелятов стресс-реакции, а также механизма совладания с ней у подростков. Исследование проводилось в ходе нейрофеноменологического интервью, что позволяет глубже понять внутренние процессы, протекающие во время стресса, и их влияние на психическое здоровье подростков. Фиксирование физиологических показателей КГР и ФПГ производилось на аппарате биологической обратной связи (БОС) «Реакор» в процессе нейрофеноменологического интервью. Все вопросы были разделены по темам. В работе рассматривались два периода: период прослушивания вопроса, который задает интервьюер, и период ответа на вопрос. В ходе проведения исследования были выявлены значительные различия, которые связаны с половыми и возрастными характеристиками испытуемых. Эти различия заключаются в выборе и применении различных базовых копинг-стратегий, которые подростки используют для управления стрессом и тревогой. Процессы регуляции и применение копинг-стратегий более активно наблюдается у девочек. Дополнительно были выделены ключевые сферы жизни, которые, возможно, вносят значительный вклад в развитие тревожного состояния у

данной возрастной группы. Комбинирование психофизиологических проб с психодиагностическими методами представляет собой инновационный подход, который позволяет выявить психические процессы, остающиеся незамеченными при использовании стандартных субъективных опросников. Этот многогранный подход может способствовать разработке эффективных программ поддержки и коррекции тревожного состояния у подростков, помогая им справляться с трудностями и улучшать общее психическое состояние.

Ключевые слова:

Психофизиологические корреляты, Стресс-реакция, Тревожность, Копинг-стратегия, Совладающее поведение, Кожно-гальваническая реакция, Фотоплетизмография, Нейрофеноменологическое интервью, Онкологические заболевания, Хронические заболевания

Наличие хронических заболеваний, таких как невротические расстройства, мигрень, атипичный аутизм, вызывает стресс, тревогу, депрессию, посттравматическое стрессовое расстройство и нейрокогнитивные нарушения, причиной которых является угроза инвалидизации, социальной изоляции и смерти [1]. Наличие стресса оказывает негативное влияние на качество жизни и уровень социального функционирования [2]. Исследование проводилось на примере подростков с онкозаболеваниями в ремиссии. В экспериментальных исследованиях установлен механизм прямой связи между дистрессом и прогрессированием опухолевого процесса [3,4].

Течение многих хронических заболеваний, особенно в детском и подростковом возрасте, во многих случаях вызывает развитие стресса, что сопровождается определёнными нарушениями психологического статуса: тревожные и депрессивные состояния, нейрокогнитивные нарушения и другие. В результате длительного стресса возникают угрозы возникновения других патологий, инвалидизации снижение качества жизни и уровня социального функционирования вплоть до социальной изоляции, а также уменьшение продолжительности жизни [1,2]. Таким образом, исследование взаимного влияния стрессового состояния организма на ход патологического процесса является не только медицинской, психологической задачей, но имеет существенное социальное значение.

Имеются данные о наличии механизма прямой связи между дистрессом и прогрессированием онкологических заболеваний [3,4]. Однако в обзоре [3] ничего не говорится о возрасте пациентов, а в работе [4] приведены результаты исследования группы людей пожилого возраста, страдающих лейкимией. Вместе с тем исследования связи дистресса и течения онкологического процесса у детей и подростков, имеющих высокую психологическую лабильность, по нашим данным не проводились, что объясняет настоятельную необходимость их проведения.

В настоящее время большое внимание уделяется изучению особенностей совладающего поведения у больных, поскольку от того, насколько эффективны используемые пациентом варианты преодоления стресса, зависят перспектива психической адаптации к болезни и лечению, успешность реабилитации и качество жизни больного [5]. Исследуется стресс-реакция и в связи с проблемой конфликта. Поскольку конфликт связан с эмоциями и вызывает сильные реакции на поведенческом, физиологическом и

нейронном уровне. В исследовании [6] авторы искали нейронные и психофизиологические показатели, когда субъектам приходится иметь дело с темами, связанными с конфликтом. Исследование показало, что предложения, связанные с конфликтом в целом, среди прочих эффектов, приводили к более высокой реактивности проводимости кожи (КГР) и усиленной активации передней поясной извилины во всей группе здоровых субъектов [7]. Из вышесказанного, можно предположить, что важно сочетание оценки стресс-совладающего поведения при влиянии стресс-фактора.

Качественно измерить стресс-факторы только на основе субъективного опросника не предоставляется возможным по причинам, связанным с отсутствием или низким уровнем рефлексии и осознанности в подростковом возрасте, оценка психофизиологических показателей позволяет сделать это исследование более информативным и целостным. В данном исследовании феноменологическое интервью с оценкой психофизиологических показателей позволяет рассматривать качественный феноменологический метод исследования в связи с естественно-научным методом, что обеспечивает, на наш взгляд, более полное понимание человеческого сознания и поведения [8]. Нейрофеноменологический подход обосновывается в работе [9]. В данной работе [10-11] метод нейрофеноменологического интервью применялся в связи с изучением соматизации у молодежи. Подобный опыт был применен и ранее, например, в работах А.Р. Лурии в 1920-е гг. применил ассоциативный метод совместно с регистрацией времени реакции испытуемого на слова-раздражители для выявления скрытой информации [12].

Изменение эмоционального состояния человека сопровождается многими телесными реакциями. В психофизиологии традиционно эмоции изучались в связи с показателями активности вегетативной нервной системы (ВНС) такими, как кожно-галваническая реакция (КГР), фотоплетизмография (ФПГ) [13-14].

В исследованиях связи тревожно-стрессовых состояний и КГР под руководством Г.Г. Аракелова было выявлено, что фоновые физические колебания КГР и их интегративные показатели коррелируются с уровнем стрессовой тревожности. Такие показатели как количество колебаний в единицу времени, амплитуда колебаний и площадь под кривыми колебаний являются количественным и качественным индикатором тревожности [15].

Возможность использования фотоплетизмограммы (ФПГ) для исследования обусловлена тем, что тревога и стресс-факторы оказывают влияние на амплитуду ФПГ. При тревожном состоянии тонус резистивных сосудов возрастает, в то время как амплитуда ФПГ уменьшается. Этот корреляции могут быть использованы для оценки уровня тревоги и стрессоустойчивости в условиях случайно возникающих стресс-факторов.

Существует значимая физиологическая связь между вариациями амплитуды ФПГ и реакциями на стресс, а также когнитивной нагрузкой [16-17]. Это измерение дает важное представление о нейрофизиологических механизмах, лежащих в основе стресса, тревоги и депрессии [18-19].

ФПГ измеряет тонус периферических сосудов, на которые в первую очередь влияют норадренергические рецепторы, а также адренорецепторы. [20]. Эти различия могут дать важное представление о нейрофизиологических механизмах, лежащих в основе стресса, тревоги и депрессии [18-19].

Повышение кожно-галванической реакции (КГР), как результат увеличения

проводимости кожи, снижение амплитуды пульсовых волн (АСВ, как один из показателей ФПГ), как результат сужения просвета кровеносных периферических сосудов, является следствием активации симпатического отдела ВНС, активизирующейся во время стресса. [Плохотюк Е.Н. Обоснование мероприятий психофизиологического сопровождения военнослужащих, больных хроническим вирусным гепатитом С, получающих противовирусную терапию: дис. ... канд. мед. наук.- С., 2019.]

Анализ КГР показал, что уменьшение числа колебаний и их амплитуда связаны с включением процессов совладания со стрессовым состоянием в процессе актуализации. [Шишкова Н.Р. Психофизиологическая оценка уровня стресса: дис. ... псих. наук.- М., 2004. – С.133]. В состоянии релаксации происходит вазодилатация периферических сосудов, и амплитуда систолической волны увеличивается. Увеличение значений АСВ свидетельствует об усилении модулирующего влияния на периферические сосуды парасимпатического отдела ВНС. Это свидетельствует о наличие более высокого уровня стрессоустойчивости [\[21\]](#).

Регистрация вегетативных реакций не может быть использована в качестве прямого метод измерения информационных процессов, так как эти реакции протекают медленно и дают ответную реакцию с задержкой. Также они связаны с изменением функционального состояния и эмоциями. Однако, вегетативные показатели не обладают высокой чувствительностью [\[22\]](#).

Именно поэтому для более верной интерпретации результатов необходимо дополнительное изучение психофизиологических показателей совместно с электроэнцефалографией (ЭЭГ). Записи ЭЭГ отражают процессы активности нейронных сетей коры головного мозга человека, в свою очередь они являются психофизиологической основой когнитивных процессов [\[23\]](#).

Организация, структура и объем исследований

Данное пилотное исследование проводилось в рамках деятельности благотворительного центра, оказывающего помочь семьям с детьми, имеющими жизнеугрожающие заболевания, в том числе, онкологические. В экспериментальную выборку вошли 13 детей с онкологическими заболеваниями с благоприятным исходом терапии и находящиеся в ремиссии, средний срок ремиссии составляет 3,2 года (минимум - 6 месяцев., максимум - 7 лет), из них 53,8 % мальчиков и 46,2 % девочек. Средний возраст детей составляет 13,6 лет (мин. -11 лет, макс. - 18 лет). Заболевания находятся в состоянии ремиссии, выборка однородна относительно психологического состояния подростков, двигательной активности, процедур мониторинга здоровья, режима и организации жизни. Среди заболеваний представленных в выборке встречаются острый лимфобластный лейкоз, острый миелобластный лейкоз, медуллобластома, светлоклеточная саркома мягких тканей заушной области, нейробластома забрюшинного пространства, пинеобластома (4 грейд), смешанная герминогенно-клеточная опухоль левого яичника. Наиболее распространенным диагнозом является острый лимфобластный лейкоз (38,4 % случаев).

В процессе исследования было проведено нейрофеноменологическое интервью, во время которого фиксировал показатели КГР и ФПГ (табл. 1) с помощью биологической обратной связи (БОС) детей и подростков с хроническими заболеваниями и онкозаболеваниями в ремиссии. Группы сравнения по показателям будут описаны в отдельном исследовании.

Таблица 1 – Показатели физиологического уровня стресс-реакции организма

Показатель	Единицы измерения	Характеристика изучаемых функций
Кожно-гальваническая реакция	КГР, % Кожно-гальваническая реакция	Вегетативный компонент ориентировочной реакции организма, связанный с симпатической иннервацией
Фотоплетизмограмма (ФПГ)	АСВ ФПГ (рт) Амплитуда систолической волны	Отражает объемный кровоток в месте регистрации и состояние периферических сосудов

Во время проведения нейрофеноменологического интервью была проведена регистрация КГР (по И.Р. Тарханову) и ФПГ на аппарате биологической обратной связи (БОС) «Реакор», фирмы «Медиком МТД», Таганрог, Россия. Методика заключалась в регистрации показателей в состоянии покоя и при предъявлении испытуемым комплекса раздражителей.

Первые 5 минут фиксировались фоновые показатели, после чего испытуемый отвечал на вопросы, которых всего было 17 вопросов. Все вопросы были разделены по темам, которые отражали отношение испытуемого к болезни, лечению, выздоровлению, родным, учебе, сверстникам, врачам, будущему и к самому себе.

В работе рассматривались два периода: период прослушивания вопроса, который задает интервьюер, и период ответа на вопрос.

Для проверки на нормальность распределения мы опирались на статистический и графический метод оценки показателей. В таблице 2 приведены описательные статистики исследуемых параметров.

Таблица 2 – Описательные статистики исследуемых показателей

Название показателей	Минимум	Максимум	Медиана	Среднее	Стандартное отклонение	Асимметрия	Эксц
КГР при прослушивании вопроса	0,03	0,52	0,1750	0,1996	0,13081	0,968	0,74
КГР при ответе на вопрос	0,02	0,49	0,2167	0,2253	0,16452	0,222	-1,4
ФПГ при прослушивании вопроса	0,97	0,52	1,1080	1,1189	0,06945	0,109	-0,5
ФПГ при ответе на вопрос	0,03	0,52	1,1000	1,0969	0,082336	0,605	0,51

Были выведены нормы, а также определено, что при показателе КГР $> 0,3\%$ и АСВ ФПГ $< 1,15$ (рт) наблюдается возбуждение.

Далее в работе изучалась достоверность различий показателей КГР и ФПГ при

прослушивании вопроса и ответе на него. В ходе исследования не было выявлено достоверных различий.

Анализ проводился в общем массиве показателей. Были выявлены различия между старшим и младшим подростковым возрастом.

Выявлены статистически значимые различия по показателю КГР во время прослушивания вопросов №10 ($U= 5, p=0,029$) и №17 ($U= 6, p=0,037$). Показатель КГР при прослушивании вопроса №10 выше у младшего подросткового возраста (ср. знач. 0,0667), в то время как при прослушивании вопроса №17 показатель КГР выше у старшего подросткового возраста (ср. знач. 0,3800). Статистические различия показателей КГР при ответе на вопрос у старшего и младшего подросткового возраста не обнаружено.

Выявлены статистически значимые различия по показателю ФПГ во время прослушивания вопросов №5 ($U= 4, p=0,045$), №6 ($U= 5, p=0,042$), №7 ($U= 6, p=0,062$). Показатель ФПГ при прослушивании вопросов №5,6,7 выше у старшего подросткового возраста.

Выявлены статистически значимые различия по показателю ФПГ во время ответа на вопросы №1 ($U= 7, p=0,088$), №2 ($U= 6, p=0,062$), №5 ($U= 2, p=0,018$), №6 ($U= 6, p=0,062$), №7 ($U= 6, p=0,062$). Показатель ФПГ при прослушивании вопросов №1,2,5,6,7 выше у старшего подросткового возраста.

При исследовании различий между полом, были выявлены статистически значимые различия по показателям ФПГ при прослушивании вопроса и ответу на него ($U= 4, p=0,028$). Показатель ФПГ выше у девочек, чем у мальчиков.

Выявлены статистически значимые различия по показателю ФПГ во время прослушивания вопросов №1 ($U= 3, p=0,019$), №3 ($U= 6, p=0,062$), №5 ($U= 3, p=0,038$), №6 ($U= 4, p=0,028$), №7 ($U= 0, p=0,004$), №8 ($U= 0, p=0,004$), №9 ($U= 2, p=0,032$), №10 ($U= 3, p=0,019$), №11 ($U= 1, p=0,007$), №16 ($U= 7, p=0,088$). Показатель ФПГ при прослушивании вопросов №1,3,5-11,16 выше у девочек.

Обсуждение результатов

В исследовании были получены следующие результаты: показана разница различий по полу и возрастных различий, которая заключалась в использовании базовых копинг-стратегий ,что подтверждает данные и других исследователей [\[24\]](#).

При анализе значение КГР было выявлено, что большую реакцию на вопрос №10 «Что ты думаешь о себе? Какие мысли о себе у тебя возникают?» у подростков младшего возраста. В условиях социальной оценки подростки могут испытывать страх, тревогу, эмоциональное напряжение, гнев, что приводит к дезадаптивному поведению и соответствующим поведенческим реакциям. [\[25\]](#).

Эти состояния могут быть связаны с гетерохронностью развития мозговых структур у подростков. Разная скорость роста подкорковых лимбических областей по сравнению с корковыми областями контроля увеличивает эмоциональную реакцию. Префронтальная кора головного мозга, отвечающая за мышление, рассуждение, контроль поведения и регулирование эмоций, в этот период находится в активном созревании. Поэтому в эмоционально напряженных ситуациях подростки чаще действуют на основе чувств, а не логики. [\[26\]](#).

Однако на вопрос №17 «Какие у тебя планы на будущее?» большие значения по показателю КГР были у испытуемых старшего подросткового возраста. Это может быть связано с более развитыми когнитивными процессами, и более сформированными участками головного мозга. Информация о будущем может поступать в амигдалу через нейронные пути, связанные с когнитивными процессами. Некоторые исследования показывают, что активация префронтальной коры может влиять на активность амигдалы при ожидании потенциальной угрозы [27]. Это может объяснить, почему подросток можем чувствовать тревогу и беспокойство в отношении будущих событий, которые еще не произошли, основываясь на когнитивных оценках риска и вероятности.

Гипотетические события вызывают предвосхищающую эмоциональную реакцию со стороны передней части инсулы. Гиперактивность передней части инсулы можно наблюдать в преддверии негативных событий, связанных с отсутствием принятия решений или неопределенностью угрозы. Уже ассоциированные нейронные связи усиливаются при возникновении поведенческих паттернов и тревожных мыслей [28-29].

При анализе показателей ФПГ было выявлено, что на вопросы связанные со сферой отношений №5,6,7 (Когда ты думаешь о взаимодействии с родителями, что для тебя беспокоит/волнует?; Если говорить об общении со сверстниками, друзьями, что тебя волнует?; Когда ты думаешь о взаимодействии с врачами, что тебя волнует, беспокоит?) испытуемые старшего подросткового возраста дают более высокие показатели.

И.И. Ветрова [30] отмечает, что с возрастом у подростков увеличивается доля использования продуктивных копинг-стратегий. Связывают это с ростом способностей к ситуативной рефлексии в более старшем возрасте. Рефлексия и самоэффективность считаются важными личностными ресурсами, способствующими адаптации, однако недостаточно изучена их связь с другими ресурсами. Самоэффективность напрямую связана со всеми способами совладания, является предиктором и детерминирует их осознание и развитие. Рефлексия является предиктором ресурса «контроль напряжения», а рефлексия общения определяет способность управлять собственными ресурсами в ситуациях стресса [31].

Исследователи отмечают важную роль копинг-ресурсов в подростковом возрасте [32-34], которые помогают эффективно справляться с жизненными трудностями. Они могут быть связаны с гибкостью мышления, поведения, эмоционального реагирования. Все это обеспечивает переключение внимания с одной ситуации на другую [35]. Подростковый возраст, будучи переходным, характеризуется качественными изменениями, в основу которых легли формирования новых психологических и личностных качеств. В большей степени это связано с общением, которое играет ключевую роль в формировании новых психологических и личностных качеств подростка, влияя на его самосознание и личностную идентичность и моделей поведения в его социальной адаптации [36]. Активное развитие стиля совладания происходит именно в этот период через взаимодействие с родителями и сверстниками [37].

Стиль совладающего поведения представляет собой устойчивую личностную характеристику, активно формирующуюся в подростковом возрасте [30].

При исследовании гендерных различий было выявлено, что показатель ФПГ при прослушивании вопросов (1. Если сейчас подумать о жизни, что для тебя является важным или волнует?; 3. Что тебе интересно узнать про твоё лечение?; 5. Когда ты

думаешь о взаимодействии с родителями, что для тебя беспокоит/волнует?; 6. Если говорить об общении со сверстниками, друзьями, что тебя волнует?; 7. Когда ты думаешь о взаимодействии с врачами, что тебя волнует, беспокоит?; 8. Если говорить про общение с учителями, что тебя волнует?; 9. Какой ты?; 10. Что ты думаешь о себе? Какие мысли о себе у тебя возникают?; 11. Назови 3 чувства, которые чаще всего у тебя бывают?; 16. Какие вопросы волнует тебя, если ты думаешь о здоровье в будущем?) выше у девочек, чем у мальчиков. Были найдены различия между юношами и девушками по критерию совладения со стрессом.

Полученные данные можно интерпретировать, как более активное включение регулятивных механизмов и совладение со стрессовой ситуацией, протеканием неосознанных процессов и когнитивной включенностью у девочек.

Это можно объяснить различиями в скорости развития и некоторых параметрах головного мозга у мужчин и женщин. У женщин созревание мозга происходит быстрее. Половые различия в поведении и познавательных процессах обусловлены анатомическими и функциональными различиями, возникающими из-за изменений связей между частями мозга в процессе развития.

Исследования показали, что глобальная плотность функциональной связности (global functional connectivity density, gFCD), отражающая нейронную активность, частично объясняет половые различия в когнитивных функциях. У девочек показатель gFCD выше во многих корковых и подкорковых областях, отвечающих за мышление, эмоции и поведение. Особенно заметно это во время пассивного режима работы мозга, например, в задней части поясной извилины.

Анализ показал, что когнитивные показатели в процессе развития улучшаются благодаря большей плотности функциональных связей. Это подтверждает связь между повышенной gFCD и интеллектом, особенно у детей [38].

Данные анализ подтверждают тот факт, что области мозга, отвечающие за процессы мышления и реагирования, у девочек развиваются в более раннем возрасте, нежели чем у мальчиков. Эти различия на биологическом уровне подтверждают полученные в нашем исследовании результаты, относительно того, что процессы регуляции и применение копинг-стратегий более активно наблюдается у девочек.

Согласно эмпирическим данным, мужчины склонны к проблемно-фокусированным стратегиям, нацеленным на преодоление неблагоприятных ситуаций. Женщины чаще используют эмоционально-ориентированный подход и ищут социальную поддержку [39-40]. Предпосылки «гендерной специализации» совладающего поведения фиксируются уже в детском возрасте [41], однако гендерные различия в стратегиях совладания становятся более заметными в подростковом возрасте, что может быть связано с анатомическими особенностями мозга и нервной системы [42].

Спектр копинг-стратегий у мальчиков менее разнообразен, чем у девочек. У мальчиков стиль совладания претерпевает резкие изменения на протяжении роста, в то время как у девочек этот процесс идет более плавно [43]. Это приводит к более высоким показателям ФПГ у девочек по сравнению с мальчиками.

Вывод

На основании полученных данных мы можем сделать вывод, что

нейрофеноменологическое интервью может являться качественным методом для анализа психофизиологических коррелятов стресс-реакции и совладания в дальнейших исследованиях. Качественно измерить выраженность стресса только на основе субъективного опросника не предоставляет возможным по причинам, связанным с отсутствием или низким уровнем рефлексии и осознанности в подростковом возрасте, оценка психофизиологических показателей позволяет сделать исследование более информативным и целостным.

Процедура измерения психофизиологических показателей в ходе интервью позволяет выявить психические процессы, которые не охватывает субъективный опросник. Они могут быть объяснены и протеканием неосознанных процессов и когнитивной включенностью и стресс-реакцией подростков при восприятии вопросов интервью, связанных с определенными жизненными сферами в процессе их лечения. Что требует отдельного изучения. В ходе исследования с помощью вопросов интервью выявлены сферы, которые возможно вносят вклад в развитие тревожного состояния в подростков с хроническими заболеваниями в ремиссии.

Использование психофизиологических проб наряду с психодиагностическим методом может помочь разработать качественные и эффективные программы сопровождения и коррекции тревожного состояния подростков данной группы.

Библиография

1. Sutherland A. M. Psychological impact of cancer and its therapy. *Med. Clin. North Am.* 1956; 40(3): 705-20.
2. Левин О.С., Чимагомедова А.Ш., Арефьева А.П. Тревожные нарушения у больных с онкологическими заболеваниями: влияние на течение онкологического процесса и возможности коррекции // РМЖ. 2018. 12(I). С. 25-31.
3. Green McDonald P., O'Connell M., Lutgendorf S.K. Psychoneuroimmunology and cancer: a decade of discovery, paradigm shifts, and methodological innovations. *Brain Behav Immun.* 2013; Suppl: S1-9. doi: 10.1016/j.bbi.2013.01.003.
4. Andersen B.L., Goyal N.G., Weiss D.M., Westbrook T.D., Maddocks K.J., Byrd J.C., Johnson A.J. Cells, cytokines, chemokines, and cancer stress: A biobehavioral study of patients with chronic lymphocytic leukemia. *Cancer.* 2018; 124(15): 3240-3248. doi: 10.1002/cncr.31538.
5. Коцюбинский А.П., Скорик А.И. и др. Шизофрения: уязвимость-диатез-стресс-заболевание. СПб.: Гиппократ, 2004. С. 336.
6. Kehyayan A., Best K., Schmeing J.B., Axmacher N., Kessler H. Neural activity during free association to conflict-related sentences. *Front Hum Neurosci.* 2013; 7:705.
7. Krueger F., McCabe K., Moll J., Kriegeskorte N., Zahn R., Strenziok M., et al. Neural correlates of trust. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the U.S.A.* 2007; 104: 20084-20089.
8. Психология развития человека и общества: проблемы и перспективы: коллективная монография / отв. редакторы: А.Л. Журавлев, Т.А. Жалагина, Н.Н. Демиденко, Н.В. Копылова; редакционная коллегия: И.А. Барилляк, Е.Д. Короткина, Е.С. Ребрилова. Тверь: Издательство Тверского государственного университета, 2024. С. 375.
9. Языков К. Г., Петрова Т. Э., Стаценко Ф. А. Нейрофеноменология телесного опыта в исследовательских моделях // Психология развития человека и общества: проблемы и перспективы: коллективная монография / отв. ред.: А. Л. Журавлев, Т. А. Жалагина, Н. Н. Демиденко, Н. В. Копылова; ред. колл.: И. А. Барилляк, Е. Д. Короткина, Е. С. Ребрилова. Тверь: Издательство Тверского государственного университета, 2024. С. 227-239.

10. Костыркина В. В., Реверчук И. В., Главатских М. М., Стаценко Ф. А. Механизм психосоматического балансирования в период адаптации студенческой молодежи к обучению в вузе // Психиатрия. 2024. Т. 22, № 4, вып. 2. С. 28. DOI: 10.30629/2618-6667-2024-22-2-28-38 EDN: GZHGWZ.
11. Костыркина В.В., Реверчук И.В., Главатских М.М., Стаценко Ф.А. Психоdiagностические и электроэнцефалографические корреляты соматизации у студентов вуза в период адаптации // Психиатрия. 2025; 23(1): 61-70.
12. Лурия А.Р. Диагностика следов аффекта. Сопряженная моторная методика и её применение в исследовании аффективных реакций // Психология в определении следов преступления. М.: Научное слово, 1928. № 3. С. 79-82, 85-92.
13. Cacioppo J.T., Gardner W.L. Emotion. Annual Review of Psychology. 1999; 50: 191-214. EDN: HEYYLT.
14. Аракелов Г.Г., Шотт Е.К. КГР при эмоциональных, ориентировочных и двигательных реакциях. Психологический журнал. 1998. № 4.
15. Аракелов Г. Г., Лысенко Н. Е., Шотт Е. К. Психофизиологический метод оценки тревожности. Психол. журн. 1997. № 2. С. 102-113.
16. Gasparini F., Grossi A., Bandini S. A deep learning approach to recognize cognitive load using PPG signals. In: Proceedings of the 14th PErvasive technologies related to assistive environments conference. ACM, Corfu Greece, 2021. С. 489-95. doi: 10.1145/3453892.3461625.
17. Greene S., Thapliyal H., Caban-Holt A. Survey of Affective Computing for Stress Detection: Evaluating technologies in stress detection for better health. IEEE Consum Electron Mag. 2016; 5: 44-56. doi: 10.1109/MCE.2016.2590178.
18. Montoya A., Bruins R., Katzman M., Blier P. The noradrenergic paradox: implications in the management of depression and anxiety. Neuropsychiatr Dis Treat. 2016; 12: 541-557. doi: 10.2147/NDT.S91311.
19. Morilak D.A., Barrera G., Echevarria D.J., Garcia A.S., Hernandez A., Ma S., et al. Role of brain norepinephrine in the behavioral response to stress. Prog Neuropsychopharmacol Biol Psychiatry. 2005; 29: 1214-24. doi: 10.1016/j.pnpbp.2005.08.007.
20. Bremner J.D., Krystal J.H., Southwick S.M., Charney D.S. Noradrenergic mechanisms in stress and anxiety: I. preclinical studies. Synapse. 1996; 23: 28-38. doi: 10.1002/(ISSN)1098-2396.
21. Захаров С.М. Новые возможности реабилитационных комплексов с использованием биологической обратной связи "реакор" и "реакор-Т" // Сборник научных материалов конференции. М. 2014. С. 64-67.
22. Ивонин А.А., Попова Е.И., Шуваев В.Т. и др. Метод поведенческой психотерапии с использованием биологической обратной связи по КГР при лечении больных невротическими фобическими синдромами / Ивонин А.А., Попова Е.И., Шуваев В.Т. [и др.] // Биоуправление в медицине и спорте. 1999. С. 27-29.
23. Chen Y. Neural Representation of Costs and Rewards in Decision Making. Brain Sci. 2021; 11: 1096. <https://doi.org/10.3390/brainsci11081096>. EDN: WDHZLS.
24. Бохан Т. Г., Залевский Г. В., Мещерякова Э. И. Гендерные и возрастные различия в копинг-стратегиях юношей народов Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 286 (март): Серия "Психология". С. 50-55. EDN: KCLERF.
25. Кириллина С.А. Социально-психологический анализ детерминанты переживаний тревоги у подростков // Национальный психологический журнал. 2013. № 4 (13). С. 36-43. DOI: 10.11621/npj.2013.0405. EDN: TTIPGH.
26. Dayan J., Bernard A., Olliac B., Mailhes A.-S., Kermarrec S. Adolescent brain development, risk-taking and vulnerability to addiction. Journal of Physiology. Paris. 2010; 279-286.

27. Jung W.H., Lee S., Lerman C., Kable J.W. Amygdala Functional and Structural Connectivity Predicts Individual Risk Tolerance. *Neuron*. 2018; 98: 394-404.
28. Grupe D.W., Nitschke J.B. Uncertainty and anticipation in anxiety: an integrated neurobiological and psychological perspective. *Nature Reviews Neuroscience*. 2013; 14(7): 488-501. doi:10.1038/nrn3524.
29. Schmidt C.K., Khalid S., Loukas M., Tubbs R.S. Neuroanatomy of Anxiety: A Brief Review. *Cureus*. 2018; 10(1): 2055. doi: 10.7759/cureus.2055. PMID: 29545978; PMCID: PMC5849353.
30. Ветрова И.И. Связь совладающего поведения с контролем поведения и психологической защитой в системе саморегуляции // Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2008. С. 179-196. EDN: TCLYAD.
31. Адеева Т.Н., Тихонова И.В. Самоэффективность, рефлексия и ресурсы совладания со стрессом: возрастные особенности и детерминация // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. № 4. DOI: 10.34216/2073-1426-2021-27-4-208-216. EDN: ONHCXQ.
32. Нартова-Бочавер С.К. "Coping behavior" в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 5. С. 20-30. EDN: RCTPBB.
33. Сирота Н.А., Ялтонский В.М., Хажилина И.И., Видерман Н.С. Профилактика наркомании у подростков: от теории к практике. М.: Генезис, 2001. EDN: WDJJKL.
34. Точилина Т.В. Гендерные особенности совладающего поведения у младших подростков // Материалы Международной научно-практической конференции "Психология совладающего поведения". Кострома, 2007. С. 156-157.
35. Фоминова А.Н. Возрастные особенности совладающего поведения // Материалы Международной научнопрактической конференции "Психология совладающего поведения". Кострома, 2007. С. 157-160.
36. Разуваева Т.Н., Заика Л.Л. Особенности совладания старшеклассников // Материалы Международной научно-практической конференции "Психология совладающего поведения". Кострома, 2007. С. 148-150.
37. Крюкова Т.Л. Возрастные и кросс-культурные различия в стратегиях совладающего поведения личности // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 2. С. 5-15. EDN: HRVUHR.
38. Tomasi D. et al. Measures of Brain Connectivity and Cognition by Sex in US Children. *JAMA Network Open*. 2023; 6(2): e230157. doi:10.1001/jamanetworkopen.2023.0157. EDN: GMSNCZ.
39. Исаева Е.Р. Копинг-поведение: анализ возрастных и гендерных различий на примере российской популяции // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 11 (89). С. 144-147. EDN: LAHZQZ.
40. Нижегородцева Н.В., Тарасова С.С. Совладающее поведение подростков с разным уровнем осознанной саморегуляции // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 2. С. 211-215. EDN: WEWBGI.
41. Матафонова С.И. Динамика выбора копинг-стратегий у детей младшего школьного возраста // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12. С. 490-492. EDN: ZFEDYL.
42. Бартош О.П., Бартош Т.П. Возрастные и гендерные особенности копинг-поведения подростков // Вестник Южно-Уральского Государственного Университета. Серия: Психология. 2012. № 6 (265). С. 42-46. EDN: OXRGBN.
43. Ветрова И.И. Развитие регуляции поведения в подростковом возрасте: соотношение стратегий совладания, контроля поведения и психологических защит // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 339. С. 135-138. EDN: NBINXL.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Психофизиологические корреляты стресс-реакции в процессе нейрофеноменологического интервью подростков с хроническими заболеваниями». Работа включает в себя вводную и основную части, в которых представлено описание теоретических подходов к затронутой проблеме и результатов эмпирического исследования. Особое внимание уделено обсуждению полученных данных. В завершении статьи представлены краткие выводы.

Предмет исследования. В процессе исследования было проведено нейрофеноменологическое интервью, во время которого фиксировал показатели КГР и ФПГ с помощью биологической обратной связи (БОС) детей и подростков с хроническими заболеваниями и онкозаболеваниями в ремиссии. Проведенное исследование позволило выделить показатели физиологического уровня стресс-реакции организма, дать описательные статистики исследуемых показателей и т.д. Автором были получены следующие результаты: показана разница различий по полу и возрастных различий, которая заключалась в использовании базовых копинг-стратегий; было отмечено, что мужчины склонны к проблемно-фокусированным стратегиям, нацеленным на преодоление неблагоприятных ситуаций. Женщины чаще используют эмоционально-ориентированный подход и ищут социальную поддержку.

Методологическая основа исследования. В статье описаны результаты пилотного исследования, которое проводилось на выборке 13 детей с онкологическими заболеваниями с благоприятным исходом терапии и находящиеся в ремиссии. В процессе исследования было проведено нейрофеноменологическое интервью.

Актуальность исследования. Автором отмечается, что исследование взаимного влияния стрессового состояния организма на ход патологического процесса является не только медицинской, психологической задачей, но имеет существенное социальное значение. В то же время, проводимых исследований является недостаточно.

Научная новизна исследования заключается том, что автором было показано, что нейрофеноменологическое интервью может являться качественным методом для анализа психофизиологических коррелятов стресс-реакции и совладания. Было отмечено, что использование психофизиологических проб наряду с психодиагностическим методом может помочь разработать качественные и эффективные программы сопровождения и коррекции тревожного состояния подростков.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы прослеживается, автором выделены основные смысловые части. Логика в работе имеется. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы небольшой, но достаточный для раскрытия предмета исследования.

Во вводной части представлена затронутая проблема, ее актуальность и дан краткий теоретический анализ. Следующий раздел содержит описание организации, структуры, объемов и выборки исследования. В основном разделе представлено подробное описание полученных результатов. В заключении сделаны обобщающие выводы и намечены перспективы дальнейшего исследования затронутой проблемы.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 43 отечественных и зарубежных источника, незначительная часть которых была издана за последние три года. В список включены, в основном, статьи и тезисы, а также монографии и учебно-методические

материалы. Источники не во всех позициях оформлены корректно. Так, не во всех источниках указано количество страниц (диапазон страниц) (например, в источниках 14, 31, 33 и пр.). Однородно должны быть оформлены также зарубежные источники.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации:

- 1) во введении выделить объект, предмет, задачи, научную новизну;
- 2) привести к единообразию оформлению ссылок на источники (в работе есть вариант с надстрочным знаком и включение источника в квадратных скобках).

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью. Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами психологического сопровождения детей с хроническими заболеваниями. Вопрос рассматривается через призму выделения психофизических коррелят стресс-реакции, которое выявляется в процессе нейрофеноменологического интервью. Статья может быть рекомендована к опубликованию. Однако важно учесть выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью/

Психология и Психотехника

Правильная ссылка на статью:

Ганиева А.М. Различия в степени выраженности дивергентного мышления и культурной конгруэнтности в разных стадиях подросткового возраста // Психология и Психотехника. 2025. № 1. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.1.72967 EDN: ZMHQAR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72967

Различия в степени выраженности дивергентного мышления и культурной конгруэнтности в разных стадиях подросткового возраста

Ганиева Айсылу Мунавировна

ORCID: 0000-0003-1323-9363

ассистент; институт психологии и образования; Казанский (Приволжский) федеральный университет
педагог - психолог I категории

420032, Россия, республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 18

✉ ganievaaisylu@mail.ru

[Статья из рубрики "Психология развития"](#)

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.1.72967

EDN:

ZMHQAR

Дата направления статьи в редакцию:

07-01-2025

Аннотация: Культурная конгруэнтность и дивергентное мышление представителей младшего и старшего подросткового возраста. В исследовании принимали участие 108 подростков, проживающие и обучающиеся в средних образовательных учреждениях в г. Казани, возраст респондентов 14, 73+1, 24 лет, среди которых 42 – женского пола, 66 – мужского. Первая группа подростков (по классификации Д.Б. Эльконина) – младшие подростки 13-14 лет, вторая группа – старшие подростки 15-16 лет. Изучались различия подростков с применением дисперсионного анализа Аноva по таким 13 шкалам как: общая культурная конгруэнтность, в том числе в сфере: учебы, менеджмента, безопасности, социального взаимодействия, а также дивергентное мышление, гибкость, беглость, продуктивность, в том числе семантическая, невербальная, символическая и поведенческая. Перечень методик: тест Л.Ф. Баяновой и О.Г. Миняева «Определение уровня культурной конгруэнтности для подростков»; методика Х. Зиверт «Определение творческих способностей»; методика Н.А. Батурина и Е.Л. Солдатовой «Диагностика

дивергентного мышления». Научная новизна исследования заключается в том, что впервые изучено дивергентное мышление в контексте культурной конгруэнтности подростков. Выводы: теоретический анализ взаимосвязи культурной конгруэнтности и дивергентного мышления позволил нам установить, что существуют разнообразные подходы относительно сочетаемости и индифферентного развития данных признаков в структуре личности. В рамках эмпирического исследования изучена степень выраженности культурной конгруэнтности и креативности в контексте дивергентного мышления подростков. Обнаружены значимые различия, установлено, что характеристики культурной конгруэнтности и креативного мышления подростков имеют значимые различия по общей культурной конгруэнтности и ее составляющим в сфере учебы, самоорганизации, социального взаимодействия и безопасного поведения, а также в дивергентности мышления. Перспективы исследования заключаются в расширении количества выборки и включения в перечень методов по обработке данных кластерного и факторного анализа. Данные методы позволяют произвести более детальный анализ данных при изучении степени выраженности креативности и конгруэнтного поведения подростков.

Ключевые слова:

дивергентное мышление, культурная конгруэнтность, нормативное поведение, тинейджер, ювенал, подросток, креативное мышление, старший подростковый возраст, младший подростковый возраст, релятивное мышление

Введение

Актуальность исследования культурной конгруэнтности и дивергентного мышления у подростков старшего и младшего подросткового возраста обусловлена рядом факторов, определяющих современное состояние общества и развития личности:

Во первых, современные подростки живут в условиях интенсивного взаимодействия с представителями разных культур, что требует от них адаптивности и толерантности. Понимание культурной конгруэнтности – степени соответствия индивидуальных ценностей и убеждений подростков культурным нормам их среды – критически важно для их успешной социализации и предотвращения конфликтов. Игнорирование культурных особенностей может привести к недопониманию, стрессу и затруднениям в межличностном общении.

Во вторых, дивергентное мышление, то бишь способность генерировать множество идей и подходов к решению проблем, является ключевым фактором в современном обществе, ориентированном на инновации. Изучение особенностей развития дивергентного мышления у подростков, особенно в контексте влияния культурных факторов, позволит разработать эффективные образовательные и воспитательные стратегии, способствующие развитию креативности у молодого поколения.

В третьих, несоответствие своего поведения культурным нормам (низкая культурная конгруэнтность) может стать источником внутреннего конфликта, стресса у подростков. Понимание связи между культурной конгруэнтностью, дивергентным мышлением позволит разработать методы профилактики и коррекции проблем подросткового возраста и мышления.

В четвертых, современное общество характеризуется большим культурным

разнообразием и ввиду этого изучение культурной конгруэнтности и дивергентного мышления в разных возрастных группах подростков позволит выявить особенности их развития и разработать дифференцированные подходы к образованию и воспитанию.

Несмотря на важность темы, проведенных исследований, комплексно изучающих взаимосвязь культурной конгруэнтности и дивергентного мышления у подростков в разных возрастных группах (старший и младший подростковый возраст), определенно недостаточно.

Новизна предлагаемого исследования заключается в следующем: в рамках исследования культурная конгруэнтность и дивергентное мышление рассматриваются в одном контексте, а не изучаться изолированно, что позволит глубже понять соотношение культурного контекста на развитие дивергентного мышления у подростков, также проводится сравнительный анализ особенностей культурной конгруэнтности и дивергентного мышления у подростков старшего и младшего подросткового возраста, что позволяет выявить возрастные динамики этих показателей. Результаты данного исследования в последующем будут использованы для разработки практических рекомендаций по созданию образовательной среды, способствующей развитию как культурной адаптации, так и дивергентного мышления у подростков. Эти аспекты определяют научную новизну и практическую значимость исследования, способствуя расширению знаний о психологии подросткового возраста и разработке эффективных стратегий работы с подростками в условиях современного многообразного социокультурного общества.

Литературный обзор

В рамках данной работы рассматриваются аспекты личности подростков в контексте их соответствия определенной нормативной ситуации, то есть культурная конгруэнтность подростков, в сочетании с определенными качествами личности. В науке культурная конгруэнтность определяется как сообразность поведения личности определенным культурным правилам

Л.Ф. Баянова, Р.Р. Попова, Н.Е. Веракса, Д.А. Бухаленкова^[4]. Культурноконгруэнтного человека в обществе принято называть культурным и воспитанным, галантным человеком. В контексте психологической науки Л.Ф. Баянова и Т.Р. Мустафин^[5] выделяют уровни культурной конгруэнтности: низкий, средний и высокий, которым авторы Л.Ф. Баянова, Е.О. Шишова и

З. Резазадех^[6] дают альтернативное наименование: перцептивный, рефлексивный и интерактивный уровни культурной конгруэнтности. Проклассифицированы и критерии культурной конгруэнтности среди подростков Л.Ф. Баяновой и О.Г. Миняевым^[7]: наличие навыка менеджмента, безопасного поведения, соблюдения правил в общении с окружающими, суммарный показатель культурной конгруэнтности. В науке широко изучается как культурная конгруэнтность сочетается с выраженной способностью к прогнозированию в работах Л.Ф. Баяновой, Е.А. Цивильской^[8], как взаимосвязана с когнитивными функциями в работах Р.Р. Поповой^[9], коррелирует с типом мышления личности в научных трудах К.С.Чулюкин^[10]. Такое разнообразие научных исследований говорит о достаточной изученности культурной конгруэнтности в сочетании с различными психологическими свойствами и процессами представителей разных возрастов.

Как мы видим из описания выше, изучено соотношение культурной конгруэнтности со многими личностными составляющими представителей разных возрастных периодов, однако не изучена степень выраженности дивергентное мышление и культурной

конгруэнтности у подростков старшего и младшего подросткового возраста, в том числе остается неизученным вопрос об особенностях проявления данных параметров у подростков. Это стало предметом нашего исследования. В рамках данной работы изучается как наличие дивергентного мышления способствует проявлению конгруэнтности поведения тинейджеров в зависимости от стадии подростничества.

Подробнее рассматривая предмет нашего исследования, стоит раскрыть определение термина дивергентное мышление. Дивергентное мышление – это мышление, которое направлено на поиск оригинальных способов решения конкретно взятой проблемной ситуации. Дивергентность мышления проявляется через такие признаки как *бесцельность, разработанность, оригинальность* J. Guilford [11] и E.Torrance [12], *творческие характеристики личности* в работах F.Williams [13], *продуктивность мышления, поведения и речи* Е.Л. Солдатовой [14] и Н.А. Батуриным [15], *находчивость и многообразность мышления личности*, которые подробно описаны в трудах Х. Зиверт [16].

Ввиду малоизученности культурной конгруэнтности и дивергентного мышления в одном контексте, не существует на сегодняшний день теорий, в которых рассматривался бы характер соотношения данных составляющих, соответственно, методологическая база по этой теме остается неразработанной, в связи с этим, для того, чтобы закрыть пробелы в этой области психологии и чтобы объяснить получившиеся результаты в рамках данного исследования, была сделана попытка классификации теорий, где отражается суть соотношения по культурной конгруэнтности (просоциального, нормативного, дисциплинированного поведения) и дивергентного мышления (способности генерировать разные идеи для разрешения одной проблемной ситуации, которая имеет, по мнению многих авторов, креативную природу (Guilford J., 1950; Вильямс Ф., 1980; Silvia P.J., Winterstein B.P., Willse J.T., Barona C.M., Cram J.T., Hess K.I., Martinez J.L., Richard C.A. 2008; Runco, M., 2008; Батурин Н.А., Солдатова Е.Л., 2014; Silvia et al., 2008), по мнению других – творческую природу (Torrance E., 1964; Холодная М.А., 1997, Богоявленская, 2002, Чернецкая Н.И., 2014).

В анналах психологической науки можно найти работы, где исследуются работы схожего контекста, например: Л.Я. Дорфман [17], который с коллегами с научной точки зрения изучил антиподные качества личности как дисциплинированность и креативность. Однако стоит учесть, что данное изыскание не в полной мере раскрывает особенности проявления нормативности поведения человека во взаимосвязи с креативностью. А.А. Федорова [18], изучает креативность и нормативное поведение в контексте с конфликтностью. Однако данная работа рассматривает поведение и креативность человека в широком контексте, что не дают возможности наиболее предметно изучить особенности проявления антиподных составляющих у представителей разных возрастов.

Все вышеописанное дает нам возможность сделать выводы о том, что на сегодняшний день в научном контексте хорошо изучена культурная конгруэнтность и дивергентное мышление представителей разных возрастов, однако не изученным остается вопрос соотношения этих признаков и вопрос проявления этих составляющих у представителей подросткового возраста.

На сегодняшний день мало остается изученной проблемы культурной конгруэнтности и дивергентного мышления представителей подросткового возраста, что и составляет проблему нашего исследования.

Цель работы – изучить характер различий культурной конгруэнтности и дивергентного

мышления представителей младшего и старшего подросткового возраста.

В рамках гипотезы мы предполагаем, что дивергентное мышление и культурная конгруэнтность подростков младшего и старшего возраста будут различаться.

Методы

В исследовании принимали участие 108 подростков, в возрасте 14, $73 \pm 1,24$ лет. Первая группа подростков – младшие подростки 13-14 лет (группа А), 53 человека, вторая группа – старшие подростки 15-16 лет (группа В) 55 человек.

Перечень методик, которые применялись в рамках эмпирического исследования:

1. Методика Л.Ф. Баяновой и О.Г. Миняева «Определение уровня культурной конгруэнтности для подростков», которая выявляет соответствие поведения подростков культурным правилам. Тест включает в себя 51 различных утверждений, которые отражают типичные для подросткового возраста правила. В рамках методики сообразность поведения подростков исследуется по таким 5 шкалам как: самоорганизованность, безопасное поведение, социальное взаимодействие и отношение к учебной деятельности и общий показатель культурной конгруэнтности. Проверка внутренней согласованности шкал показала, что у данного теста высокая степень надежности.
2. Тест Х. Зиверт «Определение творческих способностей» (шкала D), релевантный и апробированный тест, позволяющий оценить дивергентное мышление через подбор слов, которые начинаются на определенные буквы (например, «но...») и предложения всевозможных вариантов ответов о различных способах использования предметов (например, «газеты») за 60 секунд при каждом подходе.
3. Проективная методика Н.А. Батурина и Е.Л. Солдатовой «Диагностика дивергентного мышления» - адаптированная и надежная методика, которая позволяет изучить степень развитости дивергентного мышления подростков, начиная с 12 лет, с помощью 14 мультизаданий из серии: «назовите как можно больше принципиально различных предметов, которые могут быть: бесконечными» и «придумайте и напишите как можно больше предложений из 4 -х слов, в которых каждое слово начинается с указанной буквы: ...д...о...п...». Ответы респондентов анализируются по таким шкалам как: гибкость, беглость, продуктивность, продуктивность семантическая, продуктивность невербальная, продуктивность символическая и продуктивность поведенческая.

Обработка результатов включала в себя: описательную статистику, дисперсионный анализ ANOVA, которые осуществлялись на базе программы IBM Statistics 23.0.

Результаты и их обсуждение

В рамках нашего исследования, посвященного изучению характера различий культурной конгруэнтности и дивергентного мышления подростков 13 - 16 лет математическому анализу подвергались следующие 13 шкал: общий уровень культурной конгруэнтности, менеджмент, безопасность, учеба, социальное взаимодействие, дивергентность мышления, беглость, гибкость, продуктивность, продуктивность семантическая, невербальная продуктивность, символическая продуктивность, поведенческая продуктивность.

Далее, по всем канонам эмпирического исследования, сперва производился анализ данных в рамках описательной статистики и оценка нормальности распределения

данных, затем произведен дисперсионный анализ ANOVA. Результаты статистического анализа показателей представлены в табл.1-2, все таблицы составлены автором.

В ходе исследования культурной конгруэнтности и дивергентного мышления подростков на первом этапе анализировался уровень развития культурной конгруэнтности с помощью опросника, состоящего из закрытых вопросов. Каждый вопрос был направлен на выявление уровня развитости нормативности поведения в различных областях: менеджмент, безопасность, учеба, социальное взаимодействие и в конце измерялся общий уровень сообразности поведения. Далее исследовали развитость дивергентного мышления у подростков. В этом случае применялись два теста: в рамках первого теста учитывались показатели только по шкале «дивергентное мышление», в рамках второго теста обрабатывались все полученные данные по таким шкалам как: гибкость, беглость, невербальная, символическая, поведенческая и символическая продуктивность. Сравнительный анализ данных респондентов из группы А и группы В представлен в таблицах 1 и в таблице 2.

Таблица 1. Результаты дисперсионного анализа ANOVA: показатели культурной конгруэнтности подростков

Показатели культурной конгруэнтности	Средние показатели		F эмпирическое
	младших	старших	
	подростков (группа А)	подростков (группа В)	
Менеджмент	56,74	50	25,14
Безопасность	67	60,44	51,88
Учеба	65,72	59,36	32,31
Социальное взаимодействие	43,22	41,7	8,41
Общий уровень культурной конгруэнтности	232,68	211,5	70,64

Примечание: жирным шрифтом выделены значимые различия в выраженности показателей культурной конгруэнтности у подростков в экспериментальных группах (заданный уровень достоверности равен $p \leq 0,5$).

В результате сравнительного анализа мы можем видеть в таблице 1, что существует различие в уровне культурной конгруэнтности младших и старших подростков, причем по всем показателям на уровне значимости $p \leq 0,5$. По всем пунктам у подростков результаты проявлены на среднем уровне согласно ключу к тесту. И показатели младших подростков выше по сравнению с показателями подростками старшего возраста. В младшем подростковом возрасте нормативность поведения более развито и склонность к регуляции своего поведения сообразно культурным правилам проявляется сильнее. Что лишний раз доказывает тот факт, что в данном периоде развития подростками движет конформистское желание быть как все, желание делать также как большинство и желанием через такие способы влиться в социум. Данный показатель также дает возможность судить о степени овладения подростком инвариантными культурными правилами в пубертатном возрасте. Исследование подтверждает, что младшие и старшие подростки отличаются сообразностью поведения, в частности, самоорганизованностью, умением соблюдать правила безопасности, склонностью к выстраиванию конструктивного взаимодействия в образовательной среде и в целом в социуме, исследованием

доказано, что пик проявления культурной конгруэнтности приходится на младший подростковый возраст.

Таблица 2. Результаты дисперсионного анализа ANOVA: показатели развития дивергентного мышления у подростков

Показатели дивергентного мышления	Sредние показатели младших подростков (группа А)	Sредние показатели старших подростков (группа B)	F эмпирическое
Беглость	61,46	63,6	2,67
Гибкость	55,34	54,44	0,95
Продуктивность	38	44,16	4,88
Продуктивность семантическая	16,68	16,54	0,13
Продуктивность невербальная	16,48	16,56	0,99
Продуктивность символическая	6,84	7,36	0,41
Продуктивность поведенческая	13,46	13,86	0,04
Дивергентное мышление	36,68	27,32	22,45

Примечание: жирным шрифтом выделены значимые различия в выраженности показателей дивергентного мышления у подростков в экспериментальных группах (заданный уровень достоверности равен $p \leq 0,5$).

В таблице 2 показано, что у подростков младшего и старшего возраста имеются различия в показателях дивергентного мышления по тесту Х.Зиверта на уровне значимости $p \leq 0,5$. Мы видим, что подростки младшего возраста имеют более высокие показатели развитости дивергентного мышления, чем подростки старшего возраста и эти различия значимы. Представители младшего и старшего подросткового возраста отличаются умением проявлять свою продуктивность и нестандартность мышления. Настоящим научным исследованием доказано, что в случае измерения результативности дивергентного мышления по шкале Х.Зиверта, то можно наблюдать, что наибольшая степень развития данной психологической составляющей приходится на младший подростковый период.

Стоит вывод сделать о том, что система проявления нормативности поведения нестандартности мышления в младшем подростковом и в старшем подростковом возрасте отличаются. Характер отличий наблюдается, в первую очередь, в степени развития компонентов культурноконгруэнтного поведения, так, например, мы наблюдаем, что дети младшего подросткового возраста наиболее склонны соблюдать правила, связанные поведением в обществе и связанные с презентацией себя в обществе, нежели подростки старшего пубертатного возраста. Что может свидетельствовать о наибольшей развитости регуляционных структур и наибольшей мотивированности в демонстрации сообразного поведения. В то же самое время мы наблюдаем, что подростки младшего возраста демонстрируют высокие показатели и по категории дивергентности мышления. Такие результаты дают возможность говорить о высоком потенциале детей младшего подросткового возраста к креативно направленному мышлению по сравнению с подростками старшего пубертатного возраста. Что говорит о том, что дети младшего пубертатного возраста более продуктивнее проявляют гибкость мышления в ситуациях, требующих нормативности поведения.

Обсуждение

Полученные выше результаты многосложны и требуют объяснения с применением комплексного подхода. Высокие результаты младших подростков по параметрам культурноконгруэнтного поведения могут быть объяснены с точки зрения социокультурного подхода. С социальной точки зрения именно в культуре происходит обретение подростками культурного опыта, культурного поведения, культурных способов мышления. Трансляторами культуры являются в основном взрослые. Если ребенок в детском возрасте ориентируется на взрослых, на правила, которые устанавливаются взрослыми, то в последующем он имеет мало возможности совершить ненормативное действие ввиду ориентира на правила, установленные для него со стороны взрослых. Так как правила являются внешней поддержкой, «палубой», которые позволяет ему нормально функционировать и не попадать в неприятные истории. В подростковом возрасте развиваются навыки, которые ассоциируются «со взрослостью». Это способность прогнозировать последствия своих действий, способность планировать, способность целеполагать и способность опираться на свои ценности независимо от эмоций. Это то, что в обществе ассоциируется со взрослостью и со зрелостью. Известно из разных сфер жизни, что, когда система находится в стадии формирования и активно развивается, она в это время очень уязвима и работает не всегда эффективно и может быть восприимчива для любых воздействий. Поэтому, с одной стороны, подростковый возраст – это тот возраст, когда формируется разумность, адекватность, способность поступать на пользу себе и другим, с другой стороны – это тот возраст, когда именно за счет того, что она формируется – она работает не всегда хорошо. Опора на взрослое мнение и взрослые ограничители уходит в прошлое, а еще собственной опоры еще нет. Поэтому мы можем наблюдать, что в младшем подростковом возрасте подростки еще соблюдают инвариантные правила, потому как ориентируются на мнение взрослых, а в старшем отроческом возрасте подростки начинают проявлять свою самостоятельность и не всегда могут вести себя сообразно культурным правилам.

Результаты младших подростков по категории дивергентного мышления также можно объяснить тем, что в условиях социальной ситуации развития на них меньше накладывается ограничений и появляется возможность демонстрировать нестандартные, нешаблонные подходы к решению задач. Также предпосылками к проявлению такого типа мышления может стать развитое к этому возрасту абстрактное мышление, когда на уровне гипотетических формулировок и схем подросток научается решать задачи разноподходно. Эти умения могут применяться как в отношении успешной адаптации к меняющимся условиям, так и к ситуациям нестандартного «обхода» ограничивающей ситуации.

Выводы:

1. Установлено, что в психологической науке на сегодняшний день малоразработана теоретико – методологическая база, раскрывающий характер соотношения культурной конгруэнтности и дивергентного мышления.
2. Настоящим исследованием доказано, что результаты младшего и старшего подросткового возраста значимо различаются по характеру выраженности культурной конгруэнтности, установлено, что пик проявления культурной конгруэнтности приходится на младший подростковый возраст.
3. Обнаружено, что результаты дивергентного мышления у представителей младшего и старшего возраста значимо различаются по уровню выраженности, у представителей младшего подросткового возраста показатели более выражены.

4. В рамках данного научного исследования показано, подростки в раннем отроческом периоде демонстрируют большую гибкость мышления и нормативность поведения, когда требуется следовать социокультурным правилам.

Заключение

Теоретический анализ культурной конгруэнтности и дивергентного мышления в подростничестве позволил нам установить, что существуют разнообразные подходы относительно сочетаемости и индифферентного развития данных признаков в структуре личности. Установлено, что широкую известность получили теории, которые распространяются на все возрастные группы, однако нет четкого определения границ норм относительного подросткового возраста, так как у представителей пубертатного возраста могут иначе проявляться данные составляющие.

В рамках эмпирического исследования изучена степень выраженности культурной конгруэнтности и креативности в контексте дивергентного мышления подростков. Обнаружены значимые различия, установлено, что характеристики культурной конгруэнтности и креативного мышления подростков имеют значимые различия по общей культурной конгруэнтности и ее составляющим в сфере учебы, самоорганизации, социального взаимодействия и безопасного поведения, а также в дивергентности мышления. Мы можем отметить, что выдвинутая нами гипотеза подтвердилась.

Таким образом, культурная среда определяется как система условий, созданных для достижения особого уровня внутриличностного и межличностного развития. В подростковом возрасте эти формы развития качественно преобразовываются под влиянием биологических, культурных, социальных факторов. Влияние культуры на приемы и формы культурного поведения, культурные способы мышления в подростковом возрасте существенно. Поведение становится сообразным культурным нормам. Под влиянием культуры также происходит преобразование творческого потенциала подростков, так как именно через культуру подростки усваивают варианты дивергентного способа мышления и далее через интериоризационные процессы меняется степень и качество овладения дивергентным мышлением.

Перспективы исследования заключаются в расширении количества выборки и включения в перечень методов по обработке данных кластерного и факторного анализа. Данные методы позволяют произвести более детальный анализ данных при изучении степени выраженности креативности и конгруэнтного поведения подростков.

Библиография

1. Cazden C.B. *Culturally responsive education: A discussion of LAU remedies*, II / C.B. Cazden, E.L. Leggett. – Cambridge:Harvard University, 1976.
2. Веракса Н.Е. Личность и культура: структурно-диалектический подход // *Перемены*. 2000. № 1. С. 81–107.
3. Баянова Л.Ф. К постановке проблемы субъекта культуры в психологии // *Филология и культура. Philology and Culture*. 2012. Т 29, № 3. С. 294–299.
4. Bayanova L.F., Popova R.R., Veraksa A.N., Bukhalenkova D.A. Executive functions of preschoolers with different levels of cultural congruence // *International journal of early years education*. 2020. Р. 4–16. DOI: 10.1080/09669760.2020.1779040.
5. Баянова Л.Ф. Культурная конгруэнтность дошкольника в нормативной ситуации и возможности ее исследования // *Современное дошкольное образование. Теория и практика*. 2013. № 4. С. 70–75.
6. Баянова Л.Ф., Ганиева А.М. Креативность и культурная конгруэнтность подростков. //

- Национальный психологический журнал.* 2023. № 4. С. 16-24. DOI: 10.11621/npj.2023.0402
7. Баянова Л.Ф. Влияние культурной конгруэнтности на личностные свойства подростков // *Казанский педагогический журнал.* 2018. Т. 131, № 6. С. 192–195.
 8. Баянова Л.Ф. Особенности правил в нормативной ситуации младших школьников // *Научный педагогический и психологический журнал Образование и саморазвитие.* Казанский (Приволжский) федеральный университет. 2014. Т. 41, № 3. С. 73–78.
 9. Попова Р.Р. Психологические особенности распознавания эмоций у дошкольников при разном уровне культурной конгруэнтности // *Психологические исследования.* 2018. Т. 11. № 61. С. 6–19.
 10. Чулюкин К.С. Способности к творческому мышлению и отношение к правилам в предподростковом возрасте // *Психологические исследования.* 2021. Т. 14, № 80, С. 7–19.
 11. Guilford J. P. Creativity // *American Psychologist.* 1950. No. 5 (9). P. 444–454.
 12. Torrance E.P. *Guiding creative talent.* New Jersey: Englewood Cliffs, Prentice – Holl, 1964.
 13. Williams F. E. *Creativity assessment packet (CAP): manual.* New York: D.O.K. Publishers, Inc., 1980.
 14. Солдатова Е.Л. Проективная методика диагностики дивергентного мышления // *Научно-методический журнал «Вестник практической психологии образования».* 2005. Т 3, № 2. С. 119–125.
 15. Батурина Н.А., Солдатова Е.Л. *Проективная методика диагностики дивергентного мышления. Руководство.* Челябинск, 2014.
 16. Зиверт Х. *Тестирование личности.* – М.: АО «Интерэксперт», 1998.
 17. Дорфман Л. Я. Черты личности в интеграции дисциплинированности с креативностью // *Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика».* 2021. № 4. С. 381–390.
 18. Федорова А. А. Связь креативности, ценностей и конфликтного поведения сотрудников // *Психология. Журнал ВШЭ.* 2019. № 1. С. 191-203. DOI: 10.17323/1813-8918-2019-1-191-203.
 19. Rosenbaum G., Venkatraman V., Steinberg L. and Chain J. Are teenagers always at greater risk than adults? Intrasubject study of the influence of context on the decision-making process. *Square One.* 2021. Pp. 68–76. DOI: 10.17759/ e0255102.
 20. Fairchild G., Toski N., Salli K., Sonuga-Bark E.J.S., Hagan K.S., Diciotti S., Gudayer I., M., Calder A.J., Passamonti L. Mapping the structural organization of the brain in behavior disorder: repetition of the results in two independent samples. *Journal of Child Psychology and Psychiatry.* 2016. No. 57 (9). Pp.1018–1026. DOI: 10.1111/jcpp.12581
 21. Kleibeuker S.W., Stevenson C.E., van der Aar L., Overgaauw S., van Duijvenvoorde A.C., Crone, E.A. Training in the adolescent brain: An fMRI training study on divergent thinking. *Developmental Psychology.* 2017. No 53 (2). Pp. 353–365. DOI: 10.1037/dev0000239.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья выполнена на тему, которая по своей сути очень простая и сводится к выявлению особенностей мышления у подростков. Но используя путанную терминологию, автор усложнил восприятие, казалось бы, простого материала. Например, слова компендиум и отрочество встречаются только один раз – в названии.

Что это такое и для чего это, пояснения не дается. По типам мышления тоже необходимы пояснения. А также важно показать их актуальность в этом исследовании применительно к подростковому возрасту.

Очевидно, что автор зачем-то усложняет текст. Вместо того, чтобы показать его актуальность в самом начале. Введение же начинается довольно путанным и непонятным образом: «Культурой пронизаны все сферы жизнедеятельности и представляет собой набор правил, которые предписывают человеку определённое поведение с присущими ему переживаниями и мыслями» и т.п. Необходимо четко обосновать актуальность темы данного исследования с учетом его названия и предмета. Насчет предмета сказано, что «изучена взаимосвязь культурной конгруэнтности со многими личностными составляющими представителей разных возрастных периодов, однако не изучено как дивергентное мышление взаимодействует с культурной конгрэнтностью, в том числе остается неизученным вопрос об особенностях проявления данных параметров у подростков. Это стало предметом нашего исследования». Формулировка предмета не конкретна и не соответствует названию работы и ее содержанию, поскольку взаимосвязь никак не исследовалась (корреляционный анализ взаимозависимостей не проводился).

Научная новизна исследования, как отмечено в тексте, заключается в том, что «впервые изучено дивергентное мышление в контексте культурной конгруэнтности подростков. Эмпирически изучен характер взаимосвязи данных компонентов у подростков». О взаимосвязи в тексте сведений нет. Необходима доработка обоснования новизны исследования.

Несмотря на то, что общий замысел понятен, тем не менее, отсутствуют сведения о методологии исследования. Следует указать теории, концепции или принципы, которыми автор руководствуется при трактовке полученных данных.

Цель работы – «изучить характер различий культурной конгруэнтности и дивергентного мышления представителей младшего и старшего пубертатного возраста». Непонятно, для чего делается акцент на пубертатный возраст? Необходимо напомнить, что подростковый и пубертатный возраст не всегда аналогичны. Если автор считает, что это одно и тоже, он ошибается.

Стиль изложения текста вычурный. Научным такой текст назвать трудно. Много всяких слов, оборотов и фраз, которые только отвлекают от восприятия смысла. Типа таких, как каноны эмпирического исследования, компендиум, тинейджеры, подростничество и т.п. Лучше пользоваться привычным глоссарием. К тому же встречается много различных ошибок, которые искажают смысл текста и также затрудняют его восприятие. Все это требует соответствующей доработки текста. Точнее, его редакции.

Введение целесообразно структурировать, так как в нем много «лишних» фраз и предложений, которые имеют только общее значение. Например, таких, как: «В культуре у детей и подростков появляется возможность шире смотреть на мир, отличать хорошее от плохого, узнавать смысл и значение сообразного поведения и отличительного поведения. В подростковом возрасте данный вопрос обретает наибольшую актуальность ввиду наличия стремления к самоактуализации тинейджеров...» и т.п.

По поводу анализа данных литературы можно отметить, что он выполнен хорошо. Во всяком случае, очевидна критическая направленность и стремление автора делать логичные умозаключения, исходя из наличия имеющихся противоречий.

Структура работы в целом понятна. Однако ее следует формализовать, выделив введение, анализ литературных данных, методику исследования, результаты собственно исследования и обсуждение полученных данных, выводы.

По содержанию видно, что автор проделал большую работу. Всего было обследовано 108 подростков, применены методы оценки уровня культурной конгруэнтности и

творческих способностей, проведена диагностика дивергентного мышления. Обработка результатов включала в себя описательную статистику, дисперсионный анализ ANOVA, которые осуществлялись на базе программы IBM Statistics 23.0.

Судя по тексту, были получены данные, свидетельствующие о различиях по возрасту в показателях культурно-конгруэнтного поведения и дивергентного мышления.

При обсуждении полученных данных автор дает свои пояснения, согласовывая их с мнением других авторов. Это правильно. Но имеется фрагмент текста, где речь идет о психофизиологическом функционировании нервных структур у детей разного подросткового возраста. По мнению рецензента, его необходимо исключить, поскольку автор никак не исследовал эти нервные структуры и к тому же использует по этому поводу не совсем корректную терминологию («деятельность лимбической системы» и т.п.). Нервные структуры функционируют, деятельность к ним не подходит.

Выводов нет. Но имеется заключение. В нем речь идет о генетической детерминации взаимосвязи культурной конгруэнтности и дивергентного мышления обследуемых лиц. Может быть это и так, но дело в том, что о генетике в тексте речи нет, поэтому все заключение лучше свести к краткому подытоживанию проделанной работы. И добавить выводы, которые должны утверждать о наиболее значимых результатах исследования.

Библиографический список включает источники по теме исследования.

Несмотря на имеющиеся замечания, данная статья имеет перспективу опубликования, поскольку замечания вполне устранимы. Поэтому после доработки текста, эту статью можно будет рекомендовать к опубликованию в научном журнале.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Различия в степени выраженности дивергентного мышления и культурной конгруэнтности в разных стадиях подросткового возраста». Работа представляет собой постановку проблемы, описание теоретического подхода, анализ результатов эмпирического исследования, а также подведение основных итогов.

Предмет исследования. Работа нацелена на эмпирическое изучение степени выраженности культурной конгруэнтности и креативности в контексте дивергентного мышления подростков. Исследование позволило обнаружить наличие значимых различий и установить, что характеристики культурной конгруэнтности и креативного мышления подростков имеют значимые различия по общей культурной конгруэнтности и ее составляющим в сфере учебы, самоорганизации, социального взаимодействия и безопасного поведения, а также в дивергентности мышления. Автором отмечается, что выдвинутая гипотеза подтвердилась.

Методологическая основа исследования. Методология исследования представлена рядом работ, рассматривающих затронутую проблему. Для решения поставленных задач использованы следующие методики: Методика Л.Ф. Баяновой и О.Г. Миняева «Определение уровня культурной конгруэнтности для подростков», Тест Х. Зиверта «Определение творческих способностей», Проективная методика Н.А. Батурина и Е.Л. Солдатовой «Диагностика дивергентного мышления». Обработка результатов включала в себя: описательную статистику, дисперсионный анализ ANOVA, которые осуществлялись на базе программы IBM Statistics 23.0. В исследовании приняли участие 108 подростков. Первая группа подростков – младшие подростки 13-14 лет (группа А) - 53 человека, вторая группа – старшие подростки 15-16 лет (группа В) 55 человек.

Актуальность исследования. Актуальность исследования обусловлена рядом факторов, которые подробно описаны в статье. Однако, несмотря на важность темы, проведенных исследований, комплексно изучающих взаимосвязь культурной конгруэнтности и дивергентного мышления у подростков в разных возрастных группах (старший и младший подростковый возраст), определенно недостаточно.

Научная новизна исследования. В рамках исследования культурная конгруэнтность и дивергентное мышление рассматриваются в одном контексте, а не изучаются изолированно, что позволит глубже понять соотношение культурного контекста на развитие дивергентного мышления у подростков, также проводится сравнительный анализ особенностей культурной конгруэнтности и дивергентного мышления у подростков старшего и младшего подросткового возраста, что позволяет выявить возрастные динамики этих показателей.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы представлена, автором выделены основные смысловые части. Логика в работе имеется. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы достаточный, чтобы раскрыть предмет исследования.

Во вводной части определена проблема и актуальность исследования, сделан небольшой теоретико-методологический обзор; выделены цель, и новизна новизна. В основном разделе представлены результаты эмпирического исследования, которое позволило продемонстрировать, что дивергентное мышление и культурная конгруэнтность подростков младшего и старшего возраста будут различаться. В заключении подведены основные результаты и сделаны аргументированные выводы.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 21 отечественный и зарубежный источник. Издания за последние три года практически отсутствуют. В список включены, в основном, монографии, статьи и тезисы. Источники оформлены не во всех позициях корректно и однородно. Например, в источниках должно быть указано общее количество страниц, либо диапазон страниц (например, источники 15, 16 и т.д.).

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации:

- 1) скорректировать библиографический список в соответствии с предъявляемыми требованиями;
- 2) необходимо исправить орфографические неточности, которые встречаются в работе (например: «...в рамках исследования культурная конгруэнтность и дивергентное мышление рассматриваются в одном контексте, а не изучаются изолированно...»).

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, теоретической ценностью. Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами психического развития подростков. Проблема рассматривается через призму выделения различий в степени выраженности дивергентного мышления и культурной конгруэнтности. Статья может быть рекомендована к опубликованию. Однако важно учесть выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Психология и Психотехника*Правильная ссылка на статью:*

Золотарев К.И., Боревич Е.В., Никитина Т.А., Янчус В.Э. Исследование влияния элементов графического интерфейса на считывание зрительной информации // Психология и Психотехника. 2025. № 1. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.1.73633 EDN: YTZFPR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73633

Исследование влияния элементов графического интерфейса на считывание зрительной информации

Золотарев Константин Иванович

ORCID: 0009-0000-3689-2950

магистр; Инженерно-строительный институт; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

195251, Россия, г. Санкт-Петербург, Калининский р-н, ул. Политехническая, д. 29

✉ koszolot.ru@gmail.com

Боревич Екатерина Владиславовна

ORCID: 0000-0001-6263-3901

старший преподаватель; Инженерно-строительный институт; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

195251, Россия, г. Санкт-Петербург, Калининский р-н, ул. Политехническая, д. 29

✉ plasma5210@mail.ru

Никитина Татьяна Александровна

ORCID: 0000-0001-6474-0073

кандидат технических наук

доцент; Инженерно-строительный институт; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

195251, Россия, г. Санкт-Петербург, Калининский р-н, ул. Политехническая, д. 29

✉ nik_tatiana@mail.ru

Янчус Виктор Эдмундасович

ORCID: 0000-0001-7220-0819

кандидат технических наук

доцент; Инженерно-строительный институт; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

195256, Россия, г. Санкт-Петербург, Калининский р-н, пр-кт Науки, д. 14 к. 1, офис 49

✉ vic.phd.2019@gmail.com

Статья из рубрики "Психотехника"

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.1.73633

EDN:

YTZFPR

Дата направления статьи в редакцию:

10-03-2025

Аннотация: Статья посвящена исследованию того, как пользователи воспринимают элементы управления в интерфейсах, предназначенных для дистанционного управления динамическими объектами, например, дронами и автономными роботами. Объектом исследования является пользовательский интерфейс системы управления удаленными динамическими объектами, а предметом – средства UX-дизайна для создания графического интерфейса подобных систем. Цель работы – установить, как цвет, местоположение (сверху или слева), тип (текстовые или иконографические) и наличие фона (подложки) у элементов управления влияют на скорость нахождения необходимой информации пользователем в интерфейсах удаленного управления динамическими объектами. Это позволит определить наиболее эффективные решения, которые не только облегчают взаимодействие, но и уменьшают когнитивную нагрузку оператора благодаря более эргономичной структуре интерфейса. В исследовании применялась технология айтреинга для объективной оценки различий в зрительном восприятии выделенных параметров интерфейса. При обработке данных использовался статистический многофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). В эксперименте приняли участие 38 испытуемых. Результаты показали, что цвет, расположение и тип элементов управления существенно влияют на скорость поиска информации. Красные кнопки позволяют решать задачу быстрее синих, так же, как и иконографические элементы управления по сравнению с текстовыми. При этом, было обнаружено, что все выделенные параметры влияют на восприятие друг друга. Полученные результаты могут быть использованы при разработке интерфейсов для авиационных и робототехнических систем, а также для других высоконагруженных сред управления. Новизна работы заключается в комплексном анализе параметров интерфейса и их влияния на когнитивную нагрузку пользователя. Результаты исследования подтверждают, что правильный выбор цвета, расположения и типа управляющих элементов повышает скорость решения задачи (нахождения необходимого элемента), что важно для создания эргономичного дизайна интерфейсов динамических систем управления.

Ключевые слова:

зрительная информация, пользовательский интерфейс, технология айтреинга, окулография, эргономика интерфейса, UX-исследование, человеко-машинное взаимодействие, визуальное восприятие, время реакции, глазодвигательная активность

Введение

В системах управления удаленными динамическими объектами (дронами, авиационными системами, автономными роботами и т.д.) пользовательский интерфейс оператора обеспечивает эффективное и корректное выполнения поставленной задачи в системе человек-машина.

В данном исследовании под интерфейсами удаленного управления подразумеваются человеко-машинные системы, обеспечивающие взаимодействие оператора с удаленными движущимися объектами в режиме реального времени, где в процессе работы необходимо оперировать с большим объемом входящих данных. Такие интерфейсы широко применяются в аэрокосмической отрасли, судоходстве, робототехнике и других областях, где используются высоконагруженные среды управления. В современных системах управления все большее внимание уделяется адаптивности интерфейсов, их способности приспособливаться к условиям эксплуатации, когнитивным характеристикам оператора и уровню его подготовки [1].

Совершенствование интерфейсов дистанционного управления необходимо по нескольким причинам. Во-первых, растущая сложность динамических объектов (например, автоматизированных беспилотных летательных и наземных аппаратов) требует улучшенной визуализации данных и более эффективного взаимодействия оператора с системой. Во-вторых, снижение когнитивной нагрузки на оператора за счет интеллектуальных интерфейсов, использующих контекстные данные и адаптивные модели взаимодействия, помогает уменьшить количество ошибок и повысить общую надежность управления [2].

В условиях ситуационной осведомленности [3] человеку необходимо оперативно реагировать на любые изменения в положении или состоянии управляемого объекта. Одним из аспектов проектирования пользовательского интерфейса в подобных системах является учет особенностей восприятия зрительной информации человеком, от которых зависит скорость и точность восприятия элементов управления [4] и индикаторов состояния управляемого объекта.

Задержки в восприятии зрительной информации оператором с пользовательского интерфейса системы управления, в связи с высокой динамикой изменения состояния управляемого объекта, могут повлиять на результат выполнения оперативной задачи. Изучение особенностей восприятия зрительной информации и факторов, влияющих на эффективность этого взаимодействия, является актуальной задачей при проектировании и разработке интеллектуальных интерфейсов [5].

Для уменьшения вероятности совершения ошибок со стороны оператора существует необходимость снижения воздействующей на него когнитивной нагрузки при взаимодействии с компьютерной системой. В связи с этим появляются особые требования к эргономике интерфейсов, учитывающие особенности восприятия зрительной информации в пользовательском интерфейсе [6]. Вопросы, связанные с цветовым кодированием элементов управления, а также их расположением и типом, имеют прикладное значение в разработке интерфейсов, предназначенных для управления беспилотными летательными аппаратами (БПЛА), автоматизированными транспортными системами и роботизированными комплексами.

Целью данного экспериментального исследования является выявление влияния определенных в настоящей работе факторов на восприятие элементов управления в интерфейсах удаленного управления динамическими объектами.

Объект исследования – пользовательский интерфейс системы управления удаленным динамическим объектом.

Предмет исследования – средства UX-дизайна для создания графического интерфейса систем управления.

Исследование проводилось с применением методов окулографии и технологии айтреинга, которые позволяют анализировать особенности зрительного восприятия оператором различных элементов графического интерфейса. Использование технологии айт-трекинга помогает объективно оценить эффективность различных подходов к проектированию интерфейсов систем управления [7].

Материалы и методы исследования

Материалы. Гипотеза исследования состоит в том, что цвет активного управляющего элемента, его расположение, тип, а также цветовое выделение (наличие подложки) оказывают влияние на скорость поиска зрительной информации в пользовательском интерфейсе. Исследования в области когнитивных наук подтверждают важность отображения элементов графических интерфейсов для эффективного восприятия информации. Удобство и эффективность взаимодействия оператора с интерфейсом напрямую зависит от точности структурирования зрительных данных информацией и соответствия их особенностям зрительного восприятия человека [8]. Одними из факторов, влияющих на скорость считывания зрительной информации, являются цвет, форма и расположение элементов в графическом интерфейсе.

Для описания цвета в цифровой среде используются различные аддитивные цветовые модели. Модель HSV создавалась как ориентированная на пользователя (перцепционная) цветовая модель, состоящая из трех компонентов: цветовой тон, насыщенность и яркость. Преимуществом данной модели является равномерное распределение цветов видимого спектра с шагом 60°.

Для проверки гипотезы с применением технологии айт-трекинга были выбраны шесть основных цветов (рис. 1) элемента управления по модели HSV с максимальной яркостью и насыщенностью: красный (0, 100%, 100%), жёлтый (60, 100%, 100%), зелёный (120, 100%, 100%), голубой (180, 100%, 100%), синий (240, 100%, 100%), пурпурный (300, 100%, 100%). На рисунке 2 представлены примеры стимульного материала, демонстрирующие этот фактор.

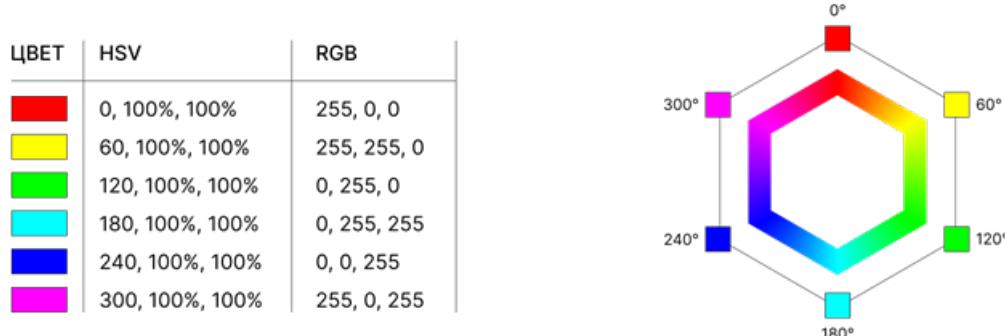
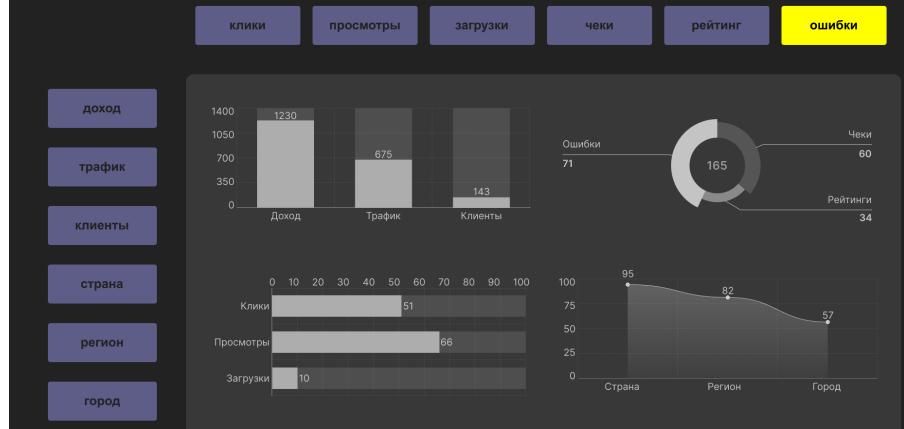

Рис. 1 – Цвета элемента управления.

a)

б)

в)

г)

Рис. 2 – Пример стимульного материала с различным цветовым решением:
а) красный, б) жёлтый, в) зелёный, г) голубой, д) синий, е) пурпурный

Вторым выбранным для изучения фактором является расположение элементов управления в интерфейсе. Горизонтальное расположение управляющих элементов (элементов навигации, кнопок) повсеместно встречается в программном обеспечении и на веб-сайтах. Это привычная для пользователей форма организации интерфейса. При этом, согласно исследованиям, пользователи 80% времени наблюдают левую половину экрана [9].

Исходя из этого было выбрано два расположения элементов управления: горизонтально сверху и вертикально слева. Все элементы управления выполнены в виде горизонтальных прямоугольных кнопок одинаковой ширины и высоты вне зависимости от расположения. Как в верхней, так и в левой частях располагается по 6 элементов управления, что обусловлено их размером и закономерностью Джорджа Миллера «магическое число семь плюс-минус два» [10].

Третий фактор, выбранный для исследования, — это тип управляющего элемента, который может быть либо текстовым (состоящим из одного слова), либо иконографическим. Выбор данного фактора был сделан исходя из гипотезы о том, что иконки в управляющих элементах могут восприниматься оператором быстрее, чем слово в управляющей кнопке. Пример стимульного материала представлен на рисунке 3.

а)

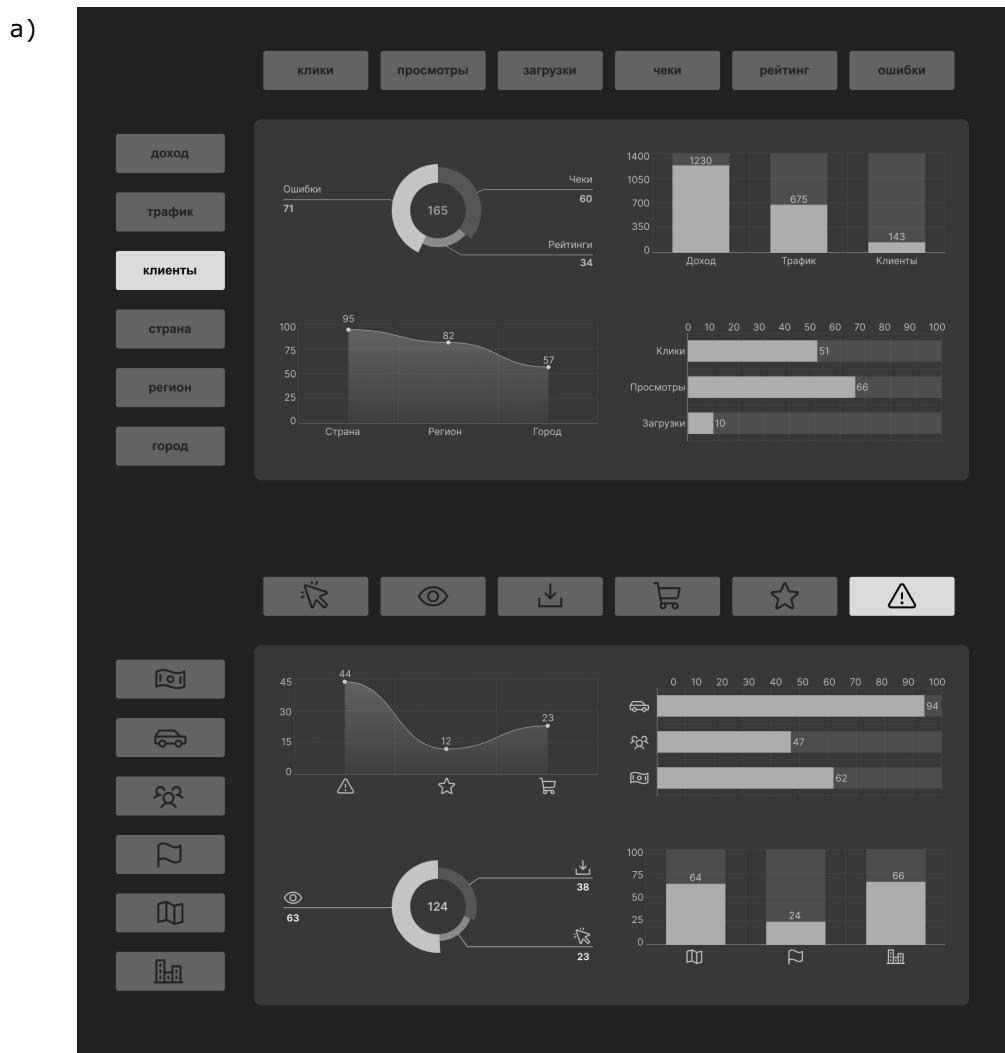
б)

Рис. 3 – Пример стимульного материала с различным типом элементов управления:
а) текстовые, б) в виде иконок.

Четвертым фактором, выбранным для исследования, является наличие подложки под управляющими элементами интерфейса. Предполагается, что подложка, или фон, под кнопками может влиять на их восприятие и визуальную отделимость от других элементов интерфейса. Пример стимульного материала представлен на рисунке 4.

6)

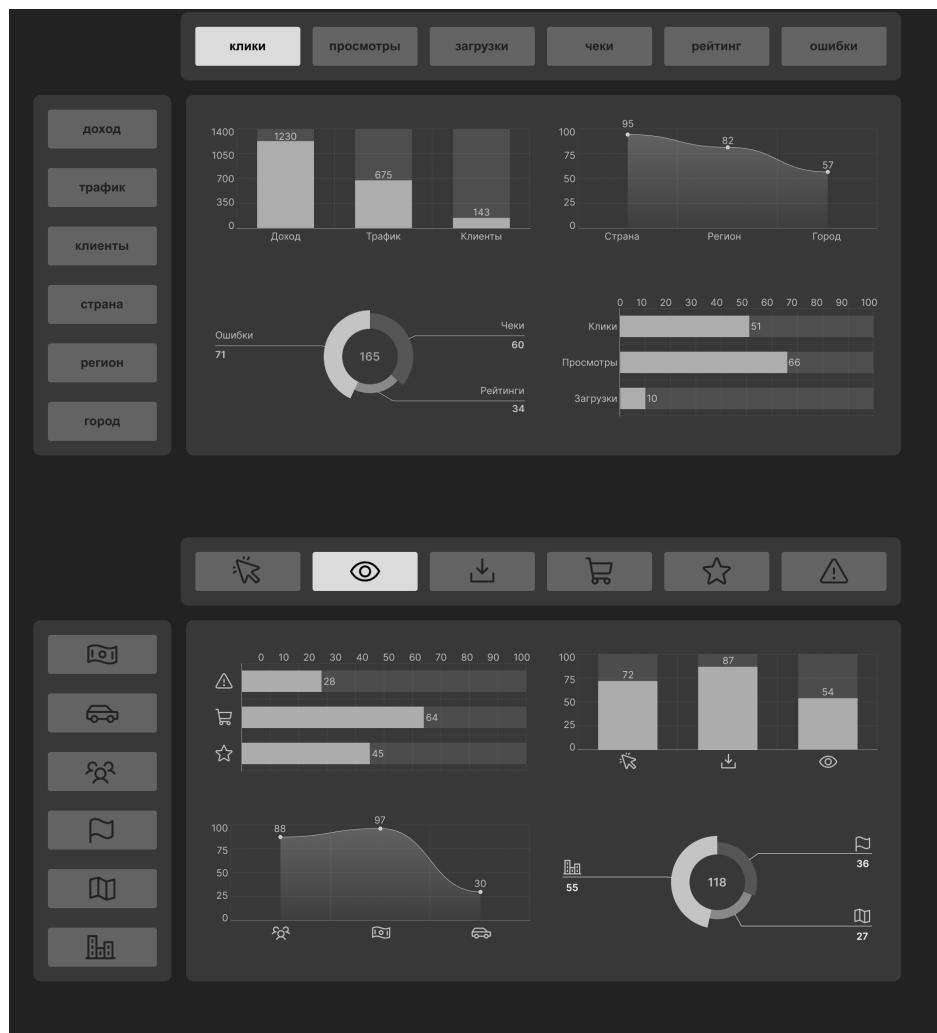

Рис. 4 – Пример стимульного материала с наличием или отсутствием подложки под элементами управления:
а) отсутствие подложки, б) наличие подложки.

Каждый экран имел одинаковую структуру: темно-серый фон (RGB (34, 34, 34)) с центральной областью, выделенной прямоугольником светло-серого цвета (RGB (56, 56, 56)). В этой области размещались четыре графика разного типа (линейный, столбчатая диаграмма с вертикальными и горизонтальными столбцами, круговая диаграмма), каждая из которых содержала три параметра. Одновременно на одном экране было 12 различных друг от друга параметров. Графики используются для создания задачи, которую решают испытуемые во время эксперимента.

Активная кнопка на экране при этом выделялась ярким цветом, тогда как остальные кнопки отображались в приглушенном цвете в соответствии со следующей логикой: красный – зелёный, синий – жёлтый; оставшиеся два цвета также было решено объединить в пару (голубой – пурпурный) [11].

Постановка эксперимента. Эксперимент включал последовательную демонстрацию экранов со стимульным материалом:

1. Экран с текстовой инструкцией для испытуемых.
2. Экран с белой точкой в центре для концентрации взгляда в центре экрана.
3. Экран с одним из 48 стимулов.

4 . Повторный экран с белой точкой для центрирования взгляда перед следующим стимулом.

Перед испытуемыми ставилась следующая задача: взглядом найти активную кнопку, а затем щёлкнуть на изображение на графике, соответствующее, обозначенному на активной кнопке. Порядок демонстрации стимулов был случайным для каждого участника.

Стимульный материал разрабатывался с учётом ряда особенностей:

- На каждом экране присутствовала только одна активная кнопка, расположенная в случайной позиции среди шести возможных.
- Если кнопки содержали текст, то графики также сопровождались текстовыми подписями; если кнопки содержали иконки, то на графиках указывались иконки.
- Подложка (если она присутствовала) отображалась как под горизонтальным, так и под вертикальным блоком кнопок.
- Для каждого отдельного стимула графики располагались в случайном порядке.

Оборудование. Эксперимент проводился с использованием программно-аппаратного комплекса SMI RED 250^[12]. Полученные параметрические данные шаблона рассматривания стимульного материала обрабатывались стандартными методами математической статистики.

Результаты и обсуждения

В эксперименте участвовало 38 испытуемых из числа студентов Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого в возрасте от 18 до 22 лет, среди них 11 мужчин и 27 женщин.

Было собрано 27583 фиксаций и 26566 саккад. Статистическая обработка экспериментальных данных проводилась посредством программной процедуры ANOVA – стандартной процедуры дисперсионного анализа^[13]. Были проанализированы следующие параметры: время наблюдения стимула (Time, ms), количество (Fix Cou) и среднее время фиксаций (Fix Dur Ave, ms), длина пути взора (Scanpath Length, px), количество (Sacc Cou) и суммарная длительность саккад (Sacc Dur Total, ms). Уровень значимости p-value (р-значение) был определен значением 0,05^[14]. Значения p-value, полученные в результате проведения многофакторного дисперсионного анализа ANOVA представлены в таблицах 1 и 2. Значения, при которых можно считать верной гипотезу о наличии статистической значимости, выделены жирным.

Таблица 1 – Вычисленные значения p-value по параметру time для факторов стиль, позиция и цвет.

Фактор	p-value
Стиль	0,013
Позиция	0,064
Цвет	0,003
Стиль и Позиция	0,73
Стиль и Цвет	0,029
Позиция и Цвет	≤ 0,001
Стиль и Позиция и Цвет	0,009

Стиль и позиция и цвет.

Дисперсионный анализ выявил значимую статистическую зависимость времени рассматривания стимула от фактора стиль и фактора цвет.

Изучая график зависимости времени рассматривания от цвета активного элемента управления (рис. 5), можно увидеть обратную зависимость времени решения задачи от длины волны (цвета). Быстрее всего испытуемые решали задачу в случае, когда активный элемент управления окрашен в красный цвет, медленнее всего – в синий.

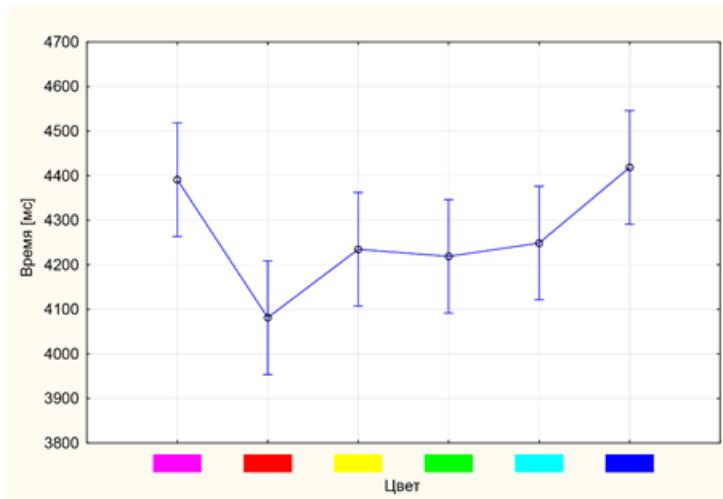

Рис. 5 – График распределения значений времени решения задачи в зависимости от факторов цвета.

Анализируя зависимость времени решения от фактора цвета и фактора позиции (рис. 6), можно отметить, что в целом среднее время решения задачи на элементы, расположенные слева, выше, чем на элементы, расположенные сверху. При этом факторы стоит рассматривать только совместно, так как статистически значимой зависимости от фактора позиции отдельно не наблюдается. Больше всего значимость расположения элементов управления видна в случае пурпурного и синего цветов. Для первого наилучшим расположением является позиция «сверху», для второго – «слева».

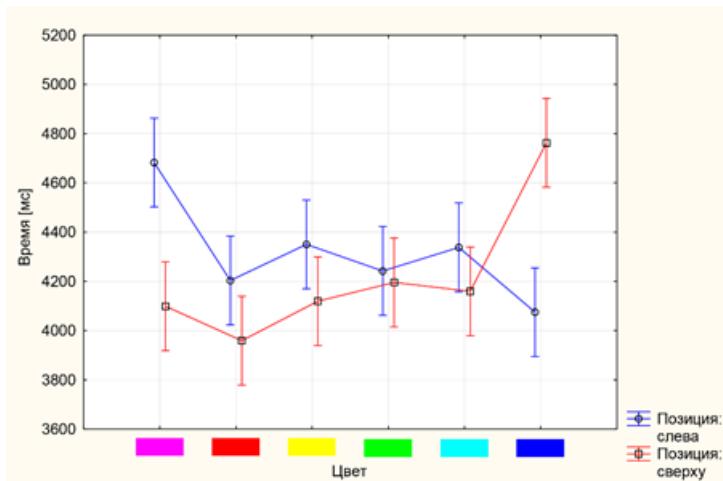

Рис. 6 – График распределения значений времени решения задачи в зависимости от факторов цвета и позиции.

На графике зависимости времени решения задачи от стиля и цвета (рис. 7) видно, что в среднем реакция на иконки быстрее, чем на текстовые обозначения, что подтверждает гипотезу о том, что визуальные символы обрабатываются быстрее, чем текстовая

информация в контексте данной задачи. Сильнее всего разница во времени заметна в случае элементов управления зеленого и голубого цвета, в других случаях разница менее значительна.

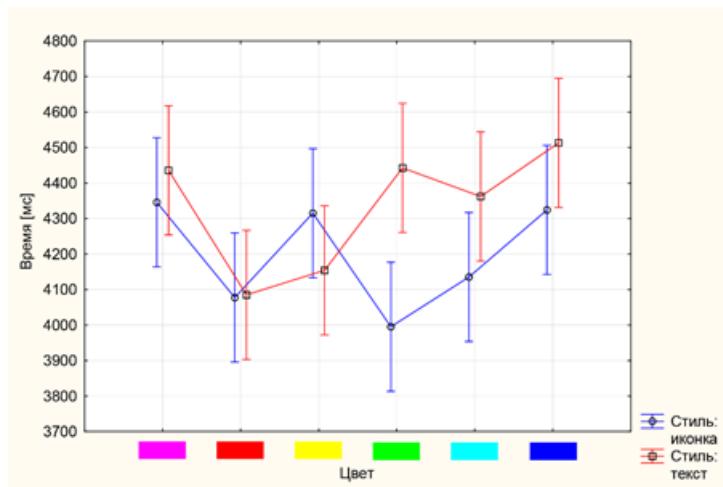

Рис. 7 – График распределения значений времени решения задачи в зависимости от факторов цвета и стиля.

Исследуя зависимость времени решения задачи от цвета управляющего элемента, его стиля, а также расположения (рис. 8) можно подтвердить, что большинстве случаев время поиска информации для элементов, расположенных сверху, оказывается меньшим, чем для элементов, расположенных слева. Независимо от стиля (типа) элемента управления красный цвет позволяет решить задачу быстрее при расположении сверху, медленнее всего при расположении слева. Для синего цвета действует обратная зависимость.

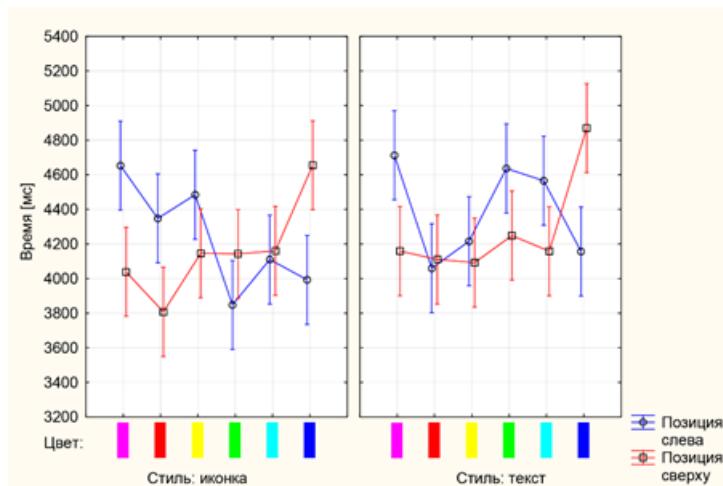

Рис. 8 – График распределения значений времени решения задачи в зависимости от факторов цвета, стиля и позиции.

Таблица 2 – Вычисленные значения p-value по параметру time для факторов стиль, подложка и цвет.

Фактор	p-value
Стиль	0,013
Подложка	≤ 0,001
Цвет	0,004
Стиль и Подложка	0,069
Стиль и Цвет	0,031

Подложка и Цвет	0,202
Стиль и Подложка и Цвет	0,399

Анализируя зависимость значения времени от факторов позиции, подложки и стиля (рис. 9) можно заметить, что наличие подложки значительно увеличивает время решения задачи как для текстовых, так и для иконографических элементов управления. Интересным является факт того, что в случае расположения текстового элемента управления сверху без подложки, задача решалась быстрее всего, при добавлении же подложки задача в такой конфигурации стала решаться дольше всего. В данном случае можно предположить, что подложка в таком варианте усложняет поиск нужного элемента в интерфейсе, так как взгляд оператора сначала воспринимает элементы как единую группу, а затем уже идентифицирует каждый по-отдельности.

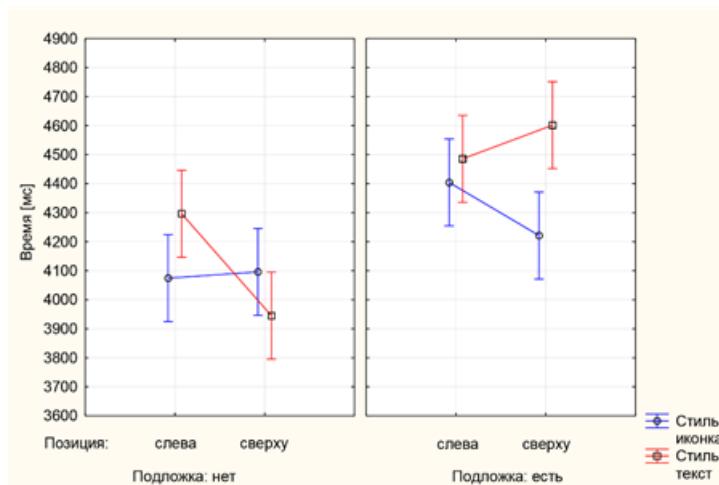

Рис. 9 – График распределения значений времени решения задачи в зависимости от факторов позиции, стиля и подложки.

Для более детального рассмотрения результатов исследования можно проанализировать длину пути взора испытуемых, косвенно говорящего об уровне когнитивной нагрузки оператора. Изучая зависимость параметра длины пути взора от факторов цвета, подложки и позиции (рис. 10) можно предположить, что подложка сама по себе упорядочивает восприятие отдельных элементов интерфейса. В случае наличия подложки заметен перелом графика на голубом цвете, при котором длина пути взора при расположении элементов слева, и сверху одинаковы.

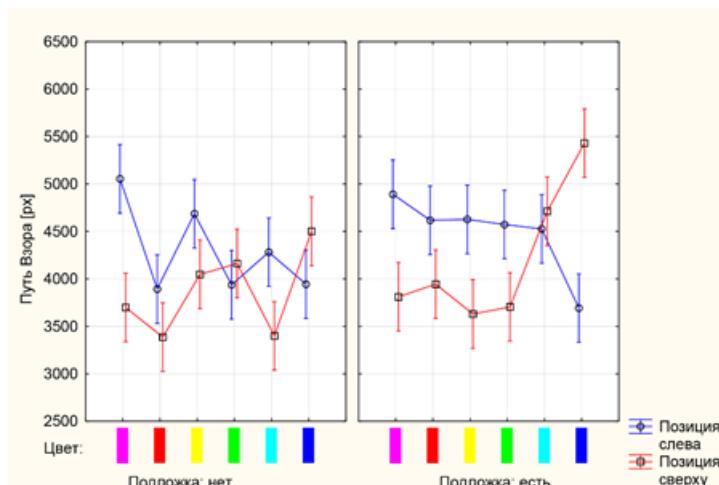

Рис. 10 – График распределения значений длины пути взора в зависимости от факторов цвета, позиции и подложки.

Выводы

В ходе исследования были выявлены факторы, оказывающие влияние на восприятие управляющих элементов в интерфейсах удалённого управления динамическими объектами. Анализ экспериментальных данных показал, что цвет активных элементов управления, их расположение, тип (текстовые или иконографические), а также наличие подложки под элементами оказывают влияние на скорость выполнения задачи оператором.

Основные выводы исследования:

- Цвет активных элементов управления играет важную роль в скорости их восприятия. На основе полученных результатов можно выдвинуть гипотезу о том, что скорость восприятия пропорциональна длине волны излучения. Красные элементы воспринимаются быстрее всего, синие и пурпурные наоборот – медленнее.
- Расположение управляющих элементов оказывает влияние на скорость их восприятия. В целом, вертикальное расположение слева оказалось менее эффективным по сравнению с горизонтальным размещением сверху. Однако в некоторых случаях разница минимальна (зеленые, голубые элементы), а в случае синего элемента управления вертикальное расположение воспринимается быстрее.
- Тип управляющего элемента (иконографический или текстовый) также влияет на восприятие: иконки позволяют быстрее ориентироваться в интерфейсе, особенно в случае зеленых и голубых элементов.
- Наличие подложки под управляющими элементами повышает их визуальную отдаленность, однако в целом увеличивает время решения задачи.
- Дисперсионный анализ с использованием процедуры ANOVA подтвердил статистическую значимость выявленных зависимостей, особенно в отношении цветовых параметров и стиля (типа) элементов управления.

Результаты исследования могут быть полезны при разработке интерфейсов дистанционного управления, требующих высокой скорости реакции и минимального уровня ошибок со стороны оператора. Оптимизация визуальных характеристик элементов управления позволит повысить эффективность работы операторов в условиях высокой динамики и повышенных требований к ситуационной осведомлённости.

Библиография

1. Зыбин, Е. Ю., Косьянчук, В. В., Земкин, В. А. Авиационные человеко-машинные интерфейсы: состояние и перспективы развития // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Москва : Институт психологии РАН, 2021. С. 211-230.
2. Choi, J.-K., Kwon, Y.-J., Jeon, J., Kim, K., Choi, H., Jang, B. Conceptual Design of Driver-Adaptive Human-Machine Interface for Digital Cockpit // 2018 International Conference on Information and Communication Technology Convergence (ICTC), Jeju, Korea (South), 2018. C. 1005-1007. doi:10.1109/ICTC.2018.8539644.
3. Endsley, M. R. Toward a theory of situation awareness in dynamic systems // Human factors. 1995. Т. 37, № 1. С. 32-64. doi:10.1518/00187209577904954.
4. Wickens, C. D. Multiple Resources and Mental Workload // Human Factors: The Journal of the Human Factors and Ergonomics Society. 2008. Т. 50, № 3. С. 449-455.

doi:10.1518/001872008X288394.

5. Parasuraman, R., Riley, V. Humans and automation: Use, misuse, disuse, abuse // Human factors. 1997. Т. 39, № 2. С. 230-253. doi:10.1518/001872097778543886.
6. Manoochehri, M. Up to the magical number seven: An evolutionary perspective on the capacity of short term memory // Heliyon. 2021. Т. 7, № 5. doi:10.1016/j.heliyon.2021.e06955.
7. Singh, H., Singh, J. Human eye tracking and related issues: A review // International Journal of Scientific and Research Publications. 2012. Т. 2, № 9. С. 1-9. URL: <http://www.ijsrp.org/research-paper-0912.php?rp=P09146>.
8. Янчус, В. Э. Информационная модель восприятия визуальной информации человеком // Труды Международной конференции по компьютерной графике и зрению "Графикон". 2023. № 33. С. 969-975. DOI: 10.20948/graphicon-2023-969-975. URL: https://www.graphicon.ru/html/2023/papers/paper_101.pdf.
9. Horizontal Attention Leans Left // Nielsen Norman Group. URL: <https://www.nngroup.com/articles/horizontal-attention-leans-left/> (дата обращения: 29.01.2025).
10. Акрамов, Ш. У., Романова, А. Н., Зюзина, А. И. Закономерность Миллера или пределы кратковременной памяти человека // Вестник Калужского университета. 2022. № 3(56). С. 39-44. DOI: 10.54072/18192173_2022_3_5_39.
11. Шиффман, Х. Р. Ощущение и восприятие. 5-е изд. СПб.: Питер, 2003. 929 с.
12. Янчус В.Э., Боревич Е.В., Авдеева А.А. Применение технологии ай-трекинга в вопросах исследования восприятия графической информации // Программные системы и вычислительные методы. 2021. № 1. С. 53-62. DOI: 10.7256/2454-0714.2021.1.33378 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33378
13. Goodman, S. N. Aligning statistical and scientific reasoning // Science. 2016. Т. 352, № 6290. С. 1180-1181. doi:10.1126/science.aaf5406.
14. Кулаичев, А. П. Методы и средства комплексного анализа данных. ИНФРА-М, 2006. 512 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Исследование влияния элементов графического интерфейса на считывание зрительной информации». Работа включает в себя постановку проблемы, описание материалов и методов исследования, анализ полученных результатов и их обсуждение. В завершении статьи представлены обобщающие выводы.

Предмет исследования. В качестве объекта исследования выступает пользовательский интерфейс системы управления удаленным динамическим объектом, а предмета – средства UX-дизайна для создания графического интерфейса систем управления. Исследование нацелено на выявление влияния определенных в настоящей работе факторов на восприятие элементов управления в интерфейсах удаленного управления динамическими объектами. В целом, предмет исследования автором был раскрыт в полной мере.

Методологическая основа исследования. В проведенном эксперименте участвовало 38 испытуемых из числа студентов Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого в возрасте от 18 до 22 лет, среди них 11 мужчин и 27 женщин. Автором была выделена следующая исследовательская гипотеза: цвет активного управляющего

элемента, его расположение, тип, а также цветовое выделение (наличие подложки) оказывают влияние на скорость поиска зрительной информации в пользовательском интерфейсе. Первым фактором является цвет, форма и расположение элементов в графическом интерфейсе, вторым - расположение элементов управления в интерфейсе, третьим - тип управляющего элемента, а четвертый - наличие подложки под управляющими элементами интерфейса. Было собрано 27583 фиксаций и 26566 саккад. Статистическая обработка экспериментальных данных проводилась посредством программной процедуры ANOVA – стандартной процедуры дисперсионного анализа.

Актуальность исследования. Автором отмечается, что данной проблеме удалено недостаточное внимание в психологических исследований.

Научная новизна исследования. В ходе исследования были выявлены факторы, оказывающие влияние на восприятие управляющих элементов в интерфейсах удалённого управления динамическими объектами. Анализ экспериментальных данных показал, что цвет активных элементов управления, их расположение, тип (текстовые или иконографические), а также наличие подложки под элементами оказывают влияние на скорость выполнения задачи оператором.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы прослеживается, автором выделены основные смысловые части. Логика в работе имеется. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы достаточный, чтобы предмет исследования был раскрыт.

Во вводной части определены: актуальность и проблема исследования; сформулированы объект, предмет и цель. В следующих разделах представлены материалы и методы исследования, описание эксперимента и оборудования, результаты и их обсуждение. В заключении сделаны основные выводы.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 14 отечественных и зарубежных источников, незначительная часть которых была издана за последние три года. В список включены, в основном, статьи и тезисы, а также учебно-методические материалы и монографии. Источники оформлены не во всех позициях корректно и однородно. Например, не во всех источниках представлено количество страниц (например, номер 6). Важно обратить внимание на оформление интернет-источников.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации: корректно сделать описание таблиц и рисунков (например, в названиях не ставится точка в конце) и указать показатели измерений в таблицах (% , кол-во и пр.).

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью. Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами изучения восприятия зрительной информации. Проблема рассматривается через призму изучения влияния элементов графического интерфейса на ее считывание. Статья может быть рекомендована к опубликованию. Однако важно учесть выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Англоязычные метаданные

Coping behavior and depression of patients with affective disorders: a systematic review of the literature

Borovikov Andrei Vladislavovich

Independent researcher, Faculty of Psychology, Saint Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, emb. Makarova street, 6

 alohaman1999@gmail.com

Abstract. People face various psychosocial stressors on a daily basis, which are important factors in the development and maintenance of depression. However, most people who are exposed to stress do not develop depression, which is partly due to the adaptive mechanisms. In particular, these mechanisms include coping behavior. Almost 20 years have passed since the last review addressing the issue of coping and depression of patients with affective disorders, many studies have been conducted in the field of coping and depression. In this regard, there is a need to update and systematize scientific data for a deeper understanding of the features of the depressive state of patients with affective disorders. The aim of the study is to identify and summarize existing scientific data on the features of coping behavior of patients with depression within the framework of affective disorders. To achieve this goal, a systematic review of the literature was conducted. The review used two search strategies: systematic electronic database search (PubMed, Google Scholar, and eLibrary.Ru) and manual article search. 42 articles were found: 27 publications with cross-sectional design and 15 papers with longitudinal design. It was revealed that the symptoms of depression are negatively associated with problem-oriented coping and emotionally-oriented coping aimed at involving stress in a situation. Avoidant coping is directly related to the symptoms of depression and predicts its development. Only one study has been identified where coping was considered as a risk factor for depression of healthy people. The results of two studies have shown that coping mediates the relationship between childhood abuse and depression. It was revealed that the coping profile of patients with affective disorders differs from the profile of healthy people: the predominance of avoidance strategies and the low severity of problem-oriented coping. There are not enough studies comparing different clinical groups on coping strategies. In addition, the gender specificity of coping and the relationship of coping with age characteristics are considered. It is noted that researchers use different methods of coping assessment, which makes it difficult to analyze, summarize and compare data. There are also no studies on the interaction of coping strategies and personality traits.

Keywords: coping strategies, coping, unipolar depression, depressive disorder, depressive symptoms, symptoms of depression, depression, mood disorders, affective disorders, coping behavior

References (transliterated)

1. Ababkov V. A., Perre M. Adaptatsiya k stressu. Osnovy teorii, diagnostiki, terapii. SPb.: Rech', 2004. 166 s.
2. Antokhin E.Yu. Nepsikhologicheskaya depressiya i izbytochnaya massa tela: kliniko-psikhologicheskie osobennosti // Psichiatriya, psikhoterapiya i klinicheskaya psichologiya. 2013. № 4. S. 47-58.

3. Antokhin E.Yu. i dr. Distimiya: osobennosti psikhopatologii i protektivnykh struktur i ikh dinamika v terapii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Meditsina. 2017. № 3. S. 251-265.
4. Bodrov V.A. Psikhologicheskii stress: razvitiye i preodolenie. – M.: PER SE, 2006. 528 s.
5. Isaeva E.R., Zuikova N.V. Zashchitno-sovpadayushchii stil' povedeniya bol'nykh deprivativnymi rasstroistvami // Sibirskii psikhologicheskii zhurnal. 2002. № 16-17. S. 84-88.
6. Lysenko A.V. Issledovanie osobennostei coping-strategii u bol'nykh rekurrentnym deprivativnym rasstroistvom // Skif. Voprosy studencheskoi nauki. 2018. № 11. S. 53-56.
7. Neznanov N.G., Kotsyubinskii A.P., Mazo G.E. Biopsikhosotsial'naya psikiatriya: rukovodstvo dlya vrachei. M.: SIMK, 2020. 904 s.
8. Aldwin C.M. et al. Age differences in stress, coping, and appraisal: Findings from the Normative Aging Study // The Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences. 1996. Vol. 42. No. 8. P. 179-188.
9. Beck A.T. The evolution of the cognitive model of depression and its neurobiological correlates // American journal of psychiatry. 2008. Vol. 165. No 8. P. 969-977.
10. Billings A.G., Moos R.H. Coping, stress, and social resources among adults with unipolar depression // Journal of personality and social psychology. 1984. Vol. 46. No. 4. P. 877.
11. Bockting C.L.H. et al. Differential predictors of response to preventive cognitive therapy in recurrent depression: a 2-year prospective study // Psychotherapy and psychosomatics. 2006. Vol. 75. No. 4. P. 229-236.
12. Bolger N., Zuckerman A. A framework for studying personality in the stress process // Journal of personality and social psychology. 1995. Vol. 69. No. 5. P. 890.
13. Carver C.S., Connor-Smith J. Personality and coping // Annual review of psychology. 2010. Vol. 61. No. 1. P. 679-704.
14. Carver C.S., Vargas S. Stress, coping, and health // The Oxford handbook of health psychology / Edited by H.S. Friedman. Oxford university press, 2011. Part 2. P. 162-188.
15. Cheng C. et al. Coping style and mental health amid the first wave of the COVID-19 pandemic: a culture-moderated meta-analysis of 44 nations // Health Psychology Review. 2024. Vol. 18. No. 1. P. 141-164.
16. Choudhury S., Sahoo S., Dash S. R. Coping Mechanisms Used by Women with Major Depression // EXECUTIVE EDITOR. 2020. Vol. 11. No. 10. P. 170.
17. Christensen M.V., Kessing L.V. Clinical use of coping in affective disorder, a critical review of the literature // Clinical practice and epidemiology in mental health. 2005. Vol. 1. P. 1-9.
18. Connor-Smith J.K., Flachsbart C. Relations between personality and coping: a meta-analysis // Journal of personality and social psychology. 2007. Vol. 93. No. 6. P. 1080.
19. Crasovan I.C., Crasovan D.N. R. Identifying coping mechanisms specific to non-psychotic major depressive disorder—Using the Romanian Version of COPE Questionnaire // Revista de Psihologie. 2021. Vol. 67. No. 3. P. 21-34.
20. Cronkite R.C. et al. Life circumstances and personal resources as predictors of the ten-year course of depression // American journal of community psychology. 1998. Vol. 26. No. 2. P. 255-280.
21. Cronkite R.C. et al. Life stressors and resources and the 23-year course of depression

- // Journal of Affective Disorders. 2013. Vol. 150. No. 2. P. 370-377.
22. De Berardis D. et al. Religious coping, hopelessness, and suicide ideation in subjects with first-episode major depression: An exploratory study in the real world clinical practice // Brain Sciences. 2020. Vol. 10. No. 12. P. 912.
23. Duggar P. et al. Gender Differences in Emotional Intelligence and Coping Strategies in Patients of Bipolar Depressive Disorder // Sch J App Med Sci. 2021. Vol. 12. P. 1813-1833.
24. Engel-Yeger B. et al. Sensory processing patterns, coping strategies, and quality of life among patients with unipolar and bipolar disorders // Brazilian Journal of Psychiatry. 2016. Vol. 38. P. 207-215.
25. Erden S.C., Uygur A.B., Karakus K. Evaluation of coronavirus anxiety levels and coping strategies of major depressive disorder, generalized anxiety disorder, and panic disorder patients during the COVID-19 pandemic // Sisli Etfal Hastan Tip Bul. 2023. Vol. 57. No. 1. P. 33-45.
26. Fletcher K., Parker G.B., Manicavasagar V. Coping profiles in bipolar disorder // Comprehensive psychiatry. 2013. Vol. 54. No. 8. P. 1177-1184.
27. Fletcher K., Parker G., Manicavasagar V. The role of psychological factors in bipolar disorder: prospective relationships between cognitive style, coping style and symptom expression // Acta neuropsychiatrica. 2014. Vol. 26. No. 2. P. 81-95.
28. Folkman S., Moskowitz J.T. Coping: Pitfalls and promise // Annu. Rev. Psychol. 2004. Vol. 55. No. 1. P. 745-774.
29. Güll A. et al. Differences Between Childhood Traumatic Experiences and Coping Styles For Male and Female Patients with Major Depression // Turkish Journal of Psychiatry. 2017. Vol. 28. No. 4. P. 246-254.
30. Hammen C. et al. Psychiatric history and stress: predictors of severity of unipolar depression // Journal of abnormal psychology. 1992. Vol. 101. No. 1. P. 45.
31. Hammen C. Stress and depression // Annu. Rev. Clin. Psychol. 2005. Vol. 1. No. 1. P. 293-319.
32. Harris A.H.S., Cronkite R., Moos R. Physical activity, exercise coping, and depression in a 10-year cohort study of depressed patients // Journal of affective disorders. 2006. Vol. 93. No. 1-3. P. 79-85.
33. Ho C.S.H., Chua J., Tay G.W.N. The diagnostic and predictive potential of personality traits and coping styles in major depressive disorder // BMC psychiatry. 2022. Vol. 22. No. 1. P. 301.
34. Holahan C.J. et al. Drinking to cope and alcohol use and abuse in unipolar depression: a 10-year model // Journal of abnormal psychology. 2003. Vol. 112. No. 1. P. 159.
35. Holahan C.J. et al. Stress generation, avoidance coping, and depressive symptoms: a 10-year model // Journal of consulting and clinical psychology. 2005. Vol. 73. No. 4. P. 658.
36. Holubova M. et al. Quality of life and coping strategies of outpatients with a depressive disorder in maintenance therapy – a cross-sectional study // Neuropsychiatric disease and treatment. 2017. P. 73-82.
37. Hutchinson J.G., Williams P.G. Neuroticism, daily hassles, and depressive symptoms: An examination of moderating and mediating effects // Personality and Individual Differences. 2007. Vol. 42. No. 7. P. 1367-1378.
38. Kandola A. et al. Physical activity and depression: Towards understanding the antidepressant mechanisms of physical activity // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. – 2019. Vol. 107. P. 525-539.

39. Kendler K.S., Karkowski L.M., Prescott C.A. Causal relationship between stressful life events and the onset of major depression // American journal of psychiatry. 1999. Vol. 156. No. 6. P. 837-841.
40. Kessing L.V., Agerbo E., Mortensen P.B. Does the impact of major stressful life events on the risk of developing depression change throughout life? // Psychological medicine. 2003. Vol. 33. No. 7. P. 1177-1184.
41. Krantz S.E., Moos R.H. Risk factors at intake predict nonremission among depressed patients // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1988. Vol. 56. No. 6. P. 863.
42. Lazarus R.S., Launier R. Stress-related transactions between person and environment // Perspectives in interactional psychology. Boston, MA: Springer US, 1978. P. 287-327.
43. Lazarus R.S., Folkman S. Stress, Appraisal, and Coping. NY: Springer, 1984. P. 445.
44. Lazarus R.S., Folkman S. Transactional theory and research on emotions and coping // European Journal of personality. 1987. Vol. 1. No. 3. P. 141-169.
45. Lazarus R.S. Coping theory and research: past, present, and future // Psychosomatic medicine. 1993. Vol. 55. No. 3. P. 234-247.
46. Liberati A. et al. The PRISMA statement for reporting systematic reviews and meta-analyses of studies that evaluate health care interventions: explanation and elaboration // Annals of internal medicine. 2009. Vol. 151. No. 4. P. W-65-W-94.
47. Li M. et al. To what extent do social support and coping strategies mediate the relation between childhood maltreatment and major depressive disorder: A longitudinal community-based cohort // Development and psychopathology. 2024. Vol. 36. No. 1. P. 50-61.
48. Manceaux P., Zdanowicz N. Immunity, coping and depression // Psychiatria Danubina. 2016. Vol. 28. No. suppl 1. P. 165-169.
49. Maruta, N. Clinical-Psychopathological and Pathopsychological Prognostic Factors of Recurrent Depressive Disorders Course / N. Maruta, V. Fedchenko // Psychiatry, psychotherapy and clinical psychology. 2019. Vol. 10. No. 1. P. 120-134.
50. Matud M.P. Gender differences in stress and coping styles // Personality and individual differences. 2004. Vol. 37. No. 7. P. 1401-1415.
51. McWilliams L.A., Cox B.J., Enns M.W. Use of the Coping Inventory for Stressful Situations in a clinically depressed sample: Factor structure, personality correlates, and prediction of distress 1 // Journal of clinical psychology. 2003. Vol. 59. No. 12. P. 1371-1385.
52. Monroe S.M. et al. Major life events and major chronic difficulties are differentially associated with history of major depressive episodes // Journal of abnormal psychology. 2007. Vol. 116. No. 1. P. 116.
53. Oh M. et al. Differences in personality, defense styles, and coping strategies in individuals with depressive disorder according to age groups across the lifespan // Psychiatry investigation. 2019. Vol. 16. No. 12. P. 911.
54. Oldehinkel A.J., Ormel J., Neeleman J. Predictors of time to remission from depression in primary care patients: do some people benefit more from positive life change than others? // Journal of Abnormal Psychology. 2000. Vol. 109. No. 2. P. 299.
55. Orzechowska A. et al. Depression and ways of coping with stress: A preliminary study // Medical science monitor: international medical journal of experimental and clinical research. – 2013. Vol. 19. P. 1050.
56. Orzechowska A. et al. Ways of Coping with Stress among Patients with Depressive Disorders // Journal of Clinical Medicine. 2022. T. 11. No. 21. P. 6500.

57. Ormel J., Oldehinkel A.J., Vollebergh W. Vulnerability before, during, and after a major depressive episode: a 3-wave population-based study // Archives of general psychiatry. 2004. Vol. 61. No. 10. P. 990-996.
58. Pu S. et al. The relationship between the prefrontal activation during a verbal fluency task and stress-coping style in major depressive disorder: a near-infrared spectroscopy study // Journal of psychiatric research. 2012. Vol. 46. No. 11. P. 1427-1434.
59. Rodgers S. et al. Low emotion-oriented coping and informal help-seeking behaviour as major predictive factors for improvement in major depression at 5-year follow-up in the adult community // Social psychiatry and psychiatric epidemiology. 2017. Vol. 52. No. 9. P. 1169-1182.
60. Schuckit M.A. Alcohol, anxiety, and depressive disorders // Alcohol health and research world. 1996. Vol. 20. No. 2. P. 81.
61. Skinner E.A., Zimmer-Gembeck M.J. The development of coping // Annu. Rev. Psychol. – 2007. Vol. 58. No. 1. P. 119-144.
62. Suh H. et al. Similarities and differences of strategies between bipolar and depressive disorders on stress coping // Psychiatry Investigation. 2020. Vol. 17. No. 1. P. 71.
63. Su Y. et al. The relationship between childhood maltreatment and mental health problems: coping strategies and social support act as mediators // BMC psychiatry. 2022. Vol. 22. No. 1. P. 359.
64. Swindle R.W., Cronkite R.C., Moos R.H. Life stressors, social resources, coping, and the 4-year course of unipolar depression // Journal of Abnormal Psychology. 1989. Vol. 98. No. 4. P. 468.
65. Szádóczky E. et al. Predictors for 2-year outcome of major depressive episode // Journal of Affective Disorders. 2004. Vol. 83. No. 1. P. 49-57.
66. Taylor S.E., Stanton A.L. Coping resources, coping processes, and mental health // Annu. Rev. Clin. Psychol. 2007. Vol. 3. No. 1. P. 377-401.
67. Thompson R.J. et al. Maladaptive coping, adaptive coping, and depressive symptoms: Variations across age and depressive state // Behaviour research and therapy. 2010. Vol. 48. No. 6. P. 459-466.
68. Trew J.L. Exploring the roles of approach and avoidance in depression: An integrative model // Clinical psychology review. 2011. Vol. 31. No. 7. P. 1156-1168.
69. Tsujimoto E. et al. Discrepancies between self-and observer-rated depression severities in patients with major depressive disorder associated with frequent emotion-oriented coping responses and hopelessness // Neuropsychiatric disease and treatment. 2018. P. 2331-2336.
70. VandenBos G. R. APA Dictionary of Psychology // American Psychological Association. 2007.
71. Woodhead E. et al. The role of depression course on life functioning and coping outcomes from baseline through 23-year follow-up // Journal of Mental Health. 2022. Vol. 31. No. 3. P. 348-356.
72. Yamada K. et al. Coping behavior in depressed patients: A longitudinal study // Psychiatry research. 2003. Vol. 121. No. 2. P. 169-177.
73. Yeşiloğlu C. et al. The relationship of coping skills with psychache in patients with depressive disorder // Medicine. 2023. Vol. 102. No. 29. P. e3433.

Training as a technology for correcting emotional and cognitive impairments of HIV-infected patients. Evaluation of

effectiveness

Vasileva Galina Nikolaevna

Postgraduate student; Department of General and Clinical Psychology, First St. Petersburg State Medical University named after Academician I.P. Pavlov

197706, Russia, Saint Petersburg, Dubkovskoe highway, 17, sq. 24

✉ galya@list.ru

Abstract. The subject of the study is the emotional sphere and cognitive functions (memory, attention, thinking) of patients with HIV infection. The object of the study is the patients themselves.

The author provides a detailed analysis of the cognitive impairments in this group of patients, which significantly affect treatment adherence, emotional stability, and overall quality of life. The focus is on the experience of conducting group training, the effectiveness of which is demonstrated by improvements of participants' emotional state and cognitive functions. The study emphasizes the importance of a personalized approach to assessing and correcting cognitive functions and emotional disorders, considering factors such as disease stage, comorbidities, psychoemotional state, and individual patient characteristics. Based on these findings, the author developed a training program tailored to meet the needs of this group. In the work we used an information questionnaire, Schulte tables, "10 words memorization test", "Munsterberg test", methods "Essential attributes", "Exclusion of superfluous" (non-verbal version), method "Complex analogies", "Psychopathological symptomatology severity questionnaire", method of diagnostics of irrational attitudes A. Ellis and method "Life satisfaction index". Psychodiagnostic examination was conducted before the training and after every eight sessions. The main conclusions of the study are the proven effectiveness of the training in improving memory (of 39% of participants), attention (of 83%), logical thinking (of 36%) and emotional state, including a significant reduction in somatization, obsessive-compulsive manifestations, depression and anxiety (of 47-63%). Questionnaire survey of participants showed high satisfaction with the training and improvement of cognitive functions and emotional state, which confirms the relevance of the approach. Correlation analysis showed a significant relationship between emotional tension and irrational attitudes, which is important to consider in rehabilitation programs. The training program was adapted to the peculiarities of the participants, which allowed to achieve improvements in cognitive and emotional spheres.

Keywords: life satisfaction, irrational beliefs, a personalized approach, emotional disorders, comorbidity, psychological technology, training, cognitive impairment, cognitive functions, HIV infection

References (transliterated)

1. Marcus J.L. Comparison of Overall and Comorbidity-Free Life Expectancy Between Insured Adults With and Without HIV Infection, 2000–2016 // Marcus JL, Leyden WA, Alexeeff SE, et al. Comparison of Overall and Comorbidity-Free Life Expectancy Between Insured Adults With and Without HIV Infection, 2000-2016. JAMA Netw Open. 2020;3(6):e207954. Published 2020 Jun 1. doi:10.1001/jamanetworkopen.2020.7954
2. Rekhtina N.V. Kachestvo zhizni lits, zhivushchikh s VICH, v sovremennoi Rossii: Disser. ... kand. psikhol. nauk: 22.00.04 / N.V. Rekhtina. – Barnaul, 2012. – 164 s.
3. Manjula A Rao Assessment of Emotional Problems faced by People Living with

- HIV/AIDS and to study the role of family support and role of a counsellor to manage the Emotional Problems // Imperial Journal of Interdisciplinary Research (IJIR) Vol-2, Issue-7, 2016. P. 546-551.
4. Kol'tsova O. V. Psikhologicheskaya pomoshch' bol'nym s VICh-infektsiei v spetsializirovannom uchrezhdenii zdravookhraneniya -Tsentre SPID: Disser. ... kand. psikhol. nauk: 19.00.01 / O. V. Kol'tsova. – Sankt-Peterburg, 2013. – 116 s.
 5. Kol'tsova O.V., Safonova P.V., Rybnikov V.Yu. Psikhologicheskie trudnosti patsientov, infitsirovannykh virusom immunodefitsita cheloveka, pri podgotovke k antiretrovirusnoi terapii. Zhurnal infektologii. 2019;11(4). – S. 85-91.
 6. Ulyukin I. M., Chikova R. S. Uroven' kachestva zhizni bol'nykh VICh-infektsiei i ego zavisimost' ot psikhologicheskikh pokazatelei // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Meditsina. 2006. № 3.
 7. Baskakova I. V., Podymova A. S., Turgel' I. D., Balandina M. S. Otsenka vliyaniya zabolevaniya VICh-infektsiei na kachestvo zhizni naseleniya v regione // Ekonomika regiona. – 2020. – T. 16, vyp. 1. – S. 114-126.
 8. Filonenko, N.G. Aktual'nost' voprosov kachestva zhizni lyudei, zhivushchikh s VICh/SPID/ N.G. Filonenko, S.M. Golovina // Byull. Natsional'nogo NII obshchestvennogo zdorov'ya. – 2007. – Vyp.6. – S. 52-56.
 9. Kurambaeva, S. R. Narushenie kognitivnykh funktsii u bol'nykh VICh / S. R. Kurambaeva // Dobrokhotovskie chteniya : Materialy III mezhdisciplinarnoi nauchnoi konferentsii, Makhachkala, 05-06 oktyabrya 2018 goda / Glavnyi redaktor B.A. Abusueva. – Makhachkala: PBOYuL "Zulumkhanov", 2018. – S. 70-74.
 10. Skriningovaya otsenka urovnya distressa i vyrazhennosti psikhopatologicheskikh simptomov u VICh-infitsirovannykh patsientov / O. V. Kol'tsova, A. V. Gaisina, V. Yu. Rybnikov, V. V. Rassokhin // VICh-infektsiya i immunosupressii. – 2013. – T. 5, № 2. – S. 35-41. – EDN QCVRHV.
 11. Kol'tsova O.V., Moshkova G.Sh. Kognitivnye narusheniya i kognitivnyi rezerv, ikh vzaimosvyazi s povedencheskimi osobennostyami u patsientov s virusom immunodefitsita cheloveka vo vremya gospitalizatsii / Obozrenie psikiatrii i meditsinskoi psikhologii im. V.M. Bektereva, 2021, No 1. S. 53-59.
 12. Buzina T.S. Psikhologicheskaya model' profilaktiki zavisimosti ot psichoaktivnykh veshchestv i sochetannykh s nei parenteral'nykh infektsii - Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora psikhologicheskikh nauk. 2016.
 13. Vasilenko A.E. Osobennosti psikhologicheskoi pomoshchi VICh-infitsirovannym klientam v usloviyakh gosudarstvennykh tsentrov sotsial'noi pomoshchi naseleniyu / A.E. Vasilenko // Sotsial'noe obsluzhivanie semei i detei : nauchno-metodicheskii sbornik. – 2016. – Vyp. 8: Sem'ya i problemy VICh-infektsii: profilaktika i sotsial'noe obsluzhivanie. – S. 123-133.
 14. Kholmogorova A.B., Garanyan N.G., Dolnykova A.A., Shmukler A.B. Programma treninga kognitivnykh i sotsial'nykh navykov (TKSN) u bol'nykh shizofreniei. Sotsial'naya i klinicheskaya psikiatriya, 2007. N 4. S. 67-77.
 15. Isaeva E.R., Lebedeva G.G. Trening kognitivnogo i sotsial'nogo funkcionirovaniya v sisteme reabilitatsii patsientov s nervno-psikhicheskimi rasstroistvami // "Biopsikhosotsial'nyi podkhod k neiroreabilitatsi": Sb. materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, 22-23 maya 2015g., Sankt-Peterburg. SPb: Izd-vo "Chelovek i ego zdorov'e", 2015. S. 16-22.
 16. Savchenko G.N., Kol'tsova O.V. Trening zhiznestoikosti dlya VICh-infitsirovannykh zhenshchin // VICh-infektsiya immunosupressii. 2020. T. 12, № 3. S. 111-119. DOI:

10.22328/2077-9828-2020-12-3-111-119

17. Kol'tsova O.V. Znachenie meditsinskoi psikhologii v okazanii kompleksnoi kliniko-diagnosticheskoi i terapeuticheskoi pomoshchi VICh-infitsirovannym patsientam // Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. «Zeigarnikovskie chteniya. Diagnostika i psikhologicheskaya pomoshch' v sovremennoi klinicheskoi psikhologii». M., 2020. S. 700-702.
18. Morozova E.V. Aleksanin S.S. Reabilitatsionnaya priverzhennost' i sovladanie lichnosti s krizisnoi situatsiei invalidiziruyushchei bolezni // Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta. 2022. № (204). S. 502-512. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2022.2.p502-512
19. Personalizirovannyi podkhod k lecheniyu patsienta s VICh-infektsiei / N. A. Belyakov, V. V. Rassokhin, E. V. Stepanova [i dr.] // 2020. – T. 12, № 3. – S. 7-34. – DOI: 10.22328/2077-9828-2020-12-3-7-34. – EDN OWHQYU.
20. Muryanova N.N. Psikhologicheskie osobennosti VICh-infitsirovannykh bol'nykh / N.N. Muryanova, V.I. Gorbunov // Zhurnal infektologii. – 2015. № 7(2). – S. 70-74.

Implementation of the model of positive civic identity and traditional values of students

Pavlova Kseniya Nikolaevna

Senior lecturer; Department of Theoretical and Applied Psychology, Zabaikalsky State University

129 Babushkina str., Chita, Zabaikalsky Krai, 672000, Russia, room 508

 p.kseniya13@mail.ru

Abstract. The article presents the developed and tested model of formation of positive civic identity and traditional values of students. The purpose of the article: to present the results of the formative experiment confirming the effectiveness of the model (increase in the indicators of positive civic identity and traditional values of students after its implementation). Research design: experiment, control diagnostics, the development and implementation of special tests on psychology of personal values. Participants: 20 students studying in the psychology department (experimental group) and 17 students studying in the special (defectological) education department (control group). Research loci: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Transbaikal State University" (Chita, Russia). Methods (tools): value questionnaire by Sh. Schwartz, identity questionnaire in 16 categories (M. S. Yanitsky and others), R. Inglehart's method (modification of M. S. Yanitsky), method of measuring the expression of civic identity (N. M. Lebedeva, A. N. Tatarko). Mathematical processing of data was carried out using the Wilcoxon T-test. The results of the forming experiment showed that during the implementation of the model there were significant shifts in the indicators of a number of values at the individual level (conformity, traditions, benevolence, safety). The significance of the identities "I as a representative of my people", "I as a citizen of my country" and "I as a resident of this city" increased significantly. After psychological and pedagogical influence, the number of those who recognize the values of adaptation and socialization increased. The indicators "Strength" and "Valence" (degree of positivity) of civic identity increased significantly.

Keywords: students, formation of traditional values, formation of civic identity, components of identity, hierarchical system, model, traditional values, civic identity, values, identity

References (transliterated)

1. Voronin, V. M. Ponimanie i tsennosti (norma i patologiya): monografiya [Tekst] / V. M. Voronin, M. M. Itskovich ; Ministerstvo zdravookhraneniya Sverdlovskoi oblasti, Ural'skii federal'nyi universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina, Ural'skii gumanitarnyi institut. – Ekb. : Izdatel'skii Dom «Azhur», 2018. – 306 s.
2. Vyaznikova, L. F. Tsennosti kak psikhologicheskii resurs dlya lichnostnogo razvitiya [Tekst] / L. F. Vyaznikova, E. N. Tkach // V sbornike : Chelovek v sovremenном mire : pandemiya i novyi tekhnologicheskii uklad. Sbornik nauchnykh trudov. Sost., red. M. V. Bakhtin; Obrazovatel'no-kul'turnyi tsentr «Inter-Sputnik»; Mezhdunarodnyi professorskii klub ; Rossiiskii gosudarstvennyi sotsial'nyi universitet. – Raguza: 2021. – S. 416-426.
3. Gugueva, D. A. Tsennosti sovremennoi rossiiskoi molodezhi v real'nom i virtual'nom obshchestvakh [Tekst] / D. A. Gugueva, O. V. Fetisova // Gumanitarii Yuga Rossii. – 2016. – T. 21. – № 5. – S. 85-92.
4. Drobizheva, L. M. Grazhdanskaya i etnicheskaya identichnost' i obraz zhelaemogo gosudarstva v Rossii [Tekst] / L. M. Drobizheva, S. V. Ryzhova // Polis. Politicheskie issledovaniya. – 2015. – № 5. – S. 9-24. DOI: 10.17976/jpps/2015.05.03
5. Drobizheva, L. M. Obshcherossiiskaya identichnost' v sotsiologicheskem izmerenii [Tekst] / L. M. Drobizheva, S. V. Ryzhova // Vestnik Rossiiskoi natsii. – 2021. – № 1-2. – S. 39-52.
6. Zhumataeva, M. S. Psikhologicheskie i psikhofiziologicheskie osobennosti studentov [Tekst] / M. S. Zhumataeva, M. K. Bapaeva, K. U. Shaizhanova // Sovremennye innovatsii. – 2016. – № 5 (7). – S. 76-78.
7. Karpova, E. G. Tsennosti i tsennostnye orientatsii tsifrovogo lidera v epokhu tsifrovoi ekonomiki [Elektronnyi resurs] / E. G. Karpova, E. S. Gurenko // Tsifrovaya sotsiologiya. – 2021. – № 4. – S. 13-17. Rezhim dostupa:
<https://digitalsociology.guu.ru/jour/article/view/103/71> (data obrashcheniya: 28.08.2023). DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-4-13-17
8. Kostyak, T. V. Identifikatsionnye strategii rossiiskikh studentov [Tekst] / T. V. Kostyak // Psikhologicheskie issledovaniya. – 2009. – T. 2. – № 6. – S.1-11.
9. Lebedeva, N. M. Kul'tura kak faktor obshchestvennogo progressa [Tekst] / N. M. Lebedeva, A. N. Tatarko. – M.: ZAO «Yustitsinform», 2009. – 408 s.
10. Meshcheryakova, I. N. Osobennosti psikhologicheskoi adaptatsii studentov-pervokursnikov [Tekst] / I. N. Meshcheryakova, E. G. Demets // Problemy sovremennoi pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2019. – № 62-4. – S. 276-279.
11. Pavlova, K. N. Ierarkhiya komponentov identichnosti studencheskoi molodezhi [Tekst] / K. N. Pavlova // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Psichologiya. – 2024. – T. 50. – S. 54–64. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2024.50.54>
12. Pavlova, K. N. Ierarkhiya tsennostnykh orientatsii studencheskoi molodezhi [Tekst] / K. N. Pavlova // Russian Journal of Education and Psychology. – 2024. – T. 15. – № 3. – S. 402-416. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-3-506
13. Sadokhin, A. P. Diskursivnye formy vospriyatiya v mezhkul'turnoi kommunikatsii [Tekst] / A. P. Sadokhin // Kommunikologiya. – 2014. – № 6. – S. 46-61.
14. Sedova, L. I. Traditsionnye tsennosti v strukture etnokul'turnoi identichnosti sovremennoi molodezhi [Tekst] / L. I. Sedova // Vestnik gosudarstvennogo universiteta Dubna. Seriya : Nauki o cheloveke i obshchestve. – 2021. – № 2. – S. 87-102.

15. Seryi, A. V. Smyslovaya obuslovlennost' struktury Ya-konseptsii studencheskoi molodezhi [Tekst] / A. V. Seryi, M. S. Yanitskii, O. A. Braun // Gertsenovskie chteniya : psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii. – 2020. – № 3. – S. 597-607. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2020-3-15
16. Soldatova, G. U. Tipy etnicheskoi identichnosti [Tekst] / G. U. Soldatova, S. V. Ryzhova // Psikhodiagnostika tolerantnosti lichnosti. – M. : Izdatel'stvo "Smysl", 2008. – S. 140-146.
17. Fadeeva, L. A. Institutionalizatsiya politicheskoi nauki v Rossii : faktory, urovni, rezul'taty (na primere identitarnykh issledovanii) [Tekst] / L. A. Fadeeva, M. V. Nazukina // Politicheskaya nauka. – 2020. – № 1. – S. 201-220. DOI: 10.31249/poln/2020.01.08
18. Chizhakova, G. I. Aksiologiya professional'no-pedagogicheskogo obrazovaniya [Tekst] / G. I. Chizhakova // Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva (Vestnik KGPU). – 2013. – № 2(24). – S. 46-55.
19. Chukhin, S. G. Faktory i zakonomernosti formirovaniya identichnosti lichnosti [Tekst] / S. G. Chukhin, E. V. Chukhina // Innovatsionnaya nauchnaya sovremennaya akademicheskaya issledovatel'skaya traektoriya (INSAIT). – 2021. – № 4 (7). – S. 114-131. DOI: 10.17853/2686-8970-2021-4-114-131
20. Erikson, E. Identichnost' : yunost' i krizis : [per. s angl.] [Tekst] / E. Erikson. – M. : Flinta: MPSI: Progress, 2006. – 352 s.
21. Yanitskii, M. S. Tsennostno-smyslovaya paradigma kak osnova postneklassicheskoi pedagogicheskoi psikhologii [Tekst] / M. S. Yanitskii, A. V. Seryi, Yu. V. Pelekh // Filosofiya obrazovaniya. – 2013. – № 1 (46). – S. 175-186.
22. Yanitskii, M. S. Tsennostnye orientatsii lichnosti kak dinamicheskaya sistema [Tekst] / M. S. Yanitskii. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2000. – 204 s.

Features of anxiety and loneliness as predictors of narcotics use by adolescents (based on a survey of addicts aged 12-18)

Komissarova Olga Andreevna

Postgraduate student of the Department of Psychology and Pedagogy, Peoples' Friendship University of Russia

6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ olg.komissarova2016@yandex.ru

Milovanova Ol'ga Andreevna

Doctor of Medicine

Professor; Department of Pediatric Neurology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education of the Ministry of Health of the Russian Federation

2/1 Barikadnaya str., Moscow, 125993, Russia

✉ olg.komissarova2016@yandex.ru

Abstract. The study describes the characteristics of loneliness and anxiety experienced by adolescents of the older and younger age groups who use surfactants and are undergoing rehabilitation in a drug treatment center. The object of the study is the peculiarities of experiencing loneliness and anxiety, the subject was their predictive role in the formation of adolescents' addiction to surfactants in different age groups. The aim of the study is to

identify the characteristics of loneliness and anxiety of adolescents who use surfactants. The novelty of the conducted research lies in the study of adolescents suffering from chemical dependence and who are in the process of rehabilitation. To conduct the study, we used the following methods: assessment of the subjective experience of loneliness by D. Russell, M. Ferguson (UCLA); the A. Beck anxiety scale (BAI); the scale of overt anxiety for teenagers by A.M. Parishioners. The study involved 50 adolescents (25 boys and 25 girls, 20 of them younger adolescents (10 boys and 10 girls) and 30 older adolescents (15 boys and 15 girls) who use various types of surfactants and are undergoing rehabilitation in drug treatment centers. The sample of respondents is maximally ordered by gender, age and sociodemographic criteria (full families, average income, permanent residence in Moscow and/or the Moscow region, regular use of surfactants of the same type). As a result of the study, we identified stable features in experiencing anxiety and subjective loneliness: adolescent boys of both age groups are more likely to experience loneliness as a misunderstanding from others and an average level of anxiety, while the anxiety level of adolescent girls is significantly higher and is associated with the manifestation of the scale of social desirability. At the same time, adolescents of the younger age group are prone to higher levels of anxiety, while older adolescents are prone to deeper experiences of subjective loneliness in terms of impaired social interactions.

Keywords: drug treatment center, rehabilitation, predictors of addiction, minors, loneliness, anxiety, Surfactants, dependence, teenagers, chemical dependence

References (transliterated)

1. Abdrakhmanova, E. V., Starodubets, O. D. Faktory, vliyayushchie na formirovaniye addiktivnogo povedeniya u podrostkov // Psikhologicheskoe zdorov'e i razvitiye lichnosti v sovremenном mire: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Blagoveshchensk, 23–25 oktyabrya 2019 goda. – Blagoveshchensk: Amurskii gosudarstvennyi universitet, 2019. – S. 21-26. – DOI: 10.22250/phpdmw.2019.2.
2. Stellern, J., Xiao, K. B., Grennell, E., Sanches, M., Gowin, J. L., & Sloan, M. E. Emotion regulation in substance use disorders: a systematic review and meta-analysis. *Addiction* (Abingdon, England), 2023. 118(1), 30-47. <https://doi.org/10.1111/add.16001>
3. Rean, A. A., Konovalov, I. A. Disfunktional'naya sem'ya kak faktor agressivnogo povedeniya podrostkov // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2020. – № 8. – S. 292-301. DOI: 10.24411/2073-0454-2020-10500.
4. Basalaeva, N. V., Zakharova, T. V. Proyavlenie zavisimogo povedeniya u podrostkov // Problemy sovremennoi pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2022. – № 76-2. – S. 267-269.
5. Watts, L., Hamza, E., Bedewy, D., Moustafa, A. A meta-analysis study on peer influence and adolescent substance use. *Current Psychology*, 2023. 43, 1-16. DOI: 10.1007/s12144-023-04944-z.
6. Wymbs, B. T., McCarty, C. A., Mason, W. A., King, K. M., Baer, J. S., Vander Stoep, A., McCauley, E. Early adolescent substance use as a risk factor for developing conduct disorder and depression symptoms. *Journal of studies on alcohol and drugs*, 2014. 75(2), 279-289.
7. Trucco, E. M., Hartmann, S. A. Understanding the Etiology of Adolescent Substance Use through Developmental Perspectives. *Child development perspectives*, 2021. 15(4), 257-264. <https://doi.org/10.1111/cdep.12426>
8. Khudyakov, A. V. Kliniko-sotsial'nyi analiz formirovaniya i profilaktika zavisimosti ot

- psikhoaktivnykh veshchestv u nesovershennoletnikh // Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora meditsinskikh nauk. – Moskva, 2003. – 335 s.
9. Slobodskaya, E. R., Kharchenko, I. I. Otnoshenie podrostkov k narkotikam: psichologicheskie i sotsial'nye faktory riska i zashchity // Sibirskii psichologicheskii zhurnal. – 2004. – № 20. – S. 84-89.
 10. Ducci, F., Goldman, D. The genetic basis of addictive disorders. The Psychiatric clinics of North America, 2012. 35(2), 495-519. <https://doi.org/10.1016/j.psc.2012.03.010>
 11. Henneberger, A. K., Mushonga, D. R., Preston, A. M. Peer Influence and Adolescent Substance Use: A Systematic Review of Dynamic Social Network Research. Adolescent Research Review, 2021. 6, 57-73. <https://doi.org/10.1007/s40894-019-00130-0>

The impact of working conditions on the formation of motivational, meaningful, and value relations of an individual in professional activity

Kamalova Oksana Maksimovna

Postgraduate student of the Institute of Foreign Languages of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 9, building 4

 mak-kom25@mail.ru

Abstract. The article examines the main factors of working conditions and their impact on the motivational-meaning and value relationships of individuals in professional activities. The relevance of the research lies in studying the structure of working conditions from a psychological perspective, allowing for the identification of psychological aspects and evaluating their influence on motivation, personal meanings, and value relationships of organizational employees. The object of the study is the motivational-meaning and value relationships of individuals. The subject of this research is the factors of working conditions that affect the motivational-meaning and value relationships of employees. The aim of this research is to identify the main factors of working conditions that influence the formation of favorable motivational-meaning and value relationships of employees. The research goal is to determine the psychological aspects that allow for the assessment of the impact of working conditions on the formation of motivational-meaning and value relationships of employees. The methodological basis of the study was provided by research conducted by domestic and foreign scholars revealing the understanding of various types of working conditions and their influence on the motivational-meaning and value relationships of individuals in professional activities. The study used theoretical (comparative analysis) and empirical methods (interviews, observations, surveys). The main results of the research indicate that physical, organizational, and psychological factors of working conditions are fundamental psychological aspects that influence the formation of motivational-meaning and value relationships of individuals in professional activities. The scientific novelty of the research lies not only in the in-depth analysis of the primary factors of working conditions but also in the application of an interdisciplinary approach that integrates knowledge from various fields, such as psychology, sociology, and economics, contributing to a more comprehensive understanding of the processes under consideration. This approach allows for the identification of relationships and patterns between factors of working conditions and motivational-meaning relationships of individuals. The practical significance of the research is that the results obtained will assist managers in implementing additional measures aimed at increasing the efficiency of the organization. To enhance the effectiveness of professional activities, recommendations are

provided to organizational leaders regarding the necessity of monitoring working conditions that include physical, organizational, and psychological factors of working conditions.

Keywords: factors, working conditions, labor protection, professional activity, organization, motivational-semantic relations, personal meaning, motivation, activity, personality

References (transliterated)

1. Almaev N.A., Bessonova Yu.V., Murasheva O.V. Motivatsiya: metodicheskie voprosy. Moskva: Institut psikhologii RAN, 2020. 311 s. (Metody psikhologii). ISBN 978-5-9270-0403-4.
2. Armstrong M. Osnovy menedzhmenta. Kak stat' luchshim rukovoditelem / Maikl Armstrong; per. s angl.; pod red. prof. A.R. Klement'eva. M.: Feniks, 2023. 134 s.
3. Baranov Yu.V. Uluchshenie uslovii i okhrany truda, kak neobkhodimoe usloviye rosta proizvoditel'nosti truda // Sotsial'no-ekonomicheskie problemy i perspektivy razvitiya trudovykh otnoshenii v innovatsionnoi ekonomike: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Omsk, 21 aprelya 2017 goda. Omsk: Omskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, 2017. S. 59-61. EDN: ZLYIMT.
4. Bobkov V.O. Zadachi povysheniya urovnya i kachestva zhizni naseleniya Rossii // Obshchestvo i ekonomika. 2008. № 2. S. 35-58.
5. Vikhanskii O.S., Naumov A.I. Menedzhment: uchebnik dlya vuzov. M.: Magistr, 2024. 672 s. ISBN 978-5-9776-0554-0.
6. Vygodskii L.S. Myshlenie i rech'. Redaktor Vlasova E. Sankt-Peterburg: Piter, 2019. 432 s. ISBN 978-5-4461-1109-1.
7. Duncan C. Creating a culture of safety in the workplace (2021). [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.alertsoftware.com/blog/workplacesafetyculture>.
8. Gordeeva T.O. Teoriya samodeterminatsii E. Desi i R. Raiana // Psikhologiya motivatsii dostizheniya. M.: Smysl; Izdatel'skii tsentr "Akademiya", 2006. 332 s.
9. Devisilov V.A. Okhrana truda [Elektronnyi resurs]: ucheb. / V.A. Devisilov. 3-e izd., ispr. i dop. M.: FORUM; INFRA-M, 2013. 448 s.
10. Dzhordzh Dzh.M., Dzhouns G.R. Organizatsionnoe povedenie. Osnovy upravleniya: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov / Dzh. M. Dzhordzh, G. R. Dzhouns; Per. s angl. V. N. Egorova. Moskva: YuNITI, 2003. 442 s. ISBN 0-201-61548-7.
11. Kaitov A.P. Evolyutsiya nauchnykh predstavlenii o fenomene professional'noi motivatsii v zarubezhnykh i otechestvennykh issledovaniyakh // Psikhologo-pedagogicheskii zhurnal "Gaudeamus". 2022. T. 21. № 2. S. 9-24. DOI: 10.20310/1810-231X-2022-21-2-9-24. EDN: TNRQKB.
12. Kamalova O.M., Karavanova L.Zh. Motivatsionno-smyslovye otnosheniya lichnosti v professional'noi deyatel'nosti // Psikhologiya i Psikhotekhnika. 2024. № 2. S. 29-37. DOI: 10.7256/2454-0722.2024.2.70276 EDN: FRUXSW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70276
13. Kulikova M.A. Usloviya truda i vliyanie ikh na kachestvo zhizni // Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy. 2009. № 2. S. 75-78. EDN: KWTBMZ.
14. Leont'ev A.N. Potrebnosti, motivy i emotsii / Psikhologiya motivatsii i emotsii / Pod red. Yu.B. Gippenreiter, M.V. Falikman. M.: CheRo, 2002. 752 s.
15. Maslou A. Motivatsiya i lichnost': per. s angl. / A. Maslou. 3-e izd. Sankt-Peterburg: Piter, 2019. 400 s.: il. (Mastera psikhologii). ISBN 978-5-4461-1309-5.
16. Myasishchev V.N. Psikhologiya otnoshenii / V.N. Myasishchev; pod red. A.A. Bodaleva.

- M.: Izd-vo "Institut prakticheskoi psikhologii", Voronezh: NPO "MODEK", 1995. 356 s.
17. Nagoeva L.Kh. Tsennostnye orientatsii: ponyatie i fenomen // Novye tekhnologii. 2011. № 4. S. 286-289. EDN: OOOOKPR.
18. Psikhologiya vybora: monografiya / D.A. Leont'ev, E.Yu. Ovchinnikova, E.I. Rasskazova, A.Kh. Fam. M.: Smysl, 2015. 464 s. ISBN 978-5-89357-353-4.
19. Razina T.V. Motivatsiya nauchnoi deyatel'nosti: teoreticheskie i metodologicheskie problemy issledovaniya // Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda. 2017. T. 2. № 1. S. 114-136. EDN: YIRIUR.
20. Usikova O.V., Petrova N.V., Dement'ev K.D. Kul'tura bezopasnosti truda: faktory sderzhivaniya i razvitiya // Ekonomika truda. 2024. T. 11, № 11. S. 1967-1984. DOI: 10.18334/et.11.11.122112. EDN: QGBCME.

The development of higher mental functions of children born with intracytoplasmic sperm injection, compared with in vitro fertilization

 Surkova Karolina Leonidovna

Researcher; Department of Medical Psychology, Scientific Center for Mental Health

Kashirskoe shosse, 34, Moscow, 115522, Russia

 www1-11@narod.ru

 Zvereva Natal'ya Vladimirovna

PhD in Psychology

Professor; Faculty of Clinical Psychology, Moscow State Psychological and Pedagogical University
Leading Researcher; Federal State Budgetary Scientific Institution 'Scientific Center for Mental Health'

Kashirskoe shosse, 34, Moscow, 115522, Russia

 nwzvereva@mail.ru

Abstract. The article examines various aspects related to the developmental characteristics of children conceived with the help of assisted reproductive technologies. Particular attention is paid to the heterochronicity of maturation of morphofunctional parts of the brain of children and the evolution of higher mental functions. The subject of the study was to consider the features of cognitive development of children conceived with different assisted reproductive technologies.

The aim of the research was to study the development of higher mental functions in children aged 3 to 8 years conceived with the help of two commonly used artificial insemination procedures IVF and ICSI in comparison with the control group (spontaneously conceived peers). The research method was the analysis of the anamnestic data of the child's development, collection of detailed information on the procedures performed during the planning and implementation of the artificial insemination protocol. The scientific novelty of this study lies in the obtained results of the experimental analysis, which revealed that the risk of neurocognitive deficit of children conceived using the ICSI method is lower than in their peers conceived using IVF. An important aspect of the study was also the method of embryo transfer - cryoprotocol or natural cycle. When conducting cryotransfer of an embryo, regardless of the method of artificial insemination used, the indicators of development of mental activity coincide with similar indicators of children conceived naturally. The results of the study show the links between the mental development of children and the use of various reproductive

technologies (RT) for conception. An indirect link is observed between the method of reproductive technology used and the mental development of the child, which requires further longitudinal studies in this area.

Keywords: mental development of preschoolers, assisted reproductive technologies, IVF children, induced pregnancy, artificial insemination, neuropsychological diagnostics of preschoolers, development of higher mental functions, intracytoplasmic sperm injection, cognitive development of children, in vitro fertilization

References (transliterated)

1. Keshishyan E. S. Sostoyanie zdror'ya i razvitiye detei, rozhdeniykh posle ekstrakorporal'nogo oplodotvoreniya / E. S. Keshishyan, A. D. Tsaregorodtsev, M. I. Ziborova // Rossiiskii vestnik perinatologii i pediatrii № 5. – 2014. – S. 15-25.
2. Kulakov V. I. Sostoyanie zdror'ya novorozhdennykh i detei pervykh let zhizni, zachatykh v ramkakh programmy EKO i PE / V. I. Kulakov, Yu. I. Barashnev, V. O. Bakhtiarova // Ekstrakorporal'noe oplodotvorenie i ego novye napravleniya v lechenii zhenskogo i muzhskogo besplodiya; pod red. V. I. Kulakova i B. V. Leonova. – M.: Meditsinskoe informatsionnoe agentstvo, 2004. – S. 612-642.
3. Lukshin V. N. Klinicheskaya kharakteristika zdrorovykh detei, zachatykh v rezul'tate EKO / V. N. Lukshin // Problemy reproduktsii. – 2005. – T. 11, № 2. – S. 54-55.
4. Malyshkina A. I. Sostoyanie zdror'ya detei pervogo goda zhizni, rodivshikhsya posle ekstrakorporal'nogo oplodotvoreniya / A. I. Malyshkina, E. A. Matveeva, O. M. Fil'kina, I. S. Ermakova // Rossiiskii vestnik perinatologii i pediatrii. – 2019. – № 64 (1). – S. 39-45.
5. Murzakhanova A. F. Sostoyanie zdror'ya detei, rozhdennykh posle ekstrakorporal'nogo oplodotvoreniya: veroyatnye riski i vozmozhnye oslozhneniya / A. F. Murzakhanova, V. N. Oslopov, E. V. Khazova // Prakticheskaya meditsina. 2020. – T. 18, № 3. – C. 43-50.
6. Ludwig A. K. Post-neonatal health and development of children born after assisted reproduction: a systematic review of controlled studies / A. K. Ludwig, A. G. Sutcliffe, K. Diedrich, M. Ludwig // European Journal of Obstetrics & Gynecology and Reproductive Biology. – 2006. – Vol. 127 (1). – P. 3-25.
7. Norman E. School performance in singletons born after assisted reproductive technology / E. Norman, M. Petzold, C. Bergh, U. B. Wennerholm. DOI: 10.1093/humrep/dey273 // Human Reproduction. – 2018. – Vol. 33, № 10. – P. 1948-1959.
8. Hart R. The longer term health outcomes for children born as a result of IVF treatment: Part I _General health outcomes / R. Hart, R. I. Norman // Human Reproduction Update. – 2013. – Vol. 19 (3). – P. 232-243.
9. Carson C. Effect of pregnancy planning and fertility treatment on cognitive outcomes in children at ages 3 and 5: longitudinal cohort study / C. Carson, Y. Kelly, J. J. Kurinczuk, A. Sacker, M. Redshaw, M. A. Quigley // BMJ. – 2011 Jul 26;343:d4473. doi: 10.1136/bmj.d4473. PMID: 21791498; PMCID: PMC3144315.
10. Atlasov V.O. Osobennosti rodonarazresheniya i sostoyaniya novorozhdennykh u zhenshchin posle EKO / V. O. Atlasov, O. N. Arzhanova, N. G. Kosheleva i dr./ Zhurnal akusherstva i zhenskikh boleznei. – 2004. – T. 52. – № 1. – S. 37-41.
11. Plaksina, A. N. Otsenka fizicheskogo razvitiya i zdror'ya detei, zachatykh pri pomoshchi VRT, imeyushchikh retinopatiyu nedonoshennykh: populyatsionnoe odnomomentnoe issledovanie / A. N. Plaksina, O. P. Kovtun, E. A. Stepanova, E. A.

- Dugina, V. A. Makutina, S. L. Sinotova, O. V Limanovskaya // Rossiiskii pediatricheskii zhurnal. 2020; 1(2), 18-24. URL: <https://doi.org/10.15690/rpj.v1i2.2089>
12. Surkova K. L. Nervno-psikhicheskoe razvitiye detei, zachatykh putem vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologii (EKO, IKSI i dr.)/ K. L. Surkova, N. V. Zvereva // Voprosy psikhicheskogo zdorov'ya detei i podrostkov. – 2022(22). – № 1 – S. 105-114.
 13. Bokhan T. G. Dinamika psikhicheskogo i fizicheskogo razvitiya detei s perinatal'nymi riskami razvitiya ot rozhdeniya do mlashego doshkol'nogo vozrasta / Bokhan T.G., Leshchinskaya S.B., Silaeva A.V., Shabalovskaya M.V // Natsional'noe zdorov'e. 2023. № 3. S. 1-19.
 14. Knoester M. Matched follow-up study of 5 – 8 year-old ICSI singletons: child behaviour, parenting stress and child (health-related) quality of life / M. Knoester // Hum Reprod. – 2007 Dec; 22(12), 3098-107. Epub 2007 Sep 28.
 15. Surkova K. L. Neiropsikhologicheskii i logopedicheskii analiz razvitiya psikhicheskikh funktsii u detei EKO rannego doshkol'nogo vozrasta (ot 3 do 5 let): metody i rezul'taty pilotazhnogo issledovaniya / K. L. Surkova, A. A. Sergienko, N. V. Zvereva // Setevoy nauchnyi zhurnal «Meditinskaya psikhologiya v Rossii». – № 4. – 07-08.2021
 16. Barbuscia A. The psychosocial health of children born after medically assisted reproduction: Evidence from the UK Millennium Cohort Study / A. Barbuscia, M. Myrskylä, A. Goisis // SSM Population Health. – 2019. – Vol. 7.
 17. Lantsburg M. E. Osobennosti poznavatel'nogo razvitiya detei rannego vozrasta, zachatykh posredstvom ekstrakorporal'nogo oplodotvoreniya // Materialy II Natsional'nogo kongressa «Diskussionnye voprosy sovremennoho akusherstva» i obuchayushchego prekongress-kursa KhI Vsemirnogo kongressa po perinatal'noi meditsine / Lantsburg M.E., Solov'eva E.V. // Zhurnal akusherstva i zhenskikh boleznei. Tom LXII Spetsvypusk. – SPb: Izdatel'stvo N-L, 2013. – S. 40.
 18. Rumbold A. R. The impact of specific fertility treatments on cognitive development in childhood and adolescence: a systematic review / A. R. Rumbold, V. M. Moore, M. J. Whitrow, T. K. Oswald, L. J. Moran, R. C. Fernandez, K. T. Barnhart, M. J. Davies // Hum Reprod. 2017 Jul 1; 32(7), 1489-1507. doi: 10.1093/humrep/dex085. PMID: 28472417.
 19. Luriya A. R. Osnovy neiropsikhologii [Tekst] : uchebnoe posobie dlya studentov uchrezhdenii vysshego professional'nogo obrazovaniya, obuchayushchikhsya po napravleniyu podgotovki "Psikhologii" / A. R. Luriya. – 8-e izd., ster. – Moskva: Akademiya, 2013. – 380 s.
 20. Glzman Zh. M. Neiropsikhologicheskaya diagnostika v doshkol'nom vozraste / Zh.M. Glzman, A. Yu. Potanina, A. E. Soboleva // SPb.: Piter – 2006. – 75 s.

Emotional and sensory perception as the basis for the formation of a secondary image

Golovinov Evgenii Ivanovich □

Postgraduate student, Department of General Psychology, Moscow Institute of Psychoanalysis

8 3rd Madimirskaya str., Moscow, 111123, Russia, Moscow region

✉ Golovinov@yandex.ru

Gostev Andrei Andreevich □

Doctor of Psychology

Gostev Andrey Andreevich - Doctor of Psychology, Professor, Department of History of Psychology and Historical Psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences

129366, Russia, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, office 1

 aagos06@rambler.ru

Abstract. The article discusses relevant but insufficiently developed aspects of the role of secondary images in human activity and behavior. The subject of the study is the role of emotional and sensory perception in the process of secondary image formation. C. Jung's ideas are presented, connecting the world of images with a separate world, which is built on the basis of the experience of a particular person, and this experience becomes a reality for him. E. Toffler's use of the concept of signals perceived by various sensory systems to describe images is noted. Collectively, these signals form a mental model of an individual's reality. An invariant in the interpretations of the figurative sphere stands out: an image is the quintessence of a person's subjective picture of the world, which is conditioned by the emotionally and sensually perceived signs of reality. In the context of this study, the secondary image is interesting to the authors from a practical point of view, in the sense that it can be changed by new experiences mediated by a person's emotional and sensory perception. The approach of the Leningrad psychological school is particularly noted. Within the framework of the research, the system of secondary images is most fully understood. We are most familiar with the approach of representatives of the Leningrad psychological school, which, with a global interest in humans, has most fully developed an understanding of the system of images of a person in his psyche and personality. The Leningrad School of Psychology focused on the understanding that the mental component of a person is formed from images, and at the same time is mediated by it. Their emotional and sensory component is emphasized, which is interesting from a practical point of view in the sense of the possibility of change by new experience, mediated by emotional and sensory perception of a person, and adjusted (in the process of psychological correction and psychotherapy) in accordance with his new attitude to reality.

Keywords: figurative sphere of man, secondary image, personality, Leningrad Psychological School, mental processes, emotional and sensory perception, direct perception, image, altered states of consciousness, consciousness

References (transliterated)

1. Grimsoltanova R. E. Metodologiya vospriyatiya vtorichnogo obraza // Severo-kavkazskii psikhologicheskii vestnik. 2012. T. 10, № 2. S. 43-46. EDN: RCQIMT.
2. Golovei L. A. Osnovatel' Leningradskoi (Sankt-Peterburgskoi) psikhologicheskoi shkoly B. G. Anan'ev: uchenyi, operedivshii svoe vremya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya. 2022. T. 12. Vyp. 1. S. 29-45. DOI: 10.21638/spbu16.2022.103 EDN: HRITPP.
3. Leont'ev A. N. Obraz mira // Mir psikhologii. 2003. № 4 (36). S. 10-18. EDN: KTLYTR.
4. Gostev A. A. Psikhologiya vtorichnogo obraza. M.: Izd. In-ta psikhologii RAN, 2007. 512 s. EDN: RBCBUX.
5. Golovinov E.I., Gostev A.A. Vtorichnyi obraz kak psikhokorrektionskiy resurs: poisk novykh issledovatel'skikh vozmozhnostei // Psikholog. 2024. № 2. S. 49-59. DOI: 10.25136/2409-8701.2024.2.69731 EDN: YKQKSE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69731
6. Deleuze J., Guattari F. In book: Contemporary Theorists for Medical Sociology. Chapter: 9. Editors: Scambler, G. Publisher: Routledge, 2012. Pp. 150-166.

7. Erikson, M. Moi golos ostanetsya s vami: Obuchayushchie istorii [psikhologa i gipnotizera] Mil'tona Eriksona: Per. s angl. / Avt. predisl. L. Khoffman; Izd. i komment. S. Rozena. SPb.: Peterburg-XXI vek, 1995. 254 s.
8. Solovykh, O. V. Dissotsiatsii soznatel'nykh protsessov i bessoznatel'nogo v psikhologicheskem konsul'tirovaniyu s ispol'zovaniem eriksonovskoi psikhoterapii i gipnoza / O. V. Solovykh // Molodoi uchenyi. 2012. № 2 (37). S. 231-238. EDN: OXOZTJ.
9. Rosendahl J., Alldredge C. T., Haddenhorst A. (2023) Meta-analytic evidence on the efficacy of hypnosis for mental and somatic health issues: a 20-year perspective Front. Psychol., 08 January 2024. Sec. Psychology for Clinical Settings. Volume 14. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1330238>. EDN: IPQKUB.
10. Ganzha T.V., Kolesnikova I.E., Bogatyreva N.L. (2022) Experience of hypnotherapy in the complex treatment of chronic pain syndrome in the neurological department of a hospital // XXVII international scientific review of the problems of natural sciences and medicine. (Boston. USA. February, 2022). URL: <https://scientific-conference.com/h/sborniki/meditsinskie-nauki89/2501-experience-of-hypnotherapy.html>. EDN: ONZSGK.
11. Danilov A.B., Isagulyan E.D., Makashova E.S. Psikhogennaya bol' // Zhurnal nevrologii i psikiatrii, 2018. № 11. S.103-108.
12. Polyakov, G. Yu. Istoryya validizatsii gipno-korrektionskikh metodov v rabote psikhologa / G. Yu. Polyakov // Molodoi uchenyi. 2011. № 9 (32). S. 186-189. EDN: OFZNLL.
13. Bernardy, K., Füber, N., Klose, P. et al. (2011) Efficacy of hypnosis/guided imagery in fibromyalgia syndrome - a systematic review and meta-analysis of controlled trials. BMC Musculoskeletal Disorders 12, 133. URL: <https://doi.org/10.1186/1471-2474-12-133>. EDN: UQMLTA.
14. Thieme K., Häuser W., Batra A., Bernardy K., Felde E., Gesmann M., Illhardt A., Settan M., Wörz R., Köllner V. (2008). Psychotherapy in patients with fibromyalgia syndrome. Schmerz. German, 22: 295-302.
15. Thieme K., Gracely R.H. (2009). Are psychological treatments effective for fibromyalgia pain?. Curr Rheumatol Rep. 11 (6): 443-50.
16. Eccleston C., Williams A.C.D.C., Morley S. (2009). Psychological therapies for the management of chronic pain (excluding headache) in adults. Cochrane Database of Systematic Reviews. CD007407-2.
17. Chistopol'skaya K.A., Kolachev N.I., Enikolopov S.N., Drovosekov S.E., Zhang Jie Adaptatsiya shkal psikhologicheskogo napryazheniya i empiricheskaya proverka teorii suitsidal'nogo napryazheniya J. Zhang na rossiiskoi vyborke // Suitsidologiya. 2023. №1 (50).
18. Chistopol'skaya K.A., Osin E.N., Enikolopov S.N., Nikolaev E.L., Mysina G.A., Drovosekov S.E. Kontsept "Sochuvstvie k sebe": rossiiskaya adaptatsiya oprosnika Kristin Neff // Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. 2020. Tom 16. № 4. С. 35-48. DOI: 10.17759/chp.2020160404 EDN: HLFRAM.
19. Metodiki diagnostiki emotsiional'noi sfery: psikhologicheskii praktikum / sost. O.V. Barkanova. Vyp.2. Krasnoyarsk: Litera-print, 2009. 237 s.
20. Yumatov E.A., Kramm M.N., Nabrodov A.B. Informatsionnaya sistema dlya ob"ektivnoi otsenki emotsiional'nogo stressa // Tekhnologii zhivykh sistem. 2007. Т. 4, № 4. S. 22-28. EDN: IBIWAF.
21. Wessman A., Ricks D. (1967) Mood and personality. American Journal of Psychology.

Professional worldview of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: concept, essence and structure

Pecherskiy Yuryi Ivanovich

Associate Professor at the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

53 Patriotov Ave., Voronezh, 394065, Russia, Voronezh Region

 y.i.pechersky@mail.ru

Abstract. The formation of the cadets' professional worldview is a key factor determining their future effectiveness and ability to perform assigned tasks. A professional worldview is a fundamental foundation with a deep understanding of the role and importance of further service, which underlines the relevance of the research topic. The article is devoted to the analysis of the professional worldview of cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (hereinafter – the Ministry of Internal Affairs of Russia). It examines the main conceptual approaches to understanding the essence and structure of the professional worldview, as well as identifies the key components that shape it among future employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation. Special attention is paid to the influence of the educational environment, social and cultural environment on the formation of professional attitudes of cadets. The subject of this research is the concept, essence and structure of the cadets' worldview, as well as the factors influencing its formation and development. The object of the research is the professional worldview of cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The research methodology is based on an integrated approach. The analysis of the scientific literature allowed us to study the existing theoretical views related to the professional worldview, as well as to consider their application in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The content analysis of the training programs contributed to the identification of methods for the formation of professional attitudes. The interviewing method was used to understand the processes influencing the formation of a professional worldview. The main conclusion of the conducted research is the substantiation of the relevance and importance of the formation of the professional worldview of cadets in the educational process of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The author's contribution to the research of the topic is the analysis of the concept, essence and structure of the professional worldview of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia; an attempt is made to reveal the key elements that form and develop this phenomenon, as well as the factors influencing its formation and effectiveness. The novelty of the research lies in clarifying the concept of "professional worldview of cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia", presenting the author's interpretation of the structure of the professional worldview of cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia, as well as in describing the recommendations and results of work aimed at forming a professional worldview.

The results of the research can be useful for teachers, psychologists, and specialists involved in training personnel for law enforcement agencies of the Russian Federation, as well as for further scientific research in the field of education and professional training.

Keywords: the structure of professional worldview, the essence of a professional worldview,

the concept of a professional worldview, professional education, professional worldview, education, educational institutions, Russian Ministry of Internal Affairs, cadets, training

References (transliterated)

1. Akhtyamov, R. R. Nekotorye podkhody k formirovaniyu professional'nogo mirovozzreniya budushchikh yuristov / R. R. Akhtyamov // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – 2024. – № 3(106). – S. 26-29. – DOI: 10.24412/1991-5497-2024-3106-26-29. – EDN HFUIYN.
2. Bol'shakov, M. S. Praktiko-orientirovannoe vysshee professional'noe obrazovanie v obshchei kontseptsii podgotovki kadrov v MVD Rossii / M. S. Bol'shakov, I. B. Bantukov, V. N. Trabo // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2021. – № 2(90). – S. 144-150. – DOI: 10.35750/2071-8284-2021-2-144-150. – EDN IWUGAA.
3. Gainullin, D. E. Pedagogicheskie tekhnologii i metody formirovaniya professional'nogo mirovozzreniya sotrudnika politsii v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii / D. E. Gainullin, O. Yu. Barinova, A. F. Shavaleev // Problemy sovremennoj pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2024. – № 83-3. – S. 120-123. – EDN FRYLWQ.
4. Dushkin, A. S. Opredelenie urovnya sotsial'noi identichnosti gruppovogo sub"ekta na primere uchebnykh grupp kursantov obrazovatel'noi organizatsii MVD Rossii / A. S. Dushkin, A. L. Bubnov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2020. – № 2(86). – S. 208-214. – DOI: 10.35750/2071-8284-2020-2-208-214. – EDN CKCLGV.
5. Zakieva, R. R. Formirovanie professional'nogo mirovozzreniya / R. R. Zakieva // Problemy sovremennoj obrazovaniya. – 2019. – № 5. – S. 114-120. – EDN DAIMTM.
6. Isaeva, K. V. Nauchno-issledovatel'skaya rabota kak uslovie formirovaniya professional'nogo mirovozzreniya sotrudnikov UIS v vedomstvennom vuze / K. V. Isaeva, L. V. Kovtunenko // Global'nyi nauchnyi potentsial. – 2022. – № 5(134). – S. 135-137. – EDN QANITM.
7. Korol', A. I. Otdel'nye aspekyt professional'no-nravstvennogo razvitiya kursantov obrazovatel'nykh organizatsii vysshego obrazovaniya MVD Rossii / A. I. Korol' // Pedagogika i psichologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov: integratsiya teorii i praktiki : Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 27 oktyabrya 2023 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2023. – S. 169-175. – EDN HJIFVG.
8. Korol', A. I. Problemy edinstva professional'no-nravstvennogo vospitaniya kursantov obrazovatel'nykh organizatsii vysshego obrazovaniya MVD Rossii / A. I. Korol', N. F. Geizhan // Problemy sovremennoj pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2023. – № 81-4. – S. 261-264. – EDN VXUIPY.
9. Kotel'nikov, A. Yu. vozmozhnosti patrioticheskogo vospitaniya kursantov na uchebnykh zanyatiyakh v voennom vuze / A. Yu. Kotel'nikov, A. P. Andrunik // Sovremennye naukoemkie tekhnologii. – 2021. – № 4. – S. 163-167. – DOI: 10.17513/snt.38633. – EDN ZVVTNZ.
10. Lopushenko, A. Ya. Kriterii sformirovannosti professional'nogo mirovozzreniya / A. Ya. Lopushenko // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2009. – № 3(43). – S. 166-170. – EDN KWUUOD.
11. Ostapenko, V. S. Razvitie pravovogo aspekta mirovozzreniya kursantov pri izuchenii yuridicheskikh distsiplin v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh MVD Rossii / V. S. Ostapenko // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. – 2009.

- № 2(70). – S. 229-234. – EDN KXFYHZ.
12. Pecherskii Yu.I. Kontseptual'naya model' formirovaniya u obuchayushchikhsya v vuzakh MVD Rossii professional'nogo mirovozzreniya // Politseiskaya deyatel'nost'. 2024. № 6. S. 1-16. DOI: 10.7256/2454-0692.2024.6.72124 EDN: GHNERX URL: https://e-notabene.ru/pdmag/article_72124.html
 13. Pecherskii, Yu. I. Osobennosti formirovaniya professional'nogo mirovozzreniya u kursantov vedomstvennogo vuza Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii / Yu. I. Pecherskii // Gumanitarnye issledovaniya. Pedagogika i psichologiya. – 2023. – № 13. – S. 53-62. – DOI: 10.24412/2712-827X-2023-13-53-62. – EDN LOETCG.
 14. Pecherskii, Yu. I. Osobennosti formirovaniya professional'nogo mirovozzreniya u kursantov vuzov MVD Rossii / Yu. I. Pecherskii // Problemy sovremennoego pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2023. – № 81-1. – S. 142-145. – EDN VEAIKZ.
 15. Polovnikova, A. E. Rol' vysshego professional'nogo obrazovaniya v formirovaniii professional'nogo mirovozzreniya lichnosti / A. E. Polovnikova // Vestnik universiteta. – 2014. – № 11. – S. 305-309. – EDN SXHJYN.
 16. Pomel'nikova, E. A. Rol' nastavnichenstva v formirovaniii professional'nogo mirovozzreniya v sovremennykh usloviyakh professional'noi podgotovki v vuze / E. A. Pomel'nikova, M. V. Ivkina, P. P. Al'murzin // Problemy sovremennoego pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2023. – № 80-3. – S. 227-230. – EDN XAJPJE.
 17. Problemy i perspektivy obucheniya sotrudnikov OVD Rossii gotovnosti k deistviyam v ekstremal'nykh situatsiyakh sluzhebnoi deyatel'nosti v ramkakh professional'noi sluzhebnoi i fizicheskoi podgotovki / E. G. Svetlichnyi, A. S. Fetisov, O. S. Panova, R. E. Tokarchuk // Global'nyi nauchnyi potentsial. – 2022. – № 3(132). – S. 177-180. – EDN BJSMTP.
 18. Professional'noe mirovozzrenie: sushchnost' i soderzhanie / A. S. Sorokina, V. V. Kuz'min, A. Yu. Sorokin, A. E. Kharlamenkov // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. – 2023. – № 2. – S. 308-316. – EDN YVVF CZ.
 19. Sal'nikov, E. V. Patriotizm v sisteme formirovaniya mirovozzreniya sotrudnika politsii v protsesse professional'nogo obucheniya (professional'noi podgotovki) / E. V. Sal'nikov, I. A. Leonova // Sotsial'no-politicaleskie nauki. – 2018. – № 5. – S. 115-119. – EDN YNKLFR.
 20. Turkina, T. S. Professional'noe mirovozzrenie: sushchnostnaya kharakteristika / T. S. Turkina // Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov. – 2010. – № 3. – S. 66-74. – EDN NBNAST.
 21. Fetisov, A. S. Soderzhatel'nye kharakteristiki lichnostno-professional'nykh kachestv pedagoga kak komponenta zedorov'seberegayushchei obrazovatel'noi sredy shkoly / A. S. Fetisov // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. – 2014. – T. 10, № 3-2. – S. 73-76. – EDN SGITCV.
 22. Khlopovskikh, Yu. G. Tsennostnye orientatsii kak sostavlyayushchaya professional'nogo mirovozzreniya i professional'noi mental'nosti kursantov / Yu. G. Khlopovskikh // Problemy obespecheniya bezopasnosti pri likvidatsii posledstvii chrezvychainykh situatsii. – 2012. – № 1(1). – S. 368-371. – EDN VPSTKB.
 23. Buhrig, R. (2023). The case for case-based learning in police recruit training. *The Police Journal: Theory, Practice and Principles*, 97(2), 336-353.
doi:10.1177/0032258X23118. Retrieved from
<https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0032258X23118132>

Adaptation of the Russian-language version of the

questionnaire "The Recovery Experience Questionnaire" by S. Sonnentag

Shumeiko Elena

Assistant Professor; Faculty of Psychology, Saint Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, emb. Makarova, 6, room 201

 alena.shum2017@yandex.ru

Rodionova Elena Anatol'evna

PhD in Pedagogy

Associate Professor; Faculty of Psychology, St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, emb. Makarova, 6, room 201

 psyrea@mail.ru

Abstract. This article describes the adaptation of the questionnaire "The Recovery Experience Questionnaire" by S. Sonnentag, designed to evaluate recovery experiences after hours. The methodology is based on S. Hobfall's theory of resource conservation and T. Meiman's model of effort recovery. The questionnaire includes 16 items forming four self-assessment scales: psychological detachment, relaxation, mastery and control. At the moment, the methodology has been adapted and used in research in more than 10 countries, but it is being considered for the first time in a Russian-speaking sample. The study sample consisted of 302 people (162 women and 140 men) with an average age of 32 years from various professional fields (education, psychology, IT, HR, SMM and marketing, catering, industry, etc.). The Russian version of the methodology was tested for internal consistency, external and constructive validity. The factor analysis confirmed the four-factor structure, showing a better match compared to the one-factor model. The Cronbach coefficient for each subscale exceeds 0.85, which confirms the high reliability of the questionnaire. The results indicate significant positive links between the recovery experience and indicators such as work-life balance, subjective well-being, and mindfulness. Negative correlations of the subscales of the questionnaire and the level of susceptibility to organizational stress were also found. Keeping the original questionnaire questions allows you to compare the results in different countries and professional groups. The main limitations of the study are discussed, including the small sample size, which requires future research with more diverse professional groups to further verify the reliability of REQ-R. Despite the sample size, the results obtained show sufficient statistical significance to substantiate conclusions about the reliability of measurements. The "Recovery Experience Questionnaire", adapted for the first time on a Russian-speaking sample, demonstrated ease of use and processing, as well as the necessary psychometric characteristics.

Keywords: subjective well-being, work-life balance, recovery experiences, stress, mindfulness, questionnaire, cultural adaptation, psychodiagnostics, working specialists, recovery

References (transliterated)

1. Kol'tsova, E.A. Predstavleniya rabotnikov rossiiskikh organizatsii o balanse mezhdu rabotoi i lichnoi zhizn'yu // Psichologiya. Zhurnal VShE. 2014. № 2. S. 160-168.
2. Sonnentag, S., Venz, L., Casper, A. Advances in recovery research: What have we learned? What should be done next? // Journal of Occupational Health Psychology.

2017. № 22 (3). Pp. 365-380. doi:10.1037/ocp0000079.
3. Sonnentag, S. Work, recovery activities, and individual well-being: A diary study // Journal of Occupational Health Psychology. 2001. No. 6. Pp. 196-210. doi:10.1037/1076-8998.6.3.196.
 4. Oerlemans, W.G.M., Bakker, A.B. Burnout and daily recovery: A day reconstruction study // Journal of Occupational Health Psychology. 2014. No. 19. Pp. 303-314. doi:10.1037/a0036904.
 5. Feuerhahn, N., Sonnentag, S., Woll, A. Exercise after work, psychological mediators, and affect: A day-level study // European Journal of Work and Organizational Psychology. 2014. No. 23. Pp. 62-79. doi:10.1080/1359432X.2012.709965.
 6. Nägel, I., Sonnentag, S., Kühnel, J. Motives matter: A diary study on the relationship between job stressors and exercise after work // International Journal of Stress Management. 2015. No. 22. Pp. 346-371. doi:10.1037/a0039115.
 7. Eschleman, K.J., Madsen, J., Alarcon, G., Bareika, A. Benefiting from creative activity: The positive relationship between creative activity, recovery experiences, and performance-related outcomes // Journal of Occupational and Organizational Psychology. 2014. No. 87. Pp. 579-598. doi:10.1111/joop.12064.
 8. Oerlemans, W.G.M., Bakker, A.B., Demerouti, E. How feeling happy during off-job activities helps successful recovery from work: A day reconstruction study // Work & Stress. 2014. No. 28. Pp. 198-216.
 9. ten Brummelhuis, L.L., Trougakos, J.P. The recovery potential of intrinsically versus extrinsically motivated off-job activities // Journal of Occupational and Organizational Psychology. 2014. No. 87. Pp. 177-199. doi:10.1111/joop.12050.
 10. Hobfoll, S.E. Conservation of resources // American Psychologist. 1998. No. 44. Pp. 513-524.
 11. Meijman, T.F., Mulder, G. Psychological aspects of workload // Drenth, P.J.D., Thierry, H. (Eds.). Handbook of Work and Organizational Psychology. Hove, England: Psychology Press, 1998. Pp. 5-33.
 12. Moreno-Jiménez, B., Mayo, M., Sanz-Vergel, A.I., Geurts, S., RodríguezMuñoz, A., Garrosa, E. Effects of work-family conflict on employees' well-being: The moderating role of recovery strategies // Journal of Occupational Health Psychology. 2009. No. 14. Pp. 427-440. doi:10.1037/a0016739.
 13. Kinnunen, U., Mauno, S., Siltaloppi, M. Job insecurity, recovery, and well-being at work: Recovery experiences as moderators // Economic and Industrial Democracy. 2010. No. 31. Pp. 179-194. doi:10.1177/0143831X09358366.
 14. Molino, M., Cortese, C. G., Bakker, A. B., Ghislieri, C. Do recovery experiences moderate the relationship between workload and work-family conflict? // Career Development International. 2015. No. 20. Pp. 686-702. doi: 10.1108/CDI-01-2015-0011.
 15. Lee, K.-H., Choo, S.-W., Hyun, S. S. Effects of recovery experiences on hotel employees' subjective well-being // International Journal of Hospitality Management. 2016. No. 52. Pp. 1-12. doi: 10.1016/j.ijhm.2015.04.002.
 16. Shimazu, A., Sonnentag, S., Kubota, K., Kawakami, N. Validation of the Japanese version of the Recovery Experience Questionnaire // Journal of Occupational Health. 2012. No. 54. Pp. 196-205. doi: 10.1539/joh.11-0220-OA.
 17. Park, Y., Fritz, C. Spousal recovery support, recovery experiences, and life satisfaction crossover among dual-earner couples // Journal of Applied Psychology. 2015. No. 100. Pp. 557-566. doi: 10.1037/a0037894.

18. de Bloom, J., Kinnunen, U., Korpela, K. Recovery processes during and after work: Associations with health, work engagement, and job performance // Journal of Occupational and Environmental Medicine. 2015. No. 57. Pp. 732-742. doi: 10.1097/JOM.0000000000000475.
19. Sanz-Vergel, A. I., Demerouti, E., Moreno-Jiménez, B., Mayo, M. Work-family balance and energy: a day-level study on recovery conditions // Journal of Vocational Behavior. 2010. No. 76. Pp. 118-130. doi: 10.1016/j.jvb.2009.07.001.
20. Park, H. I., Park, Y., Kim, M., Hur, T. A validation study of a Korean version of the recovery experience questionnaire // Korean Journal of Industrial and Organizational Psychology. 2011. No. 24. Pp. 523-552. doi: 10.24230/kjiop.v24i3.523-552.
21. Kinnunen, U., Feldt, T., Siltaloppi, M., Sonnentag, S. Job demands-resources model in the context of recovery: testing recovery experiences as mediators // European Journal of Work and Organizational Psychology. 2011. No. 20. Pp. 805-832. doi: 10.1080/1359432X.2010.524411.
22. Mostert, K., Els, C. The psychometric properties of the recovery experiences questionnaire of employees in a higher education institution. // Journal of Psychology in Africa. 2015. No. 25. Pp. 37-43. doi: 10.1080/14330237.2014.997006.
23. Bakker, A. B., Sanz-Vergel, A. I., Rodríguez-Muñoz, A., Oerlemans, W. G. M. The state version of the recovery experience questionnaire: a multilevel confirmatory factor analysis // European Journal of Work and Organizational Psychology. 2015. No. 24. Pp. 350-359. doi: 10.1080/1359432X.2014.903242.
24. Almén, N., Lundberg, H., Sundin, Ö., Jansson, B. The reliability and factorial validity of the Swedish version of the recovery experience questionnaire // Nordic Psychology. 2018. No. 70. Pp. 324-333. doi: 10.1080/19012276.2018.1443280.
25. Carranza Esteban, R. F., Mamani-Benito, O., Zúñiga, D. Q., Turpo Chaparro, J. E., Romero, A. A., Murillo, W. Psychometric properties of the recovery experiences questionnaire in Peruvian teachers of regular basic education // Frontiers in Education. 2022. No. 7. Article 919697. doi: 10.3389/feduc.2022.919697.
26. Kazlauskas, E., Dumarkaitė, A., Gelezelyte, O., Nomeikaite, A., Zelviene, P. Validation of the recovery experience questionnaire in Lithuanian healthcare personnel // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2023. No. 20. Article 2734. doi: 10.3390/ijerph20032734.
27. Pérez-Nebra, A. R., Pedersoli, M. M., Rodrigues, A., Rodrigues, C. M. L., Queiroga, F. Recovery experience questionnaire: validity evidence of the Brazilian-Portuguese version // Ciência & Saúde Coletiva. 2023. No. 28. Pp. 3383-3394. doi: 10.1590/1413-812320232811.13692022.
28. Le Moal, M., Thurik, R., Torrès, O. Validation and psychometric evaluation of the French version of the recovery experience questionnaire: internal consistency and validity assessment // Frontiers in Psychology. 2024. No. 15. Article 1466905.
29. Mospan, A.N., Osin, E.N., Ivanova, T.Yu., Rasskazova, E.I., Bobrov, V.V. Balans raboty i lichnoi zhizni u sotrudnikov rossiiskogo proizvodstvennogo predpriyatiya // Organizatsionnaya psikhologiya. 2016. № 6(2). S. 8-29.
30. Sokolova, M.V. Shkala sub"ektivnogo blagopoluchiya. 2-e izdanie. Yaroslavl': NPTs "Psikhodiagnostika", 1996. 14 s.
31. Kutuzova, D.A. Organizatsiya deyatel'nosti i stil' samoregulyatsii kak faktory professional'nogo vygoraniya pedagoga-psikhologa: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk, 2006.
32. Kalugin, A.Yu., Shchebetenko, S.A., Mishkevich, A.M., Soto, K.D., Dzhon, O. P.

- Psikhometrika russkoyazychnoi versii Big five inventory-2 // Psikhologiya. Zhurnal VShE. 2021. № 1.
33. Yumartova, N.M., Grishina, N.V. Osoznannost' (Mindfulness): psikhologicheskie kharakteristiki i instrumenty izmereniya // Nauchnye issledovaniya vypusknikov fakul'teta psikhologii SPbGU. 2013. T. 1. S. 267-273.
34. Kryukova, T.L. Metody izucheniya sovladayushchego povedeniya: tri coping-shkaly. Kostroma: KGU, 2010.
35. Vodop'yanova, N.E. Psikhodiagnostika stressa. SPb.: Piter, 2009.

Psychophysiological correlates of the stress reaction in the process of neurophenomenological interviewing of adolescents with chronic illnesses.

Alimova Anna Olegovna

Assistant Professor; Institute of Education and Humanities; Immanuel Kant Baltic Federal University
Master's degree; Institute of Education and Humanities; Immanuel Kant Baltic Federal University

236041, Russia, Kaliningrad region, Kaliningrad, Leningradsky district, A Nevsky St., 14

✉ alimovaanna38@gmail.com

Gavatskikh Marianna Mihailovna

PhD in Psychology

Associate Professor; Head of Educational Programs at the Higher School of Education and Psychology,
Associate Professor at the Institute of Education and Humanities; Immanuel Kant Baltic Federal University

236041, Russia, Kaliningrad region, Kaliningrad, Leningradsky district, A Nevsky St., 14

✉ MGlavatskikh@kantiana.ru

Shilovskaya Natal'ya Vital'evna

Senior Lecturer; Institute of Education and Humanities; Immanuel Kant Baltic Federal University
Postgraduate student; Institute of Education and Humanities; Immanuel Kant Baltic Federal University

236041, Russia, Kaliningrad region, Kaliningrad, Leningradsky district, A Nevsky St., 14

✉ snatalia108@gmail.com

Tsverkov Stanislav Petrovich

Acting Chief Physician; Federal State Budgetary Institution Children's Neuropsychiatric Sanatorium 'Teremok' of
the Ministry of Health of the Russian Federation

13 Oktyabrskaya str., Zelenogradsk, Kaliningrad region, 238326, Russia

✉ mail@tsverkov.ru

Zemlyakov Ivan YUr'evich

PhD in Medicine

Senior Researcher at the Robotics Laboratory, Tomsk Scientific Research Institute of the Federal State Budgetary
Institution FNCC MRIC of the FMBA of Russia (Research Institute of Balneology)

634009, Russia, Tomsk region, Tomsk, Rosa Luxemburg str., 1

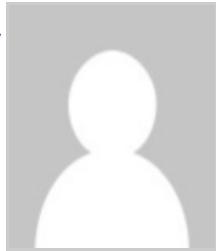
✉ iyzem.70@mail.ru

Blagorazumova Mariya Gennad'evna

Lecturer; Department of Pedagogy, Psychology and Psychosomatic Medicine; Izhevsk State Medical Academy

281 Kommunarov St, Izhevsk, Udmurt Republic, 426056, Russia

 Moongirl8@yandex.ru

Abstract. Qualitative measurement of stress levels relying solely on subjective questionnaires poses significant challenges, especially in the case of adolescents. This is due to the often observed lack of reflection and awareness of their emotional states and experiences within this age group. Thus, a comprehensive assessment of stress levels requires a more integrated approach. The subject of the study is the neuropsychophysiological correlates of stress responses in adolescents and their coping mechanisms. This article analyzes the results of a study aimed at combining information obtained from two physiological signals: galvanic skin response (GSR) and functional fitness (FF). These data are utilized to investigate the neuropsychophysiological correlates of stress responses and the mechanisms for coping with them in adolescents. The research was conducted through a neurophenomenological interview, which allows for a deeper understanding of the internal processes occurring during stress and their impact on adolescents' mental health. Physiological indicators of GSR and FF were recorded using a biofeedback device "Reakor" during the neurophenomenological interview. All questions were categorized by themes. The study examined two periods: the period of listening to the question posed by the interviewer and the period of responding to the question. Significant differences were identified during the research related to the gender and age characteristics of the subjects. These differences pertain to the selection and application of various basic coping strategies that adolescents use to manage stress and anxiety. The processes of regulation and the application of coping strategies are more actively observed in girls. Additionally, key areas of life were identified that may significantly contribute to the development of anxiety within this age group. The combination of psychophysiological tests with psychodiagnostic methods represents an innovative approach that allows for the identification of mental processes that remain unnoticed when using standard subjective questionnaires. This multifaceted approach may aid in the development of effective support and correction programs for anxiety in adolescents, helping them cope with difficulties and improving their overall mental well-being.

Keywords: Oncological diseases, Neuro-phenomenological interview, Photoplethysmography, Galvanic skin reaction, Coping behavior, Anxiety, Coping strategy, Stress-reaction, Psychophysiological correlates, Chronic diseases

References (transliterated)

1. Sutherland A. M. Psychological impact of cancer and its therapy. *Med. Clin. North Am.* 1956; 40(3): 705-20.
2. Levin O.S., Chimogomedova A.Sh., Aref'eva A.P. Trevozhnye narusheniya u bol'nykh s onkologicheskimi zabolevaniyami: vliyanie na techenie onkologicheskogo protsessa i vozmozhnosti korrektii // RMZh. 2018. 12(I). S. 25-31.
3. Green McDonald P., O'Connell M., Lutgendorf S.K. Psychoneuroimmunology and cancer: a decade of discovery, paradigm shifts, and methodological innovations. *Brain Behav Immun.* 2013; Suppl: S1-9. doi: 10.1016/j.bbi.2013.01.003.
4. Andersen B.L., Goyal N.G., Weiss D.M., Westbrook T.D., Maddocks K.J., Byrd J.C., Johnson A.J. Cells, cytokines, chemokines, and cancer stress: A biobehavioral study of

- patients with chronic lymphocytic leukemia. *Cancer*. 2018; 124(15): 3240-3248. doi: 10.1002/cncr.31538.
5. Kotsyubinskii A.P., Skorik A.I. i dr. *Shizofreniya: uyazvimost'-diatez-stress-zabolevanie*. SPb.: Gippokrat, 2004. S. 336.
 6. Kehyayan A., Best K., Schmeing J.B., Axmacher N., Kessler H. Neural activity during free association to conflict-related sentences. *Front Hum Neurosci*. 2013; 7:705.
 7. Krueger F., McCabe K., Moll J., Kriegeskorte N., Zahn R., Strenziok M., et al. Neural correlates of trust. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the U.S.A.* 2007; 104: 20084-20089.
 8. Psichologiya razvitiya cheloveka i obshchestva: problemy i perspektivy: kollektivnaya monografiya / otv. redaktory: A.L. Zhuravlev, T.A. Zhalagina, N.N. Demidenko, N.V. Kopylova; redaktsionnaya kollegiya: I.A. Baril'yak, E.D. Korotkina, E.S. Rebrilova. Tver': Izdatel'stvo Tverskogo gosudarstvennogo universiteta, 2024. S. 375.
 9. Yazykov K. G., Petrova T. E., Statsenko F. A. Neirofenomenologiya telesnogo opyta v issledovatel'skikh modelyakh // Psichologiya razvitiya cheloveka i obshchestva: problemy i perspektivy: kollektivnaya monografiya / otv. red.: A. L. Zhuravlev, T. A. Zhalagina, N. N. Demidenko, N. V. Kopylova; red. koll.: I. A. Baril'yak, E. D. Korotkina, E. S. Rebrilova. Tver': Izdatel'stvo Tverskogo gosudarstvennogo universiteta, 2024. S. 227-239.
 10. Kostyrkina V. V., Reverchuk I. V., Glavatskikh M. M., Statsenko F. A. Mekhanizm psikhosomaticeskogo balansirovaniya v period adaptatsii studencheskoi molodezhi k obucheniyu v vuze // Psichiatriya. 2024. T. 22, № 4, vyp. 2. S. 28. DOI: 10.30629/2618-6667-2024-22-2-28-38 EDN: GZHGWZ.
 11. Kostyrkina V.V., Reverchuk I.V., Glavatskikh M.M., Statsenko F.A. Psikhodiagnosticheskie i elektroentsefalograficheskie korrelyaty somatizatsii u studentov vuza v period adaptatsii // Psichiatriya. 2025; 23(1): 61-70.
 12. Luriya A.R. Diagnostika sledov affekta. Sopryazhennaya motornaya metodika i ee primenenie v issledovanii affektivnykh reaktsii // Psichologiya v opredelenii sledov prestupleniya. M.: Nauchnoe slovo, 1928. № 3. S. 79-82, 85-92.
 13. Cacioppo J.T., Gardner W.L. Emotion. *Annual Review of Psychology*. 1999; 50: 191-214. EDN: HEYYLT.
 14. Arakelov G.G., Shott E.K. KGR pri emotsional'nykh, orientirovochnykh i dvigatel'nykh reaktsiyakh. *Psikhologicheskii zhurnal*. 1998. № 4.
 15. Arakelov G. G., Lysenko N. E., Shott E. K. Psikhofiziologicheskii metod otsenki trevozhnosti. *Psikhologicheskii zhurnal*. 1997. № 2. S. 102-113.
 16. Gasparini F., Grossi A., Bandini S. A deep learning approach to recognize cognitive load using PPG signals. In: *Proceedings of the 14th PErvasive technologies related to assistive environments conference*. ACM, Corfu Greece, 2021. S. 489-95. doi: 10.1145/3453892.3461625.
 17. Greene S., Thapliyal H., Caban-Holt A. Survey of Affective Computing for Stress Detection: Evaluating technologies in stress detection for better health. *IEEE Consum Electron Mag*. 2016; 5: 44-56. doi: 10.1109/MCE.2016.2590178.
 18. Montoya A., Bruins R., Katzman M., Blier P. The noradrenergic paradox: implications in the management of depression and anxiety. *Neuropsychiatr Dis Treat*. 2016; 12: 541-557. doi: 10.2147/NDT.S91311.
 19. Morilak D.A., Barrera G., Echevarria D.J., Garcia A.S., Hernandez A., Ma S., et al. Role of brain norepinephrine in the behavioral response to stress. *Prog Neuropsychopharmacol Biol Psychiatry*. 2005; 29: 1214-24. doi:

- 10.1016/j.pnpbp.2005.08.007.
20. Bremner J.D., Krystal J.H., Southwick S.M., Charney D.S. Noradrenergic mechanisms in stress and anxiety: I. preclinical studies. *Synapse*. 1996; 23: 28-38. doi: 10.1002/(ISSN)1098-2396.
 21. Zakharov S.M. Novye vozmozhnosti reabilitatsionnykh kompleksov s ispol'zovaniem biologicheskoi obratnoi svyazi "reakor" i "reakor-T" // *Sbornik nauchnykh materialov konferentsii*. M. 2014. S. 64-67.
 22. Ivonin A.A., Popova E.I., Shubaev V.T. i dr. Metod povedencheskoi psikhoterapii s ispol'zovaniem biologicheskoi obratnoi svyazi po KGR pri lechenii bol'nykh nevroticheskimi fobicheskimi sindromami / Ivonin A.A., Popova E.I., Shubaev V.T. [i dr.] // *Bioupravlenie v meditsine i sporte*. 1999. S. 27-29.
 23. Chen Y. Neural Representation of Costs and Rewards in Decision Making. *Brain Sci.* 2021; 11: 1096. <https://doi.org/10.3390/brainsci11081096>. EDN: WDHZLS.
 24. Bokhan T. G., Zalevskii G. V., Meshcheryakova E. I. Gendernye i vozrastnye razlichiya v coping-strategiyakh yunoshei narodov Sibiri // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2005. № 286 (mart): Seriya "Psikhologiya". S. 50-55. EDN: KCLERF.
 25. Kirillina S.A. Sotsial'no-psikhologicheskii analiz determinant perezhivanii trevogi u podrostkov // *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*. 2013. № 4 (13). S. 36-43. DOI: 10.11621/npj.2013.0405. EDN: TTIPGH.
 26. Dayan J., Bernard A., Olliac B., Mailhes A.-S., Kermarrec S. Adolescent brain development, risk-taking and vulnerability to addiction. *Journal of Physiology*. Paris. 2010; 279-286.
 27. Jung W.H., Lee S., Lerman C., Kable J.W. Amygdala Functional and Structural Connectivity Predicts Individual Risk Tolerance. *Neuron*. 2018; 98: 394-404.
 28. Grupe D.W., Nitschke J.B. Uncertainty and anticipation in anxiety: an integrated neurobiological and psychological perspective. *Nature Reviews Neuroscience*. 2013; 14(7): 488-501. doi:10.1038/nrn3524.
 29. Schmidt C.K., Khalid S., Loukas M., Tubbs R.S. Neuroanatomy of Anxiety: A Brief Review. *Cureus*. 2018; 10(1): 2055. doi: 10.7759/cureus.2055. PMID: 29545978; PMCID: PMC5849353.
 30. Vetrova I.I. Svyaz' sovladayushchego povedeniya s kontrolem povedeniya i psikhologicheskoi zashchitoi v sisteme samoregulyatsii // *Sovladayushchee povedenie: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy* / pod red. A.L. Zhuravleva, T.L. Kryukovoi, E.A. Sergienko. M.: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2008. S. 179-196. EDN: TCLYAD.
 31. Adeeva T.N., Tikhonova I.V. Samoeffektivnost', refleksiya i resursy sovladanija so stressom: vozrastnye osobennosti i determinatsiya // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika. 2021. № 4. DOI: 10.34216/2073-1426-2021-27-4-208-216. EDN: ONHCXQ.
 32. Nartova-Bochaver S.K. "Coping behavior" v sisteme ponyatii psikhologii lichnosti // *Psihologicheskii zhurnal*. 1997. T. 18. № 5. S. 20-30. EDN: RCTPBB.
 33. Sirota N.A., Yaltonskii V.M., Khazhilina I.I., Viderman N.S. Profilaktika narkomanii u podrostkov: ot teorii k praktike. M.: Genezis, 2001. EDN: WDJKL.
 34. Tochilina T.V. Gendernye osobennosti sovladayushchego povedeniya u mladshikh podrostkov // Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Psikhologiya sovladayushchego povedeniya". Kostroma, 2007. S. 156-157.
 35. Fominova A.N. Vozrastnye osobennosti sovladayushchego povedeniya // Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoprakticheskoi konferentsii "Psikhologiya sovladayushchego

- povedeniya". Kostroma, 2007. S. 157-160.
36. Razuvaeva T.N., Zaika L.L. Osobennosti sovladaniya starsheklassnikov // Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Psikhologiya sovladayushchego povedeniya". Kostroma, 2007. S. 148-150.
37. Kryukova T.L. Vozrastnye i kross-kul'turnye razlichiy v strategiyakh sovladayushchego povedeniya lichnosti // Psichologicheskii zhurnal. 2005. T. 26. № 2. S. 5-15. EDN: HRVUHR.
38. Tomasi D. et al. Measures of Brain Connectivity and Cognition by Sex in US Children. JAMA Network Open. 2023; 6(2): e230157. doi:10.1001/jamanetworkopen.2023.0157. EDN: GMSNCZ.
39. Isaeva E.R. Koping-povedenie: analiz vozrastnykh i gendernykh razlichii na primere rossiiskoi populyatsii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2009. № 11 (89). S. 144-147. EDN: LAHZQZ.
40. Nizhegorodtseva N.V., Tarasova S.S. Sovladayushchee povedenie podrostkov s raznym urovnem osoznannoj samoregulyatsii // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2017. № 2. S. 211-215. EDN: WEWBGI.
41. Matafonova S.I. Dinamika vybora koping-strategii u detei mlashego shkol'nogo vozrasta // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2015. № 12. S. 490-492. EDN: ZFEDYL.
42. Bartosh O.P., Bartosh T.P. Vozrastnye i genderne osobennosti koping-povedeniya podrostkov // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Psichologiya. 2012. № 6 (265). S. 42-46. EDN: OXRGBN.
43. Vetrova I.I. Razvitie regulyatsii povedeniya v podrostkovom vozraste: sootnoshenie strategii sovladaniya, kontrolya povedeniya i psichologicheskikh zashchit // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 339. S. 135-138. EDN: NBINXL.

Differences in divergent thinking and cultural congruence depending on the stage of adolescence

Ganieva Aisylu Munavirovna

Assistant; Institute of Psychology and Education; Kazan (Volga Region) Federal University

Kremlevskaya str., 18, Kazan, Republic of Tatarstan, 420032, Russia

 ganievaaisylu@mail.ru

Abstract. The study involved 108 teenagers living and studying in secondary educational institutions in Kazan, the age of the respondents was 14.73+1.24 years, among whom 42 were female and 66 were male. The first group of adolescents (according to D.B.Elkonin's classification) is younger adolescents aged 13-14 years, the second group is older adolescents aged 15-16 years.

The differences between adolescents were studied using Anova analysis of variance on 13 scales such as: general cultural congruence, including in the fields of study, management, security, social interaction, as well as divergent thinking, flexibility, fluency, productivity, including semantic, non-verbal, symbolic and behavioral. List of methods: L.F. Bayanova, O.G. Minyaev's test "Determining the level of cultural congruence for adolescents"; method X. Zievert "Definition of creative abilities"; methodology of N.A. Baturin, E.L. Soldatova "Diagnostics of divergent thinking". The scientific novelty of the study lies in the fact that divergent thinking has been studied for the first time in the context of cultural congruence of adolescents. The theoretical analysis of the relationship between cultural congruence and

divergent thinking has allowed to establish that there are various approaches regarding the compatibility and indifferent development of these traits in the personality structure. The empirical study examined the degree of cultural congruence and creativity in the context of divergent thinking in adolescents. Significant differences were found, and it was found that the characteristics of cultural congruence and creative thinking among adolescents have significant differences in general cultural congruence and its components in the field of learning, self-organization, social interaction and safe behavior, as well as in divergent thinking.

Keywords: relative thinking, younger adolescence, older adolescence, creative thinking, adolescent, juvenal, teenager, normative behavior, cultural congruence, divergent thinking

References (transliterated)

1. Cazden C.B. *Culturally responsive education: A discussion of LAU remedies*, II / C.B. Cazden, E.L. Leggett. – Cambridge:Harvard University, 1976.
2. Veraksa N.E. Lichnost' i kul'tura: strukturno-dialekticheskii podkhod // *Peremeny*. 2000. № 1. S. 81–107.
3. Bayanova L.F. K postanovke problemy sub"ekta kul'tury v psikhologii // *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. 2012. T 29, № 3. S. 294–299.
4. Bayanova L.F., Popova R.R., Veraksa A.N., Bukhalenkova D.A. Executive functions of preschoolers with different levels of cultural congruence // *International journal of early years education*. 2020. P. 4–16. DOI: 10.1080/09669760.2020.1779040.
5. Bayanova L.F. Kul'turnaya kongruentnost' doshkol'nika v normativnoi situatsii i vozmozhnosti ee issledovaniya // *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie. Teoriya i praktika*. 2013. № 4. S. 70–75.
6. Bayanova L.F., Ganieva A.M. Kreativnost' i kul'turnaya kongruentnost' podrostkov. // *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*. 2023. № 4. C. 16-24. DOI: 10.11621/npj.2023.0402
7. Bayanova L.F. Vliyanie kul'turnoi kongruentnosti na lichnostnye svoistva podrostkov // *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal*. 2018. T. 131, № 6. S. 192–195.
8. Bayanova L.F. Osobennosti pravil v normativnoi situatsii mladshikh shkol'nikov // *Nauchnyi pedagogicheskii i psikhologicheskii zhurnal Obrazovanie i samorazvitiye*. Kazanskii (Privolzhskii) federal'nyi universitet. 2014. T. 41, № 3. S. 73–78.
9. Popova R.R. Psichologicheskie osobennosti raspoznavaniya emotsi u doshkol'nikov pri raznom urovne kul'turnoi kongruentnosti // *Psichologicheskie issledovaniya*. 2018. T. 11. № 61. S. 6–19.
10. Chulyukin K.S. Sposobnosti k tvorcheskому myshleniyu i otnoshenie k pravilam v predpodrostkovom vozraste // *Psichologicheskie issledovaniya*. 2021. T. 14, № 80, C. 7–19.
11. Guilford J. P. Creativity // *American Psychologist*. 1950. No. 5 (9). P. 444–454.
12. Torrance E.P. *Guiding creative talent*. New Jersey: Englewood Cliffs, Prentice – Holl, 1964.
13. Williams F. E. *Creativity assessment packet (CAP): manual*. New York: D.O.K. Publishers, Inc., 1980.
14. Soldatova E.L. Proektivnaya metodika diagnostiki divergentnogo myshleniya // *Nauchno-metodicheskii zhurnal «Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya»*. 2005. T 3, № 2. S. 119–125.

15. Baturin N.A., Soldatova E.L. *Proektivnaya metodika diagnostiki divergentnogo myshleniya*. Rukovodstvo. Chelyabinsk, 2014.
16. Zivert Kh. *Testirovaniye lichnosti*. – M.: AO «Interekspert», 1998.
17. Dorfman L. Ya. Cherty lichnosti v integratsii distsiplinirovannosti s kreativnost'yu // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psichologiya. Pedagogika»*. 2021. № 4. С. 381–390.
18. Fedorova A. A. Svyaz' kreativnosti, tsennostei i konfliktnogo povedeniya sotrudnikov // *Psichologiya. Zhurnal VShE*. 2019. № 1. S. 191-203. DOI: 10.17323/1813-8918-2019-1-191-203.
19. Rosenbaum G., Venkatraman V., Steinberg L. and Chain J. Are teenagers always at greater risk than adults? Intrasubject study of the influence of context on the decision-making process. *Square One*. 2021. Pp. 68–76. DOI: 10.17759/e0255102.
20. Fairchild G., Toski N., SalliK., Sonuga-Bark E.J.S., Hagan K.S., Diciotti S., Gudayer I., M., Calder A.J., Passamonti L. Mapping the structural organization of the brain in behavior disorder: repetition of the results in two independent samples. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2016. No. 57 (9). Pp.1018–1026. DOI: 10.1111/jcpp.12581
21. Kleibeuker S.W., Stevenson C.E., van der Aar L., Overgaauw S., van Duijvenvoorde A.C., Crone, E.A. Training in the adolescent brain: An fMRI training study on divergent thinking. *Developmental Psychology*. 2017. No 53 (2). Pp. 353–365. DOI: 10.1037/dev0000239.

Investigation of the influence of graphical interface elements on the reading of visual information

Zolotarev Konstantin Ivanovich

Graduate student; Institute of Civil Engineering; Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

195251, Russia, city, Saint Petersburg, Politehnicheskaya str., 29

 koszolot.ru@gmail.com

Borevich Ekaterina Vladislavovna

Senior Lecturer; Institute of Civil Engineering; Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

195251, Russia, city, Saint Petersburg, Politehnicheskaya str., 29

 plasma5210@mail.ru

Nikitina Tatiana Aleksandrovna

PhD in Technical Science

Associate Professor; Institute of Civil Engineering; Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

195251, Russia, city, Saint Petersburg, Politehnicheskaya str., 29

 nik_tatiana@mail.ru

Yanchus Viktor Edmundasovich

PhD in Technical Science

Associate Professor; Institute of Civil Engineering; Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

195256, Russia, city, Saint Petersburg, ave. Nauki, 14, office. 49

✉ vic.phd.2019@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of how users perceive interfaces designed for remote control of dynamic objects, such as drones and autonomous robots. The object of the study is the user interface of a remote dynamic object control system, and the subject is UX design tools for creating a graphical interface for such systems. The purpose of the work is to establish how color, location (top or left), type (textual or iconographic) and the presence of background (backing) of the controls affect the speed of finding the necessary information by the user in the interfaces of remote control of dynamic objects. The study used the technology of eye-tracking to objectively assess the differences in visual perception of selected interface parameters. Statistical multivariate analysis of variance (ANOVA) was used in data processing. Thirty-eight subjects participated in the experiment. The results showed that the color, location and type of controls significantly affect the speed of information retrieval. Red buttons solved the task faster than blue buttons, as did iconographic controls compared to textual controls. At the same time, it was found that all the highlighted parameters influence each other's perception. The results obtained can be used in the design of interfaces for aircraft and robotics systems, as well as for other highly loaded control environments. The novelty of the work lies in the complex analysis of interface parameters and their influence on the cognitive load of the user. The results of the study confirm that the correct choice of color, location and type of control elements increases the speed of problem solving (finding the necessary element), which is important for creating ergonomic design of interfaces of dynamic control systems.

Keywords: oculomotor activity, reaction time, visual perception, UX research, human-machine interaction, oculography, interface ergonomics, eye-tracking technology, user interface, visual information

References (transliterated)

1. Zybin, E. Yu., Kos'yanchuk, V. V., Zemkin, V. A. Aviatsionnye cheloveko-mashinnye interfeisy: sostoyanie i perspektivy razvitiya // Aktual'nye problemy psikhologii truda, inzhenernoi psikhologii i ergonomiki. Moskva : Institut psikhologii RAN, 2021. S. 211-230.
2. Choi, J.-K., Kwon, Y.-J., Jeon, J., Kim, K., Choi, H., Jang, B. Conceptual Design of Driver-Adaptive Human-Machine Interface for Digital Cockpit // 2018 International Conference on Information and Communication Technology Convergence (ICTC), Jeju, Korea (South), 2018. S. 1005-1007. doi:10.1109/ICTC.2018.8539644.
3. Endsley, M. R. Toward a theory of situation awareness in dynamic systems // Human factors. 1995. T. 37, № 1. S. 32-64. doi:10.1518/00187209577904954.
4. Wickens, C. D. Multiple Resources and Mental Workload // Human Factors: The Journal of the Human Factors and Ergonomics Society. 2008. T. 50, № 3. S. 449-455. doi:10.1518/001872008X288394.
5. Parasuraman, R., Riley, V. Humans and automation: Use, misuse, disuse, abuse // Human factors. 1997. T. 39, № 2. S. 230-253. doi:10.1518/001872097778543886.
6. Manoochehri, M. Up to the magical number seven: An evolutionary perspective on the

- capacity of short term memory // Heliyon. 2021. Т. 7, № 5.
doi:10.1016/j.heliyon.2021.e06955.
7. Singh, H., Singh, J. Human eye tracking and related issues: A review // International Journal of Scientific and Research Publications. 2012. Т. 2, № 9. С. 1-9. URL: <http://www.ijsrp.org/research-paper-0912.php?rp=P09146>.
 8. Yanchus, V. E. Informatsionnaya model' vospriyatiya vizual'noi informatsii chelovekom // Trudy Mezhdunarodnoi konferentsii po komp'yuternoi grafike i zreniyu "Grafikon". 2023. № 33. С. 969-975. DOI: 10.20948/graphicon-2023-969-975. URL: https://www.graphicon.ru/html/2023/papers/paper_101.pdf.
 9. Horizontal Attention Leans Left // Nielsen Norman Group. URL: <https://www.nngroup.com/articles/horizontal-attention-leans-left/> (data obrashcheniya: 29.01.2025).
 10. Akramov, Sh. U., Romanova, A. N., Zyuzina, A. I. Zakonomernost' Millera ili predely kratkovremennoi pamyati cheloveka // Vestnik Kaluzhskogo universiteta. 2022. № 3(56). С. 39-44. DOI: 10.54072/18192173_2022_3_5_39.
 11. Schiffman, Kh. R. Oshchushchenie i vospriyatie. 5-e izd. SPb.: Piter, 2003. 929 s.
 12. Yanchus V.E., Borevich E.V., Avdeeva A.A. Primenenie tekhnologii ai-trekinga v voprosakh issledovaniya vospriyatiya graficheskoi informatsii // Programmnye sistemy i vychislitel'nye metody. 2021. № 1. С. 53-62. DOI: 10.7256/2454-0714.2021.1.33378 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33378
 13. Goodman, S. N. Aligning statistical and scientific reasoning // Science. 2016. Т. 352, № 6290. С. 1180-1181. doi:10.1126/science.aaf5406.
 14. Kulaichev, A. P. Metody i sredstva kompleksnogo analiza dannykh. INFRA-M, 2006. 512 s.